СОДЕРЖАНИЕ

СТАТЬИ

СООБЩЕНИЯ

ИСТОРИЧЕСКИЕ ЗАМЕТКИ

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ

Критические статьи и обзоры

Рецензии

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПРАВОЧНИК

ХРОНИКА

СТАТЬИ

ПРЕДМЕТ И ЗАДАЧИ ИСТОРИЧЕСКОЙ ГЕОГРАФИИ

В. Яцунский

I

Историческая география как отрасль исторического знания существует уже несколько столетий. Основателем исторической географии у немецких географов и историков (в научной литературе других стран этот вопрос до недавнего времени, можно сказать, почти совсем не ставился) давно уже принято считать Клювера (Clüver), бывшего профессором в известном Лейденском университете в Нидерландах в первой четверти XVII столетия.

Уже в 1785 г. в этом смысле высказался Геерен (Heeren) в коллективном курсе исторической географии античного мира[1]. Клювера основателем исторической географии назвал в 60-х годах XIX в. Бурсиан[2], в 80-х годах — Виммер[3]. Особенно же упрочилось это мнение после появления в 1891 г. небольшой, но содержательной монографии о Клювере проф. Парча (Partsch) «Philipp Clüver der Begründer historischer Länderkunde». Так, со ссылкой на Парча о Клювере как основателе исторической географии говорится в известной книге проф. Геттнера (Hettner) «Die Geographie, ihre Geschichte, ihr Wesen und ihre Methoden», вышедшей в 1927 году[4]. В нашей литературе это мнение было повторено в 1927 г. Рудницким в небольшой компилятивной статье «Про становище історичної географії в системі сучасного землезнання»[5] и совсем недавно проф. Будановым в «Методике географии»[6].

Бельгийский профессор Ван дер Линден (Van der Linden) во вступительной речи при открытии первого международного конгресса по исторической географии в 1930 г. выступил с иной точкой зрения: он указал на Ортелия, знаменитого фламандского географа второй половины XVI в., автора первого в мире исторического атласа, как на «предтечу исторической географии». Аналогичное мнение высказал в 1935 г. проф. Альмаджа (Almagia), крупный итальянский специалист по истории географической науки, характеризовавший Ортелия как «одного из основателей исторической географии». Совсем недавно, в 1938 г., американец Барнес (Barnes) в книге «A history of historical writing» отметил, что уже английский историк и географ XII в. Гиральд Кембрийский (Giraldus Cambrensis) «занимался также исторической географией».

Я не имею возможности в рамках настоящей статьи подвергнуть

---

1 См. «Handbuch der Alten Erdbeschreibung von d'Anville zum Gebrauch seines Atlas Antiquus in 12 Landkarten», verfasst 1 Europa.

2 Bursian «Geographie von Griechenland».

3 Wimmer «Historische Landschaftskunde». Innsbruck. 1885.

4 Есть русский перевод.

5 Напечатано в «Записках Історично-філологічного відділу» Украинской академии наук. Кн. 13—14-я. 1927.

6 Вышла в свет в 1939 году.

специальному научному исследованию вопрос о времени возникновения исторической географии [1]. Но, во всяком случае, приведенные только что высказывания историков и географов позволяют утверждать, что историческая география в Западной Европе существует уже более трех столетий, даже если вести ее начало от Клювера. В нашей стране история ее развития короче, соответственно более молодому возрасту русской исторической науки, но все же и у нас начатки исторической географии имеются уже у Татищева, а с работ Надеждина наши дореволюционные историки обычно уже датируют начало развития у нас исторической географии как специальной дисциплины [2]. Таким образом, и в нашей стране историческую географию нельзя считать особенно молодой наукой.

За несколько столетий существования исторической географии накопилось и весьма много трудов в этой области. На международных исторических конгрессах обычно организуется специальная секция по исторической географии. Такая секция, как правило, создается также и на международных географических конгрессах. А в 1930 г. в Бельгии был созван даже специальный международный конгресс по исторической географии, на котором присутствовали ученые из Бельгии, Франции, Германии, Англии, Италии, Испании, Голландии и Польши. Судя по отчетам в научной прессе [3], на конгрессе в 7 секциях было прочитано 55 докладов и конгресс прошел весьма оживленно.

За последние годы в зарубежных странах интерес к исторической географии заметно усилился. Число работ возросло. Курс исторической географии читается во многих высших учебных заведениях.

Таким образом, историческая география является старой научной дисциплиной с обширной литературой, и притом дисциплиной, интерес к которой растет.

Если мы обратимся, однако, к историко-географической литературе, то мы найдем там весьма значительное разнообразие мнений по вопросу о содержании понятия «историческая география». Это разнообразие мнений ярко выразилось в той дискуссии о предмете исторической географии, которая была организована в 1932 г. в Лондоне исторической и географической ассоциациями [4]. К этому надо добавить, что конкретные работы по исторической географии часто находятся в противоречии с теми определениями предмета исторической географии, которые дают сами их авторы [5]. Иногда, чтобы выйти из создавшегося затруднительного положения, авторы дают два определения — одно более широкое, а другое более узкое и соответствующее их изложению. Так, например, поступил С. М. Середонин в своем курсе исторической географии России. Надо при этом заметить, что содержание его книги уже даже его более узкого определения.

В результате такого положения историческая география еще до первой мировой войны приобрела репутацию науки с весьма неопределенным содержанием. С. К. Кузнецов свой курс русской исторической географии в Московском археологическом институте в 1907—1908 г.

---

[1] Мнение Барнеса, во всяком случае, неправильно: Гиральд Кембрийский писал географические работы, но историко-географических трудов у него нет. Элементы исторической географии в работах по общей географии раньше всего встречаются у Биондо (Biondo) в «Italia illustrata» в XV в. (о нем см. ниже); впервые же отделил историческую географию от общей Ортелий в XVI веке. Недостаток места не позволяет обосновать это положение.

[2] Например С. М. Середонин и С. К. Кузнецов.

[3] См. «Journal des savants», 1930 год, август—октябрь. «Annales de géographie», 1931 год, от 15 января.

[4] Материалы дискуссии опубликованы в журнале «Geography» № 95. Vol. XVII, part I за 1932 год.

[5] Это можно наглядно видеть на работе Кречмера (Kretschmer «Historische Geographie von Mitteleuropa») (см. об этом ниже).

начал словами: «Едва ли я ошибусь, если скажу, что содержание той науки, которую мне предстоит излагать,— русской исторической географии — крайне неопределенно, самое понятие о ней крайне смутно»[1]

В наши дни тоже раздаются аналогичные отзывы; например в 1932 г. проф. Джилберт (Gilbert) писал в статье «What is historical Geography?»: «Термин «историческая география» не имеет вполне определенного значения для историка и для географа. Работы, обозначаемые этим термином, включают большое разнообразие тем, которые значительно различаются между собою по характеру и цели»[2]. Совсем недавно известный французский медиевист Марк Блок (Marc Bloch) в своей рецензии на коллективный труд английских ученых под редакцией Дарби (Darby) «Historical Geography of England before A. D. 1800» писал: «Наш словарь еще настолько несовершенен, что назвать книгу «Историческая география» — значит рисковать не дать заранее вполне точного представления о ее содержании»[3]. В нашей советской литературе была даже сделана попытка отрицать самую целесообразность существования исторической географии[4].

Вряд ли нужно доказывать, что описанная неопределенность в понимании предмета исторической географии является тормозом для успешной работы в данной области. Но, с другой стороны, простое прибавление еще одного определения к ранее высказанным вряд ли поправит дело. Поэтому мне кажется более целесообразным пойти несколько более сложным путем. Оставив пока в стороне определения предмета исторической географии, предлагавшиеся различными авторами, попробуем выяснить, какое фактически содержание вкладывалось и вкладывается в это понятие авторами историко-географических работ в самых работах, а не в теории.

При систематизации фактического содержания историко-географических работ я буду в своем изложении располагать краткие характеристики отдельных направлений, по возможности, в хронологической последовательности их появления и попытаюсь, насколько это возможно в рамках краткой журнальной статьи, связать эти направления с развитием исторической и географической науки[5].

Такой обзор поможет мне лучше обосновать свои собственные взгляды на предмет и задачи исторической географии, а также представит и некоторый интерес вследствие отсутствия соответствующей сводки как в нашей, так и в зарубежной научной литературе. Естественно, что при обилии накопившейся литературы мне многого придется совсем не касаться и многое лишь затронуть вскользь.

II

Самой элементарной задачей, которая прежде всего встает перед историком-географом, является локализация на карте географических названий прошлого. Он стремится определить места, где жили древние народности, местоположение древних городов, мест сражений и других пунктов, связанных с историческими событиями. Wo es eigentlich gewesen? (Где это, собственно, было?) — так можно определить, перефразируя известное выражение Ранке, ту задачу, которая исторически

[1] Кузнецов С. «Русская историческая география». М. 1910.

[2] В «Scottisch Geographical Magazine» № 3 за 1932 год.

[3] Напечатана в «Annales d'histoire économique et sociale» № 44, за март 1937 года.

[4] См. Саар «Источники и методы исторического исследования». Баку. 1930.

[5] Несмотря на то что историческая география существует более трех столетий и накопила огромный материал, в научной литературе, ни в нашей, ни в зарубежной, нет ни одной попытки изучить историю ее развития в связи с развитием исторической науки и развитием географической науки. Автор данной статьи пробует восполнить этот пробел в подготовляемой им к печати монографии «Историческая география, история ее развития как научной дисциплины, ее предмет и метод».

встала раньше всех других и с постановкой и первыми попытками решения которой и возникает историческая география как наука.

Уже в последней четверти XVI в. Ортелий (Ortelius), работая над картами своего первого в мире исторического атласа, основную задачу видел в том, чтобы помочь своим современникам читать древних авторов [1]. На обложке своего атласа в качестве девиза он поставил слова «Historiae oculus geographia». В тех случаях, когда Ортелий встречал у древних авторов расхождения в названиях, он часто давал соответствующие указания на самой карте.

С целью истолкования древних географических названий и установления их связи с современными ему названиями Ортелий составил историко-географический словарь под заглавием «Thesaurus Geographicus» [2].

Длинный ряд последующих исследователей XVII, XVIII и XIX столетий явился продолжателями дела, начатого Ортелием в двух названных его трудах. В XVII в. на этом поприще выдвинулись Клювер, изучавший географию древней Италии, Сицилии и Германии, и Валуа (Valois), занимавшийся географией древней Галлии. Их работы знатоками исторической географии древнего мира высоко ценились еще и в XIX веке.

В XVIII в. большим авторитетом пользовались работы д'Анвиля (d'Anville), которого Нибур (Niebuhr) называл «великий д'Анвиль, один из величайших гениев мне известных» [3]. В XIX в. широкую известность получил немецкий ученый Генрих Киперт (Heinrich Kiepert), составивший атлас древней Греции, атлас античного мира [4] и ряд карт к древнеримским надписям, изданным Прусской академией наук [5], а также превосходные учебные стенные карты по древней истории, имевшие вплоть до первой империалистической войны широкое распространение также и в нашей стране. Ему же принадлежит и «Lehrbuch der alten Geographie», в основном посвященная изучению античной географической номенклатуры.

Кроме указанных общих работ было написано немало и частных исследований, выяснявших местонахождение того или иного географического пункта прошлого или место, где произошло то или иное историческое событие. В нашей стране уже Татищев ставил и пробовал разрешать вопросы такого характера. В первой книге своей «Истории Российской» он занимается проблемой об «имени, произшествии и обиталище» различных народностей, населявших в прошлом нашу страну. Когда в конце XVIII в. Мусин-Пушкин написал специальное исследование по вопросу «о местоположении древнего российского Тмутороканского княжения» [6], он не был первым исследователем вопроса, ко-

---

[1] Ортелий — фламандский географ второй половины XVI в. (1527—1598) — получил европейскую известность изданием фундаментального географического атласа под названием «Theatrum orbis terrarum», вышедшего в свет в 1570 году. Атлас выдержал 21 издание на латинском языке и по нескольку изданий на французском, немецком, испанском, фламандском, итальянском и английском языках. Вместе с Меркатором Ортелий считается выдающимся представителем фламандской картографической школы. В качестве дополнения к своему географическому атласу Ортелий составил первый в мире исторический атлас «Parergon theatri orbis terrarum». Об Ортелии как географе существует довольно значительная литература (главнейшая указана в работе Багрова (Bagrow) «Abrahami Ortelii catalogus geographorum». Gotha. 1928. Ergänzungsheft 199 zu Petermanns Mitteilungen); наоборот, историко-географические труды Ортелия, имевшие крупнейшее значение в свое время, в литературе XIX—XX вв. научному анализу не подвергались.

[2] Вышел в свет в 1578 г. под заглавием «Synonimia geographica». Во втором издании заглавие было изменено на «Thesaurus Geographicus».

[3] Niebuhr «Vorträge über alte Länder-und Völkerkunde»; д'Анвиль был почетным членом Российской академии наук.

[4] «Formae Orbis Antiqui». Работа окончена его сыном Рихардом.

[5] «Corpus Inscriptionum Latinarum».

[6] Издано в 1794 году.

торый уже до него изучался Татищевым, Прокоповичем, Байером, Щербатовым и Болтиным.

В XIX в. вопросами такого рода занимался у нас уже целый ряд исследователей, например Лерберг[1], Брун[2], и в особенности крупное значение имели труды Н. П. Барсова, составившего «Географический словарь русской земли IX—XIV вв.» и «Очерки русской исторической географии. География начальной летописи». Первая из этих работ по своей структуре похожа на «Thesaurus Geographicus» Ортелия, во второй автор подвергает разбору географические названия, встречающиеся в начальной летописи, определяет местоположение соответствующих пунктов, исследует расселение племен, границы земель и княжений, устанавливает географический кругозор летописца. Карты у Барсова отсутствуют.

Выяснением вопросов древней топографии занимаются и современные советские историки[3].

От определения географического положения мест, замечательных в историческом отношении, естественно было перейти к определению маршрутов исторических путешествий и походов знаменитых полководцев. Географические карты морских путей существовали с давних времен. На них обычно наносились берега тех стран, вдоль которых пролегал путь по морю. Эти карты служили руководством для мореплавателей. Особенное развитие они получили в XIV в. в Италии (так называемые Портоланы). Потом на картах стали обозначать линией и самый путь по морю. В вычерченном на пергаменте географическом атласе Аньезе (Agnese) 1546 года[4] нанесены на карту путь Магеллана и маршрут, по которому испанские корабли плавали в Перу. Для исторических карт этот прием впервые использовал в своем атласе Ортелий, вычертив маршрут путешествия библейского патриарха Авраама. Клювер в своей «Italia antiqua» исследовал, «по какому пути Ганнибал перешел через Альпы»[5]. Широко применил этот прием в своем историческом атласе французский географ Дю Валь, изобразивший пути плавания Одиссея и Энея, маршрут отступления десяти тысяч греков на основании рассказа Ксенофонта и пути походов Александра Македонского[6].

С тех пор изучение исторических путей, в особенности путей передвижения войск, стало обычным в исторической географии. Этому вопросу уделяется внимание и в современных исследованиях не только в странах Европы с их продолжительной военной историей, но и в Америке, история которой гораздо беднее такого рода событиями. В качестве примера можно привести вышедший в 1926 г. в Сан-Паулу в Бразилии «Опыт генеральной карты походов паулистов», составленный Альфоноом де Тоней[7]. Имеются труды на такого рода темы и в советской литературе, например опубликованная в 1937 г. в № 1

---

[1] Лерберг «Исследования, служащие к объяснению древней русской истории». 1819.

[2] Брун «Черноморье. Сборник исследований по географии южной России». 2 тома.

[3] См., например, Кудряшов «Историко-географические сведения о половецкой земле по летописным известиям о походе Игоря Северского на половцев в 1185 г.» в «Известиях Государственного географического общества». Т. 69. Вып. 1-й.

[4] Экземпляр этого атласа хранится в отделе рукописей Публичной библиотеки имени Салтыкова-Щедрина в Ленинграде.

[5] См. Clüver «Italia antiqua», p. 363.

[6] Du Val «Cartes géographiques dressées pour bien entendre les historiens, pour connoistre les entendues des anciennes Monarchies et pour lire avec fruit les Vies, les Voyages, les Guérres et les Conquestes des grands Capitaines». A Paris. 1660.

[7] Affonso de Taunay «Ensaio de carta geral das bandeiras paulistas» (речь идет об экспедициях плантаторов бразильского штата Сан-Паулу для захвата туземцев с целью обращения их в рабство).

«Исторических записок» статья В. Н. Худадова «Отступление десяти тысяч греков от Евфрата до Трапезунда через Закавказье».

От локализации на карте замечательных в историческом отношении мест естественно было перейти к изучению политических границ государств прошлого и тех изменений, которые они претерпели в ходе исторического процесса. Интерес к этому явственно заметен уже у Ортелия, который в своем «Parergon» выделяет границы государств, а иногда указывает и политические деления внутри отдельных стран. Особенное внимание на внутриполитическое деление обратил в XVII в. во Франции Николай Сансон (Nicolas Sanson), от которого французские историки иногда ведут начало исторической географии во Франции [1]. Сансон, однако, как и Ортелий, рассматривал политические границы прошлого в статике, не пытаясь проследить их динамику.

Первая попытка дать такую динамику была сделана в том же, XVII в. во Франции упомянутым выше Дю Валем, племянником и учеником Сансона. Дю Валь вычертил три карты роста территории Римской империи: Imperii Romani Infantia [2], Imperii Romani Adolescentia [3] и Imperii Romani Inventus [4]. В дальнейшем изучение эволюции политических границ стало едва ли не наиболее популярной задачей исторической географии. Особенное внимание этому вопросу уделялось и уделяется во Франции не только в научной, но и в учебной литературе. Со времени Июльской монархии там получили распространение учебники исторической географии, в которых дается изложение истории объединения и территориального роста Франции и изменений в ее административном делении. В научном отношении во Франции очень много сделал в данном направлении в конце XIX в. Лоньон (Longnon) своими кропотливыми изысканиями [5]. В 1881 г. английский ученый Фриман издал написанный в духе этого направления курс исторической географии Европы. Работа Фримана состояла из двух томов — атласа и текста. В ней были показаны все основные изменения в политической и отчасти церковной географии Европы с древности и до XIX в. включительно. Книга Фримана получила большую известность: она выдержала три издания в Англии и была переведена на французский и русский языки. Русское издание вышло под редакцией И. В. Лучицкого в 1892 году. По внеевропейским колониальным странам аналогичный характер носит классический труд немецкого географа Supan'a «Die territoriale Entwicklung der europäischen Kolonien mit einem Kolonialgeschichtlichen Atlas von 12 Karten und 40 Kärtchen im Text». Автор последовательно рассматривает, с географической точки зрения, историю раздела мира между европейскими державами до 1900 г. и дает ряд карт колоний в связи с важнейшими моментами этой истории [6]. В противополож-

---

[1] Например Жюлиан (Jullian) в предисловии к книге Mirot «Géographie historique de la France». Paris. 1930.

[2] В атласе под заглавием «Diverses cartes et tables pour la géographie ancienne, pour la chronologie et pour les itinéraires et voyages modernes». A Paris. 1665.

[3] В атласе, названном выше, на стр. 7.

[4] В атласе под заглавием «Diverses cartes et tables pour la géographie ancienne, pour la chronologie et pour les itinéraires et voyages modernes». A Paris. 1665.

[5] Лоньон является автором «Atlas historique de la France depuis César jusqu'à nos jours» (доведен до 1380 г.); «La formation de l'unité française, Géographie de la Gaule au VI siècle»; «Les noms de lieux de la France» и других работ.

[6] После опубликования труда Supan'a вышло еще несколько крупных работ, ставивших себе целью проследить историю политических границ в колониях и зависимых странах. Наиболее значительными из них являются две работы: трехтомный труд Hertslet «The map of Africa by treaty». London. 1909, в котором автор изучает по договорам между европейскими державами историю раздела Африки, иллюстрируя картами установленные договорами границы, и недавно вышедший труд Ireland Gordon «Bondaries possessions and conflicts in South America». 1938. В последней книге ее автор дает обстоятельную историю границ и конфликтов, связанных с ними, в Южной Америке.

ность книге Фримана, написанной ввиде справочника, у Supan'a монографическое историческое исследование. Эту работу высоко ценил В. И. Ленин, использовавший ее в своем труде «Империализм, как высшая стадия капитализма». В нашей стране еще в 1793 г. была издана «Историческая карта Российской империи», где был представлен территориальный рост России от Петра I до Екатерины II включительно.

В XIX—XX вв. отдельными вопросами истории наших внешних и внутренних границ занимался ряд исследователей. Здесь особенно следует отметить работу Неволина «О пятинах и погостах новгородских в XVI в.». Чаще, однако, такие вопрсcы изучались не в специальных работах, а оказывались в поле зрения ученых или занимавшихся местной историей какой-либо отдельной части нашей страны или исследовавших организацию местного управления; так например М. К. Любавский в работе «Областное деление и местное управление Литовско-русского государства ко времени издания первого литовского статута» целый отдел книги посвятил политической географии Литовско-русского государства в XV—XVI вв.; Ю. В. Готье в качестве приложения к своему исследованию о Замосковном крае в XVII в. составил по писцовым и переписным книгам карту Замосковного края середины XVII в. и дал в качестве комментария к ней перечень станов и волостей, входивших в состав каждого из замосковных уездов; в другом исследовании — «История областного управления в России от Петра I до Екатерины II» — Ю. В. Готье специальную главу посвятил областному делению 1725—1775 годов.

В современной советской исторической литературе изучению истории границ также уделяется внимание. В качестве примера можно привести работу С. В. Юшкова «О границах древней Албании», опубликованную в № 1 «Исторических записок» в 1937 году.

Для определения мест, к которым относятся географические названия прошлого, для изучения границ прежних государств и провинций чрезвычайно ценным источником являются старинные исторические карты. Естественно, что изучение и издание этих карт сделались одной из задач исторической географии едва ли не с самого момента ее возникновения. Уже в конце XVI в. Марк Вельзер, член известной аугсбургской купеческой фамилии и одновременно ученый гуманист, нашел в библиотеке гуманиста Пейтингера древнюю римскую карту, известную потом в науке под названием «Tabula Peutingeriana». Вельзер переслал карту Ортелию в Антверпен для изучения и издания. Ортелий не успел закончить этой работы, и «Tabula Peutingeriana» вышла в свет уже после его смерти[1]. С той поры об этой карте накопилась огромная литература. У нас в СССР над ней работал недавно акад. Я. А. Манандян, изучая торговые пути древней Армении[2].

---

[1] Карта была отпечатана Моретусом. владельцем известной издательской фирмы Plantin'a, под следующим заголовком: «Tabula Itineraria ex illustri Peutingerorum bibliotheca quae Augustae Vindelicorum est beneficio Marci Velseri septemviri Augustiani in lucem edita». Под заголовком было помещено следующее интересное обращение к Вельзеру: «Благороднейшему мужу Марку Вельзеру, септемвиру Аугсбургской республики, шлет привет Иван Моретус, антверпенский типографщик. Эту карту, благороднейший муж, не посылаем к тебе, а возвращаем как воду из твоего источника. Ты послал ее, найденную твоими стараниями среди бумаг Пейтингера, Ортелию (недавно умершему к прискорбию ученых) для издания; следовательно, она возвращается к тебе по праву. Сам Ортелий незадолго до смерти так мне поручал и мое собственное желание и уважение к тебе побуждали к тому же. Итак, прими, если тебе был дорог покойный, последний от него подарок — эту карту, некогда принадлежавшую лично тебе, а ныне благодаря тебе являющуюся общим достоянием. Antverpiae Typographeio nostro, Kal. Decemb. MCXCVIII». Таким образом, следует исправить ошибку, допущенную в только что вышедшей книге О. Л. Вайнштейна «Историография средних веков», где опубликование этой карты приписывается Пейтингеру (стр. 84), умершему за пятьдесят один год (в 1547 г.) до издания карты.

[2] См. его работу «О торговле и городах Армении V—XV вв.». Ереван. 1930.

Особенно широко развернулось издание и изучение старинных карт в XIX веке. В середине века много сделали в этом отношении француз Жомар[1] и португалец Сантарем[2], в конце века — знаменитый шведский исследователь полярных стран и одновременно историк картографии Норденшельд[3]. В настоящее время это дело приняло за рубежом весьма значительный размах. Во многих странах, например в Италии[4], в Чехии[5], в Югославии[6], были изданы «Monumenta cartographica» этих стран. Особенно роскошным по оформлению и исключительным по полноте материала является выпускаемое в Египте Юсуфом Камалем многотомное издание «Monumenta cartographica Africae et Aegypti»[7].

В нашей стране заслуженной известностью пользуется работа В. А. Кордта «Материалы по истории русской картографии» в трех выпусках, вышедших последовательно в 1899, 1906 и 1910 годах. Тем же автором в 1931 г. изданы «Матеріяли до історії картографії України». К этой же группе историко-географических трудов надо отнести и издание «Книги большого чертежа»[8] и карт Ремезова.

III

Изучение географических памятников прошлого как исторического источника, конечно, должно было толкать исследователей к изучению истории развития географических воззрений. С другой стороны, в ту же сторону должно было направлять научную мысль и расширение содержания исторической науки и развитие географии, но понадобилось немало времени, чтобы все эти влияния дали конкретные результаты. Гуманисты рассматривали античную культуру как единое целое, не умея различать в ней периодов развития. Не различали они каких-либо периодов развития и в географической мысли древности.

Содержание исторических трудов XVI—XVII вв. сводилось к изложению одних лишь политических событий прошлого. Положение изменилось лишь в XVIII столетии. В «век просвещения» во Франции буржуазия поставила перед историками более широкие задачи. Как замечает испанский историк Альтамира, XVIII век выдвинул принцип, что «история является не историей правителей, а историей народов»[9]. Зарождается история культуры. Фрере[10] в это время кладет начало изучению истории географических воззрений древности. В XIX в. предметом изучения делается развитие географии в средние века. Польский историк Лелевель, который, по словам Маркса, «сделал гораздо больше для выяснения порабощения своей родины, нежели целая толпа писателей, у которой весь багаж сводится просто к ругательствам по

---

[1] Jomard «Les monuments de la géographie ou recueil d'anciennes cartes européennes et orientales publiées en fac-simile de la grandeur des originaux». Paris 1842—62.

[2] Santarem «Atlas composé de mappemondes et de portulans et d'autres monuments géographiques depuis le VI siècle de notre ère jusqu'au XVII-me». Paris. 1842—53.

[3] Nordenskiöld «Atlas to the early history of cartography». Stockholm. 1889; «Periplus, an essay on the early history of charts and sailings direction». Stockholm. 1897.

[4] «Almagia Monumenta Italiae cartographica». 1930.

[5] «Monumenta cartographica Bohemiae».

[6] Синдик «Старе карте југославенских земаља». Београд.

[7] В продажу не поступает, а рассылается по крупнейшим библиотекам мира. В СССР имеется в Ленинградской Публичной библиотеке имени Салтыкова-Щедрина.

[8] В первый раз была издана еще Новиковым в 1773 г., с тех пор переиздавалась несколько раз.

[9] Altamira «La Ensenanza de la historia», p. 131.

[10] Fréret «Observations générales sur la géographie ancienne». Работа хранилась в бумагах Академии надписей в Париже и опубликована лишь в 1850 г. в «Mémoires de l'Institut national de France. Académie des inscriptions et belles lettres». T. XVI.

адресу России»[1], в эмиграции написал большой труд «La géographie du moyen âge», не утративший своего значения до сих пор[2]. В нашей стране И. Д. Беляев уже в 1852 г. напечатал исследование «О географических сведениях в древней России». С той поры в этом направлении сделано много.

Вряд ли надо доказывать, что история географии — это вовсе не историческая география, хотя, конечно, между этими отраслями знания имеется много точек соприкосновения, и, в частности, географические работы прошлого, подобно старинным картам, часто могут служить историческим источником. Однако историческую географию и историю географии очень часто смешивают, и притом смешивают специалисты, так например С. М. Середонин в своем курсе «Исторической географии» характеризует названную выше статью И. Д. Беляева как работу по исторической географии нашей страны.

Итак, локализация на карте мест, замечательных в историческом отношении, определение маршрутов военных походов, исследование истории политических границ и в связи с этим изучение старинных карт как одного из видов историко-географических источников — вот комплекс родственных по своему содержанию проблем, вставших перед исторической географией с самого начала ее возникновения. Содержание этого комплекса вполне соответствует тем требованиям, которые предъявляет к исторической географии так называемая политическая история.

IV

Следующей проблемой, которую обычно также относят в область исторической географии, является вопрос о населении данной страны в прошлом и его распределении по территории. Этот вопрос не был чужд и ученым XVI—XVII веков. Когда они встречали у античных писателей упоминание о каком-либо народе, они стремились определить место, где жил этот народ, затем они старались, например, дать картину распределения племен и народов по территории древней Галлии, Германии и т. п.

В XIX в. под влиянием национального подъема в Германии и национального возрождения у чехов, хорватов и словенцев, а также и вследствие роста исторических знаний и развития научной лингвистики работа на этом участке исторической географии значительно расширилась и углубилась. Был введен новый источник — данные топонимики.

Стремление к истолкованию значения географических названий существовало уже в древности. В эпоху Возрождения и позднее историки также часто пробовали объяснять географические имена, причем отсутствие у них лингвистической подготовки приводило к самым произвольным выводам. В первой половине XIX в., с ростом научного языкознания, топонимика нашла в нем прочную опору для своих изысканий. Во второй половине века в странах Западной Европы была организована широкая работа по собиранию географических названий. Эта работа продолжается и теперь. В Англии существует специальная научная организация — English place-name Society, издающая систематизированные списки географических названий по графствам. Аналогичные издания существуют в Германии, Франции и некоторых других странах. В Германии издается специальный журнал по топонимике — «Zeitschrift für Ortsnamenforschung», в Бельгии — «Bulletin de la commission de toponymie et dialectologie».

---

[1] К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч. Т. XI. Ч. 1-я, стр. 508.

[2] Почти одновременно выпустил свой труд по истории географии в средние века упомянутый выше издатель средневековых карт Сантарем — «Essai sur l'histoire de la cosmographie et de la géographie pendant le moyen âge». Paris, T. I. 1849, T. II. 1850, T. III. 1852. Этот труд должен был служить комментарием к изданным им картам.

Топонимика — это, конечно, не историческая география, но ее данные широко используются исторической географией. Изучая географические названия, топонимика устанавливает не только их этимологическую структуру и их значение (когда это удается), но также и их принадлежность к тому или иному языку (без этого невозможен филологический анализ). В результате оказывается возможным на основании анализа географических названий какой-либо местности определить, какой народ дал эти названия и, следовательно, заселял эту местность в прошлом. На эту возможность еще в конце XVIII в. обратили внимание в Германии — в Лаузице,— где в журнале «Neuer Lausitzischer Magazin» появился ряд работ местных пасторов, использовавших материал местной топонимики для решения вопроса, были ли первоначальные обитатели Лаузица славянами или германцами [1].

В 1821 г. один из основоположников научной лингвистики, Вильгельм Гумбольдт [2], опубликовал работу «Prüfung der Untersuchungen über die Urbewohner Hispaniens vermittelst der Vaskischen-Sprache», в которой попытался при помощи языка басков подвергнуть анализу географическую номенклатуру Испании с целью определить национальный состав первоначального населения страны. Деятели славянского возрождения рано обратили внимание на этот исторический источник: уже Коллар [3] и Шафарик [4] привлекают его к исследованию. С той поры в Западной Европе в этом направлении было сделано очень много. Выяснился целый ряд методологических трудностей [5], выработаны методы использования данных топонимики; сложились научные направления, накопившие значительную литературу; существуют топонимические атласы, среди которых следует отметить обстоятельный «Atlas nazw geograficznych Słowianszczyzny Zachodniej» Козеровского [6], неутомимого исследователя славянской топонимики Восточной Германии.

Из классиков марксизма вопросами исторической географии интересовался Энгельс, использовавший для некоторых своих работ также и данные топонимики. В статьях «Германские племена» и «Франкский диалект», оставшихся в рукописи после смерти Энгельса и впервые опубликованных лишь в СССР [7], Энгельс дал мастерской набросок географического размещения древнегерманских племен и наречий.

В нашей стране на значение данных топонимики для исторической географии впервые указал более ста лет тому назад Н. И. Надеждин. В своей статье «Опыт исторической географии русского мира» Надеждин писал: «Первой страницей истории должна быть географическая ландкарта не только как вспомогательное средство, чтобы знать, где что случилось, но как богатый архив самых документов, источников» [8]. Он указывает, далее, что для историка важно не значение названия, а определение, к какому языку оно принадлежит, чтобы таким путем определить, какой народ заселял в прошлом данную местность. Сам он на основании анализа названий рек Восточной Европы набросал схему расселения на ней в прошлом славянских и финских племен. В своей статье Н. И. Надеждин, между прочим, упоминает названную выше работу Вильгельма Гумбольдта о древнем населении Испании. Статья Надеждина оказала значительное влияние на русскую историческую гео-

---

[1] См. Egli «Geschichte der geographischen Namenkunde», S. 37. Leipzig. 1886.

[2] Старший брат Александра Гумбольдта, считающегося вместе с Риттером основателем современной географии.

[3] Kollar «Rozprawy o gmienach, počatkach i starožitnostech narodu Slawskiego a geho Kmenu». 1830.

[4] Šafarik «Slovanské starožitnosti». Изд. 1836 и 1837 годов.

[5] Характеристику их см. в капитальном труде Егорова Д. «Колонизация Мекленбурга в XIII в.». Т. I. Гл. IX. Материал топонимистический.

[6] Познань. 1934—1937.

[7] См. К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч. Т. XVI. Ч. 1-я, стр. 376 и 412.

[8] Опубликована в «Библиотеке для чтения» за 1837 год. Т. 22.

графию как с точки зрения метода, так и по тематике. Проблема населения заняла в ней надолго центральное место, например в известной книге Барсова[1] очень много внимания обращено на расселение восточных славян по данным летописи. Курс исторической географии С. И. Середонина посвящен исключительно смене и размещению народов на территории Европейской России от времен Геродота до монгольского завоевания. От проблемы этнографического состава населения наши историки перешли к изучению истории колонизации территории Восточной Европы и Северной Азии русским и украинским народами. На значение колонизации в истории России было указано еще С. М. Соловьевым. Колонизация изучается С. М. Соловьевым с националистических позиций. Этот националистический уклон был свойственен в данном вопросе и многим последующим историкам дореволюционного времени. В нашей историографии много специальных работ посвящено колонизации отдельных частей нашей страны; точно так же большое внимание уделялось ей и в общих курсах. Так например В. О. Ключевский выдвигает колонизацию «как основной факт» русской истории[2]. М. К. Любавский построил курс исторической географии России как историю колонизации[3].

V

Дальнейшей проблемой, которую часто связывают с исторической географией, является исследование влияния природных условий на ход исторического процесса в какой-либо стране.

О влиянии природы на человека и на ход истории рассуждали еще античные писатели. Высказывания на эту тему имеются у Фукидида и Ксенофонта. Страбон успехи римских завоеваний связывает с географическим положением и природой Италии[4]. Влияние природы занимает видное место в историко-социологической теории одного из крупнейших арабских историков — Ибн-Халдуна[5]. В эпоху Возрождения на этом останавливался французский государствовед и историк Боден[6]. В XVIII в. влиянию природы на человеческое общество придавали большое значение Монтескье и целый ряд других мыслителей века Просвещения.

Таким образом, вопрос о «роли географического фактора в истории» — очень старый вопрос. Однако до XIX в. ставился этот вопрос обычно в общей форме и обычно разрешался в смысле признания решающего влияния одного из природных условий — климата данной страны — на психику человека, а через нее и на общество и на весь исторический процесс.

В XIX в., под влиянием знаменитого немецкого географа Риттера, который, по выражению испанского историка Альтамиры, «утвердил изучение географических явлений как элемента социальной истории»[7], проблема получила более конкретную постановку. Природные условия стали изучать как внешнюю обстановку, в которой развивается исторический процесс. Ученик Риттера историк Курциус написал в 1851—1852 гг. монографию о Пелопоннесе, где с искусством художника охарактеризовал всесторонне географию Пелопоннеса и ее влияние на исто-

---

[1] Барсов «Очерки русской исторической географии. География начальной летописи». 1-е изд. 1874 г.; 2-е изд. 1885 года.

[2] Ключевский В. «Курс русской истории». Т. I, стр. 23. 1914.

[3] Любавский М. «Историческая география России в связи с колонизацией». Курс, читанный в Московском университете в 1908—1909 годах. (Литографированное издание 1909 г.)

[4] Страбон «География», стр.286—287. Перевод Мищенко.

[5] См. Беляев «Историко-социологическая теория Ибн-Халдуна». «Историк-марксист» № 4—5 за 1940 год.

[6] Bodin «Six livres de la République». 1576.

[7] Altamira «La ensenanza de la historia», p. 166.

рию этой страны в древности. Однако, как указывает Фютер[1], влияние Риттера захватило лишь немногих историков.

В 80-х годах XIX в., когда уже сформировалась современная география как ветвь естествознания, немецкий географ Ратцель выступил с попыткой построить новую ветвь географической науки — антропогеографию, которая должна была изучать влияние географической среды на социальную жизнь человечества[2].

Во Франции несколько позже Ратцеля со сходной системой идей выступил Видаль де ля Бляш[3]. Его идеи были потом развиты его учениками[4]. Антропогеография, или география человека, как ее называют французы и англичане, получила с тех пор в Западной Европе и Америке весьма значительное развитие. В рамках данной статьи нет ни надобности, ни возможности подвергать критическому разбору буржуазную антропогеографию. Достаточно лишь указать, что ее развитие повлекло за собою не только усиление внимания историков, а также географов к влиянию природы на ход исторического процесса, но и ряд попыток проследить это влияние на конкретных примерах отдельных стран. Особенно часто такие попытки предпринимались в Соединенных штатах[5] — молодой стране с исключительно богатыми природными ресурсами. Причем там наиболее выделяются работы Тёрнера[6], построившего на огромном фактическом материале оригинальную концепцию североамериканской истории, в которой в качестве основного факта североамериканского исторического процесса представлено колонизационное движение на запад и освоение природных ресурсов.

В нашей научной литературе вопрос о влиянии географической среды тоже является старой проблемой, известной уже историкам XVIII в., например Болтину. В XIX в. С. М. Соловьев, слушавший в Берлине лекции Риттера[7], начинает свою «Историю России» с очерка природных условий; он возвращается к их роли и в дальнейшем, приступая к изучению эпохи Петра I. Ученик С. М. Соловьева В. О. Ключевский свой курс также начинает, как известно, с очерка природы Восточноевропейской равнины. Интересно отметить, что и у С. М. Соловьева и, в особенности, у В. О. Ключевского эти вступительные очерки слабо связаны с последующим изложением. Против такого подхода к природным условиям еще в 1864 г. высказался А. П. Щапов. В статье «Этнографическая организация русского народонаселения» он писал: «У нас многокнижные русские истории только в первой главе обыкновенно выскажут несколько слов о русских племенах и народах или просто перечислят только их, так же как только в первой главе скажут несколько слов о русской географии или географическом влиянии на историю,— как будто племена и народы вдруг исчезают потом бесследно с лица русской земли, не оказав никакого влияния на русский народ, на русскую историю, и как будто география не сопутствует потом истории на каждом шагу, в каждой области. Где же земля

---

[1] Fueter «Geschichte der neueren Historiographie». S. 497. 1911.

[2] Основные работы Ратцеля: «Anthropogeographie». Bd. I, Stuttgart. 1882; Bd. II, 1891 и «Politische Geographie oder die Geographie der Staaten, des Verkehrs und des Krieges». München. 1903.

[3] Основные работы Vidal de la Blache—«Principes de Géographie humaine». Paris. 1918 и «Tableau de la Géographie de la France».

[4] О школе Видаль де ля Бляша в советской литературе есть статья И. А. Витвера в «Ученых записках Московского университета». Вып. 35-й.

[5] Здесь надо отметить работы популяризатора идей Ратцеля в англо-саксонских странах. Semple E. «American History and its geographical conditions». 2-е изд. 1933: «The Geography of the Mediterranean region, its relation to Ancient History». 1932.

[6] Основные работы Turner'a «Rise of the New West 1819—1829». N. Y. 1906; «The Frontier in the American History».

[7] См. «Записки С. М. Соловьева», стр. 65.

и люди (разрядка Щапова.—*В. Я.*). Ужели провалились куда-нибудь, а осталось одно государство?»

Сам А. П. Щапов попытался проследить влияние географической среды на русскую историю в статье «Историко-географическое распределение русского народонаселения», где он изучает зависимость от природных условий размещения населения в России. А. П. Щапов считает географическую среду решающим фактором исторического развития. Она определяет, по его мнению, не только хозяйственную жизнь человека, но и его психику, при этом Щапов игнорирует производственные отношения и состояние производительных сил. Географическая среда, по мнению Щапова, воздействует непосредственно на хозяйство и на самую природу человека. В результате А. П. Щапов «приходит к идеализму в понимании истории и принадлежит к той группе материалистов, которые не могли от материалистического взгляда на природу перебросить мост, чтобы по-материалистически объяснить общественные явления»[1].

В наши дни интересную по замыслу попытку проследить систематически влияние природных условий на исторический процесс сделал И. И. Полосин[2], который задачу исторической географии видит именно в разработке данной проблемы.

В тесной связи с проблемой о роли природных условий в историческом процессе стоит вопрос об изучении состояния этих самых условий в прошлом, вопрос о реконструкции того, что немецкий географ Виммер[3] удачно назвал «die historische Naturlandschaft». Вопрос о том, какой была природа данной страны в прошлом, насколько она изменилась, в частности, за тот, с геологической точки зрения незначительный отрезок времени, в течение которого развивалась история человечества,— вопрос этот всегда интересовал ученых-естественников. С точки зрения специалиста по физической географии, задача исторической географии состоит прежде всего в разрешении этого вопроса, а все остальные ее проблемы являются, так сказать, последующими. Историк русской географической науки Л. С. Берг[4] в своем труде параграф, посвященный исторической географии нашей страны, начинает прежде всего с данной проблемы. Специалисты-естественники много работали над выяснением эволюции растительного покрова[5], гидрографии, береговой линии и тому подобными вопросами как у нас, так и заграницей. В качестве материала привлекались источники как естественно-научного, так и исторического порядка.

В меньшей степени этими вопросами занимались историки, опиравшиеся обычно лишь на источники исторические, а иногда использовавшие также труды естественников. В качестве примеров можно указать на Западе Дежардена, который дал подробную и тщательную реконструкцию физической географии Галлии[6], у нас—Замысловского[7], пытавшегося сделать то же самое для Московской Руси XVI в. на

---

[1] Сидоров А. «Мелкобуржуазная теория русского исторического процесса (А. П. Щапов)». В сборнике «Русская историческая литература в классовом освещении».

[2] В курсе лекций по исторической географии СССР, прочитанном И. И. Полосиным в 1939 г. в Московском историко-архивном институте. Курс не опубликован. За предоставление мне возможности ознакомиться со стенограммой лекций приношу благодарность И. И. Полосину.

[3] Wimmer «Historische Landschaftskunde». Innsbruck. 1885. После Виммера термин этот упрочился в немецкой литературе.

[4] Берг Л. «Очерк истории русской географической науки». Ленинград. 1929.

[5] У нас они изучали знаменитую борьбу леса со степью в прямом, а не в переносном смысле слова, как историки.

[6] Desjardins «Géographie historique et administrative de la Gaule Romaine».

[7] Замысловский «Герберштейн и его историко-географические известия о России».

основе данных Герберштейна, а также В. В. Бартольда, изучившего изменения в направлении течения Аму-Дарьи в историческом прошлом [1].

Резюмируя все только что сказанное об изучении в исторической географии изменений географической среды в историческом прошлом и ее влияния на исторический процесс, надо признать, что в области первой проблемы сделано значительно больше чем в области второй.

VI

До недавнего времени вопросы географии производства и географии хозяйственных связей мало привлекали к себе внимание специалистов по исторической географии.

Усиленное внимание историков и экономистов к вопросам экономической истории началось еще в последней трети XIX века. Значительное влияние на западноевропейскую науку в деле усиления ее интереса к проблемам социально-экономической истории оказали работы Маркса. Это не отрицают и сами буржуазные ученые. Характерно в этом смысле признание такого историка, как Допш [2]. Но развитие экономической географии значительно отставало и продолжает отставать и сейчас от развития экономической истории.

Основоположники буржуазной антропогеографии, строя свою систему, обращали мало внимания на проблемы географии хозяйства. Экономисты-географы вместо изучения географии производительных сил и производственных отношений (последней проблемой и сейчас на Западе занимаются мало) продолжали описывать состояние народного хозяйства по отраслям, как это они делали еще задолго до XIX века. Понятно, что при отсутствии экономической географии настоящего не могла сложиться экономическая география прошлого.

Когда крупный исследователь Дежарден в названном выше труде по географии Галлии попытался дать экономическую географию Галлии во времена римского владычества, у него получилась отраслевая характеристика хозяйства Галлии, примерно такого же типа, по какому строились тогда экономико-географические характеристики Франции. Авторам историко-экономических работ не чужда была мысль о необходимости изучения истории хозяйства по районам. Появлялись работы, посвященные хозяйственному прошлому отдельных местностей. Но не было до недавнего времени работ, которые давали бы историко-экономическую географию какой-либо страны.

За последние 15—20 лет экономическая география сделала на Западе значительные успехи. От отраслевых описаний хозяйства центр тяжести перешел к порайонным характеристикам. Экономическая история накопила значительный материал в районном разрезе. В результате в работах по исторической географии делаются попытки построить экономическую географию прошлого. Такую задачу, например, ставит перед собой Ист (East) в своей книге «Historical geography of Europe», вышедшей в 1935 году.

В советской литературе интересные работы по экономической геогра-

---

[1] См. работы В. В. Бартольда «К вопросу о впадении Аму-Дарьи в Каспийское море». «Записки Восточного отдела Русского археологического общества». Т. XIV. Вып. I-й. 1902; «Сведения об Аральском море и низовьях Аму-Дарьи с древнейших времен до XVII в.». «Известия Туркестанского отдела Русского географического общества». IV. 1902; и «К истории орошения Туркестана». СПБ. 1914. Недавно этот вопрос, неоднократно изучавшийся ранее, вновь подвергся исследованию со стороны специалиста по физической географии А. С. Кесь, пересмотревшей на месте весь естественно-исторический материал и использовавшей труды историков. См. Кесь А. «Русло Узбоя и его генезис». 1939. «Труды Института географии АН СССР». Вып. XXX.

[2] См. сборник «Histoire et historiens depuis cinquante ans», изд. французского журнала «Revue historique». T. I, p. 13.

фии нашего прошлого принадлежат покойному П. Г. Любомирову. Наиболее интересной из них по замыслу является его попытка дать для России XVII в. и для России XVIII в. деление на экономические районы[1]. К сожалению, попытка эта имеет эскизный характер.

VII

Если от отдельных проблем, изучаемых исторической географией, перейти к сводным работам, имеющим целью дать историко-географическую характеристику какой-либо страны или территории, то здесь можно констатировать весьма большое разнообразие. Первым трудом такого рода была «Italia illustrata» Биондо, крупного итальянского историка середины XV века[2]. «Italia illustrata»—это порайонное описание Италии. Относительно каждого из описываемых районов Италии Биондо сообщает его местоположение, иногда называет реки, дает характеристику населения в древности, вкратце упоминает о важнейших исторических событиях, происходивших на этой территории, далее, перечисляет города, как исчезнувшие, так и современные, говорит о каждом, чем он замечателен в историческом отношении и чем славится в современную автору эпоху[3]. Карты в работе Биондо отсутствуют. Как видно из этой краткой характеристики, в «Italia illustrata» смешаны факты местной истории с элементами исторической и современной автору географии. Поэтому «Italia illustrata» можно считать зародышем исторической географии. «Italia illustrata» произвела сильное впечатление на современников и потомков.

Как указывает Фютер, в Германии были предприняты окончившиеся неудачей попытки составить в подражание Биондо «Germania illustrata».

Известное произведение английского историка Кемдена (Camden) «Britannia»[4], вышедшее в свет в 1586 г., написано по расширенной и улучшенной схеме сочинения Биондо. У Кемдена есть уже историческая периодизация. Еще в середине XVIII в. эльзасский ученый Шёпфлин (Schoepflin)[5] составил по схеме аналогичный схеме Кемдена двухтомный труд «Alsatia illustrata».

Смешение фактов местной истории с теми или иными элементами исторической географии стало характернейшей чертой общих, сводных работ по исторической географии. Включение фактов местной истории имело и имеет место в историко-географических работах как за рубежом, так и в нашей стране. Больше того: в дореволюционной русской литературе часто к историко-географическим относили чуть ли не большинство работ, посвященных местной истории; так например поступает С. М. Середонин в том параграфе своей книги «Историческая география», где он дает краткий обзор развития исторической географии в на-

[1] См. в Энциклопедическом словаре Гранат (Т. 36. Ч. 3-я) слово «Россия».

[2] Биондо (Biondo) родился в 1392 г., как указывает его новейший биограф Ногара (Nogara). Обычно неправильно считают годом рождения Биондо 1388 год; умер Биондо в 1463 году. Согласно оценке Фютера, к которой присоединяется и советский исследователь О. Л. Вайнштейн, Биондо «сделал для исследования средних веков и древнего Рима больше, чем все современные ему гуманисты, вместе взятые» («Geschichte der neueren Historiographie», S. 109. 1911).

[3] Фютер почему-то считает «Italia illustrata» написанной в форме словаря, чего на самом деле нет. Повидимому, вслед за Фютером это неправильное мнение повторяет О. Л. Вайнштейн (цит. соч., стр 87). Нельзя также согласиться с Вайнштейном, что Биондо был при папской курии чем-то вроде писца. Должности нотариуса папской камеры и «апостолического секретаря», которые занимал Биондо, не были должностями писца, но что папа Николай V держал Биондо «в черном теле»,—это верно. См. Masius «Flavio Biondo, sein Leben und seine Werke», а также Фойгт «Возрождение классической древности».

[4] «Britannia» написана не только под влиянием работы Биондо, но и под влиянием Ортелия, с которым Кемден лично познакомился в 1577 г., во время поездки Ортелия в Англию, и с которым состоял в научной переписке. См. слово «Camden» в «Dictionary of national biography», edited by Leslie Stephen, vol. VIII и Denucé «Oud nederlandsche Kaartmakers in betrekking met Plantijn». T. II, p. 41.

[5] Был почетным членом Российской академии наук.

шей стране. Это, конечно, весьма способствовало тому, что за исторической географией установилась репутация научной дисциплины с неопределенным содержанием.

В конце XIX в., после того как сформировалась современная научная география, появляются попытки построить географию прошлого как систему знаний, аналогичную географии настоящего. В 1876 г. Дежарден поставил перед исторической географией задачу — «изучить страну в продолжение определенного периода ее прошлого по тем же принципам и тому же методу и по тому же плану, как будто дело идет о современной стране»[1]. Дежарден разрешил эту задачу по отношению к римской Галлии на уровне тогдашнего состояния географической науки.

У нас двумя годами ранее Дежардена аналогичные взгляды высказывал Л. Н. Майков[2], но не попытался их осуществить. Попытка реализовать их была сделана Замысловским в книге «Герберштейн и его историко-географические известия о России», вышедшей в 1884 году.

В немецкой науке с конца XIX в.[3] под влиянием Ратцеля и его последователей получило распространение деление содержания исторической географии на три основных раздела: 1) Historische Naturlandschaft, 2) Historische Kulturlandschaft, 3) Historisch-politische Landschaft[4]. Первый термин здесь обозначает историю изменений природного географического ландшафта, о чем я уже говорил выше, третий — наиболее привычную историкам историко-политическую географию,— о ней тоже речь уже шла. Под вторым подразумевается изучение того, как выглядели в прошлом и как были расположены населенные пункты, пути сообщения, поля, сады и т. п. Основной задачей этого раздела является выявление влияния природных условий на размещение хозяйства изучаемой страны в прошлом, а также на нравы и психику ее населения. Однако фактически в немецких работах по исторической географии, в главах, посвященных «Historische Kulturlandschaft», эти задачи обычно в таком объеме не разрешаются. В качестве примера можно указать на солидный труд Кречмера «Historische Geographie von Mitteleuropa», в котором даны для ряда дат краткие общие очерки состояния сельского хозяйства, лесов, горного дела и путей сообщения в Средней Европе почти без указаний, как соответствующие хозяйственные явления распределяются по территории и в силу каких причин это распределение имеет тот или иной вид, т. е., другими словами, в этих очерках как раз географии очень мало.

Оживление на Западе в последние годы интереса к исторической географии опять поставило на очередь проблему сводной историко-географической характеристики страны и притом в том же направлении, в каком ставил ее Дежарден.

На Международном конгрессе историков в Брюсселе в 1923 г.[5] и там же, на Международном конгрессе по исторической географии в 1930 г., Пергамени (Pergameni), президент бельгийского географического общества, выдвинул мысль, что историческая география — это «география человека, перенесенная в прошлое»[6]. Во время органи-

---

[1] Desjardins «Géographie historique et administrative de la Gaule Romaine».
[2] Майков Л. «Заметки по географии древней Руси». СПБ. 1874.
[3] Впервые такое деление предложено, если не ошибаюсь, Виммером в книге «Historische Landschaftskunde». Innsbruck. 1885.
[4] Это понимание исторической географии в послевоенные годы нашло сочувственный отклик также в польской научной литературе. См. Arnold «Geografja historyczna, jej zadania i metody» в журнале «Przeglad Historyczny» за 1929 г. Т. VIII.
[5] См. «Compte-rendu du V congrès international des sciences historiques». Bruxelles. 1923.
[6] «La géographie humaine transportée dans le passé».

зованной в 1932 г. в Лондоне исторической и географической ассоциациями дискуссии по вопросу о содержании и задачах исторической географии [1] Джилберт указал, что основной задачей исторической географии является «реконструкция районной географии прошлого». Из современных работ, написанных в духе этого направления, наиболее интересным является коллективный труд под редакцией Дарби — «Historical Geography of England before A. D. 1800»,— вышедший в 1935 году. Авторы рассматривают изменения в природном ландшафте Англии, составе и распределении ее населения и экономической географии страны начиная с доисторических времен и до XVIII в. включительно. Они используют как письменные источники, так и археологические данные. Для истории заселения используются данные топонимики. При изучении изменений географического ландшафта под влиянием деятельности человека большое внимание уделяется истории осушения болот в XVII—XVIII веках. При изучении экономической географии прошлого они занимаются как географией производства, так и географией торговли. Не забыты и огораживания. Методология книги, обычная для английских исторических работ. Классовая борьба остается вне поля зрения авторов. Книга эта все же, безусловно, является лучшим достижением современной зарубежной исторической географии.

VIII

Остается сказать еще несколько слов об исторической картографии. Начиная с Ортелия и почти до самого конца XIX в. задача составителя исторической карты сводилась к установлению местонахождения замечательных в историческом отношении мест, к фиксации политических границ и их изменений, к установлению расположения и путей передвижения войска. Таково содержание карт известных исторических атласов XIX в.: Шпрунера [2], Дройзена [3], Шрадера [4]. В XX в. появляются специальные атласы по колониальным странам: Джоппена — по Индии [5], Уокера — по Южной Африке [6], Германа — по Китаю [7]. По своему характеру они не отличаются сколько-нибудь существенно от только что названных. К тому же в основном сводится и содержание наиболее распространенных современных школьных исторических атласов Пуцгера [8] и Шепхерда [9], хотя в них имеются и некоторые особенности, в частности в атласе Шепхерда помещены карты торговых путей, типовой план английского манора, историко-этнографические карты, карта налогового обложения в дореволюционной Франции, экономическая карта Англии в эпоху промышленного переворота и некоторые другие.

Развитие научной исторической картографии пошло в XX в. по двум путям: Рихтер [10] в Австрии и Фабрициус [11] в Рейнской области, в Германии, обрабатывая со скрупулезной тщательностью актовый

---

[1] См. выше, стр. 4.

[2] Spruner «Handatläs für die Geschichte des Mittelalters und der neueren Zeit». Атласом Шпрунера пользовался Энгельс, когда писал свою работу «О разложении феодализма и развитии буржуазии». См. К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч. Т. XVI. Ч. 1-я, стр. 443.

[3] Droysen «Allgemeiner historischer Handatlas». 1886.

[4] Schrader «Atlas de la géographie historique». Paris. 1896.

[5] Joppen «Historical Atlas of India». 1-е изд.— 1907; последнее — 1934 год.

[6] Walker «Historical Atlas of South Africa». 1922.

[7] Hermann «Historical and commercial Atlas of China», 1935.

[8] Putzger «Historischer Schulatlas» — очень много изданий.

[9] Shepherd «Historical Atlas» — несколько изданий.

[10] Richter «Historischer Atlas der österreichischen Alpenländer». 1906.

[11] Fabricius «Geschichtlicher Atlas der Rheinprovinz» выходил листами с 1895 года.

материал, стремятся дать чрезвычайно детальные карты административного и церковного деления и населенных пунктов прошлого. В годы мировой войны в Голландии начал выходить отдельными листами составленный подобным же методом «Исторический атлас Нидерландов»[1] под редакцией Бекмана. В послевоенные годы польскими учеными по такому же типу стал выпускаться отдельными листами «Atlas historyczny Polski»[2]. О степени детальности карт в этого типа атласах можно судить по следующему примеру: на карте Краковского воеводства эпохи четырехлетнего сейма (1788—1792) нанесены границы уездов, приходов (кроме более крупных церковных делений), населенные пункты, причем обозначены их размеры (по числу дымов) и социальный характер владений (шляхетские, духовенства, королевские и т. п.), нанесены костелы и монастыри с указанием различных категорий их, суды различных инстанций и другие государственные учреждения, школы, госпитали, крепости, замки, корчмы, мельницы, разработки полезных ископаемых с указанием вида ископаемых, стекольные, железоделательные и бумажные предприятия, дороги с указанием их вида, мосты, перевозы, таможни, леса.

Другое направление в картографии представлено немецким «Geschichtlicher Atlas von Rheinprovinz», изданным в 1926 г. под редакцией Аубина (Aubin), и «Atlas of the historical geography of the United States» под редакцией Поллина (Ch. O. Paullin), изданным в 1932 году. В этих атласах, кроме историко-политических карт, содержится много карт по экономической истории и по истории культуры[3]. Но эти два атласа не отличаются такой степенью детализации, как названные выше.

В нашей стране исторической картографии уделялось мало внимания. Правда, в отдельных научных монографиях имеются превосходные исторические карты, например в трудах Ю. В. Готье[4], М. М. Богословского[5], М. К. Любавского[6]. Но научным историческим атласом мы не располагаем. Из немногочисленных элементарных учебных атласов лучшим надо признать старый атлас Замысловского (последнее издание, 1887 г.). Автор этих строк сделал попытку в 1923—1925 гг. внести в нашу историческую картографию историко-экономические карты изданием атласа по истории народного хозяйства России XVIII—XX веков[7].

Среди исторических карт надо отметить еще особый их вид — карты археологические, имеющиеся как у нас, так и заграницей. Существуют даже специальные археологические атласы.

IX

Беглый обзор состояния исторической географии показывает, что репутация науки с неопределенным содержанием до некоторой степени

---

[1] Beekman «Geschiedkundige Atlas van Nederland».

[2] За присылку материалов по польской исторической географии автор приносит благодарность историческому факультету Львовского государственного университета имени Франко, в особенности заведующему отд. вспомогательных наук проф. Т. Т. Модельскому. Автор благодарит также заведующего библиотекой Каунасского университета тов. Биржишка.

[3] Если судить по опубликованной программе, к этому же типу должен быть отнесен и начавший выходить выпусками в Испании накануне гражданской войны «Atlas historico de la America hispano-portguesa», por J. Dantin Correceda y Loriente Cancio. Вышел, повидимому, только один второй выпуск. Мадрид. 1936.

[4] См. Готье Ю. «Замосковный край в XVII в.» и «История областного управления в России от Петра I до Екатерины II».

[5] Богословский М. «Земское самоуправление на русском севере в XVII в.».

[6] Любавский М. «Областное деление и местное управление Литовско-русского государства».

[7] Издавались учебным отделом Главполитпросвета под названием «Наглядные пособия по истории народного хозяйства России» (с текстом).

заслужена данной дисциплиной, она является следствием ряда причин. Историческая география развивается медленно; до сих пор ею занимались немногие историки и географы, поэтому старое продолжает жить в ней вместе с новым. Кроме того историки слабо знакомы с географией и наоборот. Наконец, понятие экономической географии очень долго отличалось значительной неопределенностью вследствие длительного господства в этой науке так называемого отраслевого направления. И сейчас еще экономическая география не может быть названа вполне сложившейся наукой.

Но, с другой стороны, обзор состояния исторической географии позволяет установить вполне определенную тенденцию в ее развитии. Развитие исторической географии тесно связано с развитием исторической науки и с развитием географической науки. Когда историческая наука сводилась в основном к «действиям королей и полководцев, к действиям «завоевателей» и «покорителей» государств» [1], а в географии наиболее развитыми частями были математическая география и картография, тогда, естественно, содержание исторической географии сводилось к фиксации на карте замечательных в историческом отношении мест, к изучению границ государств и путей походов. Исследование же влияния природы на исторический процесс не могло пойти тогда дальше общих рассуждений, так как в географической науке было чрезвычайно слабо развито исследование самой природы, а в исторической науке отсутствовало изучение экономической истории, на фактах которой влияние географической среды может быть конкретно показано.

Развитие экономической истории, с одной стороны, формирование физической географии как естественно-научной дисциплины и одновременно с этим развитие экономической географии, с другой стороны, не могли не вызвать расширения содержания исторической географии, внесения в нее новых проблем, появления попыток построить историческую географию как систему знания по типу современной географии.

Каково же должно быть содержание марксистской исторической географии? «История развития общества,— сказано в «Кратком курсе истории ВКП(б)»,— есть, прежде всего, история развития производства, история способов производства, сменяющих друг друга на протяжении веков, история развития производительных сил и производственных отношений людей» [2]. Историческая наука «должна, прежде всего, заняться историей производителей материальных благ, историей трудящихся масс, историей народов» [3].

Основной задачей исторической географии должно быть изучение и описание географической стороны исторического процесса. Историческая география, являясь подсобной дисциплиной исторической науки и не претендуя на раскрытие основных закономерностей хода истории, должна на основе периодизации, принятой в исторической науке, дать ряд характеристик экономической и политической географии данной страны или территории на соответствующие моменты времени. Основными элементами названных выше характеристик и описаний должны быть: 1) природный ландшафт данной эпохи, т. е. историческая физическая география, 2) население с точки зрения его народности, размещения и передвижения по территории, т. е. историческая география населения, 3) география производства и хозяйственных связей, т. е. историко-экономическая география, 4) география внешних и внутренних политических границ, а также важнейших исторических событий, т. е.

---

[1] «История ВКП(б)». Краткий курс, стр. 116.
[2] Там же.
[3] Там же.

историко-политическая география. Все эти элементы должны быть изучаемы не изолированно, а во взаимной связи и обусловленности.

Географическая среда, согласно указаниям классиков марксизма, «является одним из постоянных и необходимых условий развития общества», и она оказывает влияние на человеческое общество. Однако «ее влияние не является о п р е д е л я ю щ и м влиянием»[1]. Целиком учитывая это решающее указание марксистской теории, историческая география все же при изучении явлений прошлого должна принимать во внимание и исследовать роль и влияние географической среды на историю общества.

Круг природных ресурсов, вовлекаемых в эксплоатацию человеком, с ходом истории постепенно расширяется. В феодальную эпоху каменный уголь почти не добывался. При капитализме уголь приобрел крупное хозяйственное значение. Нефть стала в значительных количествах добываться лишь со второй половины XIX века. Фосфористые железные руды сделались полезным ископаемым лишь после изобретения томасовского процесса и т. д. С другой стороны, природное явление, вредное на одном уровне хозяйственного развития, может сделаться полезным с появлением новой техники. Водопады до развития гидроэлектростроительства были лишь препятствием для судоходства. Теперь они являются источниками белого угля. Таким образом, роль одной и той же географической среды на разных этапах исторического развития может быть различной. Следовательно, роль географической среды должна в исторической географии учитываться на каждом историческом этапе, а не рассматриваться лишь во введении к дальнейшему изложению.

Как указано в главе IV «Краткого курса истории ВКП(б)», за тот весьма короткий, с геологической точки зрения, период времени, в течение которого развивалась история человеческого общества, коренных изменений географической среды не происходило. Поэтому на первый взгляд может показаться излишним включение в число задач исторической географии также и реконструкции природного ландшафта прошлого. Однако это только на первый взгляд. Во-первых, как указывает тот же «Краткий курс», незначительные изменения географической среды все же имели место и на протяжении исторического периода жизни человеческого общества. Эти изменения в отдельных случаях могли иметь некоторое значение, и нет оснований их игнорировать. К числу таких изменений относятся изменения береговой линии (например образование залива Зейдерзее в Нидерландах в XII—XIII вв.)[2], изменения в направлении течения рек, засорение их устья песком и т. п. В качестве примера изменения течения рек за исторический отрезок времени можно указать на реку Хуанхе. На протяжении китайской истории она много раз меняла свое русло, и устье ее перемещалось на протяжении 700 км, от района Шанхая до района Тяньцзина. Еще в первой половине XIX в. Хуанхе впадала в море к югу от полуострова Шаньдун, но в 1852 г. она прорвала окружающие ее дамбы и, изменив направление своего течения, стала впадать в море к северу от этого полуострова.

Изменения течения реки Хуанхе причиняли населению великой китайской равнины огромные бедствия, так как река при этих изменениях уничтожала тысячи селений и огромные пространства плодородных полей.

Мы должны учитывать, что географическая среда особенно сильно меняется под воздействием со стороны человека. Это воздействие

---

[1] «История ВКП(б)». Краткий курс, стр. 113.
[2] См. D e m a n g e o n «Belgique — Pays Bas — Luxembourg», p. 21.

человека на природу сказалось больше всего на почвенно-растительном покрове. Культурные почвы современной Западной Европы весьма значительно разнятся от тех почв, которыми обладала та же Европа в средние века. Много болот осушено. Истребление лесов — настолько общеизвестный факт, что нет надобности на нем останавливаться. Можно указать еще на прорытие каналов, в том числе таких, как Суэцкий и Панамский.

Особенно крупные изменения природы в результате деятельности человека происходят в нашей стране. Достаточно указать на реконструкцию Волги, которая не только делает Волгу более глубокой, чем создала ее природа, но и сопровождается созданием вдоль нашей великой реки ряда крупных озер-водохранилищ: «Московского моря», «Рыбинского моря» и др.

Изучением размещения населения по территории наша и зарубежная историческая география, как это видно и из сделанного выше краткого обзора, много занималась, и нет надобности пояснять сущность вопроса и способы его исследования.

Что касается географии производства и хозяйственных связей, то это те проблемы, которыми по отношению к настоящему занимается экономическая география. Историческая география должна исследовать эти вопросы по отношению к прошлому. Это самая сложная и трудная задача, но в то же время и самая благодарная задача, так как эти вопросы связывают в единое целое все элементы исторической географии, превращают последнюю из собрания разрозненных фактов, нужных лишь для познания фактов политической истории, в особую ветвь исторической науки.

Как уже указано выше, влияние географической среды на общество может быть изучено лишь через исследование влияния этой среды на хозяйство общества. География населения тесно связана с географией хозяйства. Связь между политическими границами какой-либо территории и ее экономикой также несомненна. При изучении экономической географии прошлого приходится вести исследование как по отраслям хозяйства, так и по районам. Встает сложная задача изучения экономических районов прошлого.

Иногда высказывается мнение, что современные экономические районы являются созданием капитализма (если речь идет о странах капиталистических) и в докапиталистических формациях экономические районы отсутствуют. Конечно, до капитализма районные различия были меньшими, но, конечно, они были, причем даже в весьма отдаленном прошлом. Это доказано целым рядом исторических работ. В качестве одного из примеров можно привести характеристику экономических районов в государстве Саманидов X в. в работе А. Ю. Якубовского «Феодальные общества Средней Азии и их торговля с Восточной Европой в X—XV вв.»[1].

Локализация на карте географических названий прошлого, чему уделяла прежде столько внимания историческая география, конечно, остается необходимой предварительной работой для историко-географических исследований.

Чтобы нагляднее показать содержание исторической географии в предлагаемом здесь ее понимании, обратимся к конкретному примеру — к содержанию исторической географии нашей страны. Само собой разумеется, что в рамках журнальной статьи нет возможности давать развер-

---

[1] См. «Материалы по истории Узбекской, Таджикской и Туркменской ССР». М. 1933.

кутую программу. Я ограничусь лишь краткой характеристикой общей схемы ее построения и двумя конкретными примерами.

Периодизация исторической географии СССР должна быть той же, что и периодизация нашего исторического процесса. Для каждого периода нужно дать картину природного ландшафта, размещения населения и географию народностей, географию производительных сил, производственных отношений и хозяйственных связей, а также указать границы государственных образований на изучаемой территории и в тех случаях, когда это возможно и важно, внутреннее административное деление этих государственных образований.

Все эти элементы рассматриваются в их взаимной связи. Исследование ведется как в целом по территории нашей страны (общая картина размещения населения, сельского хозяйства, промышленности, политических и административных границ и т. п.), так и по важнейшим районам. Естественно, что деление на районы не может быть единым для всей истории нашей страны и для разных моментов исторического процесса оно различно. Было бы неправильно ограничиться одним лишь сопоставлением историко-географических характеристик на ряд дат. Надо показать, как они переходят одна в другую; следовательно, характеристики должны быть динамическими.

Исходя из этой схемы, остановимся на двух конкретных вопросах исторической географии нашей родины: на общей историко-географической характеристике нашей страны в XVIII в. и на исторической географии Центрально-черноземного района в XVI—XIX веках.

Для XVIII в. динамическую историко-географическую характеристику нашей страны придется давать отдельно по следующим, почти не связанным между собою экономически и слабо связанным тогда политически[1] территориям: 1) Восточной Европе и Сибири, 2) Кавказу, 3) Казахстану и Средней Азии.

Историко-географическая характеристика Восточной Европы и Сибири в своей общей, сводной части должна будет рассмотреть изменение политических границ в Восточной Европе, вызванное завоеванием Россией берегов Балтийского и Черного морей вместе с населявшими эти территории народностями и включением в состав Российской империи белорусского и большей части украинского народов. Центр внимания при этом должен быть сосредоточен на самих территориальных изменениях, а не на фактах военного и дипломатического порядка, явившихся непосредственной причиной этих изменений. Внимательному обзору необходимо подвергнуть процесс колонизации юга и востока страны в этом периоде, основание новых городов. Должен быть рассмотрен национальный состав колонистов. Серьезное внимание должно быть обращено на освоение новых, ранее не вовлеченных в хозяйственный оборот природных ресурсов — обширных пространств черноземных почв и ископаемых богатств Урала, Сибири и отчасти также центра и Карелии. Следует остановиться здесь и на научных экспедициях XVIII века. Колонизация и освоение новых природных богатств стоят в тесной связи с изменением государственных границ, но обусловлены они, конечно, далеко не одними лишь этими изменениями, и это должно быть правильно учтено при изучении. Надо дать здесь географию мануфактур XVIII в. (по отраслям промышленности) и объяснить ее. Следует, далее, обратить внимание на процесс складывания различий между потребляющей и производящей полосами. При изучении хозяйственных связей должно остановиться на строительстве каналов.

В области географии производственных отношений главное внимание должно быть обращено на географию крепостного права и геогра-

[1] Присяга части казахских ханов на верность русскому правительству устанавливала чисто номинальную зависимость их от России.

фию барщины и оброка. Последняя должна быть поставлена в связь с процессом складывания потребляющей и производящей полос.

История административного деления XVIII в. также найдет свое место в исторической географии нашей страны. При этом интерес историка-географа — не в изучении органов местного управления, а в изменениях конкретных административных границ.

Для иллюстрации содержания исторической географии какого-либо района остановимся вкратце на задачах изучения в этом отношении Центрально-черноземной области за XVI—XIX века.

Для XVI—XVII вв. основными вопросами исследования этой территории будут ландшафт «Дикого поля» XVI в., направление строительства укрепленных линий в этом «Диком поле», характер и направление колонизации, состояние земледелия, строительство городов и состав их населения.

Для XVIII в. историку придется отметить завершение колонизации и начало превращения этой области в земледельческий центр страны. География земледелия, география социального состава населения, география барщины и оброка, размещение возникающих вотчинных мануфактур, формирование административного деления, устанавливающегося надолго,— вот основные вопросы исторической географии Центрально-черноземной области для этого периода.

Для первой половины XIX в., когда область превратилась в земледельческий центр и житницу страны, главное внимание исследователя будет обращено на географию земледелия и крепостного права, на размещение вотчинных суконных фабрик и сахарных заводов, на географию ярмарок и на географию хозяйственных связей области с соседними территориями и в особенности с Центрально-промышленным районом. Важной задачей будет поуездное исследование динамики распаханности и роста населения области за этот период.

После реформы 1861 г. основным фактором, влиявшим на жизнь области, стало так называемое оскудение центра. Это явление наложило тяжелый отпечаток на географию ее населения и хозяйства. Корни этого оскудения прежде всего лежали в условиях ликвидации крепостного права. Естественно, география этих условий в центральных черноземных губерниях должна быть рассмотрена. С этой географией должно быть сопоставлено размещение пережитков крепостничества в области после 1861 года. Должна быть изучена география динамики посевных площадей, рост которых прекращается, а также география других сельскохозяйственных явлений. Плодородие почв района в эту эпоху начинает истощаться. Это явление также должно быть географически изучено. Конечно, нельзя оставить без внимания географии железных дорог и промышленности. Наконец, должна быть изучена география выхода переселенцев и отхожих промыслов.

Я привел два примера историко-географического изучения нашей страны из эпохи XVI—XIX вв., но можно привести много примеров и из эпох более отдаленных. Укажу хотя бы на неопубликованную работу С. Б. Веселовского, дающую географию феодальной раздробленности в Северовосточной Европе в XIV—XV веках. С. Б. Веселовский составил чрезвычайно интересную карту, подобных которой раньше наша наука не имела.

X

Источником для исторической географии являются прежде всего исторические документы. Специфическим видом этих документов являются старинные карты и старинные географические описания той или иной страны или местности, например сочинения древних географов для

исторической географии античного мира, география Грузии царевича Вахушти для исторической географии Грузии и т. п.

Кроме того источниками для исторической географии являются также археологические данные, в особенности необходимые для реконструкции экономической географии отдаленного прошлого. Для изучения смены народностей на какой-либо территории в далеком прошлом чрезвычайно ценным источником являются данные топонимики. Для реконструкции природного ландшафта необходимо также использование данных естественно-исторического порядка.

Характер источников определяет и метод исследования в исторической географии. Этот метод является прежде всего обычным историческим методом (критика и анализ исторических документов и археологических данных и т. п.).

При изучении исторических источников статистического порядка необходимо применение статистического метода, как это обычно делается в историко-экономических исследованиях. Привлекая данные топонимики, работнику исторической географии, если он не обладает специальной лингвистической подготовкой, приходится пользоваться результатами анализа этих данных лингвистами. При обработке данных естественно-исторического порядка для реконструкции природного ландшафта прошлого необходимо бывает пользоваться методами соответствующих отраслей естествознания.

Историки обычно считают историческую географию вспомогательной наукой. Это едва ли не единственный пункт, где мнения большинства историков сходятся относительно исторической географии. Вспомогательной наукой вместе с палеографией, дипломатикой, сфрагистикой, геральдикой и нумизматикой считает историческую географию Бернгейм (Bernheim) в своем известном «Lehrbuch der historischen Methode». К числу вспомогательных наук ее относят почти все библиографические справочники по истории, как то: издаваемая международным комитетом по историческим наукам «International Bibliography of historical sciences», германский справочник «Quellenkunde der deutschen Geschichte von Dahlmann-Waitz», чешская «Bibliografie české historie Zirbt'a», польская «Bibliografja historji polskiej» и другие. Едва ли не единственным исключением в этом отношении является шведская «Svensk historisk bibliografi 1875—1920» Сеттерваля (Setterwall), помещающая работы по исторической географии в отдел местной истории. Географы обычно не склонны считать историческую географию лишь «служанкой» истории и отводят ей более самостоятельное положение[1].

Традиционное мнение историков в настоящее время, безусловно, устарело. Историческая география, несомненно, развивается в отдельную отрасль исторической науки. Это легко видеть из всего сказанного выше об эволюции ее содержания. В самом деле, такие дисциплины, как палеография, дипломатика или сфрагистика, принято называть вспомогательными науками, потому что результаты их исследований представляют мало самостоятельного интереса, а нужны как вспомогательное средство для исторического исследования в собственном смысле слова. Палеография в первую очередь интересует нас как средство для прочтения древних рукописей, а не как история письма. Дипломатика нужна историку не сама по себе, а для критики документов и т. п.

Пока содержание исторической географии не шло дальше отыскивания замечательных в истории мест и определения границ, результаты

---

[1] См. Kretschmer «Historische Geographie von Mitteleuropa». Einleitung; Oberhummer «Die Aufgaben der historischen Geographie»—доклад, напечатанный в «Verhandlungen des neunten deutschen Geographentages in Wien».

ее работы также имели главным образом служебное значение. Для науки политической истории важно было знать, где находились те места, в которых происходили описываемые ею события и где проходили границы, возникавшие в результате тех войн, которыми политическая история интересовалась. Курсы исторической географии в те времена представляли собою, по существу, справочники, в силу чего они в XVI—XVIII вв. даже составлялись в форме словарей с алфавитным расположением материала. Но и позднее, написанные в форме систематического обзора, эти курсы все же, по существу, походили не на обычные исторические курсы, а на справочники. Достаточно прочитать хотя бы одну главу в таких книгах, как названная выше «Историческая география Европы» Фримана, чтобы убедиться в этом.

Историческая география в том ее понимании, как это развито мною выше, — это уже не собрание сведений справочного характера, а определенная система знания, представляющая самостоятельный интерес.

В область исторических или географических наук следует относить историческую географию?

В основном она обрабатывает историческим методом исторические источники. Очевидно, историческая география — наука историческая. Это давно признают географы, например Оберхуммер (Oberhummer)[1]. Но это не значит, конечно, что работа в данной области является монополией историков. Географы также могут плодотворно работать и работали в области исторической географии. Здесь можно провести аналогию с другой отраслью исторической науки — с экономической историей. После цитированных выше указаний «Краткого курса истории ВКП(б)» вряд ли можно утверждать, что наука экономической истории, или истории народного хозяйства, как ее у нас обычно называют, не является органической частью исторической науки, что работа над ее проблемами не является одной из первоочередных задач историков. Но, с другой стороны, кроме историков, в данной области успешно работают также и экономисты.

Что работа географов над проблемами исторической географии не исключает последнюю из числа исторических наук, на это указывают сами географы, например Оберхуммер говорит, что «географ, как только он покидает область географического исследования и начинает заниматься историей, перестает быть естествоиспытателем и сам становится историком»[2]. Supan, написавший выдающийся труд по истории раздела мира, был крупным специалистом по физической географии, но это обстоятельство не делает его труд работой, не принадлежащей к числу трудов исторических.

Как уже было указано выше, реконструкция природного ландшафта прошлого требует, кроме использования исторических документов, также и привлечения материалов естественно-исторического порядка. В этой области исследователю приходится пользоваться методами естествознания. Поэтому эта работа с бо́льшим успехом может быть выполнена специалистами по физической географии, чем историками. Изучение влияния ландшафта страны на экономическую и политическую географию прошлого — дело исторической географии.

Нельзя закрывать глаза на трудности развития исторической географии в указанном выше ее понимании. Трудности эти больше всего в области экономической географии прошлого. Наибольшая трудность объективного порядка заключается в недостатке документального историко-экономического материала в районном разрезе. Трудности субъективного

---

[1] Oberhummer «Die Aufgabe der historischen Geographie».
[2] Ibidem.

порядка заключаются, с одной стороны, в том, что историческая география привлекала до сих пор мало работников, а с другой — в необходимости для занятия ею сравнительно широкой подготовки со стороны исследователя. Специалисту по исторической географии надо не только знать историю, но и иметь подготовку в области географии. Эти трудности субъективного порядка, конечно, не принадлежат к числу непреодолимых.

Развитие исторической географии в вышеуказанном ее понимании сможет принести большую пользу исторической науке в целом. Исторической науке как целостной системе исторического знания историческая география дает конкретную пространственную локализацию исторического процесса и тем, во-первых, способствует конкретизации и углублению наших представлений о многих сторонах исторического процесса, во-вторых, позволяет уловить и объяснить ряд местных особенностей в его развитии. Это может также избавить от многих неправильных обобщений. Особенно важно это для истории народного хозяйства, где еще В. И. Ленин подчеркивал необходимость порайонного изучения. Развитие исторической географии позволит также исследовать с методологически правильных позиций роль географической среды в конкретном историческом развитии отдельных стран.

Большую роль может сыграть историческая география в формировании экономической географии как научной дисциплины. Экономическая география в настоящее время как научная дисциплина находится еще в процессе становления. Историческая география должна помочь экономической географии в установлении генезиса конкретных экономико-географических районов. Это важно уже само по себе, но это может способствовать также и установлению закономерности в формировании экономико-географических районов.

Историческая география может оказаться полезной и в школьном преподавании истории. До сих пор элементы исторической географии в школьном преподавании были представлены историко-политическими картами. Большой шаг вперед в деле школьной исторической картографии сделан учебником истории СССР под редакцией А. М. Панкратовой, где даны также историко-экономические карты. В этом отношении учебник под редакцией А. М. Панкратовой стоит впереди учебника истории СССР для высших учебных заведений, где историко-экономические карты играют не бо́льшую, а меньшую роль чем в учебнике для средней школы, в то время как можно было бы ожидать обратного.

В учебниках древней истории обычно перед изложением истории древней Греции, Египта и Двуречья даются краткие сведения о природе этих стран. Мне кажется, в этом отношении можно было бы сделать еще один шаг дальше, внеся небольшие элементы исторической географии непосредственно в изложение. В качестве примера, как это делать, можно привести характеристику природы и хозяйства Аттики в старом школьном немецком учебнике Кнейзеля[1]. Насколько конкретнее, живее были бы исторические представления учащихся при таком подходе! Еще в большей степени эти элементы должны быть включены в курсы истории в высшей школе. Когда-то А. П. Щапов протестовал против того, что в современных ему исторических курсах после упоминания в первой главе «земля и люди» куда-то «проваливались» и «оставалось одно государство». Аналогичный упрек предъявляют теперь наши географы историкам. Ю. Саушкин пишет в журнале «География в школе» (№ 4 за 1940 г.) об учебнике истории СССР для высшей школы, что он отличается «почти полным игнорированием роли географической среды в развитии СССР и его отдельных частей; исторические события в этом

[1] Kneisel «Leitfaden der historischen Geographie». Berlin. 1874. Книга представляет собою учебное пособие для гимназий.

курсе, как правило, преподносятся так, как будто они происходили не в определенной конкретной природной обстановке, оказывающей свое влияние на эти события, а в безвоздушном пространстве».

Несмотря на оживление в СССР интереса к исторической географии ею занимаются у нас еще очень мало, гораздо меньше чем в буржуазных странах. Буржуазной исторической географии должна быть противопоставлена марксистская. Историко-географические темы должны быть включены в планы наших научно-исследовательских учреждений, исторических и географических. Особенно актуальным является создание академического исторического атласа СССР. Это большая работа. Исторические атласы за рубежом создавались годами. При осуществлении этой работы надо учесть весь накопленный опыт. Необходимо также организовать собирание, систематизацию и изучение наших географических названий подобно тому, как это сделано в Германии, Англии и Франции. Наконец, историческая география должна получить права гражданства в наших высших учебных заведениях.

От редакции. Необходимо отметить важность вопросов, поднятых в статье тов. В. Яцунского. Положение дела с исторической географией в наших научно-исследовательских учреждениях и высших учебных заведениях совершенно неудовлетворительно.

Редакция журнала считает, что Комитету по делам высшей школы, наркомпросам и университетам следует принять необходимые меры к изменению существующего положения в деле изучения исторической географии в высших учебных заведениях. Наши исторические научно-исследовательские учреждения должны, наконец, внести в свои планы разработку проблем исторической географии.

Редакция просит исторические учреждения и научных работников высказаться по существу вопросов, затронутых в статье тов. Яцунского, и о практических мерах, необходимых для развития научного исследования и преподавания историко-географических знаний в системе исторического образования.

ЗАСЕЛЕНИЕ ЮЖНОЙ УКРАИНЫ В СЕРЕДИНЕ XVIII ВЕКА *

Н. Полонская-Василенко

Хронологические рамки настоящей работы охватывают 1734—1775 гг.: первый год — возвращение запорожцев из-под «крымской протекции» и возобновление прерванных в 1709 г. отношений между ними и царским правительством; последний год — ликвидация Запорожской Сечи, вследствие чего огромные пространства «запорожских вольностей» были включены в состав губерний Российской империи и на их территории стали вводиться общие для всей империи порядки.

Этот период истории Южной Украины, вообще малоизученной, является наименее разработанным в украинской и русской исторической науке.

Первыми крупными работами, посвященными истории Южной Украины, были труды А. А. Скальковского[1]. К этим капитальным работам нужно добавить несколько десятков статей по разным вопросам истории и экономики края, которые автор помещал в журналах и разного рода сборниках в течение всего XIX столетия. Заслуга А. Скальковского перед исторической наукой очень велика. Все работы его были основаны на изучении архивных материалов, часть которых в дальнейшем погибла.

Современный исследователь, отбросив в произведениях Скальковского его монархические и буржуазные концепции, почерпнет огромное количество фактического материала, подаваемого автором ввиде длиннейших цитат из источников, а сплошь и рядом — ввиде полностью перепечатанных документов. Можно смело сказать, что в течение 45 лет Скальковский оставался почти единственным автором, неустанно работавшим над историей края и печатавшим статьи по истории Южной Украины, или «Новороссии», по терминологии того времени. Влияние его было столь велико, что почти все произведения как научного, так и художественного характера, связанные с историей Южной Украины и в частности Запорожья, носили более или менее явные следы его влияния.

Среди очень небольшого числа научных работ, не связанных со Скальковским, нужно отметить «Очерк повествования» Гавриила (Розанова)[2] и страницы, посвященные истории Южной Украины в «Истории России» Соловьева.

С начала 80-х гг. XIX в. оживляется интерес к истории Южной Украины. В 1880 г. вышла книга Феодосия Макаревского «Материалы для

---

* Настоящая статья представляет автореферат докторской диссертации на ту же тему, защищенной автором в Институте истории АН СССР.

[1] «Хронологическое обозрение истории Новороссийского края». Одесса. 1836; «Опыт статистического описания Новороссийского края». Одесса. 1850; «История новой Сечи», Одесса. 1842; 2-е изд. Одесса. 1846; 3-е изд. Одесса. 1885.

[2] Гавриил (Розанов) «Очерк повествования о Новороссийском крае, из оригинальных источников почерпнутый». Тверь. 1857.

историко-статистического описания Екатеринославской епархии» в двух томах[1]. В этом труде помещено много ценных сведений о заселении сел и слобод. Автор цитирует, а иногда приводит и полностью, прошения населения разных сел о постройке церквей, в которых обычно указывается число дворов, людей, откуда они пришли, их национальность и т. д. С 1882 г. А. А. Андреевский печатает ряд статей и материалов, извлеченных из киевских архивов, характеризующих сербскую колонизацию Южной Украины, самих переселенцев, их отношения к местному населению и т. д.[2]. Чрезвычайно важны напечатанные им в «Записках Одесского общества истории и древностей» материалы, касающиеся заселения края с 1715 г. и истории Запорожья[3]. В то же время в «Чтениях Московского общества истории и древностей» печатались воспоминания одного из организаторов сербской колонизации — С. Пишчевича. Ломаным русским языком, но, тем не менее, ярко и живо описывал он самих переселенцев, их командиров (Хорват, Шевич, Прерадович), отношения с русской администрацией и бытовые условия края[4]. Дополнением к этим запискам служили воспоминания сына автора, напечатанные в «Чтениях Московского общества», и отдельные отрывки его воспоминаний, помещенные в «Киевской старине»[5]. Близка к ним по содержанию статья Арсения Иващенкова «Софроний Добрашевич», содержащая интересные сведения о составе новосербского корпуса[6]. Ценный материал заключается в документах, напечатанных Н. Костомаровым,— «Материалах для истории колиивщины»[7] — и в «Переписке гр. П. А. Румянцева о восстании на Украине в 1768 г.»[8]. В них много данных относительно участия населения Новороссийской губернии в колиивщине. Нужно отметить также небольшую, но ценную статью о набеге татар в 1769 г. на Елисаветградскую провинцию (с отрывком из мемуаров барона Тотта)[9]. Очень важным для изучения торговли Новороссийской губернии является труд В. А. Уляницкого[10]. Большой интерес представляют статьи, посвященные истории Запорожья последних лет его существования и заселению Новороссийской губернии, А. Л. Шиманова «Предсмертная поземельная борьба Запорожья»[11] и

---

[1] В заглавии книги автор не назван. «Материалы для историко-статистического описания Екатеринославской епархии». Екатеринослав. 1880.

[2] «Исторические материалы из архива киевского губернского правления». Вып. I—X. Киев. 1882—1885.

[3] «Материалы, касающиеся запорожцев с 1715 по 1774 гг.». «Записки Одесского общества». Т. XIV. То же в отдельном оттиске под заглавием «Материалы для истории южнорусского края в XVIII в. (1715—1774)». Одесса. 1886; «Материалы по истории Запорожья и пограничных отношений». «Записки Одесского общества». Тт. XVI и XVII. Статьи в «Киевской старине»: «Запорожские выборы и порядки половины XVIII в.». Т. VI. 1883; «К истории пограничных наших сношений с крымским ханством». Т. XI. 1885; «Сербы в Киеве». Тт. XI и XII. 1885 (в отделе «Известия и заметки») и более мелкие заметки.

[4] «Известия о жизни и похождениях Симеона сына Степанова Пишчевича». «Чтения Московского общества истории и древностей». 1881—1883 годы. Отдельно. М. 1884.

[5] «Жизнь А. С. Пишчевича им самим описанная». «Чтения Московского общества истории и древностей». 1885; его же «Примечания на Новороссийский край». «Киевская старина» за 1884 год. Т. VIII.

[6] «Софроний Добрашевич, архимандрит Новой Сербии». «Киевская старина» за 1884 год. Т. X.

[7] «Киевская старина» за 1882 год. Т. III.

[8] Там же. Тт. III и IV; 1883 год. Т. VII.

[9] «Записки барона де Тотта о татарском набеге на Ново-Сербию». «Киевская старина» за 1883 год. Т. VII. Еще ранее была напечатана статья студента Татарчевского «Путешествие и деятельность барона Тотта в качестве консула в Крыму в 1767 г.». «Университетские известия Киевского университета» № 10 за 1873 год. В ней заключаются некоторые факты, дополняющие статью в «Киевской старине».

[10] «Дарданеллы, Босфор и Черное море в XVIII в.». Сборник главного архива министерства иностранных дел. Вып. 3—4-й. М. 1883.

[11] «Киевская старина». Т. VII за 1883 год.

А. В. Твердохлебова «Эпизод из предсмертной борьбы Запорожья за свои владения»[1]. Крупное значение имела публикация В. Ястребовым документов из архива крепости св. Елисаветы, касавшихся отношений населения Новой Сербии и Слободского полка[2]. Нужно отметить также исторические предисловия к «Материалам для оценки земель Херсонской губернии», издававшимся Херсонской губернской земской управой. Особенно ценны материалы по Елисаветградскому и Александрийскому уездам[3].

В 1889 г. была напечатана статья Д. Багалея «Колонизация Новороссийского края»[4], которая сыграла видную роль в усилении интереса к истории Южной Украины, но нужно отметить, что особое внимание автор посвятил позднейшей эпохе заселения края — времени после ликвидации Сечи. В начале 90-х гг. под редакцией Д. Багалея были изданы отрывки ценнейшего памятника — путешествия академика Гильденштедта по Южной Украине,— касающиеся Слободской Украины[5]. В 80-х гг. появляется ряд статей, монографий и документов Д. И. Эварницкого, посвященных преимущественно истории Запорожья, но захватывающих вопросы заселения всего края[6]. Особенно важное значение имеют его издания документов, в том числе «Источники для истории запорожских козаков»[7]. В 90-х гг. нужно отметить ряд ценных изданий документов: начато было издание архива Сената — протоколов заседаний, в которых большое внимание уделялось заселению Новой Сербии[8]; очень важны материалы по истории законодательной комиссии 1767 г.— наказы депутатам в комиссию от дворянства Новороссийской губернии, напечатанные в «Сборнике Русского исторического общества»[9]. Нужно отметить также интересную статью Д. П. Миллера «Пикинерия» — о восстании пикинеров[10]. Ценный материал содержат документы, напечатанные Н. Н. Терновским «К истории Запорожского края», но напечатаны они небрежно и помещены в малоизвестном органе[11].

По существу, если не считать более мелких статей, этим ограничивается важнейшая литература, посвященная вопросу о заселении Южной Украины рассматриваемого периода.

---

[1] «Киевская старина». Т. XVI за 1886 год.

[2] «Записки Одесского общества». Т. XV.

[3] «Материалы для оценки земель Херсонской губ. Елисаветградский и Александрийский уезды». Т. II, 1886 г. и Т. III, 1888 год. Херсон.

[4] «Киевская старина». Т. XXV за 1889 год. В 1920 г. была издана в Харькове в украинском переводе под заглавием «Заселення Південої України».

[5] Харьковский сборник 1891 года. К большому сожалению, труд академика Гильденштедта «Reisen durch Russland», изданный в 1791 г. на немецком языке, остается до сих пор не переведенным на русский язык. Между тем в нем заключается материал исключительной ценности, освещающий историю, этнографию, экономику Новороссийской губернии 1774—1775 годов. В 1879 г. был напечатан отрывок в «Записках Одесского общества». Т. XI; в 1884 и 1889 гг. сильно сокращенный отрывок был помещен в газете «Елисаветградский вестник».

[6] «Жизнь запорожских козаков». «Киевская старина». Т. VII за 1883 год. «Число и порядок запорожских сечей», там же. Т. VIII за 1884 год; «Топографический очерк Запорожья», там же. Т. IX за 1884 год; «Остров Хортица», там же. Т. XIV за 1886 год. Отдельными изданиями вышли: «Запорожье в остатках старины и преданиях народа». СПБ. 1888; «Очерки по истории Запорожья и Новороссийского края». СПБ. 1889; «Вольности запорожских козаков». СПБ. 1898; «История запорожских козаков». Тт. I—III. 1890—1897. Кроме того тому же автору принадлежит ряд статей и заметок по истории Запорожья и Южной Украины, напечатанных в «Историческом вестнике», «Русской мысли» и многих местных изданиях и газетах. Последний крупный труд автора по топографии Запорожья был издан в 1926 г.— «Дніпрові пороги».

[7] «Сборник материалов для истории запорожских козаков». СПБ. 1888; «Источники для истории запорожских козаков». Владимир. 1903. Тт. I—II; «Две поездки в Сечь Яценка-Зеленевского». Екатеринослав. 1915. «До історії степової України». Дніпроп. 1929.

[8] «Сенатский архив». Тт. VIII—XV. СПБ. 1897—1911.

[9] «Сборник Русского исторического общества». Т. 93. СПБ. 1894.

[10] «Пикинерия». «Киевская старина». Т. 67 за 1899 год.

[11] «Вестник Екатеринославского земства» за 1904—1905 годы.

К этому нужно добавить, что большинство существующих работ главное внимание уделяло внешней истории края, но не касалось заселения, быта населения, положения крестьян — главных деятелей заселения Южной Украины.

★

Настоящая работа основана преимущественно на архивных материалах, в общей массе своей не изученных до нашего времени. Первое место среди них принадлежит Днепропетровскому областному историческому архиву. В нем находятся два ценнейших фонда, относящихся к рассматриваемой поре: фонд канцелярии Новосербского корпуса и фонд Новороссийской губернской канцелярии с момента основания ее. Большой исторической ценности материалы находятся в Симферополе — в Центральном архиве (архив бывшего Таврического управления государственными имуществами). Там оказался фонд екатеринославской казенной палаты и межевых экспедиций. В нем заключались материалы по отводу земли разным лицам и слободам: прошения об отводе, ордера об отводе, донесения ревизоров, проверявших, заселены ли земли, отчеты межевых экспедиций, ведомости о заселенных и незаселенных землях, жалобы на захват земель и т. д. Часть этого ценного архива (первые по счету и хронологии связки) погибла во время пожара в 1917 году.

Много ценных материалов находится в архивах Киева. В Центральном Архиве древних актов находятся фонды киевской губернской канцелярии и войсковой генеральной канцелярии. Первая из них была особенно тесно связана и с Запорожьем и с Новой Сербией. Здесь находятся много административно-военных распоряжений, сведений об иностранной колонизации, жалобы новых поселенцев и запорожцев, материалы для истории гайдамацких набегов. Еще больше материалов заключает рукописное отделение библиотеки Академии наук УССР; к нему перешли богатейшие собрания рукописей Духовной академии и Киевского университета, в том числе собрания А. М. Лазаревского, М. О. Судиенко, Г. А. Полетики, а также архив крепости св. Елисаветы. Последний представляет исключительный интерес по богатству и разнообразию материала: в нем отражена вся жизнь страны, ее администрация, экономика, культура, быт. Несмотря на это фонд этот остается неупорядоченным (нет описи) и, по существу, очень мало использован историками.

Много материалов содержит собрание рукописей бывшего Одесского общества истории и древностей, хранящееся в Одесском государственном историческом музее. Там имеется несколько тысяч документов в оригиналах и копиях, среди них такие интересные документы, как переписка Н. И. Панина по поводу организации Новороссийской губернии, комментарии к «Плану о заселении Новороссийской губернии» 1764 г., ведомости и т. д.

Много ценных материалов содержит Московский исторический архив Главного штаба (бывший Лефортовский архив). В нем хранятся ценные ведомости о заселении края и раздачах земли, ведомости, приготовленные для Потемкина при его вступлении в должность генерал-губернатора в 1774 г., а также разного рода переписка по поводу заселения края.

Интересные и ценные материалы находятся в «Запорожском архиве», из которого когда-то черпал свои материалы Скальковский. С тех пор, в сущности, архив этот остается неиспользованным. Среди массы ценнейших документов, освещающих положение Запорожья в XVIII в., имеется много документов, относящихся и к истории заселения Южной Украины.

★

Пребывание запорожского коша «под крымской протекцией» после участия запорожской старшины в измене Мазепы мало отразилось на положении «запорожских вольностей». Здесь, в степях, осталось прежнее население: по подсчету А. А. Русова, в 30-х гг. XVIII в. в северной части правобережного Запорожья было около 40 селений.

Во время отсутствия запорожцев северная часть территории интенсивно заселялась казаками и посполитыми Миргородского и Полтавского полков. Здесь летом они выпасали скот и косили сено и постепенно начинали оседать на более прочное жительство, основывали хутора и слободы. В 20-х и 30-х гг. XVIII в. к югу от р. Тясмина известно уже немало слобод и местечек. На интенсивность заселения края влияло и то обстоятельство, что к 30-м гг. XVIII в. истекал срок «слобод», которыми польские паны соблазняли крестьян селиться на запустевших землях Правобережной Украины, доставшихся Польше после Прутского похода. По истечении льготных лет здесь снова стало укрепляться крепостное право, и народ начал бежать из Правобережной Украины.

Возвращение запорожцев в 1734 г. не внесло ничего нового в положение населения северных окраин «запорожских вольностей»: интенсивного хозяйства запорожцы не вели, земли было много, и, по их словам, ее всем хватало. Положение резко изменилось с 1740 года. Белградский мир и последовавший за ним «Инструмент» закрепили за Российской империей всю землю, занятую запорожцами. В связи с этим темпы заселения края усиливаются, принимаются также меры к освоению территории русским правительством. Для этого строятся новые форпосты, укрепления, выдвигаются военные кордоны. На левобережной стороне Южной Украины в 1731 г. проводится украинская линия крепостей и селятся возле них ландмилицкие полки и однодворческие слободы. В самом Запорожье вырастает Новосеченский ретраншемент с постоянным комендантом, строятся и укрепляются Богородицкий ретраншемент, Старосамарский городок. На правобережной части Южной Украины выдвигаются форпосты к югу от р. Тясмина, по рекам Синюхе, Бугу. Под защитой форпостов быстро растут слободы. Заселение их поручается осадчим, которые строят слободы, принимают на поселение людей, идущих из-за границы, а также, под рукою, и выходцев из Левобережной Украины, где быстро развивается процесс закрепощения посполитых. Начинается понемногу продвижение на юг помещиков — украинской старшины и русских офицеров. В то же время Миргородский и Полтавский полки начинают хлопотать перед царским правительством о закреплении за ними территорий, занятых казаками и посполитыми их полков: в результате их просьб были присоединены к Миргородскому полку местечко Крылов, с. Цибулев, Андрусовка, а к Полтавскому — Мишуринрог, Усть-Самара, Ненасытецкий ретраншемент и другие.

С этого времени начинается борьба запорожцев с русским правительством за земли. Не препятствуя никому селиться на их землях, запорожцы не допускали, чтобы на них существовала чья-либо власть, кроме власти коша. Теперь рядом с нею вырастает авторитет миргородского и полтавского полковников. Запорожцы начинают добиваться возвращения им занятых земель, опираясь на привилегии Стефана Батория и универсал Богдана Хмельницкого. С другой стороны, начальство полков и слобод возбуждает жалобы против запорожцев, к которым бегут люди из новых слобод, а равно и из Левобережной Украины и Слобожанщины. Таковы были отношения между запорожскими казаками и русским правительством в середине XVIII века. Ожидания русского правительства, что вернувшиеся на прежние места запорожцы будут служить надежным заслоном южных границ государства на случай нападения врагов, не оправдались. Дальнейшие отношения между ними

и русским правительством развивались в атмосфере взаимного недоверия и возрастающей враждебности.

При наличии всех этих обстоятельств было вполне естественным, что царское правительство охотно приняло предложение сербских офицеров, служивших в Австрии, переселиться в Россию и образовать военные поселения. Группа сербов с полковником Хорватом во главе обратилась к русскому послу в Вене Бестужеву-Рюмину с предложением переселиться в Россию и организовать здесь полки. Предложение было принято, и в 1751 г. была отведена земля для поселения сербов в северной части «запорожских вольностей». Земли к югу от р. Тясмина были названы Новой Сербией, земли между рр. Луганью и Бахмутом — Славяносербией. Здесь сербские командиры Хорват, Шевич и Прерадович должны были поселить выходящих из Австрии сербов и других славян, организовав из них полки. Этим мероприятием царское правительство разрешало, казалось, несколько задач: получало надежный военный заслон для южных границ как против татар, так и против запорожцев, увеличивало население края и вместе с тем рассчитывало положить предел все усиливавшемуся бегству крестьян из Левобережной Украины в степи Южной Украины.

Иностранным поселенцам было отведено вдоволь земли, даны большие льготы, денежная помощь на обзаведение, широкие полномочия сербским командирам; единственным условием было поставлено только православное исповедание переселенцев. В Новой Сербии и Славяносербии созданы были оригинальные области с почти безграничной властью сербских начальников и все уменьшавшейся властью русских «главных командиров». Полковые командиры и офицеры, получавшие по чинам земли, стали первыми помещиками края.

Недолгое существование сербских военных колоний показало нежизненность этого мероприятия. Населения в сербских колониях оказалось меньше, чем обещали командиры; полки не были укомплектованы иностранными выходцами и охотно принимали украинцев, вопреки приказам правительства. Переселялись сюда из-за границы не надежные, опытные воины, а всякого рода сброд, не нашедший заработка на родине и не желавший трудиться. «Были среди них даже лесные разбойники»,— писал один из организаторов переселения, Пишчевич, были также расстриженные попы, бродяги. Они не умели и не хотели работать и не могли защищать страну: во все время существования Новой Сербии и Славяносербии на защиту поселенных там полков непрерывно посылались русские регулярные полки и казаки, и были годы, когда численность этих военных частей превосходила число охраняемых ими иностранцев. Командиры действовали, как сатрапы, грабили страну, обманывали правительство, представляли фальшивые отчеты. В 1763 г. началась ревизия Новой Сербии, вызванная многочисленными доносами на злоупотребления Хорвата, а в 1764 г. Новая Сербия и Славяносербия как самостоятельные области были ликвидированы и вместо них была учреждена Новороссийская губерния.

В Славяносербии и Новой Сербии сложился оригинальный общественный строй, который до сих пор мало привлекал внимание исследователей. Военное начальство являлось и гражданским начальством территории, где расположена была воинская часть. Офицеры получали, кроме жалованья, землю по чинам, ранговую. Эти ранговые дачи не составляли полной собственности, их нельзя было ни продать, ни заложить, и только заселенная земля поступала в собственность. Особенностью военной службы в иностранных полках было то, что офицерские чины давали в награду за вывод из-за границы людей на службу; с другой стороны, офицерами принимали только тех, кто вывел из-за границы на свой счет людей. Таким образом устанавливалась личная связь между

командирами рот и их подчиненными, отношение к роте как к своей «собственной», выведенной своим собственным трудом и средствами.

На каждый полк отводилась земля. Каждый военнослужащий получал участок земли: нижний чин — по 20—30 четвертей, офицеры — от 50 до 150 четвертей [1]; кроме того в роте оставалась ротная земля, урожай с которой поступал в ротный склад, «магазин». Эти земли сдавали обычно в аренду.

Все хозяйство как офицеров, так и нижних чинов в Новой Сербии и Славяносербии было основано на эксплоатации местного, украинского населения. Отводя земли иностранным переселенцам, правительство трактовало отводимую им территорию как никем не заселенную, не считаясь с тем, что там уже жило много людей, что оно само давало им льготы. Все украинское население правительство объявило «безуказным», самовольно поселившимся там, и предписало ему возвратиться «на прежние места». Однако это требование было вскоре же отменено: сербские выходцы не желали работать, и русское правительство отдало в распоряжение сербов все украинское население «для их лучшей выгоды»: предписало продать свои дворы сербам, доставлять им все нужное для жизни. Затем было разрешено оставаться в Новой Сербии разного рода ремесленникам, нужным для переселенцев. Наконец, всем офицерам разрешено было селить на отведенных им землях украинцев «вместо денщиков». Таким образом, создался обширный круг украинского населения, призванного обслуживать сербов. Нужно добавить, что ротные земли, о которых говорилось уже, брали под обработку не иностранцы, а украинцы. В результате оказалось, что в полках проживало украинцев не менее, чем было иностранных колонистов, но занимали они подчиненное, служебное положение. Не довольствуясь этими рабочими, иностранные офицеры стремились обратить в своих работников казаков тех команд, которые были присылаемы для несения форпостной и гарнизонной службы,— так было и в Новой Сербии и в Славяносербии.

Так многие украинцы остались жить в Новой Сербии и Славяносербии, но многие устремились в Запорожье и на Правобережную Украину, не желая возвращаться «на прежние места», на Левобережную Украину, откуда они бежали от гнета старшины. Чтобы положить предел этому отливу населения и дать какую-то организацию ему, был учрежден в 1753 г. казачий полк «по образцу слободских полков, за пределами Новой Сербии». В него могли вступать только украинцы. Для поселения его была отведена полоса земли к югу от Новой Сербии, отрезанная от «запорожских вольностей».

Главным центром этого полка стала служить крепость св. Елисаветы. Там пребывали представители русской администрации в крае, главный командир, комендант крепости и высшая администрация полка. Подобно слободским полкам этот полк делился на сотни — основные ячейки полка. Полковое начальство было в то же время и гражданским начальством края. Сюда, на территорию Слободского или, как его иногда называли, «Новослободского» полка, устремилось украинское население земель, отошедших под Новую Сербию, выходцы из Правобережной и Левобережной Украины. С целью ускорить заселение края правительство издало ряд указов, в которых разрешило всем бежавшим на Правобережную Украину из пределов Российской империи селиться в Слободском полку.

Особыми указами разрешалось переселяться туда из Правобережной

[1] Четверть — полторы десятины.

Украины и старообрядцам, в массе покидавшим Россию и переходившим границу, чтобы уйти от «никонианской ереси», преследований за веру и обязательной военной службы. Теперь в Правобережной Украине стал особенно тяжел крепостной гнет и население искало выхода из крепостного ярма. Усиливался гнет старшины и в Левобережной Украине, вызывая бегство посполитых: в одном только 1758 г. из Миргородского полка бежало 200 человек. Таким образом, приток украинского и великорусского населения не прекращался. Часть пришедших записывалась в казаки, часть селилась в государственных слободах. Старообрядцы образовывали обычно отдельные слободы. Они были выделены в особое управление и имели своего отдельного начальника.

В противоположность Новой Сербии население в Слободском полку быстро увеличивалось. В 1760 г. здесь было 4159 казаков, в 1762 г. их было уже 6215. Тяжелые условия жизни в Левобережной и Правобережной Украине заставляли людей массами устремляться сюда, где указы обещали жизнь «не под помещиками». Однако и здесь жизнь была не легкой. Население жаловалось на тяжелые повинности, постойные, почтовые, на самоуправство и угнетение со стороны начальства полкового и сотенного. Сотники требовали от населения бесплатной работы, брали взятки, и все это сходило им безнаказанно, даже если жалобы попадали к высшему начальству. К этому нужно добавить, что Слободской полк был поставлен в худшие условия, чем Новосербские: у него не было леса, было меньше земли, и слобожане арендовали землю у новосербцев. При всяких конфликтах между ними начальство брало новосербов под свою защиту, а коменданту Муравьеву было поставлено в вину Сенатом, что он считал «главным делом» слободское поселение, а не новосербское.

Полк управлялся частью выборной, частью назначаемой начальством старшиной; поскольку сотня была основной ячейкой в полку, сотники являлись непосредственным начальством населения сотни. Обычно сотниками назначали бывших атаманов слобод или осадчих, а также людей, оказавших какие-либо услуги правительству. Сотники действовали бесконтрольно, и никакие жалобы населения на произвол и злоупотребления обычно не принимались во внимание. Даже жалобы на участие в гайдамацких набегах и на укрывательство гайдамаков часто оставались безрезультатными. Безнаказанно эксплоатируя подвластное население, сотники захватывали лучшие земли, основывали крупные хозяйства, заводили стада, строили мельницы, участвовали в торговых сношениях с Крымом, Польшей, Россией. Сотник Серенко, например, отправлял в Запорожье 10 пароволовых фур для «торгового промысла», сотник Гегело поставлял в казенный магазин овес и сено на 3 тысячи рублей сразу, и т. д. С течением времени при реформе Новой Сербии эти сотники получили офицерские чины и составили значительную часть дворянства Новороссийской губернии.

Главными населенными пунктами Южной Украины были Новомиргород — административный центр Новой Сербии — и крепость св. Елисаветы — главный центр русской администрации края. Новомиргород был довольно значительным торговым пунктом, в нем была ярмарка, на которую съезжались торговцы из Правобережной Украины, Запорожья, Новой Сербии; были там и постоянные лавки. Большое значение стала приобретать в этот период крепость св. Елисаветы, основанная в 1753 году. Самая крепость служила военным и административным центром, а ее форштат быстро заселялся разноплеменным населением и стал играть видную роль в торговле края. Здесь особенно крупное значение имели старообрядцы, жившие особой слободой. Из их среды выдвинулись предприимчивые купцы, как Сенковские, Тимцы, Пашутины, завязавшие торговые связи с Крымом, турецкими областями, Польшей.

★

Вторая часть настоящей работы посвящена истории заселения Новороссийской губернии — вопросу, еще менее разработанному в нашей историографии, чем история заселения Новой Сербии и Славяносербии.

Новороссийская губерния, созданная в 1764 г., охватила территорию Новой Сербии со Слободским полком и Славяносербии и положила конец своеобразному устройству этих областей. Реформа эта не стояла особняком и не была вызвана только ревизией Новой Сербии и злоупотреблениями Хорвата, открытыми этой ревизией: она стояла в тесной связи с общей политикой правления Екатерины II. Одновременно с реформой Новой Сербии и Славяносербии происходило уничтожение гетманства и введение Малороссийской коллегии на Левобережной Украине, реформа слободских полков и организация Слободской губернии на Слобожанщине. Только одно Запорожье временно до 1775 года сохраняло свой строй, хотя и со значительно урезанной автономией.

Новороссийская губерния, как и все губернии империи, разделялась на провинции: Елисаветградскую, Екатерининскую и Бахмутский уезд. В отличие от прочих губерний Новороссийская губерния сохраняла полувоенный характер, что вызывалось ее окраинным положением и постоянными опасностями, которым она подвергалась со стороны татар и запорожцев. Вся территория ее разделялась на полки — гусарские и пикинерные (уланские). В лице полковых командиров объединялась власть военная и гражданская над всей территорией, занятой полками.

Ввиде руководства для заселения губернии был составлен особый «План о заселении Новороссийской губернии», «высочайше» утвержденный в 1764 году[1]. В нем даны подробнейшие инструкции о том, как должно распределять землю между военными и гражданскими поселенцами.

Вся Новая Сербия делится на 70 округов, из которых 52 отводятся под поселения полков, 2 — под города и 16 — для остального населения. Следовательно, поселения полков занимают главное место в губернии. Округа делились на участки. Каждый участок имел 26 или 30 десятин, в зависимости от качества земли. Участок оставался всегда неделимым. Этот пункт — неделимость участка — представляет большой интерес. Аналогичное явление мы находим в законе 1763 г.[2] об отводе земель для иностранных колонистов, но там неделимым оставался двор. Неделимость участка обеспечивала правильное несение военной службы и уплату повинностей и служила гарантией против обеднения наследников лица, получившего этот участок. В «Плане» подробно разработан вопрос о несении военной службы. Ответственность за аккуратное несение службы лежала на всех членах семьи. В случае смерти, бегства, увечья военнослужащего его семья должна была выставить взамен его другого члена семьи. Поэтому малолюдным семьям рекомендовалось принимать во двор посторонних людей.

«План» предусматривал всесторонне условия заселения края: все пришедшие иностранцы, желавшие служить в полках, получали пособие по 30 рублей, русские подданные, возвращающиеся из-за границы, и запорожцы получали по 12 рублей; если люди не хотели служить в полках или не отвечали требованиям военной службы, то получали все без различия по 6 рублей. Выводившие из-за границы людей в полки получали офицерские чины, в зависимости от числа приведенных людей. За 300 человек давался чин майора, за 30 — вахмистра. В случае если из-за границы выводились поселяне, то их нужно было вывести вдвое больше, чем военнослужащих.

[1] Полное собрание законов Российской империи № 12099. 22 марта 1764 года.
[2] Там же, №№ 11879, 17880. 22 июля 1763 года.

Каждый желающий мог получить землю под заселение слободы и вывести из-за границы поселян, считая по одному двору на участок. Земля отводилась не более чем на 48 дворов в одни руки. Получивший больше путем покупки, наследования или иным способом должен был излишек продать кому-либо или отдать в казну «по справедливой оценке». Не заселивший в 3 года землю терял ее. Таким образом, «План» расширял круг помещиков, включая в него всех, кто только пожелает заселить слободу,— и купцов и разночинцев. Зато он вводил другого рода ограничение: владеть землею можно было только тому, кто постоянно проживал в губернии; получая назначение в другую губернию, владелец должен был продать землю или возвратить ее в казну. Таким образом в крае создавался постоянный контингент местных помещиков.

Земля раздавалась не только под слободы, но и для разведения лесов, которых было мало в крае, а также для скотоводства. Отводилась земля и под фабрики и заводы; лица, нашедшие полезные ископаемые — торф, глину, строительный камень, — получали землю в собственность.

В «Плане» предусматривалось расширение торговли, привлечение торговцев и ремесленников из Российской империи.

Последний раздел «Плана» посвящен вопросам просвещения: в губернии предполагалось основать школы и воспитательные дома как для мальчиков, так и для девочек; обучение должно быть бесплатным.

Этот «План» полностью проведен был в жизнь, и в течение всего существования губернии он являлся действующим правом для ее населения. Исключение составляли пункты об образовании, которые не были осуществлены на практике.

Многие пункты «Плана» вызывали сомнения администраторов, так как стояли в противоречии с существующим правом Российской империи. Поэтому представляют большой интерес комментарии к «Плану»: запросы Новороссийской губернской канцелярии главному командиру Воейкову и ответ последнего на эти запросы и резолюция губернской канцелярии о том, как поступать на основании этих разъяснений. Документ этот находится в копии в собрании рукописей Одесского общества истории, по всей видимости, с ошибочной датой — 1780 год. По содержанию своему он мог быть датирован не позже как 1773 годом, так как в тексте не раз говорится о мае 1773 года как ближайшем сроке. Вернее всего, запросы, ответ и резолюция были собраны вместе в 1774 г., когда в связи с назначением Потемкина главным командиром Новороссийской губернии для него собирали всякого рода сведения о Новороссийской губернии, составляли таблицы и т. д.

Так, губернская канцелярия запросила, как быть с лицами недворянского сословия, которые выводят людей из-за границы: давать ли им офицерские чины и земли? Воейков ответил отрицательно: чинов не давать и ограничиться выплатою «вербуночных денег». Также отрицательно ответил он на вопрос о том, можно ли отводить земли под заселение недворянам. Таким образом, пункт «Плана» о введении в состав помещиков недворян был изменен в пользу монопольных прав дворянства. Зато для дворян-помещиков Воейков ввел новые льготы: трехлетний срок заселения был увеличен до 6 лет, лица, уезжавшие из губернии, могли оставлять управляющих в своих имениях, излишняя против норм «Плана» земля не отбиралась до разъяснения Сената, и т. д. Таким образом, на протяжении 10 лет «План» на практике был изменен для защиты имущественных прав господствующего дворянского сословия.

Одновременно с «Планом о заселении Новороссийской губернии» был составлен аналогичный план о заселении Славяносербии; он носил характер временный, пока не войдет в силу «План о заселении Новороссийской губернии». В дополнение к нему главным командиром Новороссийской губернии Мельгуновым была дана начальнику Бахмут-

ского уезда Фливерку «Инструкция», в которой пояснялось, как организовать несение населением военной службы.

В основе распределения земли в губернии лежал участок в 26 или 30 десятин, в зависимости от качества земли. Нижние чины получали по одному участку. Офицеры в зависимости от чина получали «ранговой земли» от 2 до 16 участков. Эта земля являлась частью жалованья и с уходом офицера должна была быть возвращена в полк для передачи его преемнику. Однако на практике не удалось организовать дело так, как предполагалось «Планом». Не каждый имевший право на землю получал ее: проходили годы, пока полковое начальство и сам заинтересованный в земле находили соответствующий участок. Также было при повышении в чине, чему соответствовало увеличение рангового надела. Нередко проходили годы, пока находилась свободная земля.

С самого начала в Новороссийской губернии начал развиваться процесс обращения ранговых дач в собственные подобно тому, как то было в Гетманщине. Первым поводом к этому являлось заселение земли — такая ранговая земля давалась заселившему ее в собственность. Новороссийская губернская канцелярия поставила перед Воейковым вопрос: что делать с заселенными ранговыми землями при переходе владельца их в другое место? Воейков дал уклончивый ответ: владелец обязан продать ее, и если его преемник по службе не пожелает купить, не сойдясь в цене, то губернская канцелярия должна принять ее в казну по справедливой оценке, а преемник, отказавшийся купить землю, утрачивает право на ранговую землю и должен довольствоваться жалованьем. Таким образом, в ответе Воейкова видим полное игнорирование интересов военнослужащего и нарушение принципа выделения ранговых земель как части жалованья. Затем мы видим, что ранговая земля начинает переходить по наследству не только к сыну, имеющему чин (в таком случае участок в зависимости от разницы в чинах отца и сына увеличивается или уменьшается), но и к дочери и даже к сестре. Заселенная ранговая земля продается. Словом, постепенно стираются все грани, отличающие ранговую землю от обычной собственной земли. Пожелания обращения ранговых земель в собственные высказаны были в 1767 г. в наказах депутатам в Законодательную комиссию от дворян Черного, Желтого, Елисаветградского, Донецкого полков.

Кроме ранговых земель в Новороссийской губернии отводили также земли под поселение слобод и для разведения скота. Уже отмечалось выше, что в ответах Воейкова Новороссийской губернской канцелярии право заселения земель и, следовательно, получения их в собственность было ограничено и предоставлено одним дворянам; между тем за первые годы существования губернии успели получить земли под слободы многие купцы; после разъяснения Воейкова они спешно стали переписывать эти земли под разведение разного скота.

Заселение земель в условиях неспокойной жизни и текучести населения было делом нелегким, и контролеры, поставленные губернской канцелярией, часто доносили, что земли остаются незаселенными «и надежды на заселение нет».

На основании ведомостей можно установить время наиболее интенсивной раздачи земель, районы и характер землевладения в этих районах. Больше всего дач было роздано в 1767 г., потом кривая раздач падает, возможно, в связи с событиями, связанными с турецкой войной и усилившимися нападениями запорожцев. Среди лиц, получивших земельные дачи в Елисаветградской провинции, больше всего было офицеров местных полков в средних чинах — 69,2%, штаб-офицеров было 6,7%, вахмистров — 7,4%. Что касается норм, установленных «Планом», то мы видим, что исключения в сторону увеличения размеров земельных дач были сделаны тоже в пользу этой группы лиц — офицеров местных полков, по большей части занимавших видное административное положение:

комендантов, полковых командиров, секретарей губернской и провинциальной канцелярий и т. д. Фамилии лиц, получивших земельные дачи, дают некоторые основания предполагать, к какой национальности принадлежали они; по преимуществу это иностранцы, служившие в полках Хорвата: Серезлии, Хорваты, Бузескулы, Гродескулы и т. д.,— среди них незначительное число русских фамилий, принадлежавших русским офицерам (Чертков, Увалов и т. д.), а также русскому купечеству (Пашутины, Сушилины, Масленниковы и т. д.). Украинских фамилий немного, это по преимуществу старшина бывшего Слободского полка, сотники, подпрапорные, превратившиеся в офицеров Елисаветградского пикинерного и Желтого гусарского полков. Пришлых помещиков, великорусских или украинских, здесь еще пока нет. Слишком опасна была еще жизнь на далекой Южной Украине, чтобы стоило рисковать идти сюда за землею. Только после Кучук-Кайнарджийского мира и уничтожения Запорожской Сечи хлынут сюда неудержимым потоком помещики из разных концов Российской империи.

Иное положение было в Екатерининской провинции. К ней была присоединена часть Миргородского и Полтавского полков, и таким образом сюда влилась довольно значительная часть украинской старшины с ее земельными владениями. Поэтому главное ядро помещичьего землевладения здесь составили не розданные на «ранг» или под заселение земли, ограниченные определенным размером, а именно собственные земли, и потому основным пожеланием депутатам в Комиссию 1767 г. было не превращение ранговых земель в собственные, а сохранение в руках помещиков земельных излишков, полученных и до 1739 г. и после него. О том, как велика была разница в размерах земельных дач, свидетельствует такой факт: наибольшая земельная дача в Елисаветградской провинции составляла 7690 десятин земли; в Екатерининской провинции у генерала фон Штофельна было 80 тысяч десятин, у обозного Руновского — 63 тысячи и т. д.

Перед помещиками стояла трудная задача — заселить землю. Крестьян было мало, приходившие из-за границы могли выбирать для себя лучшие места, и везде их принимали с радостью и предлагали льготные условия жизни. Для недовольных жизнью в Новороссийской губернии было не за горами Запорожье, где, по слухам, была привольная жизнь. И вот вследствие этих условий жизни и текучести крестьянского населения в помещичьих дачах устанавливается минимальный размер панщины — 1—2 дня в неделю. Об этом писал академик Гильденштедт, посетивший Новороссийскую губернию в 1774 г., об этом упоминала в запросах Воейкову и Новороссийская губернская канцелярия. В ответе своем Воейков указывал, что интерес самих помещиков заключается в том, чтобы не обременять крестьян работою; в крайности он предлагал крестьянам жаловаться в губернскую канцелярию, а та должна внимательно расследовать дело, а если окажется, что помещик обременял и притеснял крестьян, то они должны были быть отняты у него. Но крестьяне сами лучше регулировали свои отношения, переходя в случае недовольства помещиком в другое место. Нужно сказать, что в восточной части губернии, в Екатерининской провинции и Бахмутском уезде, уже проявлялось стремление прикрепить крестьян и отношения между помещиками и крестьянами приобретали угрожающий характер.

Государственные слободы в Новороссийской губернии заселялись преимущественно украинским и великорусским народами. Население сходилось сюда главным образом из Правобережной Украины, через которую часто проходили, прожив в ней некоторое время, выходцы из Левобережной Украины и Великороссии. Выходили из Правобережной Украины люди сами, на свой риск, вызывали их оттуда осадчие, которым отводили землю для поселения слобод. Кроме осадчих разъезжали по Правобережной Украине «вызыватели», которые сами не заселяли

слобод, а сдавали приведенных людей в полки или в слободы на поселение и получали за это награды: офицерские чины, деньги, земли. Среди этих «вызывателей» мы видим немало людей, составивших себе большие капиталы и сделавших хорошую карьеру: полкового командира Одобаша, будущего губернатора Комбурлея и других. Но все же, несмотря на энергию «вызывателей» и осадчих, бо́льшое значение в жизни страны имела вольная, индивидуальная колонизация.

Великороссийский элемент был довольно значителен в Новороссийской губернии: для Елисаветградской провинции он был представлен попрежнему старообрядцами, которые продолжали переходить сюда из Правобережной Украины и заселять слободы; для Екатерининской провинции — однодворцами, численность которых была довольно значительна. Кроме того были и массовые переходы сюда из великороссийских провинций. Так, переселялись государственные крестьяне из Севской провинции, из Орловской, из Курской.

Усиливавшийся гнет крепостного права в Великоруссии и на Украине увеличивал число бежавших оттуда крестьян. В 1760—1763 гг. на Левобережной Украине было ограничено право перехода посполитых, следствием чего было усиление бегства их в Новороссийскую губернию и Запорожье.

В Новороссийскую губернскую канцелярию сыпались жалобы помещиков на укрывательство беглых крепостных, на разорение. Администрация губернии оказалась между двух огней: с одной стороны, интересы губернии требовали удержания в крае этих крестьян, привлечения их и на будущее время; с другой стороны, представители господствующего сословия настойчиво требовали удовлетворения их «законных» требований. И все же в большинстве случаев «беглые» оставались в крае и администрация становилась на защиту интересов Новороссийской губернии.

Нужно добавить, что ушедшие в Запорожье часто возвращались оттуда, равно как и прежнее население «запорожских вольностей» переходило в Новороссийскую губернию, так как и там, в Запорожье, все прочнее устанавливался обычный помещичий строй.

Иностранные переселенцы в этот период занимали небольшое место в заселении края. Новороссийская губерния была образована именно в то время, когда иностранная колонизация пользовалась особым вниманием русского правительства. Была учреждена Канцелярия опекунства иностранных, рассылались по всей Европе приглашения, разъезжали по разным странам «вызыватели», но в Новороссийскую губернию попадало сравнительно немного иностранных колонистов. В 1767 г. была прекращена деятельность Канцелярии и массовая колонизация. Из представителей различных народностей, поселившихся в Новороссийской губернии, нужно отметить волохов и молдаван, в большом числе переселившихся во время турецкой войны 1769—1774 гг.; они комплектовали Молдавский гусарский полк и заселили ряд слобод: Виску, Лысогорскую, Тишковку, Пещано-Бродскую, Синюхино-Бродскую, Павловскую и др. В незначительном числе переселялись болгары, главным образом тоже во время турецкой войны, из Силистрии и Рущука. Они поселились преимущественно в Елисаветградской провинции, в слободах Аджамке, Дмитровке, Диковке, Ольшанке. Довольно большая колония греков была в Елисаветграде: здесь были выходцы из Крыма, Константинополя, Македонии.

★

Города Новороссийской губернии, как и вообще на Украине в XVIII столетии, были мало развиты, что стоит в связи со слабым развитием торговли и промышленности. Население городов своим образом жизни мало отличалось от сельского населения. Верхушка городского населе-

ния, купечество, проявляла склонность к земледелию и скотоводству. В наказах депутатам в Комиссию 1767 г. и в самой Комиссии отразился антагонизм между сословиями Новороссийской губернии. Купечество жаловалось на недостаток земли для скотоводства, а представители сельского населения упрекали его в захвате земли. Купечество, в свою очередь, жаловалось на участие в торговле дворянства и крестьян, что создавало подрыв купечеству.

С организацией Новороссийской губернии оживляется внешняя торговля Южной Украины. Царское правительство поручило резиденту в Константинополе Обрезкову принять меры для оказания содействия новороссийским купцам в установлении постоянных сношений с купцами в Константинополе, Бендерах, Яссах, Килии и других местах. В них предполагалось открыть торговые конторы. В это же время купцы из форштата крепости св. Елисаветы, главным образом старообрядцы, завязали торговые связи с Константинополем, Хаджибеем, Балтою и особенно с Правобережною Украиною. В 1770 г. царским правительством было предложено купцам селиться в Азове, Таганроге и разных пунктах Новороссийской губернии, причем им выдавались на обзаведение ссуды.

У Скальковского мы находим интересную таблицу, показывающую число купцов в разных пунктах Новороссийской губернии, а также их национальный состав. Великороссы занимали (вместе купцы и цеховые) первое место — 65,1%, украинцы — второе — 24,5%, и только 10,4% падало на иностранцев. По другим ведомостям можно составить приблизительное представление о том, откуда родом были эти великороссийские купцы: много было из Орла, Брянска, Севска, из Тульской, Калужской, Курской губерний. Нужно отметить еще одно интересное явление: в то время как в Великороссии и Левобережной Украине заводы и мануфактуры в середине XVIII столетия принадлежали почти исключительно помещикам-дворянам, в Новороссийской губернии мы не видим еще дворянских предприятий. Все известные в то время фабрики и заводы принадлежали купечеству: так, Масленников открыл сахарный завод возле Кременчуга (перерабатывал сахарный тростник), Манойла Попович — кожевенную фабрику возле Новомиргорода, и т. д. В это же время выделяются как более значительные капиталисты Пашутин, Красноглазов, Сушилин, Сенковские.

Самым трудным делом является подведение итогов заселения Новороссийской губернии. Состояние статистики в XVIII столетии вообще, крайне несовершенный административный аппарат на далекой окраине государства, заинтересованность начальства в том, чтобы скрыть отрицательные явления, — все это, вместе взятое, естественно, крайне неблагоприятно отражалось на точности статистических данных.

В нашем распоряжении имеется ряд ведомостей о раздаче земель, заселении слобод, казенных и частновладельческих. Среди них есть ведомости годичные, за несколько лет, квартальные, месячные, дающие данные в разрезе губерний и провинций, полков, сословий и т. д. Однако пользоваться этими ведомостями очень трудно, и еще труднее примирить их одну с другой. В этом отношении чрезвычайно неудобно отсутствие общего принципа при составлении ведомостей: все они составлены по-разному, и во всех даны не только разные итоги, но и разные показатели отдельных групп населения. Поэтому можно только приблизительно выбрать из них наименее противоречащие цифры. На основании этих цифр можно установить, что к концу рассматриваемого периода во всей Новороссийской губернии было приблизительно 200—240 тысяч жителей обоего пола.

Говоря об итогах заселения, нельзя забывать, что все время здесь имели место явления, сильно тормозившие заселение края. Одним из

крупных препятствий являлись частые нападения татар, и еще более — опасение этих нападений. Самым крупным нападением, потрясшим всю губернию, был набег татар в 1769 г., особенно тяжело отозвавшийся на Елисаветградской провинции. Много слобод было уничтожено, много людей погибло и было уведено в плен. Татары навели такой ужас на обывателей, что не только гражданское, но и военное население разбежалось, многие слободы запустели. В течение нескольких лет Новороссийская губернская канцелярия рассылала «промемории» в другие губернские канцелярии, прося возвратить мирных обывателей, гусар и пикинеров, разбежавшихся во время татарского нападения. Потрясение в Елисаветградской провинции было так велико, что Румянцев и Воейков подали проект в Сенат о перегруппировке поселений: они предлагали перевести население из южной части провинции в северную, а южную часть оставить необитаемой, на случай нового набега. Нужно сказать, что и самая война с Турцией стоила Новороссийской губернии дорого: непрерывно двигались войска, требовали провианта, фуража, подвод, рабочих людей, квартир. Разорение края было настолько велико, что по окончании войны пришлось уменьшить налоги и простить недоимки.

Кроме внешних причин успеху заселения мешали и внутренние, социальные и экономические причины. В наказах депутатам в Комиссию 1767 г. от поселенных полков и крестьян говорилось о крайне тяжелом положении поселян, говорилось, что они изнурены повинностями (а это было еще до русско-турецкой войны), что земледелие дает мало дохода и только благодаря торговле солью и водкою они могут существовать сами и нести военную службу.

С учреждением Новороссийской губернии положение казаков ухудшилось: казачьи полки были переформированы в уланские (пикинерные) полки. Так, Слободской казачий был обращен в Елисаветградский пикинерный; в левобережной части губернии были созданы пикинерные полки: Донецкий, Днепровский и Луганский. С самого начала казаки отнеслись к этой реформе отрицательно. Они теряли все преимущества казачьего звания, получали по одному участку земли и должны были служить в регулярном полку. Только подсуседки и безземельные крестьяне на помещичьих землях охотно приняли реформу, так как получали участок, равный с казаками. С течением времени это отрицательное отношение к «пикинерии» не только не уменьшилось, но стало еще более резким. Оно ясно сказалось в 1767 г., когда пикинеры — бывшие казаки Власовской и Кременчугской сотен (присоединенных к Новороссийской губернии в 1764 г.) — отказались участвовать в выборах депутатов в Комиссию совместно с пикинерным полком и выбрали отдельно депутатами Денисенко и Качконога, которым предписали добиваться восстановления для них казачьего звания. Правда, эти депутаты не были признаны Комиссией. Но депутаты от поселян Елисаветградской провинции Моринец и Мороз поддерживали связь с этими депутатами и сами обнадеживали своих избирателей, говоря им, что в Москве к «пикинерии» относятся отрицательно.

Вспыхнувшая война с Турцией и мобилизация полков вызвали волнение среди пикинеров Донецкого, Днепровского и Луганского полков, часть которых отказалась идти на фронт. Несомненно, что волнение, охватившее в 1769—1770 г. пикинерные полки, находилось в связи с колиивщиной и восстанием «сиромы» в Запорожье. Пикинеры объединились с запорожскими казаками и некоторое время владели большим районом реки Орели. В 1770 г. восстание было подавлено жестокими мерами, было много казненных, еще более — сосланных в Сибирь. До настоящего времени описание расправы с пикинерами в «Истории Русов» казалось преувеличенным, но документы, напечатанные К. Г. Гус-

листым, показали, что действительность была еще более ужасной[1]. Очевидно, оппозиция «пикинерии» была и в Елисаветградской провинции: академик Гильденштедт упоминает ряд пикинерных слобод, население которых разбежалось, и слободы запустели. Пикинеры бежали в Запорожье; и не случайно писарь запорожский Вирменко, прославившийся особенно энергичной борьбою с новороссийскими слободами, был ранее писарем в пикинерном Елисаветградском полку.

Самым главным препятствием к заселению земель Новороссийской губернии служила постоянная борьба с запорожцами за земли, отошедшие под эту губернию.

С основанием Новой Сербии и Славяносербии отношения между запорожцами и русским правительством стали еще более напряженными. Эпизодические захваты запорожских земель сменились систематической колонизацией их. За основанием Новой Сербии последовало отчуждение полосы земли под Слободской полк. Запорожцы стали протестовать. Они добивались признания правительством их прав, посылали депутатов в столицу, просили, ссылались на грамоту Стефана Батория и универсал Богдана Хмельницкого. В Петербурге запорожцам обещали рассмотреть их дело, но требовали оригиналов грамот, которых у них не было. В то же время то здесь, то там запорожцы нападали на новые слободы, изгоняли население, что вызывало жалобы поселенцев на запорожцев. С учреждением Новороссийской губернии дела пошли еще хуже. Под нее был взят вновь участок земли по Бугу. Участились посылки запорожских депутатов, усилились нападения запорожцев. Положение так обострилось, что одно время в Сенате обсуждали вопрос о возвращении запорожцам Елисаветградской провинции и переводе населения ее на левый берег Днепра. Этот вопрос не получил окончательного решения, но время от времени возбуждался до самой ликвидации Сечи. Интересно, что в заседании Государственного совета за три месяца до уничтожения Сечи Екатерина II высказалась за признание прав запорожцев на Елисаветградскую провинцию.

Говоря о Запорожье середины XVIII столетия, нельзя упускать из виду, что оно переживало глубокую социальную и экономическую эволюцию и мало походило на Запорожье XVII века. В нем быстро шел процесс классового расслоения. Из массы казаков выделяется мощная старшина, которая сосредоточивает в своих руках большие богатства, как денежные, так и земельные, и постепенно превращается, подобно левобережной старшине, в помещиков, заводит крупные хозяйства, стада, мельницы, хутора, в которых селит посполитых. Одновременно с ростом экономической мощи старшина стремится удерживать в своих руках и политическую власть и охотно идет навстречу желаниям русского правительства в ограничении прав казачества, особенно права ежегодно переизбирать старшину.

Рядом со старшиною, живущей в роскоши, стоит формально полноправное казачество, те «козаки нетяги» — экономически нищая «сирома»,— которые существуют только на средства войска. В прежние времена источником их существования служили войны и набеги на соседей. Теперь войны стали редки, а с набегами боролись и русское правительство и своя, запорожская старшина. И вот казаки сплошь и рядом нанимаются к своей же старшине в зимовники и хутора, чумакуют, ищут разных заработков. Между старшиною и казацкою «сиромою» углубляется рознь и растет ненависть. Последние годы существования Сечи

---

[1] «З історії классової боротьби в Степовій Україні». Характерно, что в исторической науке долгое время не обращали внимания на «пикинерный бунт» — о нем писал только Д. П. Миллер («Пикинерия» в «Киевской старине» за 1899 г., т. 67); еще ранее была опубликована А. Петровым конфирмация Паниным приговора суда над пикинерами, но осталась незамеченной. («Война России с Турцией и польскими конфедератами». СПБ. Т. I, 1866. Приложения.).

знаменуются рядом казацких бунтов: в 1768 г. «сирома» восстала против кошевого Калнышевского. Он спасся бегством и только с помощью русских войск был восстановлен кошевым атаманом. В 1769 г. вспыхивает восстание в Корсунском курене: эти движения были в тесной связи с колиивщиной. В 1771—1772 гг. прокатилась волна восстаний казаков во время Дунайской экспедиции. В 1773 г. полковник Колпак должен был спасаться бегством от казаков своего полка из-под Кинбурна. Все эти факты говорят о глубоком классовом расслоении в среде запорожского казачества. Но ведь в социальном и экономическом отношении ниже казаков стояли посполитые, жившие на войсковых и старшинских землях, их подсуседки, наймиты. Не мудрено, что во все время борьбы между запорожцами и Новороссийской губернией за земли замечался процесс прилива и отлива населения: из Новороссийской губернии запорожцы уводили к себе население слобод, туда бежали сотнями поселенцы государственных и помещичьих слобод, и в то же время из Запорожья шли посполитые и казаки, главным образом женатые, «гречкосеи» и селились в слободах Новороссийской губернии.

Русско-турецкая война 1769—1774 гг. сыграла огромную роль в истории Сечи. С одной стороны, она дала возможность запорожским казакам в последний раз показать чудеса храбрости, вызывавшей самые лестные отзывы русских командиров. С другой стороны, она ускорила ликвидацию Запорожья. Уже постройка днепровской линии в 1770 г. вызвала основательную тревогу запорожцев: на территории, прав на которую никто до сих пор не оспаривал, вырастала линия укреплений, слобод, форпостов с русскими гарнизонами. Кучук-Кайнарджийский мир, отдавший России побережье Черного моря, привел к тому, что Запорожье оказалось окруженным русскими землями. Оно стало ненужно как военный заслон. Оно стало препятствием для развития торговли, так как перерезывало путь к берегам Черного моря, к которым столько времени стремилось русское правительство, стремились русские и украинские помещики, мечтавшие о расширении торговли на Черном море, о сбыте продуктов своего хозяйства. Запорожье, с его оригинальным политическим и социальным строем, с его выборами (хотя и урезанными) старшин, с его бунтующей «сиромой», давно уже казалось анахронизмом в глазах царского правительства. Бегство в запорожские степи крепостных раздражало помещиков, а сами степи — «запорожские вольности», казалось, даром пропадали в казачьих руках.

Запорожская Сечь была уничтожена. Без одного выстрела сдалась запорожская вольница; и манифест 3 августа 1775 г. возвестил «всему свету» о том, что Сечь Запорожская больше не существует в «ее политическом уродстве».

В истории Южной Украины наступила новая пора. Началась усиленная колонизация запорожских земель, раздача их русским и украинским помещикам, строительство городов, портов, внедрение русских государственных порядков. На «запорожских вольностях» утвердилось крепостное право.

К ВОПРОСУ ОБ ИЗМЕНЕ МАЗЕПЫ

А. Оглоблин

Вопрос об измене Мазепы издавна привлекал к себе внимание историков, прежде всего русских и украинских. С одной стороны, русская правительственная традиция времен Петра I, оформленная в царских манифестах 1708—1709 гг., в церковной анафеме Мазепы 1708 г., наконец, в официальной литературе того времени, определила общее отношение русской помещичье-буржуазной историографии XIX—XX вв. к измене Мазепы. Измена Мазепы, понимаемая как измена царю и России,— такова была основная концепция великодержавной историографии.

Отношение помещичье-буржуазных украинских историков к этой теме было более сложным. Оценка выступления Мазепы, данная двумя украинскими старшинскими лагерями первой половины XVIII в. (с одной стороны, писания мазепинцев, в частности Ф. Орлика, с другой стороны, правительственная традиция Гетманщины времен И. Скоропадского), повлияла и на то двойственное отношение к делу Мазепы, какое мы наблюдаем в «Истории русов» и которое с теми или иными видоизменениями перешло в работы Д. Бантыш-Каменского и Н. Маркевича для того, чтобы дальше отразиться в произведениях Костомарова и отчасти Лазаревского, с одной стороны, Уманца и М. С. Грушевского — с другой. Характерным для украинской буржуазной историографии конца XIX — начала XX в. было стремление выяснить социальный базис Мазепы, изучить старшинское окружение, которое определило всю политику гетмана: казацкая старшина, собственно, ее верхушка, — вот кто, по мнению буржуазных украинских историков, начиная от Лазаревского и кончая Грушевским, ответственен за политику Мазепы, следовательно, и за его измену.

Стало ясно (особенно благодаря трудам Лазаревского), что Мазепа никогда не был и не мог быть выразителем стремлений широких народных масс и его участие в союзе старшины с Польшей и Швецией в 1708 г. скорее компрометировало бы это дело, нежели его оправдывало. Ведь Мазепа «не был представителем никакой национальной идеи» [1], «вовсе не был ярким представителем украинского автономизма» [2].

Впрочем, прежде чем окончательно стать на путь отделения политики Мазепы от его личности, буржуазная историография в лице главным образом М. С. Грушевского и С. Томашевского пыталась обосновать два тезиса, имевших целью оправдать Мазепу: 1) Мазепа якобы

---

[1] Костомаров Н. «Мазепа и мазепинцы». Исторические монографии и исследования. Кн. 6-я, стр. 712. СПБ. 1905.

[2] Грушевський М. «Мазепинство» і «Богданівство» («Літературно-науковий вістник» за 1912 год. Кн. 1-я, стр. 94. «З політичного життя Старої України», стр. 118. Киев. 1918.

искал союза с Швецией, а не с Польшей; 2) Мазепа вынужден был перейти на сторону Швеции, так как Карл XII вступил на территорию Украины. Мы увидим дальше, насколько необоснованны эти утверждения, вследствие чего они не могли долго удержаться даже в буржуазной историографии.

Современная украинская буржуазно-националистическая историография пошла несколько иными, но далеко не новыми путями. Поднимая Мазепу на щит, превращая его в «национального героя», всякими способами пытаясь прославить и увековечить его память[1], националистические историки основное ударение делают на его действиях, на союзе с Польшей и Швецией, ищут, так сказать, запасных «народных героев» в лице К. Гордиенко или даже С. Палия, которого они рисуют потенциальным «врагом Москвы»[2]. Оставляя в стороне вопрос о Гордиенко, надо сказать, что попытки связать Семена Палия, этого настоящего народного героя, с изменой Мазепы свидетельствуют о том, что буржуазная историография в этом вопросе окончательно зашла втупик.

Для советской историографии вопрос об измене Мазепы совершенно ясен. И мы сейчас употребляем по отношению к Мазепе термин— «измена»,— который появился в русских правительственных актах начала XVIII в. и был распространен в великодержавной буржуазной историографии XIX—XX вв., но, употребляя этот термин, мы вкладываем в него совершенно иное содержание. Не об измене Мазепы царю Петру I мы говорим и даже не об измене гетмана русскому дворянскому государству. В памяти украинского народа сохранилось воспоминание об изменнике Мазепе, который хотел предать Украину шляхетской Польше[3]. Именно об этой измене, измене Мазепы украинскому народу, исконному врагу панской Польши, говорит украинская советская историография.

Буржуазная историография недооценила громадное значение того факта, что в войне с Швецией Россия имела поддержку со стороны Украины. Действительно, с самого начала Северной войны украинское казацкое войско почти ежегодно ходило в далекие походы: в Прибалтику, Белоруссию, Литву, Польшу и т. д. Это участие украинского войска в Северной войне было не только простым следствием присоединения Украины к России, оно диктовалось также интересами широких кругов украинской старшины и купечества, кровно заинтересованных в получении для своей торговли непосредственного выхода к портам Балтийского моря, минуя территорию Речи Посполитой. Характерно, что во время пребывания в Москве в начале 1700 г. гетман Иван Мазепа «нас нудит на Шведа», как докладывал Петру I фельдмаршал и адмирал Ф. Головин, будущий главнокомандующий русской армии[4]. Но война затянулась. Она выдвинула в порядок дня ряд важных политических вопросов. Одним из важнейших был вопрос о взаимоотношениях Украины и России, получивший особенную остроту в 1708 г., когда шведское войско

---

[1] См. Дорошенко Д. «Нарис історії України». Т. II, стр. 112, 113, 114 и др. Варшава. 1933; Борщак І. «Мазепа — людина й історичний, діяч». «Записки Наукового товариства ім. Шевченка». Т. 152. В. 1-й.

[2] См. Андрусяк М. «Звязки Мазепи з С. Лишинським і Карлом XII». «Записки Наукового товариства ім. Шевченка». Т. 152. В. 1-й; его же «З найновішої літератури про Мазепу». «Вістник» за 1933 год. Т. II. Кн. 4-я, стр. 287. Львів.

[3] Кулиш П. «Записки с Южной Руси». Т. I, стр. 126. СПБ. 1856; Родіна М. «Полтавський бій в український народній творчості». «Полтавська битва», стр. 179—195. Киев. 1940. Характерно, что Петр I (в письме к Апраксину) называл Мазепу «изменник и предатель своего народа» (Голиков И. «Деяния Петра Великого». Т. XI, стр. 432. М. 1842; Соловьев С. «История России с древнейших времен». Ч. 3-я, стр. 1523).

[4] «Письма и бумаги Петра Великого». Т. I, стр. 335.

во главе с королем Карлом XII, направляясь на Москву, перешло 21 сентября границу Украины.

В этот ответственный момент в истории России и Украины произошло событие, которое весьма осложнило положение Петра I на Украине. Гетман Иван Мазепа 24 октября 1708 г. выехал из Батурина и 28 октября прибыл в Горки, где находилась штаб-квартира шведской армии.

Как произошел этот «нечаянный никогда злой случай измены гетманской» (слова Петра I)?

Непрерывный ряд народных волнений и восстаний, происходивших на территории Гетманщины в конце XVII — начале XVIII в., определил для господствующего класса Гетманщины — казацкой старшины — соответствующую политику по отношению к России. Главная задача заключалась в том, чтобы иметь постоянную военно-полицейскую помощь со стороны царизма в борьбе против народных масс Украины. И действительно, царизм всегда поддерживал казацкую старшину. Постоянные посылки русского войска, военно-техническая помощь из России и т. д. имели огромное значение для гетманского правительства.

Со своей стороны гетманское правительство принимало активное участие во всех мероприятиях Петра I как в области внешней, так и внутренней политики. Совместное участие Украины и России в войнах с Турцией и Швецией, участие в строительстве русского флота в Воронеже, куда Мазепа посылал рабочих из Украины (1698)[1], безусловно, отвечали интересам Украины.

Но гетманское правительство принимает немаловажное участие и во внутренней политике царизма. Гетманское войско (казаки и компанейцы) неоднократно посылалось для подавления народных восстаний в России. В частности в 1703 г. Мазепа посылает казацкое войско во главе с лубенским полковым судьей Кичкаровским для подавления башкирского восстания[2].

В своих сношениях с царским правительством старшина и лично Мазепа проявляют крайний сервилизм. «Царская богоподобная воля», как выражался Мазепа в своих письмах, была нерушимым законом для украинской старшины и гетманского правительства. В свою очередь царизм щедро награждал верную службу гетмана и старшины. Сам Мазепа, его родственники и вся верхушка старшины получали от царского правительства «великие и богатые милости». Многочисленные подарки деньгами и ценными вещами, которые Мазепа и старшина принимали «со страхом и радостию»[3], награждения чинами и званиями щедро сыпались на руководителей гетманского правительства. В 1700 г. Мазепа получил орден Андрея Первозванного в награду за свои заслуги во время турецкой войны. По ходатайству Петра I, в 1707 г. Мазепа получил титул князя «священной Римской империи». Все это сопровождалось большими земельными пожалованиями на Украине и в России самому гетману, его родственникам и всей старшинской верхушке.

Во времена Самойловича между украинской старшиной и руководящими кругами русской знати существовали главным образом личные и семейные связи (достаточно вспомнить о связях Самойловича с Шереметевыми). При Мазепе влиятельные представители старшинской аристократии имели права русского дворянства и получали придворные чины. Они (или члены их семей) подолгу жили в Москве, приобретали многочисленные связи в боярских кругах и внимательно следили за политической борьбой среди русского боярства. Известны связи Мазе-

[1] Государственный архив феодально-крепостнической эпохи (ГАФКЭ). «Малороссийские подлинные акты» № 1140 (1159).
[2] Грабянка Г. «Летопись», стр. 255. Киев. 1854.
[3] «Русский архив» № 9 за 1913 год, стр. 401.

пы (и его родичей) с кн. В. В. Голицыным, фельдмаршалом Б. П. Шереметевым, кн. Д. М. Голицыным, канцлером гр. Г. И. Головкиным и др. Для выяснения этих политических связей пока что не найдено достаточного материала. Большую роль в этих связях играли представители высшего духовенства, как украинского, так особенно русского, среди которого было много выходцев из Украины. Характерно, что украинская старшина больше всего связана была с оппозиционными боярскими группами, в своей политической деятельности нередко ориентировалась на них и получала поддержку с их стороны.

Однако в начале XVIII в. возникли с новой силой некоторые старые противоречия, которые создали большие трещины в отношениях старшинской верхушки и царского правительства.

Тяжелая Северная война требовала максимального напряжения всех сил и ресурсов России и Украины. Военные интересы определяли и общую политическую линию и поведение русских властей на Украине; совершенно неминуемо было прямое вмешательство царского правительства и русского военного командования во внутренние дела Гетманщины, что повлекло за собой фактическое ограничение власти казацкой старшины.

Весьма часты были разные натуральные и денежные сборы с украинского населения в пользу русских военных частей, находившихся на территории Украины. На этой почве постоянно возникали резкие столкновения между населением и проходившими военными отрядами. Официальная переписка того времени пестрит многочисленными жалобами местного населения и администрации на притеснения со стороны русского войска. Так, в 1703 г. подполковник Ушаков, сопровождавший Паткуля (известный представитель лифляндской дворянской оппозиции шведскому правительству), приехав в Козелец и не получив подвод, «людей тамошних посполитых жестокими побои зело оскорбил; а наипаче взяв войта з бесчестием и обнажа перед собою, хотел бить своими руками, естлибы народ не отнял», а когда «войт от тех побой принужден был бежать, тогда, настигши ево, того полуполковника посланные без милосердия били и кровопролитие учинили, от которого побою тот войт и ныне лежит при смерти». Тот же Ушаков на обеде у Паткуля говорил «про Малороссийский народ, а имянно казацкого чину: сии-де люди столь верны великому государю, в какой верности обретаются королю полскому тамосторонние казаки»[1] (он намекал на восстание Палия).

26 сентября 1706 г. Мазепа просил Головина, «чтоб ... на плач, стенание, вопль и слезы бедных людей милосердым оком приклонившеся, изволил ими же веси судьбами таковую своеволю войск великороссийских ускромити и от дальних разорений, побоев и смертных убойств людей моего регимента освободити»[2].

Петр I в ответ на жалобы гетмана писал Мазепе 24 июня 1707 г.: «В таком ныне с неприятелем нашим, королем Швецким, военном случае того (т. е. военных трудностей и тягот. — *А. О.)* весма обойтись невозможно; и того ради надлежит вам для общей государственной ползы (для которой мы и персоны своей, принимая всякие трудности, не щадим) то снесть... и по окончании сея войны те понесенные трудности и убытки... награждены будут». Вместе с тем Петр I приказывал «всем проходящим войскам нашим и посылщиком с казною через Малороссийский край проходить скромно, не чиня никаких обид и разорения Малороссийского краю жителем, под опасением жестокого нашего гнева и казни»[3].

---

[1] ГАФКЭ, книга Малороссийского приказа, № 94.
[2] Костомаров Н. «Мазепа и мазепинцы», стр. 553. Примечание 1-е.
[3] «Письма и бумаги Петра Великого». Т. V, стр. 334.

В процессе бесконечных столкновений возникали в старшинских кругах разговоры о том, что русское правительство не только временно ограничивает права украинской старшины в связи с военными обстоятельствами, но имеет намерение свести на-нет автономию Гетманщины и ликвидировать казацкое устройство.

При этих обстоятельствах старшинская верхушка, давно уже с завистью глядевшая в сторону магнатско-шляхетской Польши, начала активизировать свою деятельность, направленную на отрыв Украины от России и возвращение ее Польше. Все эти Горленко, Ломиковские, Апостолы и другие лидеры старшинской аристократии, недавно вышедшие из старшинской массы или из мелкой шляхты, а к тому времени превратившиеся в крупнейших землевладельцев Левобережной Украины, ясно видели, что рамки их классовой эксплоатации и политической власти значительно сужены по сравнению с неограниченным своеволием польских магнатов, душивших в крепостнических тисках народные массы Правобережной Украины.

Панская Польша была идеалом старшинской аристократии во времена Мазепы. Верхушка старшины прекрасно знала, что широкие массы украинского народа неразрывными связями соединены с русским народом. Старшинской верхушке с народными массами было не по пути. Зато ей было по пути с Мазепой, который всегда оставался польским шляхтичем и у которого, перефразируя известные казацкие слова об Адаме Киселе, «украинские кости обросли лядским мясом». Недаром в беседе с генеральным судьей В. Кочубеем Мазепа откровенно заявил: «Не был бым шляхтичом, не был бым сыном коронным, естьли бым всего добра Короне Польской не зычил» [1].

Со своей стороны шляхетская Польша всегда мечтала об отторжении Левобережной Украины от России и ковала новые цепи рабства для украинского народа. Польско-литовские магнаты, независимо от их политической ориентации, и сторонники Августа II, и сторонники Станислава Лещинского искали всякого повода, чтобы привлечь на свою сторону старшинскую верхушку Гетманщины и прежде всего самого гетмана Мазепу.

Тайные переговоры Мазепы и части старшинской верхушки с польско-литовскими магнатами начались еще в 1703 г., когда украинское войско ходило на помощь Августу II против шведов и их «адгерентов» на Украине, а Мазепа активно помогал польским панам подавлять народное восстание на Правобережной Украине, руководимое Семеном Палием. Станислав Лещинский писал в 1708 г. (22 ноября) французскому правительству: «Я работаю с Мазепой пять лет» [2] в деле соглашения украинской старшинской верхушки с польским панством. Речь шла об отрыве Левобережной Украины от России и возвращении ее под власть шляхетской Польши, то ли на условиях Гадячского договора 1658 г. и создания марионеточного «великого княжества Русского», то ли просто на условиях восстановления status quo ante 1648 года.

В связи с внешними и внутренними политическими затруднениями, созданными Северной войной и положением на Правобережной Украине и в Запорожье, снова поднимает голову старшинская оппозиция на Гетманщине. Разбитая в 1692 г. в связи с выступлением Петрика и вынужденная создать с правительственными кругами известный modus vivendi, оппозиция, однако, никогда не отказывалась от своих планов.

---

[1] Бантыш-Каменский Д. «Источники малороссийской истории». Ч. 2-я, стр. 107. М. 1859. Это прекрасно понимали и польские шляхетские современники. Например Отвиновский пишет по поводу перехода Мазепы на сторону Карла XII, что он «поступил так, будучи старожитным шляхтичем польским» (Otwinowski E. «Dzieje Polski pod panowaniem Augusta II od roku 1696—1728», str. 168. Kraków. 1849.

[2] «Науковий збірник Історичної секції Всеукраїнської Академії Наук (УАН) за рік 1928», стр. 80.

А впрочем, условия дальнейшей борьбы мало благоприятствовали оппозиции. Старые недоброжелатели Мазепы друг за другом сходили с политической или жизненной сцены, вокруг Мазепы росла и крепла правительственная старшинская группа, тесно с ним связанная и нередко целиком обязанная ему своей карьерой и богатством. Гетман пользовался неизменной поддержкой и все возрастающим доверием со стороны русского правительства и лично царя Петра I. Наконец, и это самое главное, непрерывный рост активного протеста широких народных масс против старшинской эксплоатации и закрепощения все больше приводил к сближению между правительственной и оппозиционной группами старшинской верхушки. В таких условиях Мазепе нетрудно было расправиться с отдельными выступлениями оппозиции. Так, Мазепой было легко ликвидировано в 1699 г. одно из выступлений против него страшинской оппозиции, когда бунчуковый товарищ Данило Забела и Андрей Солонина (оба — представители влиятельных старшинских фамилий) подали боярину Б. П. Шереметеву донос на гетмана, обвиняя его в том, что он «вора Петрика к бусурманом выслал и о приходе бусурманском под городы был желателен»; Д. Забела обвинял Мазепу также в тайных сношениях с Польшей [1].

В начале XVIII в. оживилась деятельность старшинской оппозиции на юге Гетманщины. В 1703 г. полтавский полковник И. Искра «имел тайно корреспонденцию и согласие с ханом Крымским и беем Перекопским, и уже было и полк свой, кроме старшины, к тому же наклонил, чтоб быть в согласии с Крымом, а великому государю противными» [2], как извещал Мазепа царское правительство.

Одновременно активизируются оппозиционные элементы и на севере Гетманщины. Северная война, отрезавшая Гетманщину от балтийских портов, сильно отразилась на ее внешней торговле. Торговые сношения Стародуба с Данцигом и с Кенигсбергом были почти прекращены. Тяжелые времена переживала и поташная промышленность северной Гетманщины. Это причиняло большой ущерб интересам старшинской верхушки и богатого купечества. Не удивительно, что стародубский полковник Михаил Миклашевский, издавна связанный личными и семейными отношениями с оппозиционными старшинскими кругами (в частности с Самойловичами), в 1703 г. вступил с литовско-польскими магнатами в тайные переговоры, о которых узнал Мазепа.

Искра и Миклашевский были только лишены полковничества (и то Миклашевский вскоре был восстановлен в этой должности) [3]. В это время Мазепа вел переговоры со Станиславом Лещинским. Устраняя своих личных врагов и конкурентов, он отнюдь не был заинтересован в том, чтобы уничтожать их политические планы и связи.

Большой интерес представляют тайные сношения части старшинской верхушки в лице Миклашевского с литовско-польскими магнатами августовской ориентации, во главе которых («принципалом») стоял выдающийся литовский магнат, троцкий каштелян Михаил Коцел. В этих сношениях особенно интересно то, что сразу возникла конкретная политическая формула, которая должна была обеспечить интересы украинской старшинской аристократии. В переговорах с Миклашевским Коцел поставил вопрос о том, чтобы «Украина в такой же волности цвела», как «Корона Полская и княжество Литовское». Эти украинские «вольности» определяются так: «Волность украинская будет таковая, какова Речь Посполитая коронная и Литовская, и таковая ж будет Речь Посполитая третия Украинская, и сколко сенаторей из Литвы и с Короны, толко особ годных, уверенных, столко ж кресл сенаторских

---

[1] Костомаров Н. «Мазепа и мазепинцы», стр. 481—483.
[2] ГАФКЭ, книга Малороссийского приказа, № 94.
[3] Лазаревский А. «Описание Старой Малороссии». Т. I, стр. 31. Киев. 1888.

заседати имут в Украине, в коле сенаторском, которых тотчас на мемориал присылать надобно и королю полскому предлагать; ...шляхтою при своих волностях [привиле]ями уволнены будут. Чин духовный, мещаня при своих волностях; а где принадлежит воеводством, поветом быть и староствам, те городы воеводствами, и поветами, и староствами от короля... уволнены привилеями з сейму будут»[1].

Перед нами план восстановления так называемого «великого княжества Русского», т. е. возвращения к Гадячской унии 1658 года. Не удивительно, что именно в это время, в начале XVIII столетия, идеи Гадячской унии были чрезвычайно популярны и в украинских старшинских кругах и в кругах польских. В частности в 1707 г. в Киеве во время очередного конфликта между старшинской верхушкой и царским правительством старшина «собиралися до обозного енералного Ломиковского, а наипаче повседневно до полковника миргородского (Апостола. — *А. О.*), у которого и о способах обороны своей советовали, и пакта Гадяцкие читали, якие тот же полковник миргородский с библиотеки Печерской взял был», как вспоминал впоследствии (в 1721 г.) Ф. Орлик в письме к митрополиту С. Яворскому[2]. Об этом же извещал царское правительство в своем донесении В. Кочубей (связывая это с именем самого Мазепы)[3].

О возобновлении Гадячской унии говорилось и в польско-французских политических и дипломатических кругах. Недаром об этом сообщал своему правительству 19 августа 1708 г. секретарь французского посольства в Варшаве Балюз, упоминая при этом о том, что в свое время идея Гадячской унии была поддержана французским правительством[4].

Что гетман хорошо знал об этих настроениях старшинской верхушки, нет никакого сомнения. Знал он и то, что польско-литовские магнаты в лице Коцела в 1703 г. очень интересовались его собственными настроениями и планами[5]. Больше того, Мазепа и сам не мог не сочувствовать старшинским настроениям и, очевидно, в известной мере инспирировал их. И все же у гетмана были несколько иные планы.

Характерно, что свои переговоры с Лещинским и его сторонниками (кн. Дольской и др.) Мазепа долгое время скрывал от своих помощников и, по сути, единомышленников. Тут имела значение, конечно, и вполне понятная конспирация и то, что Мазепа вел свои переговоры не столько с августовской магнатской партией, сколько с партией шведской. Но главное заключалось в том, что Мазепа лучше, чем кто бы то ни было из старшинской верхушки, понимал, что разговоры о «великом княжестве Русском» со стороны польско-литовских магнатов были самой обыкновенной приманкой для украинской старшинской аристократии. Холодный и трезвый политик, этот, по его собственному выражению, «ношеный и искусный птах»[6], человек исключительного честолюбия и эгоизма, Мазепа знал, что шляхетская Польша никогда не согласится даже на ф и к ц и ю «великого княжества Русского», и предпочитал вместо этого «журавля в старшинском небе» выторговать с е б е с а м о м у какую-нибудь «синицу в руки». Ведь лично Мазепа вовсе не был заинтересован в реализации «великого княжества Русского», в рамках конституции которого власть гетмана по сравнению с правами старшинской аристократии была бы несравненно меньшей, чем в рамках гетманата «Войска Запорожского», даже зависимого от России. Всю свою долгую жизнь и бурное гетманство старый гетман неустанно боролся со своими врагами,

---

[1] «Записки Історично-філологічного відділу УАН». Кн. 19-я, стр. 231—241.

[2] «Основа» за октябрь 1862 года. «Исторические акты», стр. 11 (Разрядка везде наша.— *А. О.*).

[3] Б а н т ы ш - К а м е н с к и й Д. «Источники». Ч. 2-я, стр. 102.

[4] «Науковий збірник Історичної секції УАН за 1928 р.», стр. 78—79.

[5] «Записки Історично-філологічного відділу УАН». Кн. 19-я, стр. 232—233, 234, 240.

[6] «Основа» за октябрь 1862 года. «Исторические акты», стр. 5.

личными и групповыми, боролся против них всяким оружием: интригами, клеветой, провокацией, вероломным убийством, наконец, открытым террором. Он прекрасно знал, что старшинская аристократия никогда не откажется от борьбы против гетманского самовластия и никогда не забудет того, что все эти двадцать лет она принуждена была терпеть его владычество. Он знал также, что только страхом царского гнева он держит ее в относительной покорности и что только силой царского войска и собственных виселиц он может усмирять протесты широких народных масс против старшинско-гетманского гнета. Но политические обстоятельства могли измениться, и гетман мог оказаться бессильным против старшинской оппозиции. Не «великое княжество Русское» тогда было бы ему необходимо, а нечто более реальное—благодарность и награда ему лично от признательной за возвращение Украины шляхетской Польши.

Таким образом, не открывая старшинской верхушке своих действительных намерений, ловко раздувая ее «гадячские» настроения, Мазепа договаривался со Станиславом Лещинским о безусловном присоединении Левобережной Украины к Польше, за что Мазепа получал княжеский титул и в свое личное владение воеводства Витебское и Полоцкое на таких же правах, какие имел герцог Курляндский, вассал Речи Посполитой[1]. Ясно, что об этом старшинская верхушка не должна была ничего знать.

Сношения Мазепы и старшинской верхушки с польско-литовскими магнатами давно уже не были секретом для русского правительства. Даже сношения со Станиславом Лещинским велись Мазепою так, что относительно их характера у Петра не возникало никаких подозрений и он не сомневался в верности Мазепы. Украина попрежнему участвовала в Северной войне; казацкое и компанейское войско попрежнему участвовало в подавлении народных восстаний, происходивших тогда в России; Мазепа и высшая старшина попрежнему получали великие милости от царского правительства. Сношения с Польшей велись даже не очень законспирированно. Об этих сношениях были хорошо осведомлены

[1] Костомаров Н. «Мазепа и мазепинцы», стр. 607. Вопрос о княжестве Мазепы на территории Речи Посполитой недостаточно ясен. С одной стороны, нет никаких оснований думать, что Мазепа хотел отказаться от гетманства. Но, с другой стороны, он, очевидно, думал обеспечить себя на всякий случай каким-либо удельным княжеством в Речи Посполитой. Кочубей в своем доносе писал, что Мазепа в 1706 г. говорил ему, будто через кн. Дольскую ему обещано «учинити его князем Черниговским» (Бантыш-Каменский Д. «Источники». Ч. 2-я, стр. 98). Вероятно, именно это имел в виду Петр I, когда в манифесте 21 января 1709 г. писал: «Нам от верных особ известно, что оный (Мазепа.— *А. О.*)... получил уже от Лещинского... себе гонор воеводства в Польше и титул княжения Северского» (Бантыш-Каменский Д. «Источники». Ч. 2-я, стр. 195). В другом манифесте, от 9 ноября 1708 г., Петр писал, что Карл XII имел намерение Мазепу «в Украйне самовластным князем... учинить» (Бантыш-Каменский Д. «Источники». Ч. 2-я, стр. 187). Эти сведения вряд ли можно считать точными. Правда, некоторые польские магнаты в то время стремились быть удельными князьями. Так, известный воевода киевский Иосиф Потоцкий добивался ленного удельного княжества на Покутье (Feldman J. Polska w. dobie wielkiej wojny Póénocnej 1704—1709», str. 30. Kraków, 1925). Но Мазепа отлично понимал, что старшинская аристократия отнеслась бы отрицательно к таким стремлениям со стороны своего гетмана. Вот почему мы считаем наиболее достоверным сообщение хорошо информированного Адлерфельда, принятое и Костомаровым, что Мазепе обещано было «den Titel eines Fürsten beizulegen auch ihm die Woiewodschaften Witepsk und Polotzk auf die Art, wie der Herzog von Curland sein Land besetzet zu überlassen» (цитируем по Костомарову «Мазепа и мазепинцы», стр. 607. Примечание 1). В универсале 8 декабря 1708 г. Скоропадский упоминал, что «Мазепе и сестренцу его, Войнаровскому, уже даны титулы некоторых в Польщи воеводств» (Бантыш-Каменский Д. «Источники». Ч. 2-я, стр. 203). Единственный источник, который как будто подтверждает эту часть доноса Кочубея и заявления царских манифестов 9 ноября 1708 г. и 21 января 1709 г., хотя вместе с тем он не противоречит и сведениям Адлерфельда,— это «Вывод прав Украины» Ф. Орлика, где все время идет речь о «князе (Мазепе.—*А. О.*) и Генеральной раде Украины» («Стара Україна». Т. I—II, стр. 6—7. 1925). Но здесь говорится о «пожизненном» князе. Впрочем, характер этого документа не дает возможности целиком базироваться на нем.

в Швеции; о них знали во Франции, которая очень внимательно следила за развитием событий на востоке Европы. Об этих сношениях известно было на Украине. Наконец, о них, конечно в соответствующей трактовке, сам Мазепа извещал Петра, тем самым давая наибольшие доказательства своей «лойяльности» [1].

Сношения с Лещинским неизбежно втягивали Мазепу в сферу влияния шведской политики, и не позже 1705 г. установились связи Мазепы с Швецией [2]. Шведское правительство было весьма заинтересовано в позиции Мазепы. С одной стороны, переход Мазепы на сторону Швеции мог лишить Петра I части казацкого войска, которое с самого начала Северной войны плечом к плечу с русской армией билось на разных фронтах против шведов. С другой стороны, это создало бы угрозу тылу и коммуникациям русской армии. Но основное заключалось в отторжении Украины от России и присоединении ее к Польше, что в 1703 г. обещано было Карлом XII последней в случае отказа ее от каких бы то ни было связей с антишведской коалицией.

Но до тех пор, пока Август II оставался польским королем и союзником Петра I, все эти планы не могли быть осуществлены. Положение коренным образом изменилось, когда, на основании Альтранштадтского договора 1706 г., Август отрекся от польского престола и Польша фактически перешла в шведский лагерь.

Украинская буржуазная историография (в лице М. Грушевского) с целью затушевать действительный характер выступления Мазепы пыталась доказать, что Мазепа искал союза именно с Швецией, чтобы избегнуть поглощения Украины Польшей, и что «неожиданное» шведское вторжение на Украину заставило Мазепу перейти на сторону Карла XII [3]. Однако исторические факты легко опровергают это. Старшинская верхушка и ее руководитель Мазепа думали тогда о соединении Украины не с Швецией, а именно с Польшей, и только выжидали подходящего момента, чтобы ценой своей помощи Карлу XII выторговать себе больше привилегий в Польше.

Но в 1707—1708 гг., накануне шведского наступления на Россию, в условиях народного восстания против старшины, торговаться с С. Лещинским было уже поздно, и старшинская верхушка просто сдалась на милость шляхетской Польши.

В начале 1708 г. между Лещинским и Мазепой было заключено соглашение о присоединении Левобережной Украины (с Киевом) к Польше. Правда, Д. Апостол впоследствии (в декабре 1708 г.) рассказывал о том, что «привилие тое (соглашение было составлено ввиде «привилея» Лещинского на имя Мазепы.— *А. О.*) мает в собе выраженье, упевняюче Украину вольностями, як в короне Польской, так и в Великом Князстве Литовском, жебы такими ж правами Украина щитилася и зоставала» [4]. Но это, безусловно, была лишь «гадячская» фикция, рассчитанная на старшинскую верхушку. Впрочем, часть старшинской верхушки заняла в этом вопросе противоположную позицию. Оппозицию планам гетмана возглавил В. Кочубей, который выступал против Мазепы в 1690-х годах. Тогда Мазепа не только помирился с ним, но и принял все меры к тому, чтобы оправдать его в глазах русского правительства.

В 1698 г. племянник гетмана нежинский полковник И. Обидовский женился на дочери Кочубея — Анне. В 1700 г. Кочубей получил высокую должность генерального судьи. Романтическое приключение

---

[1] «Письма и бумаги Петра Великого». Т. III, стр. 474—475, 1012—1014.

[2] См. там же, стр. 1013—1014.

[3] Грушевський М. «Шведсько-український союз 1708 р.». «Записки Наукового товариства ім. Шевченка». Т. 92, стр. 7 — 20; його ж «Виговський і Мазепа». «Літературно-науковий Вістник» за 1909 год. Кн. 6-я, стр. 424—427; см. його ж «Мазепинство» й «Богданівство». «Літературно-науковий Вістник» за 1912 год. Т. I, стр. 94—102.

[4] Бантыш-Каменский Д. «Источники». Ч. 2-я, стр. 214.

с дочерью Кочубея Матреною в 1704 г. создало глубокую пропасть между семьей Кочубея и Мазепой. Но у самого Кочубея с Мазепой не прекратились хорошие отношения, и не только внешне, для отвода глаз: продолжались пышные банкеты, интимные встречи, откровенные разговоры Мазепы. Слишком много общих взглядов, интересов, дел, наконец, общих тайн и грехов связывало этих двух людей. Не раз после того (в 1706—1707 гг.) Кочубей исполнял обязанности наказного гетмана[1]. В 1705 г. черниговский коллегиум новое издание книги «Зерцало от писания божественного» посвятил Кочубею, «яко первенствующому по его рейментарской милости» (т. е. после гетмана)[2]. Вместе с тем продолжали увеличиваться богатства Кочубея, расширялись его семейные и личные связи с другими представителями старшинской верхушки. И все же где-то в глубине, в интимном окружении Кочубея, росла вражда и ненависть к гетману, нагромождались всякие материалы, слухи, сплетни, неосторожные слова гетмана, который перед Кочубеем мог иногда не таиться, хотя к тайным своим действиям уже не допускал его[3].

Трудно сказать, личные ли счеты с Мазепой и старая жажда гетманства или вместе с тем глубокая уверенность в ошибочности пути Мазепы побудили Кочубея выступить против него. Но осенью 1707 г. и в начале 1708 г. Кочубей, поддержанный частью полтавской (во главе с И. Искрой) и слободской старшины, а также духовенства (полтавского и, возможно, киевского), несколько раз извещал царское правительство об изменнических планах гетмана. Вначале на эти сообщения не обратили внимания: Петр I привык уже к многочисленным доносам на Мазепу, которые оставались недоказанными. К тому же среди руководителей русского правительства Мазепа, вероятно, имел своих людей. Таким образом, в извещениях Кочубея Петр I усмотрел только новую интригу против гетмана, очень нежелательную и даже небезопасную в условиях военного времени[4]. По мнению царя, Кочубей и Искра были инспирированы Д. Апостолом[5]. Но несмотря на то, что Петр успокаивал Мазепу, гетман был очень взволнован выступлением Кочубея и Искры. «Виделем его Мазепу великою боязнию одержимого»[6],— вспоминал Орлик впоследствии о том времени.

Мазепа через Апостола пытался предупредить Кочубея и Искру и дать им возможность избегнуть царского следствия[7]. Но Кочубей и Искра были уверены, что докажут измену Мазепы, и добровольно поехали в Смоленск, а оттуда в Витебск, где тогда находилась походная канцелярия Петра I.

---

[1] Костомаров Н. «Мазепа и мазепинцы», стр. 586—587.

[2] Маслов С. «Етюди з історії українських стародруків». «Українська книга XVI—XVII—XVIII ст.», стр. 140. Киев. 1926.

[3] Подробнее об отношениях Мазепы и Кочубея см. Костомаров Н. «Мазепа и мазепинцы», стр. 583 и далее; «Записки Історично-філологічного відділу УАН». Кн. 23-я, стр. 203—215.

[4] Возможно, что Петр тем более не доверял Кочубею и Искре, которые имели репутацию сторонников татарско-турецкой ориентации, что именно тогда возросла опасность вооруженного выступления Турции и Крыма против России, согласованного с шведским наступлением.

[5] Костомаров Н. «Мазепа и мазепинцы», стр. 589. «О миргородцком полковнике... всемерно надобно, чтоб его прибрать, а не отпустить»,— писал Петр Головкину 16 мая 1708 года («Письма и бумаги Петра Великого». Т. VII, стр. 174). Вообще Петр был обеспокоен тем, «нет ли какой с противной стороны подсылки... как гетман Реуцкой (полный коронный гетман Станислав Ржевуский.— *А. О.*) говорил, что конечно подсылка в Малороссийской народ была мимо гетмана к старшине...» (там же).

[6] «Основа» за октябрь 1862 года. «Исторические акты», стр. 20.

[7] Об этом, очевидно, догадывался и Петр, когда писал Головкину 14 апреля 1708 г.: «О Кочюбее и протчих: я зело дивлюся гетману, что он так зделал, ибо я писал, что ежели не может поимать, то б молчал, для того, что мы иным способом сных можем достать, что уже и учинилось» («Письма и бумаги Петра Великого». Т. VII. стр. 136).

Во время следствия, которое проводилось с явной целью выгородить Мазепу и осудить Кочубея, Искру и их единомышленников, последних не раз пытали, и они вынуждены были отречься от своих обвинений против гетмана. Петр приказал казнить Кочубея и Искру, что и было совершено 14 июля 1708 г. в казацком лагере под местечком Борщаговкой (возле Белой Церкви)[1].

Однако выступление Кочубея не прошло бесследно. Оно произвело сильное впечатление на Украине. У Кочубея было много «сродников... которых де много есть знатных людей и при нем, гетмане... и во всех полках»[2]. От этих «единомышленников» Кочубея, по словам Мазепы, «рассеваются многие плевелы». Но дело было не только и не столько в «знатных людях». В местечке Оленевке челядника генерального обозного Ломиковского, требовавшего подводу, «старшина тамошняя била и из местечка, отнявши лошадь, выгнала с таковыми выговорами: полно уже вашего гетманского панства! Приедет на вашу всех погибель Кочубей!» Были слухи и о том, что Искра вернется гетманом[3].

С другой стороны, выступление Кочубея заставило Мазепу открыть свои карты старшинской верхушке, которая давно уже настаивала на том, чтобы гетман воспользовался тяжелым положением Петра и выступил против России. Старшинская верхушка, весьма обеспокоенная делом Кочубея, должна была активно поддержать гетмана. Именно в это время (весной 1708 г.) в Белой Церкви[4] Мазепа сообщил наиболее влиятельным лицам из высшей старшины: Ломиковскому, Горленко, Апостолу и Зеленскому (Орлик знал об этом раньше)—о своих сношениях со Станиславом Лещинским. Правда, о с о г л а ш е н и и с Лещинским Мазепа открыл своим единомышленникам только осенью 1708 г., когда Карл XII пошел на Украину. Мазепа встретил со стороны старшинской верхушки полную поддержку («были контентны»)[5].

Однако и сам Мазепа и старшинская верхушка, ведя тайные переговоры с польско-литовскими магнатами и шведским правительством, прекрасно понимали, что украинский народ никогда не пойдет добровольно в ярмо панской Польши: «...первее на земле звезды будут, небо же сохою орано, нежели Украина мела бы когда возвратитися к Короне Польской, и народ козацкий, от веков к польскому имеющий ненависть, с Речью Посполитою соединен имел быть; покамест свет стоит светом, не будет козак поляку братом, ожегшися на воде побратимства лядского»[6],—писал Мазепа польскому магнату, воеводе люблинскому Адаму Тарло 23 июля 1708 года. Вот именно этот страх перед народными массами больше всего объединял гетмана и старшинскую верхушку.

В это время, вероятно, оживают непосредственные сношения Мазепы с Карлом XII. Недаром еще 1 марта 1708 г. французский посол в Варшаве Бонак писал министру иностранных дел Франции де Торси: «На Украине господствует враждебное настроение, и там очень желают присоединиться к шведам, чтобы выступить против Москвы»[7]. Французская дипломатия вообще неплохо была осведомлена о сношениях между Мазепой и Карлом XII. 19 августа 1708 г. Балюз писал из Варшавы: «Сюда доходят слухи, что существует связь между казаками, в лице их гетмана, со шведами»[8].

---

[1] Б а н т ы ш - К а м е н с к и й «Источники». Ч. 2-я, стр. 138.

[2] «Письма и бумаги Петра Великого». Т. VII, стр. 582.

[3] К о с т о м а р о в Н. «Мазепа и мазепинцы», стр. 602. Примечание 2-е.

[4] «Основа» за октябрь 1862 года. «Исторические акты», стр. 20—21.

[5] Там же, стр. 22.

[6] К о с т о м а р о в Н. «Мазепа и мазепинцы», стр. 582. Примечание 2-е. Это писалось для того, чтобы усыпить бдительность Петра I. Впрочем, на следующей же странице Костомаров правильно отмечает, что неизвестно, действительно ли это письмо было послано адресату.

[7] «Науковий збірник Історичної секції УАН за рік 1928», стр. 78.

[8] Там же, стр. 78—79.

Получив со стороны руководящей старшинской верхушки (и, возможно, кое-кого из высшего украинского духовенства, в частности киевского митрополита Иоасафа Кроковского) одобрение своих действий и обеспечив себя формальным обязательством старшинской поддержки, Мазепа зовет Карла XII на Украину.

Почему Карл XII пошел на Украину? Этот вопрос в основном уже освещен в исторической литературе. Возможность движения шведов на Украину ни для кого не была тайной. Еще в 1706 г. Петр I предвидел возможность нападения шведского войска на Киев, в связи с чем он приказал построить новую крепость на Печерске[1]. А в 1708 г., когда Карл XII пошел на Москву, о движении шведов на Украину открыто говорили как в России и на Украине, так и на Западе.

26 июля 1708 г. Петр I писал великому коронному гетману А. Сенявскому: «Сказывают взятые языки, что неприятель болши намеряет поход свой к Украйне»[2]. Хорошо осведомленный английский посланник в Москве Витворт информировал свое правительство 11 августа 1708 г. о том, что «шведам весьма трудно, по всей вероятности невозможно, будет проникнуть в Россию на пространстве от Великих Лук до Гомеля; а потому... они пойдут правее, к Черниговской области и Украине»[3], а несколькими днями позже (25 августа 1708 г.) он прямо сообщал, что шведы, «очевидно, идут на Украину»[4]. Об этом еще в первой половине 1708 г. говорилось в польских, французских и голландских дипломатических и правительственных кругах. Возможность такого движения шведского войска серьезно беспокоила главное командование русской армии, хотя сам Петр I вначале предполагал, что Карл XII пойдет на Ингрию и Новгород.

Конечно, движение шведской армии на Украину определено было основными военно-политическими задачами Швеции. Невозможность пробиться к Москве с запада (через Могилев—Смоленск) заставила Карла XII искать югозападных путей к Москве, вначале через Брянск, а потом через Украину. Возможно, что Карл XII сначала не думал о походе на юг Левобережной Украины, надеясь пробиться к Брянску через северную Черниговщину (Северщину), и только ошибка генерала Лагеркроны и разгром армии Левенгаупта под д. Лесной заставили короля окончательно повернуть на юг[5]. Но, безусловно, Карл XII не мог не понимать огромного политического, экономического и военного значения Украины.

Надо еще остановиться на вопросе о роли Батурина в 1708 году. Обе стороны придавали большое значение Батурину. Обычно в исторической литературе идет речь о больших боевых и продовольственных запасах, собранных Мазепой, которые находились в Батурине и так нужны были шведам. Но исследователи недостаточно проанализировали вопрос о том, что же особенно интересовало Карла XII в Батурине. Батурин имел большое значение как гетманская резиденция и как политический центр Гетманщины. Там находились гетманская казна (хотя, очевидно, бо́льшую часть ее Мазепа успел перевезти в другие места) и архивы гетманского правительства; там были и продовольственные запасы, но едва ли в большом количестве, ибо в этом отношении более удобными были такие местности южной Гетманщины, как Гадяч, Ромны,

---

[1] «Письма и бумаги Петра Великого». Т. IV, стр. 352, 985.

[2] «Записки Наукового товариства ім. Шевченка». Т. 92, стр. 217. См. еще «Письма и бумаги Петра Великого». Т. VII, стр. 136 (14 апреля 1708 г. Петр I — Головкину).

[3] Сборник Русского исторического общества. Т. 50, стр. 39.

[4] Там же, стр. 43.

[5] См. Стилле А. «Карл XII как стратег и тактик», стр. 27—28, 29, 34—35, 39—42. СПБ. 1912.

Полтава и т. д. Наконец, здесь был значительный гарнизон (4 сердюцких полка и несколько казацких) во главе с преданными Мазепе людьми — сердюцким полковником Д. Чечелем и Д. Нестеренко, сотником батуринским. Военное значение батуринской крепости было незначительно. В. Кочубей писал Петру I в 1708 г.: «Батурин 20 лет стоит без починки, и того ради валы около него всюду осунулися и обвалилися, взглядом чого и одного дня неприятельского наступства отсидетися невозможно»[1]. Зато в Батурине была сосредоточена вся «войсковая гармата» (артиллерия), «пушечной великой снаряд», которым ведал саксонский инженер, находившийся на гетманской службе, есаул генеральной артиллерии Фридрих Кенигсек. Мазепа, сам знаток пушечного дела (есть сведения, что он обучался ему в Голландии)[2], уделял большое внимание артиллерии.

Для Карла XII, вступившего на Украину с 40 (приблизительно) пушками и почти без боеприпасов, 70 пушек гетманской артиллерии и значительные запасы боеприпасов в Батурине имели большое значение, в особенности после разгрома Левенгаупта под Лесной, где шведы потеряли всю артиллерию (17 пушек) и обоз. Это станет ясно, если мы вспомним, что в битве под Полтавой шведы 72 пушкам Петра смогли противопоставить только... 4 пушки (остальные 26 из-за отсутствия снарядов оставались в таборе и были вывезены в Переволочну, где и достались Меншикову).

Значение батуринской артиллерии прекрасно понимал Петр I, который приказывал Меншикову 2 декабря 1708 г.: «Зело лучше такую великую артиллерию вывезть в Глухов... понеже, когда в таком слабом городе такую артиллерию оставить, то шведы также легко могут взять... и для того не изволь время терять, ибо... опасно, дабы не помешали (шведы.— *А. О.*) вам в вывозе артиллерии». В случае невозможности вывезти артиллерию из Батурина Петр приказывал уничтожить ее[3]. Как известно, Меншиков опередил Карла XII в Батурине, и шведские захватчики увидели только догорающие руины гетманской резиденции.

Французский посланник при Карле XII Безенваль писал министру иностранных дел Франции де Торси: «Понятовский (посол С. Лещинского при Карле XII, польский магнат и шведский агент.— *А. О.*) получил аудиенцию у шведского короля, которому рассказал, что казацкий гетман Мазепа обещает, как только шведское войско подойдет к границам Украины, восстать с казаками для освобождения своей страны. Его величество (Карл XII.— *А. О.*) очень доволен этим и действительно это — событие громадного значения»[4]. Это писалось 18 сентября 1708 г., и в этот же день Карл XII переправился через р. Сож, направляясь на Украину. Таким образом, выступление Мазепы не было «неизбежным результатом» шведского вторжения на Украину. Нет, Мазепа сделал все, что мог, чтобы подготовить и ускорить это вторжение. Он вместе с шведскими захватчиками повинен в величайших разрушениях на Украине, страданиях и жертвах украинского народа в 1708—1709 гг. под гнетом шведских оккупантов[5].

---

[1] Бантыш-Каменский Д. «Источники». Ч. 2-я, стр. 106.
[2] «Biblioteka Ossolinskich». T. IV, str. 151. Lwów. 1864.
[3] Соловьев С. «История России». Кн. 3-я, стр. 1525—1526.
[4] «Науковий збірник Історичної секції УАН за 1928 р.», стр. 79.
[5] Это, конечно, не исключает того, что при других обстоятельствах Мазепа мог бы еще долго обманывать Петра и сохранять внешнюю верность. С. М. Соловьев имел известные основания говорить, что Мазепа, «конечно, умер бы верным слугой царским, если б судьба не привела к русским границам Карла XII» («История России с древнейших времен». Кн. 3-я, стр. 1487). Даже, находясь уже в шведском лагере, Мазепа на всякий случай ведет переговоры с царским правительством о своем возвращении (Бантыш-Каменский Д. «Источники». Ч. 2-я, стр. 212—213).

Украинская буржуазная историография обычно говорит о двух договорах Мазепы с Карлом XII: договоре, составленном будто бы в 1708 г., то ли перед вступлением шведского войска на Украину, то ли после того: и втором договоре, составленном в конце марта 1709 г., когда к шведскому войску присоединились запорожцы во главе с кошевым атаманом К. Гордиенко. Однако тексты ни первого, ни второго договоров до нас не дошли. По словам Ф. Орлика (в его мемуарах «Вивід прав України»), содержание договора 1708 г. заключалось в следующем: Украина и земли, соединенные с ней, имеют быть свободными и независимыми; король шведский обязуется защищать их от всех неприятелей; все завоеванное на территории России, но когда-то принадлежавшее русскому (украинскому.—*А. О.*) народу, имеет быть присоединено к княжеству Украинскому; Мазепа должен быть князем украинским или пожизненным гетманом; после его смерти Генеральная рада (фактически Рада старшины) имеет право избрать нового гетмана; король шведский не имеет права присваивать себе ни титула, ни герба княжества Украинского. Наконец, для обеспечения этого соглашения и в интересах безопасности на территории Украины шведам передаются на все время войны города Стародуб, Мглин, Батурин, Гадяч и Полтава [1].

Таково будто бы было содержание договора 1708 года. Хотя некоторые пункты не вызывают особенного сомнения (например пункт о шведских отрядах в главных городах Гетманщины или пункт о правах Мазепы и старшины), но все же существование этого соглашения очень сомнительно именно потому, что оно противоречит несомненному соглашению между Мазепой и Станиславом Лещинским 1708 года.

Соглашение 1709 г. Мазепы с Карлом XII говорит только о том, что шведский король обязуется не заключать мира с русским царем, пока не освободит из-под власти царя Украину и Запорожье (остальные пункты этого соглашения имели технический характер). Таким образом, второй договор более ограничен нежели первый и не противоречит соглашению Мазепы со Станиславом Лещинским. Итак, наиболее вероятно, что основное соглашение было заключено Мазепой со Станиславом Лещинским, а король шведский Карл XII являлся гарантом этого соглашения, обеспечивающим (особенно в условиях Северной войны) его полное осуществление.

Но все эти предательские планы старшинской верхушки и гетмана Мазепы не осуществились. Украинский народ враждебно встретил шведских захватчиков и помог русской армии разгромить Карла XII.

---

[1] Борщак І. «Вивід прав України» Ф. Орлика». «Стара Україна». Томы I—II. стр. 6—7. 1925.

КРЕСТЬЯНСТВО ЮГА РОССИИ ПОД ВЛАСТЬЮ ДЕНИКИНА

(Аграрная политика деникинщины)

А. Четыркин

19 ноября 1919 г. тов. Орджоникидзе писал В. И. Ленину: «Безусловно крестьяне сначала непрочь были попробовать, что им даст Деникин, поэтому к нам при нашем отступлении относились если не враждебно, то в лучшем случае безразлично. Не то теперь. К нам идут добровольцы... Крестьяне просят принять все меры, чтобы не пустить больше деникинцев... Крестьяне теперь уже не говорят «красные» и «белые», а просто — «наши» и «Деникин»[1].

Ленин придавал решающее значение этому повороту крестьянства в сторону советской власти. Владимир Ильич писал в декабре 1919 г.: «В последнем счете именно эти колебания крестьянства, как главного представителя мелко-буржуазной массы трудящихся, решали судьбу Советской власти и власти Колчака-Деникина»[2]. Трудовое крестьянство и беднейшее казачество, испытав на себе буржуазно-помещичий реставраторский характер деникинщины, накопив «собственный практический опыт, позволяющий сравнить руководство буржуазии и руководство пролетариата»[3], перешло от политики нейтралитета к политике союза с пролетариатом для борьбы с помещичье-буржуазной контрреволюцией.

★

Зародившаяся на Дону в конце 1917 г. военная сила белогвардейцев не получала вначале поддержки со стороны рядового казачества. Монархические контрреволюционные стремления, проявляемые корниловско-алексеевской военной организацией, отталкивали казаков, особенно фронтовиков, требовавших удаления белых из пределов области. Когда в станицу Гундоровскую были присланы Гундоровскому батальону от ростовских землевладельцев подарки и в каждом мешочке оказались монархические брошюры, это вызвало негодование казаков и угрозы расправиться с монархистами. Представитель этой станицы Мазакин на заседании войскового круга указал, что факт присылки монархической литературы произвел «...очень тяжелое впечатление на гундоровцев»[4]. Атаман Каледин советовал Алексееву перенести свою деятельность за пределы области—в Ставрополь или Камышин. Чем больше офицеров приезжало на Дон, тем настойчивее было требование казаков, не желавших войны, об удалении алексеевцев с Дона. Ненависть к царизму и к войне была настолько сильна в среде казачества, что в начале гражданской войны даже зажиточная часть казачества не встала на защиту свергнутой царской власти. Наиболее дальновидные из руководителей белого движения понимали, что еще не настало время для открытого выражения своих конечных монархических стремлений, целей и задач, что нельзя еще отбрасывать «демократические» лозунги, в частности требование о созыве Учредительного собрания. Ген. Корнилов возил за собой некоего матроса Федора Баткина, глашатая свергнутого Временного буржуазно-помещичьего правительства Керенского. Этот Баткин выступал в станицах с эсеровскими речами в защиту Учредительного собрания. Редактор газеты «Великая Россия», представлявшей интересы крупнейшего землевладения, банков и промышленности, органа крайне правых группировок деникинщины, в статье «Полный список» указывал, что все русские генералы за Учредительное собрание[5].

Корниловцы в это время говорили, что двухцветность их погона объясняется тем, что черная сторона его символизирует траур по свободе, а красная — конечную победу свободы[6].

Деникин широко оповещал о том, что его армия сражается за «основы государствен-

---

[1] Орджоникидзе Г. Избранные статьи и речи, стр. 76—77. Огиз. 1939.

[2] Ленин. Соч. Т. XXIV, стр. 643. 1932.

[3] Там же, стр. 642.

[4] Центральный архив Октябрьской революции (ЦАОР) (Москва), ф. 1258, д. 16, оп. 1, л. 102.

[5] См. «Великая Россия» № 146 от 9(22) февраля 1919 года.

[6] См. Калинин И. «Русская Вандея», стр. 25. Гиз. 1926.

ности и социального мира, чтобы создать тем необходимые условия для строительства земли «свободной волею народа». Он громогласно заявлял, что созовет Учредительное собрание[1].

Все подобные заявления были лишь приемами политической маскировки деникинщины на первом ее этапе, приемами для сохранения и укрепления организуемой на юге России вооруженной силы контрреволюции. На этом этапе организации контрреволюционных сил белый генералитет должен был считаться с тем, что большинство бедняцко-середняцкой части деревни выступало открыто против реставрации прежних отношений. Не только на Дону, но и на Кубани, Тереке вернувшиеся с фронта трудовые казаки собирали сходы и выносили решения о поддержке советской власти. Революционная атмосфера в станицах и селах Дона, Кубани, Терека, Ставропольщины была накалена. Особенно острым и наиболее сложным являлся в этих областях земельный вопрос. Временное правительство не удовлетворило требования малоземельных крестьян и батраков о наделении их землей. В 135 волостях Дона свыше 50% крестьян относилось к бедняцко-батрацкой группе. На Дону и Кубани была значительна прослойка малоимущего казачества и крестьянства. По данным всероссийской переписи 1917 г., на Кубани имелось беспосевных казачьих хозяйств 28,5% и беспосевных иногородних хозяйств 71,5%. Казачья беднота не имела возможности вести свое хозяйство из-за отсутствия инвентаря и рабочего скота и сдавала значительную часть своих земельных паев в аренду.

Из 6 округов Терской области только один Нальчикский округ имел достаточное количество земли, но и там большая часть земли принадлежала помещикам и кулакам. Беднота и середняцкая часть казачества и крестьянства были настроены враждебно к офицерским белогвардейским формированиям, видя в них оплот помещичье-реставраторских кругов.

Когда Деникин со своей «армией», насчитывавшей несколько тысяч человек, вынужден был в феврале 1918 г. покинуть пределы Дона и направиться на Кубань, то здесь он встретил далеко не радушный прием. Всюду деникинцы наталкивались на упорное сопротивление населения. Первый поход Деникина на Кубань с целью сделать ее своей базой закончился неудачей.

В апреле 1918 г. остатки «Добровольческой армии» вернулись на Дон. Обстановка к этому времени резко изменилась. С весны 1918 г. на Дону, Кубани и в других районах стал реализоваться советский декрет о земле. Это означало уравнение в земельных правах казачества и иногородних и экономическое ущемление кулачества. Сословные предрассудки, которыми было охвачено и середняцкое казачество, боязнь его потерять часть земли в пользу иногороднего крестьянства дали возможность казачьим верхам на некоторое время перетянуть на свою сторону середняков-казаков и увлечь бо́льшую их часть на борьбу с советской властью. Богатое крестьянство из иногородних поддерживало казацкую контрреволюцию. В конце марта—начале апреля 1918 г. начались кулацко-казачьи восстания в ряде южных станиц Дона: Егорлыцкой, Кагальницкой, перекинувшись затем к Новочеркасску, в район станиц Кривянской, Бессергеневской, Раздорской, Заплавской. В июне 1918 г. кулацкие мятежи, поддерживаемые немецкими оккупантами, прокатились по Кубани, Ставропольщине. Деникин предпринял свой второй поход на Кубань в июне 1918 г. в этих новых условиях, когда начались кулацкие выступления, особенно в Ейском округе и на Таманском полуострове, где при поддержке немецкого десанта был образован таманский фронт.

Захватив к концу 1918 г. Кубань и Северный Кавказ, деникинщина на практике показала «свободу». Занятие Кубани добровольцами было связано с неслыханными зверствами, издевательствами, произволом, главным образом над иногородней и казачьей беднотой. Председатель кубанского краевого правительства Л. Л. Быч на одном из заседаний Рады заявил, что «половина населения Кубани против нас». Крестьянство на опыте убеждалось в том, как резко расходятся дела белогвардейщины с ее официальными декларациями. Когда жители села Терновского, Ставропольской губернии, еще в начале 1918 г. послали делегацию к Деникину, чтобы узнать, за что он воюет с советской властью и какова его аграрная программа, то ген. Алексеев, принявший делегацию, отделался общими успокоительными заявлениями в отношении земли, а затем дал возможность посмотреть, что ждет всякого, посягающего на «чужую собственность». Около штаба Деникина делегация могла видеть виселицу с повешенными крестьянами и тем самым воочию убедиться, какова «деникинская программа»[2]. В донесении Осведомительного агентства (Освага) от 10 января 1919 г. указывается, что многие рассуждают так: «Командный состав Добровольческой армии играет на неопределенность, имея целью выгадать время и потом дать совсем другие лозунги. Поэтому население ему не может доверять»[3].

Первые мероприятия руководителей «Добровольческой армии» по земельным вопросам уже показывали крестьянам, какая аграрная программа будет проводиться в жизнь.

Особым законом от 24 ноября 1918 г.[4] «Об отнесении виноградарства и виноделия к предметам ведения отдела земледелия и землеустройства Особого совещания при главнокомандующем «Добровольческой армией» Деникин, по существу, установил монополию на виноградарство и виноделие[5].

---

[1] См. «Приазовский край» № 175 за 1919 год.

[2] См. Иванько И. «Грозовые годы». Пятигорск. 1936.

[3] ЦАОР, ф. 449, д. 9, л. 19.

[4] Все даты даны по старому стилю. Новый стиль оговаривается особо.

[5] См. ЦАОР, ф. приказов ЮБ 165. «Собрание узаконений Особого совещания», стр. 16—17, п. 39.

Другим мероприятием Деникина, относящимся к тому же периоду его деятельности, была отмена постановления Временного правительства от 12 июля 1917 г. об ограничении земельных сделок (постановление Особого совещания 29 декабря 1918 г., утверждено Деникиным 4 января 1919 г.)[1]. Это мероприятие повело к массовым злоупотреблениям, повышению арендных цен, спекуляции землею и вызвало огромное недовольство крестьянства[2]. Первые мероприятия Деникина в проведении налоговой политики только усилили это недовольство.

Захватив Ставропольскую губернию, Деникин подписывает 21 августа 1918 г. приказ о повышении налога с 11,5 коп. до 1 руб. 30 коп. с одной десятины удобной земли и леса; причем налог должен быть уплачен крестьянами в повышенном размере с 1 января 1918 года[3].

Деникину нужна была кроме того иностранная валюта для покрытия хотя бы части расходов на снаряжение «Добровольческой армии». Особенно острым для Деникина стал этот вопрос во время подготовки генерального наступления на Москву. По подсчетам, сделанным газетой «Парус», слывшей у деникинцев за «либеральную», задолженность Деникина по военным поставкам выражалась к ноябрю 1919 г. в сумме 40 млн. ф. стерлингов[4].

По сообщению английской «Белой книги», только британская помощь Деникину исчислялась в 130 млн. долларов[5]. Единственным источником получения валюты для Деникина являлся экспорт сельскохозяйственных продуктов. Перспективы же получения хлеба от крестьян были довольно неутешительны, хотя к весне 1919 г. под властью Деникина находились наиболее плодородные южные районы: Ставропольская губерния, Терская, Донская и Кубанская области, Черноморская, Таврическая и часть Екатеринославской губернии.

В секретной сводке Освага от 20 января 1919 г. сообщалось, что в Ставропольской губернии из 3 млн. десятин пахотной земли может быть не засеяно до 1112 тыс. десятин, что губерния, дававшая до 50 млн. пудов товарного хлеба, окажется нуждающейся в хлебе. По подсчетам Особого совещания, по другим областям перспективы были следующие: Кубанская область, дававшая 80 млн. пудов товарного хлеба, при оптимальном варианте посевов могла дать до 30 млн. пудов в 1919 г., Таврическая губерния вместо довоенных 70 млн. пудов — только 10 млн. пудов, «богатая хлебом, вывозившая раньше до 60 млн. пудов хлеба Донская область в этом году сама требует продовольственной помощи»[6].

В донесении Освага от 25 февраля 1919 г. говорится, что на Дону «положение крестьян бедственное: воз соломы стоит 375—400 руб., ввиду чего они уничтожают скот, подрывая свое хозяйство»[7].

Сводки Освага и отдела пропаганды Особого совещания были полны тревожных сообщений о том, что крестьяне не собираются обсеменять все свои поля. В одном из донесений, датированном 26 февраля 1919 г., Осваг сообщал, что незасев полей, «кроме экономических последствий, создает особенно благоприятную почву для агитации большевиков»[8]. Учитывая все эти обстоятельства, Деникин издал 24 февраля 1919 г. приказ о засеве полей:

«В целях своевременного и успешного засева полей вменяется в обязанность каждому собственнику и владельцу земли озаботиться обсеменением своих полей. Правительственная власть обеспечивает всем, производящим яровой посев, сбор урожая в их пользу»[9].

На заседании Большого войскового круга ВВД (Всевеликого Войска Донского) 4 марта 1919 г. был принят аналогичный деникинскому приказу закон, в котором в более решительных выражениях было сказано, что всем лицам, занимающимся земледелием на паевой, надельной или заарендованной земле, «...вменяется в обязанность засеять свои земли»[10].

Малое присутствие деникинского Особого совещания отпустило в распоряжение начальника управления продовольствия аванс в 5 млн. руб. на обсеменение полей[11], а 5 марта было ассигновано дополнительно 5 млн. рублей для оказания денежной помощи посевщикам. По утвержденным Деникиным 11 марта 1919 г. правилам по выдаче ссуд, посевщик мог получить 150 руб. за десятину посева ввиде ссуды[12]. Однако все эти мероприятия не встретили сочувствия со стороны трудового крестьянства. Трудовое крестьянство понимало, что деникинское распоряжение об обсеменении полей преследует основную задачу: руками крестьян обработать землю, взять себе львиную долю урожая, а затем передать землю в собственность помещика. Сопротивляясь этому намерению Деникина, трудовое крестьянство сокращало свои посевы. В секретной сводке отдел пропаганды 16 марта 1919 г. сообщал: «Приказ ген. Деникина об обязательном обсеменении полей среди населения встречается скептически. Хотя в приказе и гарантируется владельцу неприкосновенность его посева, но в это никто не верит: «Придет карательный отряд или просто войско на постой и все у нас отнимут». Засеваются лишь самые не-

---

[1] См. ЦАОР, ф. приказов ЮБ 165. «Собрание узаконений», стр. 44, п. 11.

[2] См. «Великая Россия» № 54 от 10 февраля 1919 года.

[3] ЦАОР, ф. 439, д. 9, оп. 1, л. 96.

[4] См. «Парус» № 17 от 18 ноября 1919 года.

[5] См. «The Nation» 6 december 1919, vol. 109, № 2840, p. 725.

[6] ЦАОР, ф. 449, д. 9, лл. 225, 226.

[7] ЦАОР, ф. 449, д. 10, л. 129.

[8] Там же, л. 133.

[9] ЦАОР, ф. приказов ЮБ 165. «Собрание узаконений», стр. 44, п. 11.

[10] ЦАОР, ф. 449, д. 9, л. 271.

[11] ЦАОР, ф. 439, д. 9, оп. 1, л. 3.

[12] ЦАОР, ф. приказов ЮБ 165. «Собрание узаконений», стр. 214—215, п. 142.

обходимые для личного пользования площади. Убедить крестьян трудно»[1].

Положение с посевом было для Деникина крайне грозным признаком, говорившим об отношении массы крестьянства к его власти.

★

В конце 1918 г. и в первые месяцы 1919 г. в ряде мест крестьяне переходили к активным вооруженным выступлениям против деникинщины. Поводом к ним служили разные причины: очередной призыв в «Добровольческую армию», поборы и притеснения местных властей, издевательства и эксплоатация со стороны вернувшихся помещиков. Противодействие крестьянства белогвардейскому произволу приводило к жестоким репрессиям. В качестве примера может служить следующий факт: 27 сентября 1918 г. в деревне Степановке, Таганрогского округа, крестьяне напали на карательный отряд, приехавший за фуражом. Командующий Донской армией ген. Денисов на телеграмме донесения атамана Таганрогского округа наложил резолюцию: «За убийство казака приказываю в деревне Степановке повесить десять жителей, наложив контрибуцию в 200 000 руб. За пленение офицера сжечь всю деревню»[2].

11 января 1919 г. из Симферополя срочной телеграммой доносилось Деникину: «В районе селений Благодатное, Петровское, Ивановское, Чердакли, Волноваха, Ольгинское вспыхнуло серьезное повстанческое движение, для ликвидации начдивом 3 приняты решительные меры»; «В Терпеньевской волости наш карательный отряд при подходе к селу Спасское был вновь обстрелян ружейным огнем. После двухчасового обстрела артиллерией и миниметами село уничтожено, жители села почти все бежали. Ликвидация восстания районе Федоровка—Троицкое—Терпенье за темнотой отложена на следующий день». В этой же телеграмме говорится, что при отходе белых частей через местечко Алешки «жители стреляли из домов»[3].

12 января 1919 г. генерал-майор Тилло доносил телеграммой из Мелитополя о действиях карательного отряда в Терпеньевской волости: «Ликвидацию Терпеньевской волости закончил, зачинщики выданы, несколько домов бежавших сожжены, сами агитаторы и виновные понесли суровые наказания»[4].

В начале января 1919 г. Красная Армия вступила на территорию Донбасса. Под руководством подпольных большевистских организаций начались восстания крестьян в Петропавловской, Старо-Андреевской волостях Беловидского и Успенского подрайонов. В ночь с 7 на 8 января 1919 г. началось восстание луганского пролетариата под руководством большевистской организации. 8 января Луганск был занят подошедшими частями Красной Армии. Белым удалось вновь захватить на 7 месяцев Донбасс только в июне 1919 г.[5]. Во второй половине февраля 1919 г. началось восстание в Мариупольском уезде, в районе станицы Новониколаевской. 20 февраля начальник 5-й дивизии ген. Шиллинг организовал для подавления восстания карательную экспедицию[6]. Восстание разрасталось. Ген. Май-Маевский требовал объединить все посланные на подавление восстания силы под одним командованием и провести «энергичные меры»[7].

Большое восстание было в югозападной части Таганрогского округа. Район восстания охватил в конце февраля — начале марта 1919 г. свыше 50 тыс. населения. 18 февраля поручик Федоров, сообщая в Екатеринодар о напряженном положении в округе, требовал принятия «экстренных мер»[8].

20 февраля повстанцы организовали в селе Федоровке центральный повстанческий комитет. Белое командование сняло несколько полков с фронта и под начальством ген. Виноградова бросило их против восставших в район сел: Федоровки, Носова, Хонжовкова, Платова. Повстанцы потерпели поражение, и 27 февраля часть из них, прорвавшись сквозь вражеское кольцо, ушла в мариупольском направлении. Карательная экспедиция ген. Виноградова десятки сел предала огню и мечу. В одном только Носове было зарублено и расстреляно 119 человек. В Николаевке наряду со взрослыми было повешено трое детей[9]. Полковник Кусонский доносил 20 марта в Екатеринодар, что ушедшие в мариупольском направлении крестьяне говорили, «...что идут сорганизоваться в полки и получить артиллерию с тем, чтобы потом вернуться и взять Таганрог и округ и ввести там советский образ правления, как имеющий там сочувствие»[10]. В то же время происходили сильные вооруженные столкновения крестьян с белыми в районе Св. креста (Ставрополье)[11]. Отдел пропаганды сообщил 2 апреля агентурные сведения о восстании крестьян в селе Воронцовке (Ставрополье): «Количество повстанцев 600 чел. Восставшие повстанцы состоят из бывших красноармейцев и уклонившихся от призыва»[12]. Крестьянские восстания против помещичьей диктатуры терпели в это время поражения из-за неопытности руководителей, разрозненности и неодновременности восстаний, плохого вооружения. Часть трудового крестьянства не покончила с колебаниями и занимала по отношению к Деникину выжидательную позицию. Но все эти первоначальные выступления были грозным предостережением деникинщине. Эти восстания крестьянства сов-

---

[1] ЦАОР, ф. 449, д. 10, л. 247.
[2] «Южное слово» № 146 от 14 ноября 1918 года.
[3] ЦАОР, ф. 1486, д. 38, л. 12.
[4] ЦАОР, ф. 1486, д. 19, оп. 1, л. 3—4.
[5] См. «Донецкий пропагандист» № 11 за 1922 год.
[6] ЦАОР, ф. 1486, д. 11, л. 184.
[7] Там же, л. 213.
[8] ЦАОР, ф. 449, д. 2-А, л. 142.
[9] См. «Красные повстанцы», стр. 59—64. Сборник. Изд. Таганрогского истпарта. 1927.
[10] ЦАОР, ф. 449, д. 2-А, л. 221.
[11] Там же, л. 296.
[12] ЦАОР, ф. 449, д. 10, л. 412.

пали с успехами Красной Армии, занявшей в конце 1918 — начале 1919 г. Уфу, Харьков, Полтаву, Киев, Ригу, Вильно, часть Донской области.

Проведение советской властью социалистических задач революции в деревне, осуществление мероприятий против кулачества, наделение землею бедноты и середняков привели к усилению классовой борьбы на селе. Кулак, бешено ненавидевший советскую власть, готов был перерезать сотни тысяч рабочих[1], кулачество было союзником деникинщины. Опираясь на кулачество и восстание казаков против советской власти, начавшееся в марте 1919 г. в станицах Мигулинской, Вешенской, Казанской, охватившее территорию от станицы Усть-Медведицкой до г. Богучара, Деникин развивает свое наступление на фронте, что позволяет ему соединить свои силы с силами восставших казаков. Деникин стремился закрепить свой союз с кулацкой верхушкой деревни, привлекая «хозяйственного» мужичка перспективой сделки с помещиком и получения «законным» порядком части его земли. С этой целью Деникин послал 23 марта 1919 г. председателю Особого совещания ген. Драгомирову свое письмо-декларацию по земельному вопросу, которое было оглашено на заседании Особого совещания 26 марта 1919 года.

В этой декларации говорилось о необходимости возрождения и подъема сельского хозяйства. Указывалось, что полное разрешение земельного вопроса будет принадлежать выборному законодательному учреждению после победы над Советской республикой, а пока предлагалось Особому совещанию приступить к разработке положений для территорий, занятых белогвардейской «Добровольческой армией». Далее в декларации было сказано, в каком направлении должен был разрабатываться проект земельного закона. Главный принцип—сохранить за собственниками их права на землю. В декларации говорилось о необходимости определить размер земли, который должен быть сохранен в руках прежних владельцев, и установить порядок перехода остальной частновладельческой земли к малоземельным крестьянам. Этот переход части помещичьей земли должен совершаться «путем добровольных соглашений или путем принудительного отчуждения, но обязательно за плату». Пункт 4-й декларации гласил: «Отчуждению не подлежат земли казачьи, надельные, леса, земли высокопроизводительных сельскохозяйственных предприятий, а также земли, не имеющие сельскохозяйственного назначения, но составляющие необходимую принадлежность горнозаводских и иных промышленных предприятий, а в последних двух случаях — в установленных для каждой местности повышенных размерах»[2].

Как видим, эта декларация в основном построена на кадетских принципах частичного отчуждения помещичьей земли за выкуп. Эти принципы усиленно выдвигались кадетами еще во время революции 1905 года. Декларация Деникина была составлена в духе требований «Национального центра»[3] и принадлежала перу кадета Н. И. Астрова. В развернувшейся затем между различными группами белогвардейцев борьбе «Национальный центр» защищал основную мысль—о необходимости во что бы то ни стало перетянуть солдата (т. е. крестьянина) на свою сторону или сделать его по крайней мере невраждебным себе. Кадеты требовали расширения социальной базы «Добровольческой армии», так как с одними офицерами воевать нельзя. Защищая свою позицию, они ссылались также на необходимость приобретения поддержки со стороны «европейской демократии», получить которую, по их мнению, можно было только намеченным в декларации путем.

Кадеты лицемерно проповедовали разрешение земельного вопроса «избегая насилия и вражды». В декларации Деникина говорилось, что при проведении мер к «облегчению перехода земель к малоземельным... власть должна не допускать мести и классовой вражды, подчиняя частные интересы благу государства»[4]. Но даже эта кадетская программа осталась голой декларацией, которая не могла быть проведена в жизнь. Назначаемые Деникиным губернаторы были в большинстве крупными помещиками. Например ко времени опубликования Деникиным декларации тамбовским губернатором был назначен Лопухин, крупнейший помещик Тамбовской губернии[5]. Таким образом, губернатор Лопухин должен был, «не допуская классовой вражды», проводить мероприятия, «облегчающие переход земли к малоземельным». В телеграмме, опубликованной 9 июня 1919 г., Деникин признал, что вслед за войсками являлись землевладельцы, которые насильственно восстанавливали себя в правах, прибегая при этом при поддержке воинских команд «...к действиям, имеющим характер сведения личных счетов»[6].

Письмо Деникина вызвало столкновения различных групп и лиц в лагере контрреволюции. Среди помещичье-буржуазных групп не было единства мнений по аграрному вопросу. Это объяснялось следующим: в полосе южного фронта главная масса помещичьих земель была сосредоточена на Украине и по побережью Черного моря. На Украине в связи с немецкой оккупацией и

[1] См. Ленин. Соч. Т. XXIII, стр. 206. 1931.

[2] ЦАОР, ф. 439, д. 41, оп. 1, л. 2.

[3] Образование «Национального центра» относится к первым месяцам 1918 года. В него вошли кадеты, октябристы и родственные им политические течения. «Национальный центр» представлял интересы крупной промышленно-торговой буржуазии, части помещиков и буржуазной интеллигенции. Эта организация в деникинском лагере поддерживала течение в пользу военной диктатуры, в которой видела средство для создания единой и неделимой России.

[4] ЦАОР, ф. 439, д. 41, оп. 1, л. 2.

[5] См. «Вольная Кубань» № 150 от 10 июля 1919 года.

[6] ЦАОР, ф. 449, д. 11, стр. 154.

хозяйничаньем гайдамаков крестьяне лишь частично захватили помещичьи земли. С приходом «Добровольческой армии» украинский помещик немедленно восстанавливал себя в прежних правах в тех районах, где крестьяне захватили помещичью землю. Наличие значительной кулацкой прослойки в украинской деревне и стремление кулака разрешить земельный вопрос путем сделки с помещиком задерживали развитие крестьянского движения на Украине.

В южных, черноморских губерниях после Октябрьской социалистической революции помещичье хозяйство было ликвидировано, крестьянство получило из рук советской власти помещичью землю. После занятия этих районов «Добровольческой армией» помещичья земля немедленно возвращалась прежним владельцам, которые стремились к полной реставрации дореволюционных отношений. Все помещики, независимо от типа и размера их хозяйства, как на Украине, так и в других районах, захваченных Деникиным, требовали укрепления частной собственности на землю, узаконения их прежних прав, нарушенных Октябрьской социалистической революцией. При общих интересах и требованиях помещики в зависимости от размера и типа хозяйств, их местонахождения и т. п. на детали разрешения земельной проблемы имели различные точки зрения. Крупные помещики, связанные с финансовым капиталом и являвшиеся крупными вкладчиками в различные банки, акционерные общества, непрочь были реализовать свои земли за большую денежную компенсацию, которая покрыла бы стоимость значительной части их земельной собственности. Они хотели продать крестьянам землю, но деньги получить немедленно от государства. Эта группа помещиков, требуя подтверждения в законе их прежних прав земельных собственников, соглашалась дать крестьянству гарантии в том, что часть помещичьей земли будет принудительно отчуждена и передана крестьянству за выкуп с предоставлением длительной рассрочки в платежах. По мнению помещиков, такие обещания были нужны для того, чтобы успокоить крестьянство, перетянуть его на свою сторону и тем самым получить полную победу над Советской республикой. Они же соглашались на постановку вопроса об улучшении условий аренды земли для крестьян. Хотя такая позиция помещиков удовлетворяла исключительно кулака, все же она давала бóльшие возможности для проведения гибкой политики по отношению ко всему крестьянству.

Помещики южных губерний, ранее связанные главным образом с иностранным рынком и развивавшие на своих землях чисто капиталистические подсобные предприятия (сахарные, крахмальные, винокуренные, паточные заводы и т. д.), были против принудительного отчуждения земли. Газеты «Великая Россия» и «Киевлянин» были выразителями интересов этих групп землевладельцев, соглашавшихся на предоставление права приобретать землю у помещиков в рассрочку только тем крестьянам, которые будут добровольно бороться «за Россию» на стороне белогвардейцев. Мелкие помещики, работавшие главным образом на внутренний рынок, имевшие основной доход от своего землевладения, были настроены наиболее непримиримо в вопросе о земле. Никаких уступок, никаких обещаний крестьянству — такова была их позиция в этом деле. Большая часть офицерства и чиновничества деникинской армии состояла из представителей именно этой группы помещиков. Их взгляды защищал «Совет государственного объединения» (СГОР). Чем ближе продвигалась белогвардейская армия к Москве, тем непримиримее становилась крайне-реставраторская группа помещиков, тем слабее раздавались голоса из других групп, которые придерживались точки зрения: «Надо крестьянам прирезать землю, иначе они нас прирежут».

Еще до оглашения декларации Деникина по земельному вопросу лидер СГОР А. В. Кривошеин, бывший главноуправляющий ведомством земледелия при Столыпине, в своем обращении к Деникину просил повременить с выпуском этого документа до представления проекта СГОР. Кривошеин доказывал, что этот документ по сравнению с декретом о земле советской власти крестьянству ничего не даст и только может возбудить недовольство, а в то же время в среде помещиков создаст глубокую неприязнь к главному командованию, решившемуся на шаг, затрагивающий их классовые и личные интересы. В это время «Союз возрождения России», возникший еще весной 1918 г., представлявший собой блок меньшевиков, эсеров, народных социалистов, торгово-промышленных и буржуазно-кооперативных кругов, стоял на той точке зрения, что земельный вопрос может разрешить только Учредительное собрание. До той поры «Союз возрождения» признавал возможным провести лишь временные меры для урегулирования земельных отношений в смысле предоставления крестьянам права пользоваться той землей, которая находится в их фактическом владении. Программа «Союза возрождения» была уже сформулирована к моменту выпуска Деникиным декларации по земельному вопросу и закреплена позднее, на конференции «Союза», происходившей 20—24 сентября 1919 г. в Ростове[1]. Эта установка эсеров и меньшевиков как нельзя лучше подкрепляла точку зрения руководящей группы деникинщины: «...не предрешать заранее аграрный вопрос, когда будет занята Москва, тогда видно будет...»

К широко опубликованному письму-декларации Деникина основная масса крестьянства отнеслась отрицательно. Отдел пропаганды в секретной своей сводке сообщал, что крестьяне «...не видят осуществления распоряжения главнокомандующего», «остро выступают неумеренные требования помещиков, помнящих лишь свои обиды и аппетит»[2].

Деникин хотел успокоить помещиков и обнадежить крестьян. Его дальнейшим

[1] См. «Утро юга» № 215(243) за 27 сентября 1919 года.

[2] ЦАОР, ф. 449, д. 12, л. 6.

шагом в данном вопросе было утверждение 1 апреля комиссии по разработке аграрного закона на основе опубликованной декларации [1]. Если созданием особой комиссии по разработке закона о земле Деникин стремился вселить части крестьян уверенность в том, что его декларацию необходимо принимать «всерьез», то персональный состав комиссии должен был успокоить помещиков. Председателем комиссии был назначен Колокольцев В. Г., бывший председатель волчанской земской управы (при царизме), в 1918 г.— министр земледелия в «правительстве» Скоропадского. Колокольцев занимал у Деникина пост начальника управления земледелия, он представлял взгляды крайне реакционных помещичьих групп, исходивших из принципа «революция пройдет, помещики останутся». В ряде мест часть крестьянства стала рассматривать декларацию как обещание передать им безвозмездно помещичью землю. В донесении отдела пропаганды указывалось, что такое толкование деникинского документа «... может повлечь за собой впоследствии крупные недоразумения» [2]. Комиссия Колокольцева закончила выработку проекта закона в июле 1919 года. Полностью колокольцевское «Земельное положение» до нас не дошло, но из тех материалов, в которых приводится содержание этого проекта закона, можно сделать вывод, что основные разделы его имели следующие пункты [3]:

1. Помещичья земля свыше определенной нормы должна быть добровольно распродана или отчуждена в собственность крестьянам за выкуп.

2. Норма не подлежащих отчуждению частновладельческих земель была установлена от 300 до 500 десятин, в зависимости от местности.

3. Отчуждению не подлежали земли городов, земств, монастырей, церквей, духовных учреждений, ученых и просветительных обществ. Да и для помещичьих земель был указан целый ряд исключений, так, отчуждению не подлежали «культурные» и заводские хозяйства.

Таким образом, в пользу крупных помещиков была сделана довольно основательная оговорка, и они всегда могли подвести свое хозяйство под данное исключающее положение.

4. Проект предусматривал, что земельные органы приступят к отчуждению земли только по истечении 3 лет со дня «восстановления гражданского мира во всей России».

Тем самым вопрос отчуждения откладывался на неопределенный период, не ограниченный никакими сроками. Невозможно было точно установить время «наступления гражданского мира», а это как раз и устраивало помещиков, которым и надлежало определять этот момент по своему усмотрению. Если вступление в силу пункта об отчуждении земли зависело от самого помещика и совершенно не определялось во времени, то восстановление в правах собственников земли не было затруднено какими бы то ни было юридическими условностями. В проекте закона было сказано, что по мере занятия территории «Добровольческой армией» должны были немедленно вступать в распоряжение своими угодьями казна, банки, города, церкви, монастыри, другие учреждения и частные собственники. Для последних имелась оговорка: частные владельцы вступали в распоряжение своими землями, не использованными захватчиками или «находящимися в чужом пользовании в течение времени, не большего, чем необходимо для одного озимого и для одного ярового урожая...» Проект закона, разработанного комиссией Колокольцева, был составлен в защиту интересов крупных помещиков-юнкеров, хотя при этом не были забыты и интересы мелких групп землевладельцев.

Это было довольно откровенное провозглашение реставрации. Но даже это творение, которое Деникин назвал «актом отчаянной самообороны класса» [4], вызвало недовольство в правых кругах помещиков.

СГОР в письме Кривошеина и своем постановлении от 14 июля 1919 г. выразил недовольство содержанием проекта комиссии Колокольцева и потребовал его изменения. Никаких признаний «захвата», никаких «отчуждений»! Возможно только ограничиться возобновлением деятельности Крестьянского банка и созданием землеустроительной организации, которые «...внесут в деревню успокоение вернее и скорее, чем самые красноречивые обещания». Еще большее недовольство возникло в этих кругах, когда Деникин отклонил проект, опасаясь увеличения крестьянского движения, и принял отставку Колокольцева. Была организована вторая комиссия, во главе с профессором Киевского университета А. Д. Билимовичем и Челищевым — начальником управления юстиции Особого совещания. Этот шаг Деникина был вызван важными соображениями. Деникин к июлю 1919 г. вышел за пределы казачьих областей. 17 июня белым удалось захватить Царицын и тем самым закрепить свое господство на всей территории Донской области. К этому же времени «Добровольческая армия» захватила Левобережную Украину (включая Харьков) и Крым. Деникин 20 июня отдал приказ о движении на Москву. Отношение крестьянства к белым армиям на их путях движения к Москве имело громадное значение для успеха генерального наступления. Не мог Деникин не считаться и с тем фактом, что его армия пополнялась за счет мобилизованных крестьян. Уже к весне 1919 г. Деникин имел на южном фронте 100-тысячную армию (15 пехотных и 25 конных дивизий [5]), которая выросла за счет мобилизации к сентябрю 1919 г. до 185 тыс. штыков и сабель. Вот почему Деникин вопреки требованию СГОР, точку зрения которого он разделял, не пошел по пути официального

[1] ЦАОР, ф. приказов ЮБ 165. «Собрание узаконений», стр. 241, п. 200.

[2] ЦАОР, ф. 449, д. 12, л. 15.

[3] См. Деникин «На Москву», стр. 63. Изд. «Федерация».

[4] Деникин «На Москву», стр. 64.

[5] Архив Красной Армии, д. 5579, стр. 170.

предрешения в июле 1919 г. аграрного вопроса, а постарался оттянуть его на неопределенный срок, чтобы выждать время. Имел также значение и тот общественный резонанс, который получился после принятия донским и кубанским правительствами земельных законов.

Земельный закон, принятый Большим войсковым кругом 1 июня 1919 г. при 3-м чтении, предусматривал неприкосновенность станичных юртов, войсковых запасов, надельных и купленных земель сельских обществ, земель, приобретенных товариществами при содействии Крестьянского поземельного банка, наделов ввиде отрубов и хуторов, земель, необходимых для работы промышленных предприятий, и, наконец, мелкой земельной собственности. Безвозмездно отчуждались в войсковой земельный фонд земли помещиков и церкви, которые были получены когда-либо в дар и вымежеваны из земель войска, земли благотворительных и учебных учреждений и организаций. Правом покупки земли были наделены, по ст. 95-й закона, только казаки да предприниматели [1].

В тот же день Войсковой круг принял декларацию, в которой было сказано: «Убежденный в исключительной политической важности земельной реформы, круг считает недопустимым решение земельного вопроса за пределами войска в форме простой реставрации дореволюционных земельных отношений или ликвидации земельных отношений революционного времени в порядке административных кар и репрессий» [2].

Примерно такой же закон был утвержден краевым кубанским правительством. Расхождение с законом Донского войскового круга имело место только в деталях. В частности, по закону кубанского краевого правительства земли под усадьбами, садами, виноградниками и торгово-промышленными предприятиями оставались в распоряжении и пользовании владельцев в определенной норме, излишки сверх земельной нормы оставались в их пользовании на правах долголетней аренды [3].

Эти законы вызвали рост недовольства крестьянства Дона и Кубани, лишившегося всего, что им дала советская власть по декрету от 26 октября 1917 года. Недовольны были и помещики, среди которых поднялся огромный переполох.

Отдел пропаганды Особого совещания в своей сводке доносил, что на Дону существует острое недовольство законом Войскового круга [4].

Хотя Донской войсковой круг и принял декларацию, где было сказано, что круг против решения земельного вопроса в порядке «административных кар и репрессий», но ему самому приходилось прибегать к таким репрессиям.

Отдел пропаганды 1 сентября доносил: «Донское правительство распорядилось, чтобы стража и полиция производили дознание за агитацию против донского земельного закона, и виновные, вероятно, будут подвергаться административным карам» [5]. Кубанская агентура отдела пропаганды сообщала: «Иногородние очень недовольны земельной реформой, проводимой в настоящий момент краевым правительством» [6]. В другом донесении указывалось: «Земельный вопрос является в настоящий момент самым острым для населения. В аренду крестьянам землевладельцы землю не отдают, т. к. не считают ее своей»; «Некоторые землевладельцы заявляют, что они добровольно своей земли не уступят и будут защищать ее с оружием в руках» [7].

Мероприятия казачьих правительств привели к еще большим разногласиям между основной массой казачества и иногородними, а также помещиками, видевшими в этих законах посягательство на их «законные» права. 12 октября 1919 г. отдел пропаганды поместил в своей информационной секретной сводке следующее донесение: «Земельный закон Всевеликого войска донского вызвал крайнее недовольство крестьян и внес разруху в сельское хозяйство: крестьяне отказываются запахивать поля, безземельные крестьяне отказываются брать в аренду земли...», «...земля остается незапаханной, чему еще очень способствует отсутствие лошадей, рогатого скота и рабочих рук» [8].

Стремясь исправить свой промах, сделанный в приказе от 24 февраля 1919 г. о засеве полей, в котором предлагалось каждому собственнику и владельцу земли озаботиться обсеменением своих полей, Деникин издает 22 июня 1919 г. новый приказ о посевах. Он вменяет в обязанность уже не только собственникам и владельцам земли «немедленно озаботиться подготовкой полей к осеннему севу», но также «лицам и обществам, в действительном пользовании коих земля в настоящее время находится» [9]. Хотя приказ и гарантировал неприкосновенность посева, но крестьяне осенью, как и весной 1919 г., засевали лишь самые необходимые участки для личного пользования. К тому же другие приказы, издававшиеся в это время, ясно показывали, что и в официальной своей политике «царь Антон», как иронически называли Деникина белогвардейцы, строго соблюдает интересы помещиков. Одновременно с приказом от 22 июня о засеве полей вышли правила и о сборе трав в 1919 году. В них предлагалось фактическим владельцам сенокосных угодий, т. е. сельским обществам, 50% скошенных трав после просушки сложить на лугах в стога, передав все это в пользу землевладельца или арендатора. В случае их отсутствия волостной старшина должен был принять меры

---

[1] Закон опубликован в «Донских ведомостях» №№ 122, 123 от 29 и 30 мая 1919 года.

[2] «Донские ведомости» № 126 от 2 июня 1919 года.

[3] «Вольная Кубань» № 100 от 9 мая 1919 года.

[4] ЦАОР, ф. 449, д. 12, л. 60.

[5] Там же, л. 74.

[6] Там же, л. 126.

[7] Там же, л. 249.

[8] Там же, стр. 251.

[9] ЦАОР, ф. приказов ЮБ 165. «Собрание узаконений», стр. 124.

к охране причитающейся помещику половинной доли урожая трав до приезда владельца. Помещик имел право получить деньгами стоимость своей доли, если она не будет сохранена в натуре. Заботливость о помещиках была так велика, что в правилах предлагалось под ответственностью волостного старшины — в том случае, если крестьяне не желали добровольно проводить уборку на помещичьих сенокосных угодьях — провести уборку их в обязательном порядке с сохранением 50% собранных трав для передачи владельцу угодий [1]. Правила о сборе урожая хлебов 1919 г. отличались лишь тем, что ⅔ урожая поступали в пользу лиц или обществ, собравших урожай, а ⅓ — землевладельцу или арендатору, с привозом этой части урожая на гумно или на место, где обычно производилась молотьба. Урожай корнеплодов и овощей поступал в пользу помещика в размере ⅙ части урожая, ⅚ отходили в пользу убравших. Причитавшаяся помещику часть урожая в случае его отсутствия должна была сохраняться до 1 января 1920 г., в случае неявки владельца к этому сроку его часть урожая могла быть продана с торгов с передачей вырученных денег председателю мирового съезда для выдачи по принадлежности. Урожай плодовых и ягодных садов полностью должен был, по этим правилам, поступать владельцам или арендаторам, если же урожай увезен крестьянами, то помещик имел право получить стоимость урожая деньгами [2].

Интересы помещиков были соблюдены полностью. Более того, помещику и кулаку было предоставлено монопольное право разрешать возникающие недоразумения в специально созданных мировых комиссиях, учрежденных в каждом уезде при камерах мировых судей. Председателем комиссии являлся мировой судья, членами — один от помещиков и другой — от крестьян, входящих в состав сельских обществ. Не могли состоять членами указанных комиссий: лица, не достигшие 25 лет от роду, неграмотные, состоящие под следствием или судом, несостоятельные должники, живущие на средства общественной или частной благотворительности. От крестьян в такую комиссию мог пройти только кулак. Помещик, кулак и чиновник должны были решать жизненные для крестьянства вопросы. Председателю комиссии предоставлялось право возвращать прошения, если он находил, что дело не подлежит рассмотрению комиссии. Согласно п. 39 «Положения» о мировых комиссиях апелляция на их решения не допускалась, но и здесь было сделано исключение для помещика и кулака. В п. 40 было указано, что просьбы об отмене решений мировых комиссий допускаются только по искам, цена коих превышает 500 рублей. Эта просьба должна была подаваться в мировой съезд, причем подающий жалобу о кассации должен был вносить залог в 40 р., если размер иска не превышал 2000 р., и 300 р., когда иск исчислялся свыше указанной суммы. Если жалоба признавалась неуважительной, то залог не возвращался, а поступал в казну. Кроме того при подаче прошения надо было оплатить пошлину в размере 4% от цены иска [3].

Могло ли на основе таких правил какое-либо крестьянское общество затевать тяжбу с помещиком и кулаком, когда «Положение» открыто предусматривало интересы последних? Надо принять еще во внимание, что, кроме «писанных» законов, были и «неписанные», т. е. полный произвол помещика и кулака на местах.

Закон о «третьем снопе»—передаче помещику ⅓ урожая — служил для крестьянства дополнительным доказательством реставраторской сущности деникинщины и сыграл немаловажную роль в определении позиции колеблющейся части деревни.

Начальник информационной части отдела пропаганды 27 августа 1919 г. в сводке о настроениях крестьянства по Воронежской губернии записал: «Население недовольно приказами Деникина о трети урожая в пользу собственника земли, причем недовольство это скорее политическое, чем экономическое» [4]. В другой сводке, от 26 сентября, сообщался факт о том, что в Ставропольской губернии в отдельных селах были поставлены виселицы для того, «...чтобы вешать каждого, кто не исполнит требования правительства об отдаче трети урожая владельцу самовольно обработанной земли» [5].

На заседании Донского войскового круга руководитель «оппозиции» Агеев, «кадет с пикой», как его называли, заявил: «...в Добровольческой армии издается приказ об отдаче одной трети урожая помещикам, а в результате там происходят восстания крестьян, с нашего фронта снимаются дивизии для подавления этих восстаний» [6].

Секретные сводки Освага и отдела пропаганды сообщали, что всюду помещики предъявляли крестьянам огромные требования. В Дебальцеве, Азовского района, возвратившийся владелец земли, на которой расположен город и его окрестности, потребовал с населения арендную плату в размере 500 руб. за десятину, применяя «принудительные способы по взиманию аренды» [7]. Из Таганрогского округа сообщалось, что «местные помещики дерут с крестьян и беднейшего населения за одну десятину сенокоса 1000 рублей» [8]. В Купянском уезде, того же округа, помещики с десятины покоса взимали 1200—1500 рублей [9]. В Азовском округе помещики занимаются «вымогательством и угрозами» [10]. В Екатеринославской губернии «отношения между

[1] См. ЦАОР, ф. 439, д. 43, л. 56, или ф. приказов ЮБ 165, стр. 125, п. 55.

[2] См. ЦАОР, ф. 439, д. 43, л. 67, или ф. приказов ЮБ 165, стр. 125—127, п. 56.

[3] ЦАОР, ф. 439, д. 43, лл. 69, 70, 71, или ф. приказов ЮБ 165, стр. 127—131.

[4] ЦАОР, ф. 449, д. 12, л. 55.

[5] Там же, л. 214.

[6] ЦАОР, ф. 1258, д. 64, оп. 1, л. 6.

[7] ЦАОР, ф. 449, д. 11, л. 129.

[8] Там же, л. 274.

[9] Там же, л. 279.

[10] Там же, д. 2-Б, л. 2.

крестьянами и крупными землевладельцами местами сильно обострены. Главным поводом является неурегулированность вопросов, касающихся аренды земли»[1]. В Харьковской губернии «крестьяне выражают недовольство по поводу высокой арендной цены на землю, взимаемой помещиками. Это вызывает задержку посева озимых»[2].

Новое решение Особого совещания от 13 сентября 1919 г., согласно которому посевщики должны были получать ⅘ вместо прежних ⅔ урожая зерновых хлебов и масличных растений и $^9/_{10}$ вместо ⅚ урожая корнеплодов, помочь делу не могло. Характерно, что Особое совещание в своем решении от 4 октября, утвержденном Деникиным 9 октября 1919 г. в новом дополнении правил о сборе урожая 1919 г., вновь проявило особую заботливость по отношению к помещику и кулаку. В этом дополнении предусматривались те случаи, когда урожай или часть его забирался для нужд белой армии. При этом «...все происшедшие отсюда убытки распределяются между сторонами пропорционально причитающимся им долям урожая. Размер этих убытков и соответственного уменьшения платы за пользование землею определяются по добровольному соглашению сторон, а при недостижении такового — мировыми комиссиями»[3]. Тем самым ⅘ убытков по хлебам и $^9/_{10}$ по корнеплодам ложились на плечи крестьянства.

28 августа 1919 г. Деникин утвердил решение Особого совещания об организации местных органов управления продовольственными делами во главе с уполномоченным по продовольствию. На уполномоченных возлагались заготовка продовольствия и фуража и реквизиция продовольственных продуктов. Особо была оговорена в решении необходимость проведения реквизиции продуктов в случае «...невыпуска на рынок продуктов в целях явной спекуляции»[4].

★

Реставраторская сущность политики Деникина и его «правительства» тем сильнее давала о себе знать в официальных документах, чем ближе к Москве продвигалась «Добровольческая армия». На первых порах Деникин, используя свою многочисленную конницу, отборные офицерские корпуса, сумел добиться большого успеха: 19 июля 1919 г. белые захватили Полтаву. 28 июля конный корпус Мамонтова прорвал фронт у Новохоперска и двинулся по глубоким тылам Красной Армии; 10 августа была захвачена Одесса, 18 августа—Киев; 8 сентября Деникин захватил Курск, 23 сентября—Воронеж; 30 сентября корниловская офицерская дивизия взяла Орел и выдвинулась на 5 километров севернее Орла. Открылся путь на Тулу и далее — на Москву.

Товарищ Сталин писал: «Самоуверенность деникинцев дошла до того, что донецкие капиталисты объявили еще в октябре миллионный приз (николаевскими деньгами) тому из полков добровольческой армии, который первый вступит в Москву...»[5].

В условиях нарастающего успеха Деникин проводит ряд новых мероприятий по отношению к крестьянству, отбрасывая прежнюю свою словесную осторожность. 22 июля 1919 г. Деникиным были изданы правила о единовременном военном сборе хлеба и зернового фуража в размере 5 пудов зерна с каждой десятины земли, убираемой в 1919 году. К этим правилам было добавлено 20 августа новое постановление, по которому крестьянам за сданный хлеб и зерновой фураж ¼ суммы выдавалась денежными знаками, а на остальные ¾ выдавалась квитанция, подлежащая оплате через казначейство по истечении 3 месяцев. Весь хлеб и зерновой фураж, причитавшиеся с каждого хозяина в порядке единовременного сбора, должны были быть сданы не позднее 1 сентября 1919 года. У не сдавших в срок хлеб и фураж отбирали в удвоенном количестве. Если не было в наличии хлеба, взималась оплата стоимости удвоенной нормы хлеба и фуража по рыночным ценам.

По свидетельству бывшего лидера «Союза возрождения» В. А. Мякотина, помещавшего свои воспоминания в белоэмигрантском журнале «На чужой стороне», деникинцы и в указанные правила Особого совещания вносили свои практические коррективы. Так например, пользуясь неграмотностью крестьян, белогвардейцы на квитанциях, выдаваемых вместо денег за сданный налог, писали: «Предъявителю сего всыпать столько-то шомполов или розг».

Для предупреждения в дальнейшем катастрофического сокращения посевной площади Особое совещание 20 августа приняло решение о принудительном засеве полей. В постановлении было сказано: «Все земли, оставленные владельцами или законными их представителями, должны быть обработаны в пределах озимых клинов крестьянами соседних селений с распространением на засевщиков правил о сборе урожая в 1919 году»[6].

Появление в этот момент нового проекта земельного закона, выработанного комиссией Билимовича—Челищева, мало отличавшегося от проекта Колокольцева, не могло изменить положения крестьянства даже в случае превращения проекта в действующий закон. Проект клал в основу принцип «отчуждения» части помещичьей земли и передачи ее за выкуп крестьянам. За частными владельцами усадеб, лесов, открытых недр и земли оставлялось от 150 до 400 десятин. Максимальные нормы для покупающих землю были установлены от 9 до 45 десятин. Установлен был семилетний срок после наступления «гражданского мира» для

[1] ЦАОР, ф. 449, д. 12, л. 54.
[2] Там же, л. 103.
[3] ЦАОР, ф. приказов ЮБ 165, стр. 232, п. 311.
[4] ЦАОР, ф. 439, д. 15, оп. 1, л. 16.
[5] И. Сталин. Статьи и речи об Украине, стр. 82. Партиздат. 1936.
[6] ЦАОР, ф. 439, д. 15, оп. 1, л. 14.

завершения реформы. В проекте было оговорено, что отчуждению не подлежат все частновладельческие леса, культурные хозяйства, и предоставлялось право владельцам свеклосахарных плантаций вчетверо расширять свои владения по сравнению с площадью земли, оставляемой за помещиками [1].

СГОР отнесся к этому проекту явно враждебно. Его орган «Великая Россия» грозила, что в результате проведения этого закона «в придачу к Махно мы получим Дубровских». Интересна полемика, которая велась «Киевлянином» — органом Шульгина — против проекта Билимовича. В одном из номеров «Киевлянина» были помещены два письма: одно письмо — инвалида империалистической войны, другое — Шульгина. Инвалид, участник империалистической войны, выступая под псевдонимом «ГАК», писал, что он имеет такое же право на жизнь, как те, кто сидит в одной партии с Шульгиным. Он сражался на фронте, потерял левую руку и сейчас принужден просить милостыню, а те, кто сидел в тылу, владеют миллионами десятин земли и заполняют улицу богатеев в Киеве — Крещатик — «тучными и пышными фигурами». «Предупреждаю Вас,— писал инвалид,— что если крестьянам не дадут земли, не будет ни Колчака, ни Деникина»; «Если бы дали землю крестьянам, не голодали бы инвалиды, не имеющие большинство, как и я, ни клочка земли». Шульгин, видимо, поместил это письмо инвалида для того, чтобы в ответе на него сформулировать основные положения «неписанного» помещичьего аграрного закона, противопоставив его проекту Билимовича — Челищева... Шульгин писал, что если инвалиды и получат «...какой-нибудь клочок земли, то только из наших рук». «Земля наша»— вот лозунг Шульгиных. Он указывал в своем ответе, что, прежде чем дать землю крестьянам, «...надо сначала землю украсть у нас, законных владельцев. А краденое добро, как вы знаете, впрок не идет». Закончил же свой ответ Шульгин прямой угрозой: «...без нашего согласия и участия ничего не выйдет: отнимете силой землю, не пойдет впрок, проклянете день и час, когда на нашу землю заглядelись» [2]. Эти открыто реставраторские взгляды проповедовались в широких кругах деникинщины, и большинство помещиков не хотело отступать от этих принципов [3]. Проект Билимовича подвергся длительному обсуждению.

«Свободная речь» — орган «Национального центра»—в передовой статье писала: «Мы далеки от того, чтобы огульно брать под свою защиту проект во всех его подробностях, но в схеме своей он кажется нам отвечающим запросам переживаемого времени» [4].

П. Струве высказался также за земельный проект, «...который хотя далек от совершенства, но не может быть иным» [5]. Находились группы, более критически настроенные к подобным взглядам, хотя их критика вытекала не из стремления облегчить положение крестьянства, а из соображений тактически-политического порядка.

Газета «Парус» делала расчеты, по которым выходило, что крестьянам в лучшем случае перейдет за выкуп 25% помещичьей земли. «По расчету на один год это составит 2%. В таких размерах помещичья земля переходила к крестьянам и раньше без всяких революций и реформ. Переходила, но это аграрного вопроса не разрешило. Не разрешит его и проектируемая реформа, если она даже осуществится» [6]. Группа членов земельной комиссии от «Национального центра» подписала даже особое мнение, в котором потребовала более радикальных мероприятий из-за боязни крестьянского движения.

Но Деникин теперь и не думал разрешать в какой бы то ни было степени в законодательном порядке аграрный вопрос. Он был уже решен деникинщиной практически. Даже тогда, когда положение белого фронта пошатнулось, Деникин не спешил с оформлением закона, заявив на заседании Войскового круга 7 ноября 1919 г., что нельзя решать аграрный вопрос «...так с кондачка» [7].

К этому времени повстанческое движение в тылу у белых вспыхнуло с новой силой, и приостановить его законами кадетского типа было невозможно. Собственный опыт трудового крестьянства подсказывал ему, что нейтральным оставаться в классовой борьбе невозможно; поэтому в решении политического вопроса: «Быть вместе с рабочим классом или с буржуазией» [8] — подавляющая часть населения деревни делала вывод о необходимости примкнуть к борьбе рабочего класса против диктатуры помещиков и буржуазии. В политсводке отдела пропаганды от 1 ноября 1919 г. говорилось: «Крестьянская безземельная и малоземельная масса пришла в бурное движение... выражая сильное недовольство помещиками» [9]. Повсюду вводились телесные наказания для крестьян даже «...за совершенные последними незначительные проступки» [10]. Деникинский произвол достиг таких форм, что, по свидетельству деникинского отдела пропаганды, были оставлены далеко позади времена царизма: «Повальные грабежи, убийства и реквизиции терроризуют население. В то время как агенты пропаганды говорят, что добрармия несет правопорядок, спокойствие и защиту интересов, рядом с этим взяточничество, грабежи, убийства, каких

[1] Деникин «На Москву», стр. 66. Неполный текст проекта Билимовича помещен в газете «Парус» №№ 21—25, 28, 40—41 за 1919 год.

[2] «Киевлянин» № 40 от 11 октября 1919 года.

[3] См. «Утро юга» № 263(291) от 24 ноября 1919 года.

[4] «Свободная речь» № 252 от 20 ноября 1919 года.

[5] ЦАОР. ф. 449, д. 12, лл. 322—323.

[6] «Парус» № 11 от 6 ноября 1919 года.

[7] ЦАОР, ф. 1258, д. 64, оп. 1, л. 34.

[8] Ленин. Соч. Т. XXIV, стр. 642.

[9] ЦАОР, ф. 449, д. 12, л. 278.

[10] Там же, л. 250.

не было в дореволюционное время» [1]. В другом донесении указывалось, что крестьяне открыто выражают свое возмущение деникинщиной: «Показывая на портреты вождей юга России, крестьяне говорят: «Вот наши цари и поработители» [2].

Усиление повстанческого движения в тылу у Деникина совпало по времени с успехами Красной Армии на южном фронте, и в свою очередь это движение облегчало Красной Армии задачу окончательного разгрома врага.

Красная Армия сломила упорное сопротивление офицерских корпусов в районе Орел—Кромы и за короткий промежуток времени, октябрь—декабрь 1919 г., заняла прочно Орел, Воронеж, Харьков, Киев, Луганск, отбрасывая назад армии противника. Это послужило сигналом для всеобщего восстания в деникинском тылу. В речи перед слушателями Свердловского университета 24 октября 1919 г. (нового стиля) Ленин говорил: «Сегодня вы могли прочитать в вечерних газетах о восстаниях в тылу у Деникина,— Украина загорается. Мы имеем сообщение о событиях на Кавказе, где горцы, доведенные до отчаяния, бросились в наступление и обобрали полки Шкуро, отняв у них винтовки и снаряжение. Мы получили вчера иностранное радио, которое вынуждено было признать, что положение Деникина трудное: ему приходится пускать лучшие свои силы в бой, ибо Украина горит, и на Кавказе восстание. Наступает момент, когда Деникину приходится бросать все на карту» [3].

На Украине основной причиной восстания являлся аграрный крестьянский вопрос. На Кубани — Черноморье этот вопрос был также важнейшей причиной повстанческого движения, хотя помещичье землевладение не играло там такой роли, как на Украине. Разраставшееся в этом крае красно-зеленое движение основывалось главным образом на нежелании приносить материальные и человеческие жертвы ради интересов белых генералов, самоуправство и бесчинство которых хорошо были испробованы крестьянами Кубани — Черноморья. На Северном Кавказе важнейшую роль играли национальный момент и борьба с казачеством за землю. В Крыму повстанческое движение при Деникине не получило широкого распространения, оно приняло серьезные размеры лишь при Врангеле. По своей политической окраске повстанческое движение представляло пеструю картину, но в основном крестьянские бедняцко-середняцкие массы стояли за советское разрешение земельного вопроса, за советские формы организации жизни, за союз с пролетариатом, подчинялись руководству большевистской партии.

★

Подпольные большевистские организации в условиях жесточайшего белогвардейского террора самоотверженно вели работу среди рабочих, трудового крестьянства, а также в деникинских войсках. Особое внимание обращалось на работу среди молодежи. В ряде мест были созданы комсомольские группы, активно включившиеся в работу по ослаблению деникинского тыла. Для руководства большевистскими организациями и повстанческим движением в тылу Деникина был организован в марте 1919 г. подпольный Северокавказский краевой комитет в Екатеринодаре. В июле 1919 г. Северокавказский краевой комитет организовал центральный штаб красно-зеленой повстанческой армии Кубани и Черноморья. В Тифлисе существовал Кавказский подпольный краевой комитет большевиков.

На Ставропольщине, в Прикумье и на Тереке имелись небольшие, но крепкие большевистские организации. По их инициативе были созданы партизанские отряды, укрывавшиеся в камышах и лесах по реке Куме. Наиболее сильные отряды существовали в районах Святого Креста, Прасковеи и Орловки. Значительную помощь оказывал этим большевистским организациям и партизанским отрядам реввоенсовет XI Красной Армии, находившийся в Астрахани и возглавляемый тт. Кировым и Куйбышевым.

По директиве реввоенсовета XI армии в июле 1919 г. был организован штаб терских повстанческих войск. В деникинских агентурных сообщениях сохранилось указание, что на боевых кораблях каспийской белой флотилии были обнаружены и расстреляны большевистские агенты. На Украине ЦК КП(б)У было организовано Зафронтовое бюро в составе четырех человек. Зафронтовое бюро создало большую сеть ревкомов, повстанческих комитетов, которые в свою очередь руководили всем советским повстанческим движением на Украине. Около 800 ответственных партийных работников было послано Зафронтбюро в губернские и уездные центры Украины [4].

В конце августа 1919 г. при Зафронтбюро был создан военный отдел, который специально занимался формированием и снабжением партизанских отрядов. Для непосредственного руководства повстанческим движением Зафронтбюро организовало реввоенсовет Левобережной Украины и юговосточной части Правобережной Украины. В губерниях и уездах созданы были военные революционные комитеты из коммунистов, выделенных партийными организациями. Для облегчения руководства повстанческим движением Зафронтбюро создало из повстанческих отрядов пять бригад, во главе которых были штабы, объединяемые общим командованием штаба Левобережной и юговосточной части Правобережной Украины.

Военный отдел Зафронтбюро с помощью большевистских подпольных организаций создал во многих пунктах Украины в тылу у Деникина склады оружия и боеприпасов.

Коммунистами велась работа и в махновских и петлюровских отрядах.

[1] ЦАОР, ф. 449, д. 12, л. 250.
[2] Там же, л. 283.
[3] Ленин. Соч. Т. XXIV, стр. 498. 1932.

[4] См. «Коммунист» № 63 от 17 марта 1920 года.

В Крыму большевистские организации летом и осенью 1919 г. развернули активную работу по подготовке вооруженного выступления, чтобы к приходу Красной Армии отрезать отступление врагу. В конце августа 1919 г. в Симферополе был создан большевистский подпольный комитет, организовавший 6 ячеек, в которых было более 50 чел. членов партии. Такие комитеты существовали в Севастополе, Ялте, Керчи. Большевистские организации в Крыму организовали специальные боевые дружины для дезорганизации тыла противника.

Для работы на Дону и Донбассе ЦК КП(б)У организовал Донбюро. Были созданы крепкие подпольные организации большевиков в Луганске, Бахмуте, Макеевке, Иловайске. Партийные организации существовали не только в крупных рабочих центрах, но и во многих селах и деревнях Донбасса.

Дошедшие до нас политдонесения Освага, отдела пропаганды, контрразведок отражают растущее беспокойство белых в связи с усилением в их тылу большевистского влияния на массы. Из Таганрогского округа агентура отдела пропаганды сообщала: «Во многих селах и деревнях Таганрогского округа образовались подпольные большевистские организации, причем в каждой такой большевистской ячейке имеется ядро числом в 3 человека. Все сельские ячейки имеют между собой связь и с окружным комитетом. Обнаружено уже до 70 участников—деятелей этих ячеек. Комитет их недавно был арестован» [1]. В сводке по Дону от 12 октября и 29 октября 1919 г. сказано: «Большевистские агитаторы продолжают свою работу как на фронте, так и в глубоком тылу у нас». «В настоящее время с несомненностью установлено, что почти на всех заводах существуют местные организации большевиков, деятельность которых еще не удалось выяснить» [2]. На Кубани, доносил отдел пропаганды 5 сентября 1919 г., иногороднее население «явно выражает свое сочувствие большевикам, мечтая о восстановлении советской власти».

«Стоит лишь случиться на фронте какой-либо заминке, как большевики сейчас же появляются на свет божий» [3].

26 ноября 1919 г. о Терской области отдел пропаганды сообщал: «Среди части крестьян еще держится большевизм». «По данным секретной агентуры Терского отделения, в лазарете местного распределительного пункта регулярно происходят большевистские собрания, на которых вырабатывается план выступления с целью объявления в городе советской власти». «Во всех этих пунктах (Георгиевск, Кизляр, Минеральные воды) дает себя чувствовать большевистская агитация, отражающаяся преимущественно на настроении рабочих» [4].

В донесении от 28 сентября 1919 г. по Воронежской области указывалось, что только зажиточные крестьяне Воронежской губернии заявляют себя сторонниками «Добровольческой армии», остальные терпеливо выполняют распоряжения новой власти, но до явного сочувствия пока еще далеко. «Крестьянская беднота явно сочувствует большевикам» [5].

Рост крестьянского недовольства заставлял некоторых генералов ставить перед Деникиным вопрос об ускорении разрешения аграрной проблемы. Май-Маевский такие требования предъявлял командованию Добрармии, когда белогвардейские части находились под Орлом [6]. Генерал Шиллинг из Крыма телеграммой от 30 ноября 1919 г. ходатайствовал об изменении земельных мероприятий. Вся телеграмма Шиллинга была наполнена тревогой: «В крестьянской среде растет недоверие и недоброжелательство к власти, наиболее насущные государственные задачи не выполняются... В среде средних хозяев и колонистов растет тревога за будущее, громадные площади частновладельческих земель, владельцы коих не имеют фактической возможности ими распоряжаться, остаются незасеянными». Шиллинг требовал издания срочно аграрного закона, удовлетворяющего крестьян, «в целях усиления власти, успокоения тыла и возможно успешного прохождения мобилизации» [7].

Даже генерал Кутепов в целях изменения положения на фронте требовал провести земельную реформу. «Земельная реформа и... виселицы,— тогда мы снова дойдем до Москвы»,— вот та несложная рецептура, предложенная деникинским Мальбруком для успеха похода. Но чудес не бывает. Трудовое крестьянство, на собственном опыте испытав политику белогвардейцев, стало активно выступать против них и их иностранных хозяев, совместно с рабочим классом, под руководством большевистской партии организуя силы для борьбы против нового своего закабаления отечественными и иноземными врагами.

---

1 ЦАОР, ф. 449, д. 12, л. 60.

2 Там же, лл. 250, 283.

3 Там же, л. 125.

4 Там же, л. 402.

5 Там же, л. 223.

6 См. Макаров П. «Адъютант генерала Май-Маевского», стр. 60.

7 «Утро юга» № 277 (305) от 12 декабря 1919 года.

БОРЬБА КРЫМСКИХ ТАТАР ПРОТИВ ВРАНГЕЛЯ *

Л. Катенина

По составу населения Крым многонационален. Издавна в нем жили татары, русские, евреи, караимы, эстонцы, немцы-колонисты, армяне, болгары, цыгане.

После русских самой многочисленной группой населения были татары. В большей части уездов Крыма их было от 23,5% до 58,7% общего числа жителей, а в трех уездах—Евпаторийском, Симферопольском и Ялтинском — татары даже преобладали над русским населением и составляли там больше половины населения этих уездов [1]. Таким образом, удельный вес татарского населения в Крыму был довольно высоким.

Вследствие хищнической политики русского самодержавия и проникновения капиталистических отношений в татарскую деревню в Крыму непрерывно шел процесс расслоения татарского крестьянства. Земля в значительной мере сосредоточилась в руках мурзаков, русских помещиков, кулаков и татарского духовенства, вакуфные земли которого составляли неприкосновенный фонд.

Среди татарского крестьянства в 1915 г. было 12—15% зажиточных хозяев-кулаков, около 35—40% середняков и до 40—50% бедноты [2].

«Татарское крестьянство, особенно на юге и крайнем севере (Крыма), малоземельно,— писала газета «Жизнь национальностей».— На южном берегу нет ни одного селенья, где бы землепользование татар хотя бы немного приблизилось к норме. Все лучшие земли забраны были там под усадьбы помещиков и царских холопов» [3].

По свидетельству газеты «Жизнь национальностей», «в степном районе Крыма, по статистике 1917 г., большое количество населения — 48% — составляли безземельные и малоземельные, среди которых значительная часть — татары. В подгорном районе значительный процент — 39% — главным образом татары — безземельные, безлошадные, бескоровные батраки и ремесленники; 44%— малоземельные трудовые середняки, среди которых также значительное количество татар» [4].

Оттесненное в малоплодородные горные и предгорные районы, татарское крестьянство не было обеспечено ни рабочим скотом, ни инвентарем и вело полунищенское существование. Тяжелое положение неимущего татарского населения привело, наконец, к тому, что оно оказалось на грани вырождения: количество умерших превышало количество родившихся. Так, по данным статистики, с 1897 по 1913 г. лиц магометанского вероисповедания умерло 9227, родилось же только 6630, т. е. число умерших превысило число родившихся на 2597 человек [5]. По данным санитарного бюро Таврического земства, в солнечном, благодатном Крыму татары из года в год давали самую высокую смертность от туберкулеза.

После февральской революции 1917 г. в Крыму быстро развивается национальное движение. Пользуясь несознательностью и неорганизованностью татарской массы, татарская буржуазия и буржуазная националистическая интеллигенция пытаются подчинить себе татарское крестьянство.

Татарская буржуазия главенствует в мусульманском исполкоме, выбранном на делегатском мусульманском съезде, организует городские и деревенские комитеты, вообще захватывает в свои руки деревенские организации и развивает в деревнях широкую националистическую агитацию. Татарская буржуазия выступает под лозунгом национальной автономии, прикрывая им свои стремления к власти.

В июле 1917 г. татарская буржуазия организовала свою партию — Милли-фирка [6]. Политика этой партии после социалистической революции была определенно контрреволюционной. Милли-фирка стремилась к отторжению Крыма от Советской России и к созданию национально-буржуазного государственного объединения при господстве в нем татарской буржуазии. Вокруг этих лозунгов Милли-фирка объ-

---

* По материалам секретариата редакции «Истории гражданской войны».

[1] См. «Статистический справочник Таврической губернии за 1915 г.». Вып. 6-й. Симферопольский уезд, стр. 16.

[2] Там же.

[3] «Жизнь национальностей» № 11 (109) за 1921 год. Статья «Национальный вопрос и земельная нужда».

[4] «Жизнь национальностей» № 115 от 30 июля 1921 года.

[5] См. «Статистический справочник Таврической губернии за 1915 г.».

[6] Милли-фирка в буквальном переводе— национальная партия.

единила татарскую буржуазию и национальную буржуазную интеллигенцию, кулачество и значительные слои малосознательного татарского крестьянства. С самого своего возникновения Милли-фирка направляет все усилия к тому, чтобы предотвратить установление пролетарской диктатуры в Крыму; она ведет деятельную борьбу с советами, стараясь всячески дискредитировать партию большевиков, не брезгуя никакой клеветой и ложью.

★

22 марта (4 апреля) 1920 г.[1] во главе белого правительства в Крыму становится Врангель, сменивший Деникина. К Врангелю переходит и командование над белой армией. Монархист по убеждению, стремившийся, как и его предшественники, к реставрации крепостническо-самодержавного строя, Врангель, однако, не мог не учесть новой обстановки, в которой приходилось действовать белой власти, этого от него требовали и англо-французские интервенты. Разгром деникинщины, бившейся во имя «единой, неделимой России», наступление и успехи Красной Армии, нарастающий экономический кризис в Крыму, недовольство белой властью в широких кругах населения, разрастающееся партизанское движение — все это заставило ген. Врангеля на данном этапе борьбы отказаться от лозунга «единой, неделимой России» и заменить его лозунгом «Все на борьбу с большевиками».

Национальная политика Врангеля по существу была такой же великодержавной политикой угнетения малых народностей, как и политика царизма. Но, учитывая создавшуюся обстановку и уроки, полученные его предшественниками, Врангель вынужден был до известной степени маневрировать в национальном вопросе.

На заседании Совета при главнокомандующем вооруженными силами юга России 9 апреля 1920 г. Врангель заявил, что он считает ошибочной «политику прежней власти, ведшей под лозунгом «Единой России» непрерывную борьбу со всеми населяющими Россию народностями», и будет «стремиться к объединению всех противобольшевистских сил»[2].

Можно было игнорировать интересы малых народностей, но нельзя было не считаться с недовольством среди татарской массы, наиболее многочисленной и сплоченной народности Крыма, в особенности если учесть имевшее место решительное уклонение татар от мобилизации. Это заставило Врангеля искать какого-то соглашения с реакционной националистической татарской буржуазией, особенно учитывая ее влияние среди татарского крестьянства: при ее посредстве Врангель надеялся привлечь татар в ряды белой армии и использовать их для борьбы с большевиками. Соглашение Врангеля с контрреволюционной верхушкой националистической татарской буржуазии произошло на всекрымском татарском съезде, созванном Врангелем в конце мая 1920 года.

Съезд открылся 16 мая 1920 г. в Симферополе и работал до 21 мая. Из 42 выбранных делегатов на съезд приехало только 20. В официальной повестке значилось, что съезд будет заниматься вопросами «управления религиозными, национальными, экономическими и культурными делами крымских татар», а также вопросом «управления мелкими делами и вопросом о налогах»[3].

Делегаты на съезд избирались сельскими обществами, но выборы были подтасованы, и на съезд в большинстве попали мурзаки (татарские помещики), буржуазные националисты, сельские старшины и кулаки в качестве представителей «татарского народа». С ними Врангелю, конечно, нетрудно было войти в соглашение.

Руководящую роль на съезде играли миллифирковцы. Председателем съезда Врангель назначил начальника Таврической губернской управы И. Карпова, который в свою очередь назначил секретарем съезда делегата от Бахчисарая, буржуазного националиста Акчокраклы, и его заместителем — врангелевского чиновника, губернского писаря по особым делам Иванова.

Всекрымский татарский съезд открылся речью самого Врангеля, который после официальных стереотипных приветствий и заявлений о своем желании «пойти навстречу удовлетворению культурно-просветительных, духовно-религиозных и некоторых экономических нужд татарского народа» сразу перешел к основному вопросу — об участии татар в борьбе с большевиками «за освобождение России», о несении «татарским населением военной и конной повинностей». Если татары будут готовы «притти на помощь общему делу», т. е. принять участие в борьбе с Советской Россией, то можно будет, заявил Врангель, затем поговорить и о татарском самоуправлении[4].

Хотя состав съезда был подтасован и на нем присутствовали угодные Врангелю лица, однако кое-кто из делегатов осмелился упомянуть о самоуправлении татарского народа. На это последовал решительный окрик со стороны начальника гражданского управления Перлика, заявившего, что съезд не дал того, что «желало и надеялось получить правительство»[5]. Тем не менее соглашение состоялось.

Начальник гражданского управления Перлик от имени Врангеля предложил избрать комиссию, которая выработала бы вместе с представителями правительства «мероприятия, касающиеся нужд татарского населения в области духовной, религиозной, культурно-просветительной и некото-

[1] Все даты в дальнейшем даны в статье по старому стилю.

[2] Центральный архив Октябрьской революции (ЦАОР), ф. 876, д. № 1, 1920 г., лл. 6—8.

[3] Газета «Крым Мусульманлары» № 28 от 18 мая 1920 года.

[4] См. газету «Юг России» № 40 от 17 мая 1920 года.

[5] Газета «Юг России» № 45 от 24 мая 1920 года.

рых сторон экономической жизни»[1]. Съезд принял предложение правительства и выбрал комиссию, в которую вошли исключительно миллифирковцы: Хаттатов, Айвазов, Кипчакский и др.

Соглашение между правительством Врангеля и татарской буржуазией произошло на базе совместной борьбы против установления пролетарской диктатуры в Крыму: именно эта опасность толкнула миллифирковцев, возглавлявших татарскую буржуазию, к союзу с врангелевской белогвардейщиной, заставила поддержать врангелевское правительство и пойти к нему на помощь в борьбе с Красной Армией и Советской Россией, предав интересы своего народа.

Никаких вопросов, волновавших трудящихся татар, съездом поднято не было. Делегаты съезда даже не вспомнили о нищем, безземельном и малоземельном татарском крестьянстве, о его острой потребности в земле, о его бесправии; не вспомнили они и о нуждах татарской школы, влачившей жалкое существование, об отсутствии свободной национальной прессы. Делегаты съезда строго держались узких рамок, отведенных съезду белой властью.

Придя к соглашению с татарской буржуазией, Врангель с ее помощью при посредстве татарской печати начал обрабатывать татарские массы. Появившиеся после революции татарские газеты «Миллет», «Крым Адары», «Голос татар» белой властью были закрыты. Вместо них с половины апреля 1920 г. начала выходить полуофициальная татарская газета «Крым Мусульманлары Садасы» («Голос крымских мусульман»). Редактором ее был Осман Мурасов, в 1918 г. исключенный из Курултая (татарского буржуазного парламента) как провокатор, а издателем — ротмистр Муфти Заде, замешанный в делах уголовного характера.

«Крым Мусульманлары Садасы» получала от белого правительства субсидии и, по существу, издавалась на врангелевские деньги. На своих страницах эта продажная газета всячески убеждала татарское население в необходимости помочь Врангелю в проведении мобилизации; врангелевское правительство расписывалось в ней как «прочное», «справедливое», которое будет служить «в пользу народа» и которому татары должны помочь.

Одновременно газета старалась натравить татар на коммунистов и Советскую Россию, разжигала национальную рознь, всячески клеветала на коммунистическую партию и советы. «...Московские большевики,— писалось в этой газетке,— разными подарками хотели привлечь к себе мусульман, но мусульмане в общем стали против большевиков и во всех отношениях дали им, русским большевикам, отрицательные ответы»[2].

Проведение в жизнь принятых татарским съездом решений по вопросам, которые обсуждались съездом с разрешения врангелевского правительства, тем не менее, всячески затягивалось. Неспеша вела свою работу выбранная на съезде комиссия, проект о «самоуправлении» татарского народа застрял в правительственных канцеляриях. Так прошло 3 месяца.

В июне Врангель уволил непопулярного среди татарского населения муфтия, ставленника Деникина, что было до известной степени уступкой. Однако место муфтия долго оставалось вакантным. Население стало волноваться. Наконец татарские «общественные» деятели решились напомнить правительству о необходимости назначить нового муфтия и, кстати, попросить ускорить выработку законопроекта о татарской автономии. В Севастополь явилась делегация во главе с Мустафой Мурза Кипчакским. В поданной Врангелю докладной записке в почтительных выражениях делегация просила сдвинуть вопрос с мертвой точки. Врангель приказал ускорить выработку законопроекта.

Только в начале октября, через 5 месяцев со времени созыва майского съезда, появился, наконец, долгожданный проект. Однако он слишком мало походил на проект автономии. Татарам предоставлялось самоуправление только в духовной области, культурно-просветительной и в управлении вакуфами; от какого бы то ни было участия в действительном управлении татарский народ, составлявший в Крыму, как сказано выше, значительную часть населения, устранялся.

Осуществлять самоуправление татар, по законопроекту, должны были «Совет по делам крымских татар» и исполнительный орган последнего — «Управление делами крымских татар» (глава I законопроекта, пункт 2-й)[3]. Выборы в «Совет» предполагались двухстепенные. В «Совет» могли избирать «все лица мужского пола татарского магометанского населения Крыма, достигшие 25-летнего возраста, оседло проживающие в Крыму не менее трех лет к началу выборов» (глава II законопроекта, пункт 5-й)[4]. Таким образом, от участия в органах самоуправления устранялись татарская молодежь, беднота, временные арендаторы, не имевшие 3-летней оседлости, не говоря уже о совершенном устранении татарской женщины. Также от участия в выборах наравне с сумасшедшими и уголовными преступниками устранялись дезертиры белой армии и уклоняющиеся от службы в белой армии, а так как процент таковых среди татарского крестьянства был очень велик, то фактически от участия в выборах устранялась значительная часть татарского крестьянства (глава II законопроекта, пункт 6-й).

Представители татарской буржуазии, участвовавшие в правительственной комиссии, без всяких возражений приняли эту подачку, выброшенную Врангелем вместо просимого самоуправления.

---

[1] См. газету «Юг России» № 45 от 24 мая 1920 года.

[2] «Крым Мусульманлары Садасы» № 5 от 10 июня 1920 г. (перевод с татарского).

[3] См. ЦАОР, ф. 344, д. № 1, л. 193.

[4] Там же.

В течение всего октября 1920 г. законопроект несколько раз вносился в повестку заседаний «Совета» врангелевского правительства для утверждения, но каждый раз снимался помощником Врангеля Кривошеиным. По распоряжению Кривошеина, не разрешались никакие сообщения в печати по татарскому вопросу, даже самого невинного свойства.

Потерпев поражение на фронте, почти окончательно разгромленный в боях с Красной Армией, Врангель снова начинает искать поддержки у татарской буржуазии— 19 октября 1920 г. законопроект о татарском самоуправлении утверждается врангелевским правительством, но врангелевское правительство было уже накануне эвакуации, почему законопроект этот осуществлен не был.

Одной из насущных нужд татарского населения была реформа татарской школы. «Дайте образование! Открывайте школы! — это желание вы услышите повсюду» [1], — писала о татарах-крестьянах Королетской волости даже такая газета, как эсеровский «Крестьянский путь». Между тем дело с образованием у татар обстояло очень плохо: преподавание в начальной татарской школе велось исключительно на русском языке, что, естественно, понижало посещаемость школы, а иногда вызывало даже закрытие школ за отсутствием учащихся.

Вопрос о преподавании на родном языке в школах национальных меньшинств поднимался даже в царские времена. Так, 12 декабря 1904 г. Совет министров, напуганный революционным подъемом, выносит постановление, что «нельзя из школы делать орудие искусственного проведения обрусительных начал» и что в «инородческой» школе следует обеспечить должное место родному языку». В 1905 г. Особое совещание по вопросам образования инородцев «...заявляет, что родным языком пренебрегать нельзя, если мы не стремимся к систематическому оглуплению инородцев» [2].

При Врангеле национальная татарская школа в Крыму преследовалась. Так, 5 августа 1920 г. было принято без всяких причин постановление закрыть старейшую высшую татарскую школу в Бахчисарае — Зинджерли медресе — и уволить со службы весь ее штат. Это вызвало возмущение. Вопрос о закрытии этой школы был поднят 3 октября в Бахчисарае на собрании представителей всех национальных союзов, где было единогласно решено протестовать против такого нарушения исторических традиций и беспричинного увольнения служащих медресе. Заявление было покрыто тысячами подписей татар.

Врангелевское правительство всячески затягивало разрешение вопроса о татарской школе. Только в конце октября 1920 г. были разработаны два законопроекта о реформе татарской школы: первый — о введении материнского языка для обучения в начальной школе, второй — о легализации татарских учебных заведений, возникших явочным порядком после революции 1917 г., а именно: двух учительских семинарий — в Симферополе и Бахчисарае — и бахчисарайской художественно-промышленной школы. Преподавание в указанных учебных заведениях устанавливалось на татарском языке [3].

Но так же, как и законопроект об автономии, законопроект о татарской школе остался на бумаге; вопрос о татарской школе был разрешен уже советской властью, разрешен самим освобожденным татарским народом.

★

В момент прихода Врангеля к власти татарская деревня была в состоянии глухого брожения, явившегося прямым результатом предшествовавшего периода — деникинщины — с ее произволом властей, бесконтрольно хозяйничавших в деревне.

Аграрный закон Врангеля — это худшее издание столыпинского земельного закона — имел своей целью создать врангелевскому правительству опору в кулацких, зажиточных слоях деревни. Согласно врангелевскому аграрному закону, крестьянству передавались за выкуп только земли, сдававшиеся до того в аренду; действие закона не распространялось на так называемые культурные хозяйства: на земли, находившиеся под техническими культурами, табачные, свеклосахарные плантации и виноградники; неприкосновенными являлись кроме того земли удельные, церковные, монастырские, приобретенные при посредстве Крестьянского банка, выделенные на хутора и надельные. Норма земли, оставляемая помещику, колебалась от 100 до 650—700 га; таким образом, помещичье землевладение сохранялось. Получить землю могли имеющие усадебную оседлость и снимающие земли в аренду, а затем белое офицерство и солдаты белой армии, активно боровшиеся против Красной Армии.

Безземельные крестьяне и пришлый элемент, к которому относились сельхозрабочие и арендаторы-издольщики, права на земли не получали. Также исключались и те, кто не шел в белую армию и не давал подвод для белого фронта, дезертиры белой армии, участвовавшие в партизанском движении, в выступлениях против белогвардейцев.

Выкуп, который должны были уплачивать наделяемые землей, носил кабальный характер: в течение 25 лет надо было вносить $1/5$ среднего урожая, исчисляемого для последних 10 лет.

Татарскому крестьянству, среди которого безземельных и малоземельных было до 40%, аграрный закон Врангеля, таким образом, ничего не мог дать. Он обеспечивал землей только кулацкую верхушку татарской деревни, т. е. 12% татарского крестьянства, или ничтожное его меньшинство.

Татарская буржуазия с партией Миллифирка во главе, руководившая националистическим движением, мало-помалу теряла

---

[1] «Крестьянский путь» № 10 от 10 октября 1920 года.

[2] См. доклад о начальных училищах для татарского населения Крыма правительству юга России. ЦАОР, ф. 355, оп. 1, д. № 1, 1920 год.

[3] См. газету «Крымский вестник» № 231 от 18 октября 1920 года.

свое влияние как среди крестьянства, так и среди мелкобуржуазной татарской интеллигенции и ремесленников. Причиной была политика Милли-фирка, игнорировавшая основные нужды татарского крестьянства, поддержка этой партией белой власти с ее постоянными мобилизациями в деревне, порками, карательными экспедициями и т. п.

В среду татарского крестьянства, пережившего дважды советскую власть в Крыму, постепенно проникали большевистские лозунги. Из Советского Союза несмотря на все преграды доходили сведения о жизни народов, освобожденных Великой Октябрьской революцией. Все это революционизировало татарское крестьянство и толкало его на борьбу с белой властью. Нужно отметить, что среди миллифирковцев была «левая» группа, которая призывала татарское население к пассивному сопротивлению белой власти: не давать белой армии солдат, не платить налогов, не исполнять врангелевских приказов, запасать оружие для охраны и обороны деревни в случае появления там карательных отрядов.

«Левые» миллифирковцы рекомендовали татарам не уклоняться от службы в Добрармии, они допускали даже службу татар в контрразведке — так, человек 20 зажиточных татар Ялтинского уезда, поступив на военную службу, работали в ялтинской контрразведке у генерала Зыкова, т. е. работали вместе с палачами в белогвардейском застенке.

Тактика так называемых «левых» миллифирковцев вообще была половинчата и труслива, рассчитана на обман массы; авторитетом в деревне они не пользовались. Начальник Крымской повстанческой армии Мокроусов отмечает в своих воспоминаниях, что работа Милли-фирка в татарской деревне была слаба и сама Милли-фирка непопулярна. Это доказывается хотя бы тем, что татарская деревня на сходах и собраниях выставляла не миллифирковские лозунги, а большевистский лозунг «Да здравствует советская власть!» [1].

Вожаком и организатором татарской бедноты и татарского крестьянства явилась татарская секция (иначе Мусульманское бюро) в Симферополе при подпольном Крымском областном комитете РКП(б), организованная в январе 1920 года. Секция объединяла человек 10—15 татар-коммунистов. Во главе ее стоял Рефатов, работавший учителем, очень популярный среди татарской бедноты. Это был человек даровитый и образованный, владевший европейскими и восточными языками, поэт и музыкант. Рефатов обладал несомненным литературным дарованием, его выступления были отмечены в печати. Он составил татарско-русский словарь, переводил на татарский язык произведения Льва Толстого и Горького. Кроме Рефатова активными работниками секции были рабочий Урманер, Асен Изет, по профессии приказчик, татары Решид Мурат Асанов и Асан Сакаев. Рабочий Урманер фактически руководил всей практической работой секции.

Татсекция работала под непосредственным руководством и по заданиям подпольного Крымобласткома большевистской партии, который для связи и контакта с татсекцией выделил члена коммунистической партии Е. Жигалину, молодую, 20-летнюю девушку, активного работника крымского подполья. Несмотря на небольшое количество работников и трудные условия подполья татсекция, связавшись с местными парторганизациями, сумела наладить работу в ряде мест: в Севастопольском, Бахчисарайском, Карасубазарском районах, в Кучук-Узеньской волости и др.

Секция связывала большевистскую организацию с татарским крестьянством, она довольно глубоко проникла в татарскую деревню, где нашла для своей работы благодарную почву. В татарской деревне секция разоблачала политику Врангеля и предательскую политику татарской буржуазии, вела пропаганду большевизма, устраивала собрания, митинги, распространяла листовки. Секции удалось в значительной степени вырвать татарское крестьянство из-под влияния татарской буржуазии.

О популярности секции среди татарского крестьянства свидетельствует хотя бы тот прием, который встретили в татарской деревне политзаключенные, эвакуированные в Симферополь из харьковской тюрьмы, вырванные из лап контрразведки налетом подпольной организации боевиков. Член татсекции тов. Мурат направил часть освобожденных харьковцев в татарские горные деревни с таким наказом: «Скажите только, что Рефатов и Мурат послали, не беспокойтесь, все будет сделано». Действительно, услышав имена Рефатова и Мурата, татарское крестьянство гостеприимно открыло для освобожденных двери своих убогих саклей и охотно скрывало их несмотря на риск. «Для вас наши двери всегда открыты, чем сможем, всем вам поможем,— говорили татары, принимая харьковцев,— у нас с вами одна красная дорога» [2].

Подпольная коммунистическая организация ставила своей задачей свержение белой власти и установление пролетарской диктатуры в Крыму. С этой целью партия подготовляла вооруженное восстание. Татсекции была поручена подготовка вооруженного восстания среди татар, для чего приобреталось оружие и создавались подпольные отряды в татарских деревнях.

Была налажена связь с батареей, стоявшей в Симферополе, по Кладбищенской улице, где служили казанские татары: их решено было использовать в случае восстания. Велась также работа по разложению мусульманских полков и отрядов, которых в армии Врангеля было значительное количество. Секция также ставила своей задачей дезорганизацию тыла белых и организацию активного отпора белым карательным отрядам. Как на пример можно указать на так называемое капсихорское восстание, которое было результатом под-

---

[1] Рукописный фонд секретариата Главной редакции «Истории гражданской войны», д. № 14 (№ 4270). Стенограмма воспоминаний Мокроусова и Кулиша, стр. 13.

[2] Рукописный фонд «ИГВ», д. № 5071, л. 21.

польной революционной работы татарской секции.

В феврале 1920 г. в татарскую деревню Капсихор (Судакского района) явился карательный отряд из 11 стражников с надзирателем Захарченко во главе. Отряд потребовал выделить 75 крестьян и 40 подвод для фронта. Капсихорцы не только не дали ни людей, ни подвод, но и оказали вооруженное сопротивление; они перебили всех стражников, лишь начальник отряда Захарченко спасся бегством. Еще более серьезный характер носило сопротивление капсихорцев второму карательному отряду, в котором было 250—300 человек. Второй отряд явился в Капсихор дней через 7 после первого, чтобы наказать виновных в убийстве стражников. Татарская молодежь, узнав о приближении нового карательного отряда, двигавшегося от Судака в Капсихор, подняла соседние деревни. Как раз в то время, когда обозленные белогвардейцы готовились запереть стариков деревни Капсихор в мечети и сжечь их там, с окрестных гор массами двинулись татары ближайших деревень и обратили в бегство карательный отряд[1]. И в дальнейшем капсихорцы так решительно противились попыткам расследовать происшедшее, что их пришлось оставить в покое.

Несмотря на короткий период своей работы — всего 3 месяца — татсекция успела тесно связаться с татарскими массами и охватить коммунистическим влиянием татарскую деревню, где ей удалось сорганизовать несколько подпольных комячеек. Все это давало серьезные шансы на возможность и успех восстания в тылу Врангеля, в татарских деревнях.

Но поднять восстание не удалось: 25—28 марта 1920 г. наиболее активные члены татсекции были арестованы кутеповской контрразведкой, в том числе и Жигалина. Арестованные были подвергнуты жестоким пыткам и истязаниям в стенах контрразведки. Врангелевские палачи надеялись вырвать у них сведения о связях среди татар и о подробностях подготовки восстания. Особенно истязали Мурата и Жигалину, добиваясь у них выдачи членов обласкома партии и указаний, где спрятаны пулеметы. Жигалину беспощадно били шомполами, кровавые рубцы на ее теле не заживали до самой казни, у нее вырывали пряди волос, при побоях выбили зубы. Заключенные выдержали пытки с большевистским мужеством, не дав палачам никаких сведений; слабость проявил только юнкер Болиджиев. Выходец из рядов татарской буржуазии, Болиджиев, не выдержав пыток, рассказал о своем участии в убийстве проникшего в ряды боевиков контрразведчика поручика Филермовича и о структуре организации. Но это предательство не спасло его от казни.

22 апреля 1920 г. работники татсекции были преданы военно-полевому суду. В день суда город был наводнен войсками. Кавалерия по пути следования подсудимых оцепила все улицы от тюрьмы до здания суда, подсудимых вели в здание суда в сопровождении кавалерии с пулеметами. Врангелевцы боялись выступления татарского населения и рабочих и потому были наготове.

Выступить на суде татсекция поручила Жигалиной. Измученная истязаниями, совсем больная (у нее развился туберкулез в острой форме), Жигалина, тем не менее, произнесла на суде смелую, горячую речь. «Сегодня у вас праздник,— вы судите коммунистов, — говорила Жигалина в своем последнем слове, обращаясь к суду.— Вы уже заготовили смертный приговор, и пощады мы от вас не ждем. До суда в контрразведке превратили нас в живые скелеты, но вы хотите доказать, что ваша власть сильна и вы вольны казнить и миловать. Весь город вы запрудили войсками, но не против нас, безоружных и измученных, вы выставили тысячи солдат. Вы ждете нападения рабочих и крестьян, вы знаете, что они с нами, и никакие улыбки не скроют животный страх на ваших лицах. Час расплаты близок. Нашей смертью вы никого не запугаете».

Председатель суда пытался лишить Жигалину слова и приказал вывести ее из зала суда, но она продолжала говорить и закончила свою речь словами: «Да здравствует Ленин, да здравствует мировая революция!»[2].

Военно-полевой суд вынес смертный приговор шестерым: Рефатову, Мурату Асанову, Асану Изету, Асану Сахаеву, юнкеру Болиджиеву и Жигалиной; четверо приговорены были к каторжным работам.

Смертный приговор вызвал волнение среди татарского населения; зашевелились даже такие организации, как мусульманское духовное управление. Со всех сторон посыпались ходатайства о смягчении приговора. Симферопольский совет профсоюзов послал Врангелю и Кутепову телеграммы с просьбой о замене смертной казни другим наказанием; о смягчении приговора ходатайствовали даже симферопольский городской голова и председатель губернской земской управы[3]. Но белые власти твердо решили расправиться с вождями и организаторами татарской деревни. Приговор суда был утвержден. На ходатайства штаб белых ответил обещанием еще больше усилить репрессии.

«Ночью 23 апреля (1920 г.) пьяные контрразведчики забрали осужденных членов татсекции и, избивая, повели на казнь. Наутро от их камер до ворот тюрьмы были видны следы крови»[4]. Осужденных на грузовике увезли за город. Вместо расстрела белогвардейцы зверски изрубили осужденных шашками и свалили их в общую яму на еврейском кладбище. Когда с приходом в Крым советской власти яму разрыли, были обнаружены изуродованные, порубленные на куски трупы, у Рефатова

[1] Рассказ о капсихорском восстании записан 29 августа 1937 г. со слов жителей Капсихора.

[2] Рукописный фонд «ИГВ», д. № 5071, л. 83—84.

[3] См. газету «Южные ведомости» № 85 от 28 апреля 1920 года.

[4] «Революция в Крыму» № 9 за 1930 г., стр. 143.

была отрублена тыльная часть головы и были порублены руки [1].

Жигалину казнили позже, в ночь на 26 апреля, вместе с комсомолкой Шполянской. Рассвирепевшие палачи и их изрубили шашками. Когда вырыли труп Жигалиной, то оказалось, что у нее была отрублена передняя часть головы и все тело было в кровоподтеках, представлявших собой следы бесконечных побоев шомполами [2].

После разгрома татсекции Врангель усиливает репрессии в отношении татарского населения. Облавы, массовые аресты и расстрелы становятся повседневным явлением.

Врангель уничтожил членов татарской секции, верных сынов татарского народа, но работа коммунистов оставила прочный след в татарских массах, особенно в татарской деревне, подняв ее революционное сознание. В первое время под влиянием агитации мурзаков и миллифирковцев татары давали солдат на фронт и сражались против Красной Армии. Но все испытанное ими под игом белых и коммунистическая агитация переломили сознание татарской деревни, и татары начали все чаще и упорнее уклоняться от службы у белых, не желая воевать с Красной Армией и советами. «Крымские татары категорически заявили о нежелании воевать с Советами и категорически отказались дать хотя бы одного солдата Врангелю» [3],— писала меньшевистская газета «Вечер».

Врангелю не помогло ни состоявшееся соглашение с татарской буржуазией, ни агитация белого штаба, который распространял в громадном количестве воззвания и прокламации к татарскому населению с призывом «взяться за оружие против большевиков, угрожающих благосостоянию татарского населения». Татарская деревня не давала ни солдат, ни лошадей, татары массами дезертировали, скрываясь в горах. «Горские татары Феодосийского уезда приказов о мобилизации не исполняют,— доносил таврическому губернатору начальник белогвардейской контрразведки полковник Кублицкий.— Когда же чины госстражи являлись на места для проверки призывников, то они скрывались в горы» [4]. Даже продажная газета «Крым Мусульманлары Садасы» должна была признать, что хотя «Бахчисарай усердно следит за ходом войны... однако почему-то замечается нежелание служить в армии» [5].

Так же трудно было белым получить от татарских крестьян лошадей для фронта: их приходилось брать силой. «Татары-крестьяне Байдарской и Дерикойской волостей категорически отказались доставить своих лошадей на сдаточный пункт для фронта» [6],— сообщали из Ялты. Такое положение оставалось в течение всего лета, вплоть до осени. «С 19 по 23 сентября поступления лошадей для фронта от крестьян не было» [7],— писали из Ялты же 24 сентября 1920 года.

Кучук-Узеньская волость, Ялтинского района, одно из самых революционных мест татарской деревни, где особенно энергично работала татарская секция, не выполнила приказа о наборе новобранцев и мобилизации лошадей для армии, о чем сообщал от 17 сентября из Алушты начальник Ялтинского уезда. Он решил объявить Кучук-Узеньскую волость на осадном положении и грозил военно-полевым судом и безвозмездной конфискацией лошадей тем, кто их не представит [8]. Но и это не помогло — в Кучук-Узеньскую волость пришлось выслать комиссию в сопровождении отряда вооруженных белогвардейцев для изъятия лошадей у крестьян силой. Но и вооруженному отряду не удалось ничего сделать: татарское крестьянство разбежалось, уведя с собой и лошадей. В деревне, кроме стариков и старух, никого не нашли.

В июле 1920 г. отряд мобилизованных крымских татар отказался сесть на пароход в Севастополе и отправиться на фронт: «несмотря на угрозы подавить бунт артиллерией, татары не двинулись с места. Из отряда выделилась группа для заявления протеста против отправки за пределы Крыма для борьбы с большевиками. Делегаты были немедленно арестованы, отряд сел на пароход только после двух орудийных выстрелов в воздух» [9].

Отношения между врангелевскими властями и татарской деревней все обострялись. Встретило препятствие даже предложение губернского посредника издать земельный закон Врангеля на татарском языке. Управление земледелия и землеустройства ответило, что «за отсутствием специального кредита... и ограниченным размером канцелярских средств» [10] оно этого сделать не может.

Татарские деревни попрежнему были наводнены стражниками, контрразведчиками, а позднее — и воинскими отрядами. Сельские контрразведчики проводили обычную политику произвола, вымогательства, освобождения от воинской повинности за взятки, пороли шомполами и расстреливали татарское население. Татарское крестьянство волновалось, убивало стражников и офи-

[1] «Дело Шнейдеровского отряда», показания Ильяса. Газета «Красный Крым» № 272 от 27 ноября 1925 года.

[2] «Дело Шнейдеровского отряда», показания Исаака Розенберга. Газета «Красный Крым» № 271 от 26 ноября 1920 года.

[3] «Вечер». Тифлис, № 43, 1920 г., л. 24, сб. ЦАОР, стр. 697.

[4] Крымский архив Октябрьской революции (КАОР), ф. прокурора, д. № 69, л. 6.

[5] Газета «Крым Мусульманлары Садасы» № 12 от 18 июня 1920 года.

[6] КАОР, ф. Таврического губернского правления, связка 11, д. № 627, л. 367.

[7] КАОР, ф. Таврического губернского правления, связка 12, д. № 638.

[8] См. «Ялтинский вечер» № 387 за 1920 год.

[9] Газета «Красное знамя» № 84 от 1 августа 1920 года.

[10] ЦАОР, ф. 355, сп. 1, д. № 5, 1920 г., л. 215.

церов карательных отрядов [1], но расправа с татсекцией лишила татарское крестьянство руководства и тем значительно дезорганизовала его: татарское крестьянство не смогло поднять восстания против своих угнетателей.

В начале мая в м. Коктебель, на южном берегу Крыма, собрался подпольный съезд Крымской коммунистической организации. Съезд должен был обсудить ближайшие задачи партийной работы и произвести перевыборы Крымского областного комитета партии. Съезд был выдан контрразведке провокатором Акимом Ахтырским. В Крымский областком Ахтырский был введен секретарем обласкома, троцкистом Бабаханом, как оказалось впоследствии, тоже предателем, связанным с врангелевской контрразведкой. Несмотря на определенные подозрения и недоверие организации в отношении Ахтырского Бабахан, будучи сам предателем, всячески поддерживал и защищал Ахтырского, стараясь отвести от него подозрения, благодаря чему Ахтырский мог вести свою подлую работу.

Когда занятия съезда уже почти подходили к концу, место заседания было окружено контрразведчиками. Делегаты съезда оказали белогвардейцам вооруженное сопротивление. В перестрелке контрразведчиками был убит секретарь съезда, делегат от Севастополя, Илья Серов (Зильбершмидт), но остальным удалось спастись от ареста и уйти.

Вскоре после съезда Ахтырский был разоблачен, после чего он уже не скрывал больше своего гнусного лица, вместе с контрразведчиками допрашивая и истязая коммунистов. Пробравшись в Крымобластком, Ахтырский, естественно, хорошо знал и работу парторганизации и партийный актив, почему, чтобы избежать дальнейших провалов, партийную работу пришлось перестроить. Обессиленная массовыми арестами и казнями, предаваемая провокаторами, Крымская коммунистическая организация уже не смогла поднять восстание; она перенесла свою работу в лес, сливая ее с работой Крымской повстанческой армии. Туда же от мобилизаций и притеснений массами уходили и татары-крестьяне, пополняя ряды партизанских отрядов.

Татары-партизаны вели активную борьбу против белогвардейских войск, поддерживая в то же время тесную связь с татарской деревней. Особенной активностью отличалась молодежь, среди которой было много дезертиров. Пристав госстражи 4-го участка доносил командиру госстражи Евпатории, что «со времени пребывания большевиков до сих пор в татарских деревнях среди молодежи наблюдается враждебность к властям и злостное дезертирство» [2].

Татары-партизаны составили значительный отряд и затем были объединены в так называемый 5-й Татарский полк. Этот полк действовал главным образом по прибрежным деревням в районе Алушта — Судак. Полк делал налеты на помещичьи экономии, устраивал засады против отрядов белых, отбивал у конвойных отрядов арестованных дезертиров,— словом, принимал участие во всех боевых действиях повстанческой армии. В ноябре же 1920 г., когда повстанческая армия вышла из леса и стала открыто действовать против Врангеля, татарский полк занял Алушту.

Кроме активного участия в партизанских отрядах крестьяне-татары и во всем остальном оказывали огромную помощь Крымской повстанческой армии; без этой помощи повстанческая армия не могла бы и существовать. «Нужно сказать, что население и татарское и русское, но особенно татарское, нам усиленно помогало и сочувствовало» [3],— говорит в своих воспоминаниях начальник Крымской повстанческой армии тов. Мокроусов. Крестьяне-татары, зная все тропы в лесу, служили проводниками для партизан, выполняли роль разведчиков, сообщая о появлении карательных отрядов и о всех движениях белых войск, что было для партизан чрезвычайно важно. Так, после взрыва отрядом партизан Бешуйских копей и захвата кучук-узеньского приставства был послан карательный отряд Божовского, которому дано было задание «ликвидировать» красных партизан. О появлении отряда в деревне Ускут татары-крестьяне немедленно сообщили в штаб повстанческой армии. Такую же существенную помощь оказали крестьяне-татары десанту Мокроусова, который на катере «Гаджибей» доставил пулеметы, оружие и деньги повстанческой армии.

Политика Врангеля по отношению к татарам была великодержавной политикой угнетения татарского народа, так же как и политика русского самодержавия. Соглашение с татарской буржуазией, заключенное с целью использования татарского народа для борьбы с большевиками, не дало Врангелю желаемых результатов: татарское крестьянство решительно уклонялось от мобилизации, не желая поддерживать белую власть. Врангелю не помогли ни карательные отряды, ни казни, ни террор против татарского народа. Освобождаясь из-под влияния татарской национальной буржуазии, трудовой татарский народ от пассивного сопротивления переходил к активной борьбе с белогвардейцами, воспринимая лозунги большевистской партии, помогая ей бороться за свержение белогвардейщины и установление в Крыму власти советов.

---

[1] Известен ряд деревень, где имели место открытые выступления татар против белой власти: кроме Кучук-Узени они были также в селе Улу-Узени, Тукуте и др.

[2] КАОР, ф. госстражи, д. № 60, лл. 11—16.

[3] Стенограмма воспоминаний Мокроусова и Кулиша в Истпарте Крыма от 16 июня 1935 г. Рукописный фонд «ИГВ», д. № 4270, стр. 10.

НАЦИОНАЛЬНОЕ ДВИЖЕНИЕ СЛОВЕНЦЕВ НАКАНУНЕ И В ПЕРИОД ВОЙНЫ 1914—1918 гг.

Д. Густинчич

Словенцев насчитывается в настоящее время около 1,75 млн. человек. Они расселены на территории приблизительно в 25 тыс. кв. километров. Это самый западный из славянских народов, населяющий юговосточные Альпы до Фурланской низменности (Eriuli) в Италии и до северовосточного побережья Адриатического моря у Триеста и устья реки Соча (итал. Изонцо). Занимая на юге треть бывшей австрийской провинции Истрии и соприкасаясь с хорватами в верхнем течении реки Колпы, на востоке словенцы граничат с Хорватией и Венгрией. На севере, в Штирии, словенцы распространяются до теперешней югославско-германской границы, а в Каринтии — до Целовца (Klagenfurt), Беляка (Villach) и даже до св. Гермагора.

Словенцы заняли восточные Альпы и часть Фурланской низменности после передвижения лангобардов в Италию, т. е. в конце VI века. В это время они распространились на западе до Быстрийской долины (Pustertal) в Тироле и пытались вторгнуться в Баварию, а на севере доходили до Дуная в Нижней Австрии[1]. С востока словенцев оттесняли авары, и уже в 745 г. они были вынуждены обратиться за помощью к баварам, а вслед за этим очутились в зависимости от них.

Позднее, когда Карл Великий завоевал Северную Италию, покорил баваров (788), разбил аваров и занял Альпы и Паннонию до Дуная, словенцы подпали вместе с баварами под его власть. Карл Великий отменил институт словенских избираемых жупанов и воевод и разделил словенскую землю между своими феодалами. На всем дальнейшем протяжении феодальной эпохи словенцы оставались подчиненной, закрепощенной чужими феодалами национальностью. Кто владел восточными альпийскими землями, тому и подчинялись словенцы. В 1282 г. основные словенские земли подпали под власть Габсбургов и с этого времени до 1918 г. находились под их скипетром.

Первые литературные памятники словенцев относятся ко времени реформации. Зачатки национального самосознания появляются у словенцев с первой зарей капитализма в Центральной Европе. Но, разделенный между тремя государствами (Австрией, Венгрией и Италией) и шестью автономными областями (в Австрии), словенский народ медленно втягивается в национальное движение. Австрийская революция 1848 г., создавшая первые условия для политического развития словенцев, принесла им и первую национальную программу.

Группа молодой прогрессивной словенской интеллигенции — студенты и профессора — составила в Вене меморандум, который был представлен «земству», феодальному провинциальному правлению центральной провинции словенцев — Крайны — в Любляне. В этом меморандуме были выставлены следующие требования: 1. Воссоединение всех словенцев в одной административной единице с названием Словения. 2. Равноправие словенского языка с немецким в школе и в административных учреждениях и создание словенского университета в Любляне и 3. Независимость Австрии от Франкфурта (немецкой империи); Словения должна составлять неотъемлемую часть австрийской державы[2].

Но революция была подавлена, и в Австрии воскрес абсолютизм Франца-Иосифа I, продержавшийся вплоть до 1867 года. Прогрессивные элементы тонкого слоя словенской буржуазии были отодвинуты в сторону, а католическое реакционное крыло ее, тесно связанное с феодалами и династией Габсбургов, воспользовалось новым положением, для того чтобы отменить словенскую национальную программу 1848 года. Словенский католический поп и влиятельный словенский политик Андрей Ейншпилер впротивовес прогрессивной национальной программе выдвинул в 1865 г. контрпроект, требуя создания так называемой «внутренней группы австрийских провинций». В этой группе словенцы остались бы под опекой немецких помещиков и немецкой буржуазии, как этого желал австрийский императорский дом[3].

---

[1] См. Груден И. «История словенского народа». Целовец. 1912.

[2] См. Драготин Лончар «Политическая жизнь словенцев». Любляна. 1906.

[3] См. Приятель Иван «Янко Керсник и его эпоха». Т. I, стр. 65. Любляна. 1910.

Уже с 1861 г. молодая прогрессивная словенская интеллигенция создавала по городам (в Мариборе, Триесте, Любляне, Целе, Птуе) так называемые читальницы, т. е. общественные организации, устраивавшие вечеринки, спектакли, танцы, доклады и словенские библиотеки. В эти читальницы вовлекалась словенская интеллигенция, чиновничество, торговцы и состоятельные ремесленники, желавшие обучаться литературному словенскому языку (между собою они говорили обыкновенно по-немецки), чтобы стать «сознательными словенцами». Эти читальницы сыграли огромную роль в национальном пробуждении словенского городского элемента и в сплочении молодой прогрессивной словенской буржуазии, вышедшей из крестьянской среды.

Когда в 1867 г. была дана конституция, эти читальницы сделались очагами политической жизни молодой городской словенской буржуазии. Последовавшие затем выборы в парламент и в автономные «областные собрания» (Landtage) заставляли молодую словенскую буржуазию апеллировать к крестьянским массам несмотря на то обстоятельство, что выборное право допускало к голосованию лишь незначительное число крестьян: ценз был установлен в 10 гульденов прямых налогов, что тогда представляло большую сумму. На «таборы», т. е. большие митинги, охватывавшие от 10 до 30 тысяч человек, устраивавшиеся под открытым небом, собирались массы крестьян из нескольких уездов. Резолюции этих «таборов» требовали: введения на словенской территории словенского языка в правительственных учреждениях, а также в богословских и других школах, создания словенских средних школ и объединения всей словенской территории в одну автономную провинцию, в «объединенную Словению».

Речи на «таборах» в то же время звучали крайне патриотически в австрийском смысле. Здесь приветствовали австрийского императора, одобряли полное и окончательное отделение Австрии от Германии, а также энергично возражали против дуализма, т. е. против восстановления венгерского государства.

Период «таборов» был очень кратковременным: он длился всего три года (1868—1870). Вскоре начались репрессии против «таборов». Но не только в репрессиях была причина прекращения их деятельности: большое значение имел и тот факт, что словенские «молодые» политики, сыгравшие на предыдущем этапе национально-прогрессивную роль, после 1870 г. отказались от лозунга «объединенной Словении» и перешли к «практической политике», т. е. к сделке с помещиками и (позже) с помещичьим правительством, от которого они получали различные уступки.

До 90-х годов прошлого века словенская буржуазия не проводила самостоятельной политики, а следовала за своими «бывшими феодальными хозяевами», которых она и выбирала в австрийский парламент и другие представительные органы.

Как известно, австрийская буржуазно-демократическая революция не победила до конца. Крестьянство в Австрии было раскрепощено, но оно не прогнало своих помещиков и не получило их землю. Австрийское крестьянство получило в свою собственность лишь ту землю, которая ему уже раньше принадлежала. Земли не хватало, а кроме того крестьянство лишилось ряда льгот, которыми оно раньше пользовалось у помещиков: пособий на бедность, пособий во время стихийных бедствий (пожар, град, наводнения и т. д.), помощи семенами, дровами и пр.[1].

«Земельная разгрузка» (Grundentlastung), как называлась земельная реформа в Австрии, действительно была «разгрузкой» для помещиков и означала обнищание для крестьян, особенно для сельской бедноты, которая с потерей права пользования помещичьими пашнями и лесами часто теряла все средства существования[2].

За освобождение, или «откуп» (Ablösung), от обязанности платить помещикам разные «подати», которых в Крайне было не менее 181 разных видов, крестьяне должны были уплатить помещикам значительные суммы денег в рассрочку в течение 20 лет из 5% годовых. Эти суммы выплачивались пополам крестьянами и провинциальным правлением. Уплата «откупа» длилась с 1855 по 1895 год.

Кроме того крестьянство было обложено большими государственными налогами, которые увеличились после проигранных Австрией войн с Пруссией и Италией в 1866 г., а также в результате начавшегося в Австрии строительства железных дорог. К 1855 г. закончилась постройка железной дороги Вена — Триест, проходившей по словенской территории на расстоянии 200 километров. В последующих годах (до 1895 г.) словенские провинции соединяются линиями железных дорог с портами Адриатического моря, с центрами развивающейся австрийской промышленности. Словенский крестьянин становится производителем сельскохозяйственных товаров для рынка, что имело очень важные последствия для словенского крестьянства. На протяжении 1877—1898 гг. цена на пшеницу снизилась с 23 до 13,40 кроны за 100 кг., животноводство сократилось вследствие дробления пастбищ наполовину[3], обесценились все сельскохозяйственные продукты.

Разоренный словенский крестьянин попадал в руки немецких ростовщиков и торговцев, которые выжимали из него все соки. В одной только Крайне из 105 тыс. крестьянских дворов в течение 1868—1892 гг. у 10 190 крестьянских дворов имущество было продано с аукциона.

---

[1] См. Schiff W. «Oesterreichs Agrarpolitik seit der Grundentlastung», S. 15. Tübingen. 1898.

[2] Ibidem, S. 37.

[3] См. Эрявец Фр. «История католического движения в Словении», стр. 70. Любляна. 1928.

Крестьянская задолженность в этой провинции доходила в 1890 г. до 60 млн. гульденов [1].

Мы уже отметили, что словенская территория в Австрии до первой мировой войны была раздроблена на шесть провинций с разными управлениями. Только в центральной провинции—Крайне—управление находилось более или менее в руках словенцев. Во всех остальных провинциях управление было захвачено немецкой или итальянской буржуазией. Понятно, что во всех словенских провинциях: Штирии, Каринтии, Горишкой, Истрии, Триесте и т. д.—экономическая эксплоатация словенских крестьян была еще сильнее, а вместе с тем сильнее было и национальное угнетение.

В начале 90-х годов прошлого века сельское хозяйство словенцев представляло такую картину: освобожденный от всех феодальных обязанностей помещик, почти всегда немец или итальянец, перешедший к капиталистическому использованию своего (большей частью лесного) поместья; быстрое расслоение крестьянства, создающее, с одной стороны, крестьянина-бедняка и батрака, с другой стороны, кулака и ростовщика; усиленная эмиграция словенских крестьян заграницу. Инонациональный помещик, зачастую инонациональный кулак, обслуживаемый своими чиновниками и приказчиками, подвергает экономической и национальной эксплоатации широкие крестьянские массы словенского народа.

*

Ввиду того, что словенские области доходят до берегов Адриатического моря и являются непосредственным тылом важного коммерческого порта Триеста, а также в связи с тем, что эти области расположены на важнейшем пути в Италию, здесь рано начал развиваться ростовщический и коммерческий капитал. Аграрная реформа 1848 г. создала удобную почву для его дальнейшего развития. Ростовщический и коммерческий капитал был вплоть до 90-х годов почти единственной формой капитала в руках нарождающейся словенской буржуазии. Но нам известно, что ростовщический капитал и его «близнец» — торговый капитал — являются самыми реакционными капиталами. Словенские буржуазные политические группировки, как католическая, так и «либеральная», с 70-х до 90-х годов XIX в. могли опираться только на словенских кулаков, ростовщиков и торговцев. Широкие малоимущие и неимущие крестьянские массы не участвовали активно в политике. С другой стороны, словенская городская буржуазия, вышедшая почти исключительно из крестьянства, находилась в значительной мере в материальной зависимости от немецких и итальянских помещиков. Словенская буржуазия ожидала от консервативных помещиков защиты от политики германизации. Блок словенской буржуазии с помещиками тормозил развитие капитализма, а тем самым — и развитие самой словенской буржуазии. Для того чтобы поддерживать блок с инонациональными феодалами, словенская буржуазия должна была отказаться от всех своих национальных лозунгов («объединенная Словения») и сократить свою национальную программу до требования равноправности словенского языка в школах и учреждениях на словенской территории. Под лозунгом борьбы «против ростовщиков» прошло первое размежевание в словенской буржуазии, создание национальных буржуазных партий у словенцев в начале 90-х годов прошлого века. Духовенство, опираясь на свою церковную организацию, а также на кулаков и словенских помещиков, создало «католическую партию» (впоследствии названную «Словенской народной партией»), которая и ориентировалась на крестьянство. «Молодые» словенские адвокаты возглавили партию ростовщиков, кулаков, торговцев и городских элементов, названную «Национально-прогрессивной партией». Но как «национальность», так и «прогрессивность» этой партии не шла дальше пустых фраз. В Крайне эта партия уже в 1894 г. заключает с немецкими помещиками политический пакт, выступает вместе с ними против всеобщего избирательного права и против всех демократических требований словенского народа.

Объективно прогрессивную роль в словенской экономике и в политике сыграла на протяжении 90-х годов и в начале первого десятилетия XX века католическая Словенская народная партия. Она взялась за создание кредитных производительных, потребительских и разных других сельскохозяйственных кооперативов и, ослабив влияние ростовщичества в сравнительно короткий срок, открыла путь современному капитализму в словенское сельское хозяйство. Кроме того она создала целую сеть кредитных учреждений и свой банк. Вот как развивался словенский банковый капитал в этот период. В 1899 г. было создано 80 сберегательных касс с капиталом в 14 млн. австрийских гульденов и 5 млн. гульденов вкладов. В 1910 г. словенская буржуазия уже владела 543 кредитными кооперативами, из которых 512 выдали на 46,6 млн. австрийских крон [2] кредитов. Баланс этих кредитных кооперативов составлял 233,4 млн. крон, а прибыль—1215 тыс. крон [3]. Кроме того существовал еще ряд больших словенских сберегательных касс. По меньшей мере ⅔ всех кредитных учреждений находились в руках Словенской народной партии. Таким образом партия расширила возможности создания словенской национальной промышленности. Когда католическая Словенская народная партия выдвинула в начале этого века требование

---

[1] См. Приятель И. Указ соч. Т. II—III, стр. 577—578. Один австрийский гульден равнялся тогда приблизительно 0,80 рубля.

[2] 2 кроны = 1 австрийскому гульдену.

[3] См. Краль А. «Из истории словенского кооператорства. Словенцы в десятилетии 1918—1928 гг.». Любляна. 1928. Эти данные относятся ко всем словенским провинциям.

расширения политических прав (всеобщего избирательного права в парламент и ландтаги) и распространения их на широкие народные массы, словенское крестьянство сгруппировалось под ее флагом.

Борьбу против ростовщичества и торгового капитала Словенская народная партия проводила часто под лозунгом «против либерального капитализма», и народные массы видели в ней завзятого борца против капитализма[1]. Но в действительности это была настоящая современная капиталистическая партия, которая сначала расчистила путь капитализму в словенском сельском хозяйстве, а потом начала создавать словенскую промышленность, принудив ростовщический торговый капитал подчиниться новым условиям промышленного капитала.

Но словенская буржуазия не была достаточно сильна, чтобы создать и крупную промышленность. Металлургию, рудники, судостроение и судоходство создала немецкая и итальянская буржуазия. Этот факт имел крупнейшее значение для развития национального движения у словенцев в период последних двух десятилетий до первой мировой войны. Насаждение на словенской территории крупной промышленности способствовало появлению там немецких инженеров, чиновников и мастеров, которые говорили с населением по-немецки, заводили немецкую начальную школу, способствовавшую германизации словенского населения. За насильственным насаждением в центрах крупной промышленности немецкой школы шло и насаждение немецкого государственного чиновничества. Особенно быстро проходила германизация словенских окраин (Каринтии и Штирии).

Не лучше обстояло дело в приморских городах, которые находились в руках итальянской буржуазии. Рабочая сила в них была в подавляющем большинстве словенская, но организацию словенской школы в этих городах не разрешали. Вдобавок ко всему словенские рабочие и крестьяне подвергались в этих городах самым унизительным оскорблениям. Их называли не «slavi» (славяне), а «schiavi» (рабы).

Все это не могло не отражаться на настроениях широких словенских народных, прежде всего крестьянских, масс. В результате всего этого усилилось национальное движение у словенцев.

Как уже известно, Словенскую народную партию создало католическое духовенство; на селе она опиралась на церковную организацию, на словенских помещиков, которые приобрели себе поместья после 1848 г., и на словенских кулаков. Ее виднейшим идеологом являлся Антон Махнич, профессор теологии в Горице. Он требовал раскола с либеральными элементами и создания отдельной, обособленной партии, для того «чтобы сказать во весь голос, что мы хотим оставаться католиками не только у себя дома, не только в церкви, но и в политике, в школе, в литературе: везде и навеки!» Но «при этом мы отнюдь не должны отрываться от правых»[2], т. е. от австрийских помещиков. Замысел первых католических организаторов Словенской народной партии заключался также в том, чтобы создать большую австрийскую католическую партию, но нарастающее национальное движение в Австрии не дало возможности клерикалам пойти по этому пути. Конкретная ситуация заставила клерикалов повернуть даже на путь так называемого «христианского социализма». Главное назначение «христианского социализма» состояло в том, чтобы бороться против «либерального капитализма», за католицизм, ибо «только победа католической идеи над либерализмом может спасти австрийского орла[3]. Главное средство для этой борьбы—кооперативы.

Все решающие функции этой партии находились в руках католического духовенства, а политики-священники на основании решений консилий епископов католической церкви (в Туре в 1849 г., в Утрехте в 1865 г.) за всю свою политическую деятельность отвечают перед своим епископом[4]. Католический епископ со своей стороны отвечает за всю «моральную» жизнь своей епархии перед папой. Таким образом, вся политика «католических» и «христианско-социалистических» партий контролировалась Ватиканом. На ватиканском престоле за этот период сменилось трое пап: Лев XIII (1878—1903), Пий X (1903—1914) и Бенедикт XV (1914—1922).

Лев XIII находился под влиянием германских епископов, в частности майнцского епископа Кеттелера (1811—1877). Католическое духовенство хорошо понимало, какая опасность угрожает капиталистическому обществу и католической церкви со стороны бурно развивающегося рабочего класса. Поэтому уже в 70-х годах немецкие католики выдвинули теорию «христианского социализма» и начали создавать свои христианские рабочие организации для того, чтобы парализовать влияние социал-демократии на германский рабочий класс. В то же время они заставили и папу заняться этой проблемой. Папа Лев XIII выпустил три энциклики: 1) «Quod apostolici muneris» (1878), в которой он обращает внимание на опасность социализма; 2) «Rerum novarum» (1891), где он излагает социальную программу для рабочих, и 3) «Graves de communi» (1891), в которой он прямо требует от католического духовенства,

---

[1] Даже в коммунистической партии Югославии мы имеем еще в 1935 г. оппортунистическую группу, которая считала Словенскую народную партию «не настоящей капиталистической партией».

[2] Махнич А. «Католический конгресс в Вене». «Римский католик» за 1889 год. Любляна.

[3] Там же.

[4] См. статью «Могут ли священники заниматься политикой?» «Римский католик» за 1890 год.

чтобы оно занималось социальными вопросами и пошло в народ [1].

Совершенно другой политики держался преемник Льва XIII — папа Пий X. Это был фанатически верующий католик с крайне ограниченным политическим кругозором. При нем в Ватикане политикой католической церкви руководили пресловутый испанский капуцин, инквизитор Вивес и Туто, сумасшедший человек, бешено преследовавший всех «модернистов» [2]. «Модернистами» в глазах тогдашнего Ватикана являлись священники, которые проводили политику «христианского социализма» и считали необходимым опереться на национальное движение народных масс. Не надо забывать, что старая, реакционная Австрия со своим «апостольским величеством» императором Францем-Иосифом являлась самой крепкой финансовой опорой Ватикана и что вследствие этого Ватикан усердно поддерживал ее империалистическую и антинациональную политику. В 1914 г. папа Пий X одобрил нападение Австрии на Сербию и даже сожалел, что это выступление не произошло раньше [3]. Политика Ватикана определялась тогда страхом перед происками православной России на Балканах, перед русским влиянием на католических южных славян, создававшим большую опасность для «католической Австрии». Только тогда, когда в начале войны Бенедикт XV, происходивший из итальянской патрицианской семьи в Генуе, сел на папский престол, преследование «модернистов» было приостановлено, а христианские социалистические партии и организации даже поощрялись. Как известно, Бенедикт XV занимал колеблющуюся позицию между Антантой и центральными державами [4]; христианско-социалистическим партиям, которые были по своему составу крестьянскими партиями, он дал большую свободу в области национальной политики.

Ясно, что политика Ватикана не могла не отражаться на политике Словенской народной партии. На первом этапе своего существования партия проводила в национальном вопросе крайне реакционную политику. Требование национального объединения с остальными славянами или даже только с остальными южными славянами считалось «либерализмом», «язычеством». Национальное движение — это революция против Австрии. «Нет, сегодня, когда вся Австрия окружена бесчисленными врагами, которые выжидают ее гибели, когда революционный поток, как наглядно показывает история последних десятилетий, угрожает затопить все, что опирается на христианский авторитет и легитимность, настоящее время является меньше всего подходящим для того, чтобы петь в унисон с идолопоклонниками или с ними брататься. Те, для кого национальность — идол, оправдывают только национальное государство, так же как мы оправдываем только то государство, которое основывается на праве божьем. Национальные идолопоклонники уже давно стерли Австрию с карты европейских государств» [5].

Другой видный идеолог этой политики, доктор Алеш Ушеничник, считал либералом каждого человека, руководствовавшегося в политике идеей национальности. Он говорил: «Нашей целью должен быть христианский союз австрийских наций и в конце концов союз христианских союзов — Католический союз, Католический центр» [6].

Величайшим злом казалось идеологам Словенской народной партии стремление словенцев к объединению с хорватами и сербами в одном государстве, ибо предпосылкой такого объединения оказывалось разрушение Австрии.

Во время правления Льва XIII духовенство получило некоторую возможность приспособляться к национальным требованиям. На христианско-социалистическом крыле Словенской народной партии выделяются даже национальные попы-«герои», как например доктор Янез Ев. Крек. При Пии X эти «герои» падают под ударами Вивеса и Туто, изолируются политически или же играют второстепенную роль. Такая антинациональная политика партии, державшей накануне первой мировой войны и во время этой войны под своим влиянием по крайней мере 80% всех словенцев, тормозила развитие словенского национального движения.

Из предыдущего ясно, что иллиризм [7] 30-х годов XIX в. у словенцев не нашел почти никакого отклика не потому, что гениальный словенский поэт Франц Прешерен отказался писать свои бессмертные стихи на хорватском языке, как это объясняют словенские буржуазные историки, а потому, что словенский крестьянин тогда еще был прикреплен к земле, а словенской буржуазии, достаточно крепкой и заинтересованной в таком объединении, тогда еще не было. Та же причина сорвала и вторую попытку хорватов, в 1870 г., вовлечь словенцев в свое национальное движение и создать «большую Хорватию» в рамках Венгрии. Напуганная прусскими победами

---

[1] См. Ушеничник Алеш «Социология», стр. 582. Любляна. 1910.

[2] См. Сфорца Карл «Gestalten und Gestalter des heutigen Europa», S. 144. Berlin. 1931.

[3] См. Сфорца. Указ. соч. Статья «Пий X и Бенедикт XV — двое военных пап».

[4] Его лозунгом было: «Мир без побежденных и победителей».

[5] Статья «Что учат о национальности здоровый разум и св. библия». «Римский католик» за 1889 год.

[6] «Католический обозреватель» за 1897 год, стр. 126; цитирую Приятеля. Указ. соч. Т. II—III, стр. 591.

[7] Иллиризм — идейное течение молодой хорватской и отчасти сербской буржуазии 30-х годов XIX в., ставившее целью создать для всех южных славян единый литературный язык как предпосылку для их политического объединения.

в 1866 и в 1870 гг., а также Парижской коммуной, словенская буржуазия послала своих делегатов на совместную хорватско-словенскую конференцию в Сисек (Хорватия), но когда делегаты возвратились в Любляну с выработанным проектом объединения, словенская буржуазия даже не обсуждала его[1]. После 1870 г. словенская буржуазия обоих лагерей ликвидировала, как уже сказано выше, даже свою собственную скромную национальную программу «объединенной Словении». Чем больше развивался австрийский капитал, тем крепче он вовлекал словенскую буржуазию в свои дела и тем сильней она подчеркивала необходимость осуществления «практической политики»[2].

Без откликов прошло также в 1890 г. собрание словенских и хорватских депутатов в Любляне, где кое-кто требовал объединения словенцев и хорватов в «Великой Хорватии», или даже всех южных славян в «Иллирии», или по крайней мере в общем «административном теле» в рамках Австро-Венгрии[3]. Первый католический съезд, в 1892 г., не уделил почти никакого внимания национальному вопросу. Он требовал лишь «национального равноправия словенцев в Австрии». А в 1894 г. организованная либеральная национальная партия выставляет в своей политической программе совершенно неопределенное требование «национальной автономии для словенцев» (без объединения!); но требование это в дальнейшем осталось только на бумаге.

В конце 90-х годов прошлого века словенская католическая партия уже не могла игнорировать национального вопроса. Когда в 1897 г. правительство графа Казимира Бадени сделало чехам некоторые уступки и ввело равноправие чешского языка с немецким в чешских уездах, немецкая буржуазия дошла до неслыханных националистических протестов и демонстраций. По всей Австрии поднялась новая националистическая волна, которая, конечно, не могла не коснуться и словенских национально угнетенных народных масс. В Любляне был созван парламентскими депутатами Всесловенский конгресс, на котором участвовали не только все словенские буржуазные партии, но также и хорваты (из Австрии), чехи и украинцы (из Буковины). Решения съезда, подчеркнувшего требование автономии для словенцев, нашли широкий отклик в словенских массах.

Оживление политической жизни широких народных масс явилось также результатом некоторого расширения избирательного права в 1896 г.: право голоса (в пятой курии) получили также не платящие налогов взрослые граждане. Даже католическая буржуазия под нажимом широких масс на своем втором католическом съезде, в 1900 г., не могла уже обойтись без «языческой» национальной программы и выдвинула требование «национальной автономии».

Сильнейший толчок к развитию национального движения у словенцев был дан тремя факторами: 1) реакционным террором хорватского бана Куэн-Хедервари против хорватского национального движения в 1903 г.; 2) аннексией Боснии и Герцеговины Австро-Венгрией в 1908 г. и 3) балканскими войнами.

В 1903 г. при бане Куэн-Хедервари в соседней Хорватии царил невероятный политический и национальный террор. В мае народные массы вышли на улицу и в Загребе австро-венгерская солдатчина расправилась с ними самым зверским способом. Было много убитых и раненых, тюрьмы переполнились арестованными. Эти события взволновали широкие народные массы словенцев. Социал-демократия провела по всем словенским городам и рабочим центрам массовые демонстрации. Словенская народная партия не могла отказаться от участия в этой кампании, ибо иначе она потеряла бы все симпатии в народе. Наоборот, она постаралась использовать эти массовые протесты для укрепления своих позиций не только среди крестьян, но также и среди рабочих.

Еще более мобилизовала национальные настроения широчайших словенских народных масс аннексия Боснии и Герцеговины Австро-Венгрией. За несколько дней до аннексии в Любляне произошло кровавое столкновение между демонстрирующими народными массами и военщиной. Насчитывалось двое убитых и много раненых. Словенские народные массы решительно выступили против аннексии; среди мобилизованных солдат проводилась агитация за то, чтобы в случае войны с Сербией они не стреляли в сербов. Но словенская реакционная, либеральная и клерикальная буржуазия сыграла бесстыдную, предательскую роль по отношению к словенским массам. Обе словенские реакционные партии приветствовали аннексию Боснии и Герцеговины, а впоследствии даже оказалось, что либеральный бургомистр города Любляны сам вызвал войска, чтобы «сотворить в Любляне порядок», т. е. чтобы стрелять в народ.

Чтобы успокоить словенские массы, Словенская народная партия попыталась убедить их, что аннексия имеет прямое отношение к разрешению словенского национального вопроса. Формула была скоро найдена. Словенская народная партия вместе с хорватской католической национальной партией Старчевича потребовала в австро-венгерских «делегациях» (совместном парламенте) присоединения Боснии и Герцеговины не к Венгрии, как тогда требовали венгерские магнаты, а к автономной Хорватии, которая входила в «состав земель короны св. Стефана». Один из словенских депутатов, поп Янез Ев. Крек заявил, что словенцы после аннексии Боснии и Герцеговины Австрией еще более чувствуют, насколько близки они сербам и хорватам, и потребовал объединения всех южных славян Австро-Венгрии на основах хорват-

---

[1] См. Лончар Драготин «Наши записки», стр. 353. Горица. 1912.

[2] См. Приятель И. Указ. соч. Т. II—III, стр. 235.

[3] Там же, стр. 238—239; Эрявец Фр. Указ. соч., стр. 33.

ского национального права в одно королевство (в рамках Австро-Венгрии). Так возникла пресловутая идея австрийского триализма. Австрия должна была бы состоять, по этой идее, из трех частей: Австрии, Венгрии и Югославии.

Лозунг триализма являлся очень ловким ходом австрийского империализма. Он дал Австрии право претендовать на балканские страны. Это была попытка наиболее реакционного разрешения словенского национального вопроса. Словенцы и хорваты должны были помочь Австрии при поддержке Ватикана завоевать Балканский полуостров. Чтобы легче было проводить эту политику, словенская буржуазия объявила австрийского наследника престола Франца-Фердинанда самым горячим защитником и покровителем южных славян. Югославское королевство на основах хорватского государственного права, заявили они, будет осуществлено, как только Франц-Фердинанд вступит на австрийский престол.

Нельзя сказать, чтобы этот лозунг не оказал влияния на широкие словенские народные массы, но влияние это было непродолжительно. Бесстыдные процессы по обвинению в государственной измене, инсценированные австро-венгерским министерством иностранных дел против хорватов, а еще больше политика, проводившаяся Австро-Венгрией во время балканских войн против Сербии, не оставляли никаких иллюзий насчет возможности осуществления триализма. Кроме того победы Сербии и Болгарии взволновали словенцев. «Когда грянул на Балканах первый выстрел, его эхо отозвалось в последнем нашем отдаленном селе» [1],— говорил современный словенский пролетарский писатель и поэт Иван Цанкар в одном из своих выступлений. Словенская молодежь ориентировалась на Сербию и желала гибели Австро-Венгрии. С таким национальным настроением вступали словенские народные массы в первую мировую империалистическую войну.

★

Австрия очень рано развила сравнительно густую железнодорожную сеть в словенских областях. Эта сеть была ей необходима для связи с крупнейшими австрийскими портами Триестом и Пола. Море и развитая железнодорожная сеть создали хорошие условия для развития промышленности на словенской территории. В 90-х годах на словенской территории существовали: старый ртутный рудник (1000 рабочих), чугунолитейные заводы, угольные копи, свинцовые рудники, известные карьеры мрамора (у Триеста), текстильная и бумажная промышленность, судостроительные заводы и пр. Это обусловило сравнительно раннее развитие количественно значительного словенского пролетариата.

Первые рабочие организации в словенских областях возникли уже в 1870 году. В 1884 г. словенский пролетариат уже имел отдельные социал-демократические легальные и подпольные организации и понес первые жертвы от австрийского полицейского террора. Но социал-демократическая партия была организована только в 1896 году. В 1897 году влияние социал-демократической партии распространилось и на хорватскую часть Истрии и на Далмацию, вследствие чего она стала называть себя «Югословянской социал-демократической партией».

Первым организатором социал-демократической партии являлся Этбин Кристан, один из основоположников австро-марксистской теории о национально-культурной автономии. Как известно, суть этой теории сводится к следующим положениям. Автономию получают не отдельные национальные территории, как например Словения, Хорвати и т. д., но отдельные национальности, т. е. словенцы, хорваты и т. д., безразлично, где бы они ни находились: в своей стране, или в Венгрии, Чехии, Польше и т. д. Поэтому эта автономия называется национальной. По всей Австрии разбросанные члены одной нации, например словенцы, входят в единую национальную организацию, и все нации как таковые составляют Австрию. Национальные учреждения должны заниматься только культурными вопросами и не имеют права заниматься вопросами политическими. Политические вопросы входят в компетенцию центрального австрийского парламента. Поэтому эта автономия называется культурной или же национально-культурной автономией [2]. Существование Австрии считается исходным пунктом, аксиомой, о которой спорить нельзя. Вся эта теория была создана для того, чтобы спасти Австрию от распада.

Насколько словенская социал-демократия была тогда оппортунистической, насколько она не понимала политического положения, показывает следующий исторический факт. Когда в начале 1910 г. по инициативе болгарской (тесняки) и сербской социал-демократии в Белграде была созвана первая социал-демократическая конференция, для того чтобы координировать работу социал-демократических партий юго-востока Европы и мобилизовать рабочие массы против империализма, словенская социал-демократия с согласия австрийского центра социал-демократии (Центрального бюро) и при участии II интернационала созвала со своей стороны в Любляне предварительную конференцию, на которой участвовали почти все австрийские, сербская и хорватская социал-демократические партии. На этой конференции словенская и хорватская социал-демократия получила установку о проведении на белградской конференции идеи австрийской национально-культурной автономии. И хотя первая балканская конференция вынесла вопреки этой установке резолюцию совершенно другого характера,

---

[1] Цанкар И. «Словенцы и южные славяне». Соч. Т. XIX, стр. 12.

[2] См. И. Сталин «Марксизм и национально-колониальный вопрос», «Национальная автономия», стр. 19 и дальше; Ленин. Соч. Т. XVII, стр. 149; «Verhandlungen des Gesamtparteitages der Sozialdemokratie im Oesterreich abgehalten zu Brünen», S. XV, 85. 1899.

дальнейшая политика словенской и хорватской социал-демократии, руководимой II интернационалом, затормозила совместную работу социал-демократических партий юго-востока Европы.

Словенская социал-демократия до конца первой мировой войны следовала за австрийской социал-демократией, в результате она оказалась во время мировой войны совершенно оторванной от широких словенских рабочих и народных масс. Этой оторванности способствовала в первую очередь ее реформистская программа по крестьянскому вопросу, которая давала крестьянам не больше чем программа Словенской народной партии. Словенская социал-демократия не сумела воспользоваться и кооперативами для проникновения в деревню, где она оставила свободу действий Словенской народной партии.

В конце первой мировой войны из старой словенской социал-демократической партии выделилась группа самых националистических и оппортунистических элементов, которая увлекла за собой дезориентированные рабочие массы на сторону реакционной буржуазии. Левое течение, возникшее в среде передовых рабочих после русской революции, выступило на политической арене только после гибели Австрии.

*

Словенская буржуазия вступила в первую мировую войну, обладая значительным политическим капиталом. С 1909 г. словенская либеральная партия, партия торговцев и других мелкобуржуазных элементов, была совсем оттеснена в сторону, и Словенская народная партия завладела почти всеми политическими позициями. За ее спиной стояли крестьянские массы, ожидавшие от нее разрешения крестьянского и национального вопросов хотя бы в духе триализма. Она договорилась насчет политической тактики с ведущей хорватской католической партией — партией хорватского государственного права (Миле Старчевич) — и провела с ней в 1911 и 1912 гг. несколько шумных политических манифестаций. В венском парламенте Словенская народная партия возглавляла группу из 125 словенских, австро-хорватских, чешских и украинских депутатов, так называемое «славянское единство»[1]. В момент возникновения первой мировой войны Словенская народная партия, пользуясь поддержкой реакционного австрийского правительства, полностью овладела положением в словенских селах и городах.

Словенская народная партия являлась не только лучшим помощником ультрареакционного империалистического австрийского правительства в деле подавления и подчинения широких словенских рабочих и крестьянских масс: она подавляла и либеральные буржуазные элементы. В прокламации, обращенной к народу, в которой она приглашала после убийства Франца-Фердинанда в Сараеве всех словенских председателей муниципалитетов и сельских сходов Крайны на большой митинг, говорилось, что этот митинг созывается для того, чтобы «выразить гнев по поводу покушения на габсбургский престол и выразить неограниченную преданность старому императору Францу-Иосифу I», ибо наследник престола и его жена «оба пали жертвами католического австрийского течения, находящегося в полном противоречии с целями и стремлениями великосербства». В прокламации говорилось дальше: «Мы не можем иметь ничего общего с анархистским сербством, с франкмасонами, которые имеют своих представителей у словенских либералов»[2]. Руководство Словенской народной партии организовало целую систему шпионажа и доносов среди словенцев, что привело к многочисленным арестам и преследованиям.

Понятно, что руководство Словенской народной партии использовало этот момент разгула австрийского террора для того, чтобы подавить своего политического конкурента, но напрасно оно обвинило тогда либералов в нелойяльности к Габсбургам. Словенская либеральная верхушка была не менее реакционной, чем католическая. 28 июля перед словенскими солдатами выступил ее лидер, люблянский бургомистр Тавчар, заверяя солдат в том, что император Франц-Иосиф I никогда еще не объявлял несправедливой войны, что эту войну ему «навязали», что от «нашей Австрии» хотят отторгнуть целую часть, и что поэтому пусть «грохот наших винтовок объявит всему миру по ту сторону наших границ, что мы, словенцы, хотим остаться преданными сыновьями этой старинной империи» и что «величайшим нашим врагом является тот, кто собирается что-нибудь изменить в этом отношении»[3].

Но за Сербию были широчайшие словенские народные массы и почти вся словенская интеллигенция. Напрасно католические историки в настоящее время утверждают, будто бы едва ли «не вся» католическая интеллигенция пошла в первой мировой войне за реакционным руководством. Верно только то, что как либеральная, так и клерикальная верхушка словенской буржуазии и руководство ее партий шагали сплоченно за австрийским империализмом, а не со словенским народом, не со словенской интеллигенцией. И когда в 1915 г. известный хорватский лидер Анте Трумбич образовал заграницей «югославянский комитет», политические партии словенской буржуазии не были официально представлены в этом комитете.

Но впротивовес этой буржуазной политике среди словенских народных масс, интеллигенции, студенчества и солдат поднялась волна негодования, которая росла с каждым днем. Тысячи словенских рабочих,

[1] См. Эрявец Фр. Указ. соч., стр. 173.

[2] «Словенец» (орган Словенской народной партии) от 1 августа 1940 года. Любляна.

[3] «Словенец» № 173 от 29 июля 1914 года.

крестьян и интеллигентов были брошены в австрийские тюрьмы, многие из них были расстреляны. Целыми ротами и батальонами переходили словенские солдаты вместе с чешскими и хорватскими на сторону сербов или же русских. Национально-революционная волна среди широких словенских народных масс начала особенно быстро возрастать после того, как в октябре 1916 г. был убит председатель австрийского правительства граф Штюрк и когда в ноябре того же года умер император Франц-Иосиф I.

Нажим народных масс — не только словенских, но и вообще австрийских — стал вскоре настолько сильным, что словенская буржуазия сочла нужным изменить свою тактику. Лидер Словенской народной партии Корошец созвал в Граце в ноябре собрание своего словенско-хорватского парламентского клуба. Клуб принял решение поддерживать чешские буржуазные партии, которые сознательно разрушали старую Австрию. Часть словенской буржуазии выдвигала требование объединения словенских политических партий и всех их политических, культурных и экономических организаций. Это было вызвано еще особыми требованиями австрийской, немецкой буржуазии, которая предчувствовала возможность национальной революции и требовала от правительства лишить словенцев почти всех политических прав и уничтожить их культурные учреждения. Однако вступить на путь чешской буржуазии означало бы для словенской буржуазии отрицание всей своей традиционной политики. Это означало бы полное преобразование австрийской государственной системы или даже национально-демократическую революцию, на что подавляющее большинство не могло согласиться. Поэтому в среде словенской католической буржуазии возникли острые трения.

Русская февральская революция 1917 г. разрешила внутрипартийные затруднения словенской буржуазии, по крайней мере на ближайшее время, в пользу христианско-социалистического крыла, т. е. в пользу «модернистов», которые со времени Бенедикта XV имели более свободные руки. Левое крыло Словенской народной партии использовало момент для того, чтобы склонить молодого императора Карла в пользу реформ в духе триализма. На заседании австрийского парламента 30 мая 1917 г. словенско-хорватский клуб сделал заявление (так называемую «майскую декларацию»), требуя на «основании национального принципа и хорватского государственного права» объединения «всей территории монархии, на которой живут словенцы, хорваты и сербы, «в одно» независимое государственное тело под скипетром Габсбургской лотарингской династии, которое должно быть свободно от всякого чужого владычества и построено на фундаменте демократии»[1].

В этой новой попытке руководство Словенской народной партии, которое на данном этапе находилось в руках ее левого крыла, видело последнюю возможность спасения Австрии. Но народ воспринял «майскую декларацию» с полнейшим безразличием, не ожидая ничего от императора и его правительства. И народ был прав: когда 1 июня вступительной речью императора открылся парламент, национальный вопрос южных славян в этой речи даже не был упомянут. О национальном вопросе ничего не сказало ни тогдашнее правительство Клам-Мартиница, которое сразу же подало в отставку, ни следующее правительство — профессора Зейдлера.

Несмотря на напряженное положение в июне 1917 г. и игнорирование австрийским правительством южнославянского и чешского национального вопроса словено-хорватский клуб под руководством словенской буржуазии голосовал в венском парламенте за государственный бюджет, давая тем самым возможность продолжения империалистической и антинародной политики австрийского империализма. Голосование вызвало такую бурю негодования у чехов, что словенская парламентская делегация в лице словенских лидеров Корошеца и Крека, приехавшая тогда в Прагу на одно парламентское совещание с чешскими депутатами, не была принята и должна была при возбужденной критике чешской прессы ни с чем вернуться в Любляну.

Когда 20 июля 1917 г. был опубликован договор лондонского «югославского комитета» с сербским правительством о присоединении Хорватии и Словении к Сербии, верхушка словенской буржуазии (католической и либеральной) под покровительством люблянского князя-епископа воскресила свою «майскую декларацию» и повела усиленную агитацию за разрешение южнославянского вопроса на основе триализма в рамках австро-венгерской монархии.

Как известно, с 24 октября по 9 ноября 1917 г. на границах Италии, при Кобариде (итальянское Капоретто), происходила историческая битва, в которой была наголову разбита итальянская армия. После этой битвы австрийская империалистическая буржуазия снова подняла голову. Среди словенской буржуазии взяло верх ее правое крыло, и лидер этого крыла Шустершич объявил все словенские национальные требования «максимальными национальными требованиями». И когда этот самый лидер попытался в дальнейшем охарактеризовать лидеров левого крыла Словенской народной партии и либералов как ненадежных австрийцев и сторонников «югославянского комитета», лидеры этих последних группировок испросили аудиенции у австрийского губернатора в Любляне, протестовали против таких «злостных инсинуаций» и заверили губернатора в преданности австрийскому престолу. Это было в июле 1918 г., всего за несколько месяцев до падения старой, прогнившей империалистической Австрии. Еще за несколько недель до этого (4 мая) председатель австрийского правительства дал в австрийском парламенте торжественное заверение австрийской буржуазии, что даже в случае, если на юге мо-

[1] Эрявец Фр. Указ. соч., стр. 225.

нархии создастся какое-то государство южных славян, территория словенцев не будет включена в это государство, ибо Австрия не может лишиться своего торгового порта Триеста[1].

Словенские народные массы негодовали по поводу такой политики, но они не имели своего вождя, своей революционной партии. Словенская социал-демократия была воспитана на австро-марксизме. Одна ее часть пошла прямо с реакционной буржуазией, а другая осталась на австро-марксистских позициях, заявляя, что национальный вопрос пролетариата не касается, что социалистический пролетариат борется лишь за свои классовые интересы и за лучший кусок насущного хлеба, а за национальные интересы он будет бороться только тогда, когда он будет у власти.

В тот момент, когда Австро-Венгрия распалась, словенской реакционной буржуазии нетрудно было перескочить с седла в седло и доказать, что она всегда «боролась за Югославию». Но вначале она в Югославии все-таки натолкнулась на большие затруднения: при выборах в Конституанту Словенская народная партия, обладавшая раньше почти полной политической монополией в стране, получила всего 37% голосов. Демократические элементы массами оставляли Словенскую народную партию и либеральную партию и основали несколько новых крестьянских и других демократических партий. Словенцы послужили разменной монетой для версальских империалистов: они были разделены между сербской, итальянской и австрийской буржуазией таким образом, что в Югославии осталось приблизительно 1,1 млн. словенцев, в Италии — около 400 тысяч, а в Австрии (в Каринтии) — от 80 до 100 тысяч. Около 250 тыс. словенцев живут как рабочие-эмигранты в разных империалистических странах, больше всего в США. Бок о бок со словенцами живут на территории Югославии около 100 тыс. немцев и около 300 тыс. итальянцев. Национальный и крестьянский вопросы на словенской территории остались неразрешенными.

★

Из вышесказанного можно сделать несколько очевидных принципиальных выводов:

1. Словенские буржуазные партии оказались в период первой мировой войны неспособными вести словенскую национальную политику и разрешить словенский национальный вопрос. Они оказались неспособными к этому потому, что зависели от чужих помещиков, от чужого капитала и других реакционных империалистических сил, вследствие чего они не могли иметь своего независимого, автономного политического существования, а должны были опираться на австрийский империализм. Верхушки словенских буржуазных партий во время первой империалистической войны находились на службе австро-венгерского империализма, одобряли его экспансию на Балканы и старались использовать национальные чаяния словенского народа (объединение словенской территории в одну автономную провинцию и объединение с хорватами и сербами в одном государстве) лишь для того, чтобы вместе с хорватской католической буржуазией в рамках австро-венгерского империализма навязать свою политическую гегемонию и свою экономическую эксплоатацию балканским народам. Поэтому «объединение» словенцев с сербами и хорватами в новом государстве сербов, хорватов и словенцев (как оно называлось раньше), или Югославии, произошло при полной и безусловной капитуляции словенских буржуазных политических партий перед победившей Антантой и находящейся в союзе с ней сербской буржуазией. Антанта и сербская буржуазия, как известно, свободно распоряжались словенцами и разделили их территорию между тремя империалистическими государствами: Сербией, Италией и Австрией.

2. Подчиняя ростовщический и торговый капитал условиям капиталистического способа производства, словенская католическая буржуазия не разрешила крестьянского вопроса, не приостановила дальнейшего разложения словенского крестьянства, как она обещала в 90-х годах прошлого века. Как раз наоборот: с расчисткой пути для продвижения капитала в деревню словенская католическая буржуазия ускорила разложение словенского крестьянства, и его бегство из деревни увеличилось. Это доказывают хотя бы следующие цифры: в центральной части Словении, в Крайне, было в 1890 г. 500 381, в 1910 г.— 461 394, а в 1931 г.— 372 943 души крестьянского населения[2].

3. В старой Австрии в период первой мировой войны национальный, аграрный и крестьянский вопросы для словенцев, как и вопрос об их объединении с остальными южными славянами, могли быть разрешены лишь революционной борьбой всего словенского народа вместе со всеми остальными угнетенными австро-венгерскими национальностями и под руководством революционного пролетариата против совокупной австро-венгерской буржуазии, — значит, также и против своей собственной реакционной буржуазии, связанной с австрийским империализмом.

На такую борьбу прогнившая словенская и вообще австрийская социал-демократия не была способна, вследствие чего словенский национальный и крестьянский вопросы все еще ждут своего революционного разрешения, но уже в новых условиях и при новой расстановке сил.

---

[1] См. Эрявец Фр. Указ. соч., стр. 230.

[2] См. Зупан «Пролетаризация крестьянского народа». «Содобность» за 1940 год. Кн. 7/8, стр. 315. Любляна.

СООБЩЕНИЯ

НЕИЗВЕСТНОЕ ПИСЬМО ЖЕННИ МАРКС О ГУСТАВЕ ФЛУРАНСЕ

В. Алексеев-Попов

15 апреля 1871 г. на страницах газеты «Der Volksstaat», центрального органа социал-демократической рабочей партии Германии, появилась небольшая заметка-письмо о погибшем 3 апреля во время неудачной вылазки против версальцев выдающемся члене Парижской коммуны Густаве Флурансе. Затерянное среди множества различных материалов о Коммуне, обильно перепечатывавшихся редакцией «Volksstaat» из различных французских, английских и немецких газет, письмо это до сих пор, насколько нам известно, не обращало на себя внимания исследователей. А между тем и по своему содержанию и по личности автора оно вполне достойно занять определенное место в документации по истории Парижской коммуны 1871 года.

Автором письма, насколько можно судить по приведенным ниже данным, является верная спутница жизни Маркса — Женни Маркс.

Вот текст этого письма и кратких вводных строк, предпосланных ему редакцией «Volksstaat» при опубликовании[1]:

«Нам пишет о трусливо убитом Баярде французской социал-демократии, под свежим впечатлением его смерти, одна женщина высоких душевных качеств, находящаяся в идейном центре событий: «...Я не в состоянии передать Вам, в каком состоянии возмущения, тревоги и отчаяния находится весь наш дом. Подобного мы не переживали со времени июньской битвы[2]. Я очень боюсь, что движению Коммуны[3], этому первому лучу света во тьме, а вместе с ним и всем нашим лучшим, самым верным друзьям, угрожает гибель. Особенно глубоко потрясла нас смерть Густава Флуранса,— нас связывала с ним личная дружба.

Вы, вероятно, помните, что год тому назад в «Marseillaise» появлялись статьи о подлом обращении с фениями. Они произвели во Франции и Англии сильнейшее впечатление. Благодаря этим статьям, которые исходили от нас, мы установили связь с Рошфором и Флурансом. Этот последний тотчас же выступил как пламенный борец в защиту О'Донован Росса.

Флуранс, коварно убитый рукою одного из тех жандармов Бонапарта, которые теперь самыми варварскими средствами служат avorton'у (выродку) Тьеру, был глубоко благородной натурой. Смелый до самозабвения, готовый на любой риск, он был рыцарски благороден, гуманен, отзывчив, мягок почти до слабости — «ничто человеческое не было ему чуждо». Широко образованный, он был сам ученым, представителем современной науки. Он был молод, богат, обаятелен в обхождении, но его горячая, впечатлительная натура привела его на сторону бедных, угнетенных, обездоленных, и не только на сторону борцов его собственной страны, нет, его великое сердце билось для всех наций, для всех рас и народов. Этим объясняются его полные приключений переезды из страны в страну; он появлялся всюду, где разгоралась борьба.

Даже его враги могли сказать о нем лишь одно: «смел как шпага, учен как лексикон!»

Для буржуазии он был воплощением красного призрака, и она преследовала его с неистовым бешенством. Поэтому такое торжество у изуверов в Версале, поэтому и ухмылялся с победоносным видом Пикар, когда мимо него проносили первую жертву — тело высокого, стройного Флуранса».

★

Газета «La Marseillaise» была основана А. Рошфором в Париже в конце 1869 г.; одно время в ее редактировании принимал участие Г. Флуранс. Между 1 марта и 24 апреля 1870 г. в ней было помещено несколько статей старшей дочери Маркса — Женни,— разоблачавших возмутительное обращение с фениями. В значительной мере под влиянием выступлений «La Marseillaise» ряд руководителей фениев, и среди них и О'Донован Росса, были амнистированы английским правительством. В публикуемом

[1] «Der Volksstaat». Organ der Sozialdemokratischen Arbeiterpartei und der Internationalen Gewerksgenossenschaften, № 31, 15 апреля 1871 года.

[2] Речь идет о кровавом подавлении восстания парижских рабочих в июне 1848 года.

[3] В подлиннике — «Kommunistische Bewegung».

нами письме не случайно упоминается, что Флуранс был богат (он унаследовал ренту в 80 тыс. ливров) — это составляло резкий контраст со всей его жизнью борца-революционера. «Богатый, ученый, получивший буржуазное воспитание, он одним прыжком перескочил от богатства к нищете, к преследованиям, к тюрьме, к смерти»,— пишет о Флурансе его адъютант Чиприани [1]. Говоря о переездах Флуранса «из страны в страну», автор публикуемого письма имеет в виду его активное участие в республиканском и национально-освободительном движении в Греции, Турции и Италии в 1866—1870 гг.

Наряду с приведенным письмом на страницах «Volksstaat» мы находим ряд материалов о Флурансе, заимствованных из венской «Tagespresse» и из немецких газет. Редакция «Volksstaat» при этом опровергала версию парижской газеты «Vérité», согласно которой Флуранс был убит в стычке с отрядом жандармов, окружившим здание вокзала, где находился штаб коммунаров. Редакция «Volksstaat» писала, что другие сообщения, равно как и частные письма из Парижа, подтверждают содержащееся в приведенном выше письме утверждение о том, что Флуранс предательски убит [2]. 19 апреля газета сообщила подробности о похоронах Флуранса, последовавших после осмотра его тела членами версальского правительства. А через десять дней редакция «Volksstaat» имела возможность дать своим читателям документальное подтверждение того, что Флуранс был убит самым коварным образом — из засады. Этот факт был засвидетельствован очевидцем — солдатом версальской армии,— рассказ которого был опубликован в парижской газете «Réveil du Peuple», затем был перепечатан брюссельской «Liberté» и оттуда уже попал на страницы «Volksstaat». Редактор последнего В. Либкнехт писал по поводу этого разоблачения, передававшего все жуткие подробности злодеяния: «Следовательно, не смерть в открытом, честном бою, а предательское убийство, как мы, на основании частных сообщений, и утверждали с самого начала. И господин Тьер, имевший наглость заявить в официальном документе, что версальскими защитниками порядка не был убит ни один пленный,— уличен еще в одной лжи. Но это такой пустяк для этих виртуозов беспринципности и низости!» [3].

Уже из самого содержания письма явствует, что его автором является один из членов семейства Маркса. Неопровержимым доказательством этого является хотя бы указание автора на то, что из его семьи («от нас», т. е. из нашего дома) исходили статьи о фениях, появившиеся в «La Marseillaise» год назад и написанные, как было сказано выше, старшей дочерью Маркса — Женни [4]. Эти статьи послужили поводом для знакомства семьи Маркса с Рошфором и Флурансом, сначала заочного, а затем с последним — и личного. Знакомство это перешло в довольно тесные дружеские отношения Флуранса с Марксом и его семьей во время пребывания Флуранса в Лондоне, куда он бежал в конце марта 1870 г. от судей Наполеона III.

Итак, совершенно несомненно, что перед нами письмо, прибывшее в Лейпциг от кого-то из членов семьи Маркса. Но от кого именно? Указание редакции «Volksstaat» на то, что письмо написано женщиной, суживает круг возможных авторов: письмо могли написать либо жена Маркса, либо его старшая дочь Женни [5]. Вводные строки к письму принадлежат, несомненно, В. Либкнехту [6]. Эпитет «hochherzige» (высоких душевных качеств) мог быть им употреблен, конечно, скорее всего по отношению к жене Маркса. Дело тут не столько в разнице лет (Женни фон Вестфален была старше своей дочери Женни на 30 лет), сколько в том чувстве глубокого уважения, которое характеризовало, как нам известно, отношение В. Либкнехта (да и многих других деятелей рабочего движения этой эпохи) к верному другу и помощнику Маркса [7]. Чувство это вполне

---

[1] См. Prolès Ch. «Gustave Flourens», p. 5. Paris. 1898.

[2] «Der Volksstaat» № 31 от 15 апреля 1871 года.

[3] «Der Volksstaat» № 35 от 29 апреля 1871 года.

[4] Они появлялись в «Марсельезе» частично анонимно, частично за подписью «Дж. Вильямс» (см. текст этих статей в приложениях к первой части XIII тома сочинений Маркса и Энгельса, стр. 412—429).

[5] Указание редакции на то, что автор письма находится в «идейном» или духовном (geistige) центре событий, равно как и выражение «весь наш дом» как будто исключают авторство Лауры Маркс, находившейся в это время вместе со своим мужем Полем Лафаргом и детьми в Бордо, т. е. в относительной близости к «фактическому» центру событий — Парижу.

[6] Ему же, несомненно, и было адресовано письмо. Мы имеем возможность утверждать это столь категорически ввиду того, что Маркс и члены его семьи находились в дружеских отношениях из всей редакции «Volksstaat» лишь с одним Либкнехтом. Этот последний как раз незадолго перед этим (в конце марта) был вместе с А. Бебелем освобожден из предварительного тюремного заключения и уже с 5 апреля 1871 г. приступил к исполнению обязанностей ответственного редактора «Volksstaat».

[7] Напомним, что после смерти жены Маркса Либкнехт писал ему 12 декабря 1881 г.: «Ты знаешь, чем была для меня эта благородная женщина; ей я прежде всего обязан тем, что не пошел ко дну во время лондонского изгнания». В своих воспоминаниях о Марксе и его семье Либкнехт с тем же чувством глубокого уважения и признательности говорит о Женни фон Вестфален, которая встретила его, как мать и сестра, лишенного друзей, выброшенного на берега Темзы скитальца (W. Liebknecht. Karl Marx zum Gedächtnis, 1896, S. 28).

естественно вылилось под пером Либкнехта в этот эпитет, маловероятный в отношении дочерей Маркса — Женни или Лауры.

Далее некоторый материал для доказательства принадлежности рассматриваемого письма перу жены Маркса мы находим при сопоставлении его с текстом уже опубликованных ее писем этого же периода. В настоящее время в печати известны два таких письма[1]. Первое из них, по нашему мнению, приписано ей ошибочно и принадлежит перу ее старшей дочери[2], второе же письмо — Л. Кугельману от 12 мая 1871 г.— безусловно написано ею. Для нас важно, что в этом письме содержится выражение о том, что в борьбе Коммуны «...принимают участие все наши самые старые и лучшие друзья», почти текстуально совпадающее с фразой о «наших лучших, самых верных друзьях», участвующих в Коммуне, которую мы встречаем в нашем письме. Самое это выражение вполне понятно и уместно именно в письме жены Маркса, имевшей за плечами уже не один десяток лет активного участия в рабочем движении и связанной долголетней дружбой со многими его выдающимися деятелями.

Таковы те соображения по поводу личности автора публикуемого письма, которые можно высказать, исходя из данных, имеющихся в литературе. Многое в них позволяет уточнить обращение к архивным материалам. По сообщенным нам сведениям, в Архиве Института Маркса—Энгельса—Ленина (ИМЭЛ) среди писем жены Маркса к В. Либкнехту имеется (ввиде фотокопии) небольшое письмецо, датируемое 10 апреля 1871 года. Для нас в нем важно следующее место: «Что касается статей Женни в «Marseillaise», то они появлялись за подписью «Дж. Вильямс», т. е. анонимно. Не упоминайте об этом в ответах. Несколько слов о Флурансе были бы своевременны в Вашей газете. Что за ужасы творятся в Париже! Французские варвары затмили германских». Подпись «Ваш старый друг» может объясняться рядом причин: характером пересылавшегося в конверте письма Маркса Либкнехту[3], а затем и наличием интересующей нас заметки о Флурансе. Возможно, что еще до 10 апреля жена Маркса писала Либкнехту и что в этом-то предыдущем письме и заключалось то место о Флурансе, которое он опубликовал в своей газете 15 апреля. Возможно, что Либкнехт запрашивал разрешение опубликовать этот отрывок письма и получил это разрешение в замаскированной форме в цитированной выше фразе письмеца от 10 апреля.

В имеющихся в Архиве ИМЭЛ письмах Либкнехта Марксу за апрель 1871 г. никаких упоминаний по этому поводу не содержится. Заслуживает, однако, внимания следующее место из письма Либкнехта Марксу от 25 апреля 1871 г.: «Тысяча благодарностей твоей жене, которая вернула меня опять к старым временам и пробудила тоску по Лондону!.. Это было все-таки чудесное время, несмотря на ломбарды и частенько урчавший желудок!.. Моя жена пишет твоей»[4]. Это место письма Либкнехта естественнее всего можно истолковать как ответ либо на письмо Женни Маркс, полученное им, либо как ответ на присылку какой-нибудь фотографии, которыми они, как видно из переписки, иногда обменивались. Во всяком случае, для нас важно знать, что жена Маркса в апреле 1871 г. находилась в довольно оживленной переписке с В. Либкнехтом, а также и с его женой.

Все эти данные склоняют нас к выводу о том, что принадлежность публикуемого письма Женни Маркс следует признать если и не доказанной с полной очевидностью, то, во всяком случае, наиболее вероятной.

Если принять записку от 10 апреля за некий «комментарий» к рассматриваемому нами письму, то надо считать датой его написания 7—9 апреля 1871 года. Раньше 7-го письмо вряд ли могло быть написано. Хотя известие о смерти Флу-

---

[1] Опубликованное впервые К. Вольфом в приложениях к немецкому изданию книги Лиссагаре о Коммуне (Lissagaray «Der Pariser Kommune-Aufstand». Mit einem Vorwort von K. H. Wolf und einem Anhang: Briefe von Karl und Jenny Marx über die Kommune. S. 418, 419. 1931), они переведены на русский язык и прокомментированы проф. С. Б. Каном (см. «Борьбу классов» № 8—9 за 1931 год, стр. 79, а также сборник ИМЭЛ «Письма деятелей Первого Интернационала в дни Коммуны», стр. 38, 43. 1933).

[2] За это говорят следующие соображения: во-первых, язык оригинала — английский в первом письме и немецкий во втором; более чем странным кажется обращение жены Маркса к семье Кугельмана с письмом на английском языке. Во-вторых, обращение («мои дорогие друзья»), равно как и извинения за долгое молчание, которыми начинается письмо, несравненно вероятнее в письме дочери Маркса Женни, находившейся в личной дружбе с семейством Кугельмана. В-третьих, содержащееся в письме упоминание о «дискуссиях» с Флурансом по поводу организации помощи фениям также говорит за принадлежность письма Женни-младшей, перу которой принадлежали статьи о фениях, для которых Флуранс и переводил упоминающиеся в тексте письма О'Донована Росса.

[3] См. К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч. Т. XXVI, стр. 104—105.

[4] Вскоре Либкнехт ответил на это письмо Женни Маркс; привела в исполнение свое намерение и его жена. Об этом мы узнаем из имеющегося в Архиве ИМЭЛ письма Либкнехта Энгельсу от 24 мая 1871 г., в котором он просит спросить Маркса, получил ли тот письмо Либкнехта и его жены, отправленное ими 4 или 5 недель назад.

ранса, содержавшееся в телеграммах из Версаля от 4 апреля, и достигло Лондона уже на следующий день, но подробности его предательского убийства, которые, конечно, не могли поступить из Версаля, попали в лондонские газеты от их парижских корреспондентов не ранее 7-го[1]. Раньше 7 апреля эти сведения из Парижа вряд ли могли придти, ибо, как видно из парижских газет, там даже 6 апреля еще не была официально подтверждена смерть Флуранса[2].

★

Так обстоит дело с установлением автора письма и времени его написания. Что касается содержащейся в нем характеристики Г. Флуранса, то как в ряде отдельных элементов, так и в самом существе своем характеристика эта вполне совпадает с той оценкой личности Флуранса, к которой пришел Маркс на основании личного знакомства с ним весной 1870 года.

Если роль и поведение Флуранса в таких событиях политической жизни Парижа, как демонстрация 12 января 1870 г. на похоронах республиканского журналиста Виктора Нуара или так называемое «восстание в Бельвилле» 7 февраля того же года, встретили со стороны Маркса и Энгельса резкое осуждение и безжалостно насмешливое отношение, как типичное «вспышкопускательство», то при личной встрече Маркс, очевидно, убедился в том, что положительное в личности Флуранса намного перевешивает его отрицательные черты. В своих письмах к Энгельсу Маркс дает следующий отзыв о Флурансе. Положительные свойства: решительность, храбрость («его отличительным качеством является смелость»), ученость («обладает... значительным естественно-научным образованием»). И хотя Флуранс, по мнению Маркса, и полон «иллюзий и революционного нетерпения», хотя Маркс и находит его «слишком большим сангвиником», все же Флуранс, в конечном счете, для него «...весьма славный парень», и Маркс был бы доволен, если бы Флуранс остался в Лондоне подольше, ибо «...его стоило бы обработать»[3].

В публикуемом письме Женни Маркс характеристика Флуранса слагается примерно из тех же элементов: смелый до дерзости, ученый, человек по натуре горячий и впечатлительный. Но в нарисованном ею образе Флуранса она подчеркивает также, как мы видели, глубокое благородство его души и рыцарские черты его характера. Вспомним, что и Маркс при работе над «Гражданской войной во Франции», когда он должен был взять для характеристики Флуранса наиболее типичные его черты, постоянно избирает следующие эпитеты: обладающий возвышенной душой (high-souled) и рыцарственный (chivalrous)[4].

«Жандарм Демаре был награжден орденом за то, что он изменнически изрубил в куски, как мясник, великодушного и рыцарски благородного Флуранса...»[5],— читаем мы в окончательном тексте первого издания «Гражданской войны во Франции».

★

Предпринятая коммунарами 2 апреля 1871 г. попытка наступления на Версаль была хорошо задумана, но, к несчастью, очень плохо осуществлена. Она стоила жизни многим славным борцам Коммуны и среди них двум ее генералам, павшим первыми жертвами белого террора,— Дювалю и Флурансу. Торжество версальских «изуверов», о котором говорит в своем письме Женни Маркс, было тем сильнее, что они были охвачены перед этим отчаянной паникой. Авангард войск Коммуны был уже в 6 км от Версаля, и, как рассказывают очевидцы, чемоданы у депутатов Национального собрания были уже уложены, а приготовленные для их эвакуации поезда стояли под парами[6]. Но атака была отбита, 2 тысячи пленных проведены по улицам Версаля, и торжество и ликование охватили врагов Коммуны. «Флуранс убит! федералисты побеждены! Рента поднялась!»[7]— так формулировались их чувства. Ликование версальцев разделяли их собратья по классу в других странах. «Тело Флуранса находится в Версале, и потому мы можем быть уве-

---

[1] Например корреспонденция в номере «Daily News» от 7 апреля, в которой было дано описание смерти Флуранса, послужившее, возможно, источником для письма дочери Маркса Женни к Кугельману от 12 апреля.

[2] См., например, «La Sociale» № 7 от 5 апреля 1871 г., а также показание А. Рошфора, который пишет: «После провала 4 апреля Париж три дня оставался без вестей о Флурансе» (А. Рошфор «Приключения моей жизни», стр. 254. 1933). Окончание нашего письма (фраза о торжествующем Пикаре), можно предполагать, основана на сведениях, почерпнутых не из газет, а из частного письма. Не заключалось ли описание гибели Флуранса в письме к Марксу дочери Лауры, в котором он получил от нее около 10 апреля 1871 г. вырезку из газеты «La Province»? (См. К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч. Т. XXVI, стр. 105).

[3] К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч. Т. XXIV, стр. 322 и 325.

[4] См. Архив Маркса и Энгельса. Т. III(VIII), стр. 258, 408. 1934. Отметим попутно, что в нашем письме глубокая человечность Флуранса охарактеризована одним из любимых изречений самого Маркса («Ничто человеческое мне не чуждо» — К. Маркс и Ф. Энгельс «Об искусстве», стр. 664. 1938).

[5] Архив Маркса и Энгельса. Т. III(VIII), стр. 33.

[6] См. воспоминания реакционного публициста Léonce Dupont (François de Sales) «Souvenirs de Versailles pendant la Commune», p. 50. P., 1881 и А. Рошфор «Приключения моей жизни», стр. 251. 1933.

[7] Цитирую по выпискам Маркса из газет. См. Архив Маркса и Энгельса. Т. III (VIII), стр. 175.

рены, что его неугомонный дух, наконец, успокоился» [1],— с удовлетворением констатировал автор передовой «Daily Telegraph».

Но он ошибся. Отдав жизнь своему народу, Флуранс продолжал говорить с ним и служить ему и после смерти. 8 апреля в одной из парижских газет, «La Sociale», появилась заключительная глава незадолго перед этим вышедшей в свет его книги «Выданный Париж». Как писала редакция этой газеты, было похоже на то, что Флуранс, пав под пулями реакции, хотел в этой книге оставить народу свое завещание.

Написанные кровью сердца, строки этого завещания коммунара не поблекли от времени, и сейчас, когда его великая родина переживает тяжелую годину, они, как никогда, жгучи и современны. В своей книге Флуранс беспощадно клеймит буржуазию Франции, которая одна воспользовалась плодами победы народа над феодально-абсолютистским строем, лишь «заменив привилегию крови привилегией денег» [2]. Заняв место свергнутого дворянства, буржуазия обречена разделить его судьбу, ибо она, подобно дворянству, противопоставила себя народу. Если для поверхностного наблюдателя Франция в 1870 г. казалась погибшей, то, по мнению Флуранса, постигшая ее в это время катастрофа являлась лишь «гибелью определенной политической системы, гибелью определенной касты» [3], т. е. буржуазии. Флуранс ошибался в определении сроков окончательной гибели последней, но он совершенно правильно заклеймил ее предательскую, антинародную политику в тогдашнем политическом кризисе. «Подлинный патриотизм, готовность к самопожертвованию и отвагу» [4] Флуранс видел лишь в народном, демократическом лагере Франции. Его глубокий патриотизм сочетался при этом с пониманием того, что Франция может возродиться лишь на иной социальной основе, покоящейся, как он выражался, на «новом принципе», осуществление которого принесет подлинную свободу и братство всем народам.

«У народа есть этот принцип,— писал Флуранс в последних строках своей книги,— он любит его, защищает всеми своими силами и стремится любой ценой добиться его победы.

Этот принцип — равенство» [5].

В этой пламенной, непоколебимой вере в силу и мощь народных масс, в готовности к самопожертвованию в борьбе за осуществление своих социальных идеалов проявляется историческое величие коммунаров.

Дела и мысли борцов Коммуны кровно близки трудящимся всего мира. Каждый документ, в котором запечатлены черты образов этих великих борцов, заслуживает нашего самого пристального внимания. К числу подобных документов, бесспорно, относится и публикуемое письмо Женни Маркс о коммунаре Густаве Флурансе.

ПРОБЛЕМА ФРОНДЫ [6]

Б. Поршнев

Слова «фронда», «фрондировать» вошли в обиходную речь как обозначение несерьезной оппозиции. В историографии Фронда традиционно изображается в шутливой форме. Мишле, не примыкавший к этой традиции, саркастически писал: «Фронда имеет репутацию одного из самых занимательных периодов истории Франции, самого забавного периода, когда легкая и остроумная живость национального характера блистала невыразимым комизмом. Сотни томов шуток! Целая литература для смеха! Библиотеки, полные веселья! Разве это не занятно?» [7]. Можно согласиться с Мишле, что эта традиционная репутация представляет удивительный контраст с действительным содержанием и историческим значением Фронды.

Изучение народных восстаний XVII в показывает, что укоренившееся в буржуазной историографии представление о «великом веке» вообще не вяжется с фактами. Фронду нельзя было просто замолчать в угоду этому представлению, как замалчи-

---

[1] Архив Маркса и Энгельса. Т. III(VIII), стр. 151.

[2] Gustave Flourens «Paris livré», p. 224. P. 1871.

[3] Ibidem.

[4] Ibidem, p. 225.

[5] Ibidem.

[6] Настоящая статья представляет собой отрывок из большого исследования, посвященного народным восстаниям во Франции в XVII веке. В этом исследовании автор не мог обойти молчанием Фронду (1648—1653), лежащую на грани двух циклов народных восстаний (1623—1647 и 1654—1676 гг.) и тесно связанную с ними. Но он не мог также дать подробного изложения истории Фронды. Это тема для целой монографии. Поэтому в публикуемом отрывке автор ограничился кратким резюме своих исследований о Фронде, формулирующим основные проблемы и предвосхищающим некоторые выводы, которые не могли быть тут подробно доказаны.

[7] Michelet J. «Histoire de France». T. XI, p. 516.

ваются народные восстания, поэтому она изображается в кривом зеркале.

Первая задача объективного историка Фронды — это борьба с историографической легендой. От нее неотделима вторая, не менее трудная задача — борьба с фальсификацией истории Фронды самими источниками. Дело в том, что первые десятилетия царствования Людовика XIV протекали под впечатлением миновавшей опасности: о Фронде почти невозможно было публично упоминать, с памятью о ней велась настоящая война[1]. В 1668 г. Людовик XIV приказал разыскать и уничтожить все документы, касавшиеся общественных дел за 1648—1652 гг., и переписать с соответствующими купюрами протоколы парижского муниципалитета, парламента и других учреждений, «ибо король желает уничтожить воспоминание о событиях, происшедших в его малолетство в нарушение его службы»[2]. Официозные историографы и мемуаристы из придворной и чиновной аристократии в этой атмосфере реакции создавали легенды о Фронде,— облекали ее в аристократический костюм, разменивали на дамские интриги и легкие анекдоты. Опасность высмеивали потому, что она миновала, а высокопоставленные мемуаристы, даже преувеличивая свою роль, вместе с тем доказывали и ничтожность самой вины. Мемуары Ретца, Ларошфуко, Ленэ, Омер Талона, Моле, Монгла, Ги Жоли, герцогини де Немур, герцогини Монпансье, г-жи де Моттвиль и многих других служили почти единственным источником информации о Фронде в течение XVIII века.

Правда, Боссюэ в конце XVII в. еще называл Фронду «великой революцией», а Вольтер ставил ее в ряд с английской революцией[3], но господствующим в XVIII в. было мнение, выраженное в словах Монтескье: Фронда «никакой побудительной причины не имела, была вызвана легкомыслием и честолюбием нескольких вельмож и сразу же была подавлена»[4]. Автор первого сочинения о Фронде, историк Майи, должен был сопроводить свой вполне лойяльный труд заверениями об отсутствии у него дурных намерений[5]. От XVIII в. и идет повторяемое подчас до сих пор мнение, что Фронда была всего лишь последним выступлением реакционной феодальной знати против крепнущей королевской власти[6].

Но после буржуазной революции 1789—1794 гг. появился и новый взгляд на Фронду, как на историческую предшественницу этой революции. Один историк в 1811 г. пишет, что «эта война была серьезнее, чем обычно думают; в Англии в это время бушевала гражданская война и всходили семена республики, в Неаполе эфемерный трибун Мазаньелло подымал народ против правительства, и во Франции многие недовольные политики мечтали о республике»[7].

Начались поиски новых источников и нового истолкования Фронды. В 1827 г. вышло первое научное исследование о Фронде Сент-Олера, а за какие-нибудь 20 следующих лет от фальсифицированного мемуаристами взгляда на Фронду не осталось камня на камне.

Новые взгляды на Фронду можно разделить на два основных лагеря. Сент-Олер выдвинул на первый план «парламентский» период Фронды (1648—1649), резко противопоставив его второму—аристократическому. В первый период Фронда обращена лицом не к феодальному прошлому, а к буржуазному будущему — «это была великая революция... Статьи, принятые в палате святого Людовика, провозгласили подлинные принципы свободы и заложили основу для законного правительства и правильной администрации»[8]. Но Сент-Олер увидел в «первой Фронде» не массовую народную революцию, а только любезное его сердцу буржуазно-конституционное движение, борьбу за умеренные политические реформы. Его исследование оказало огромное влияние на всю буржуазно-либеральную историографию, на отношение к Фронде Тьерри, по словам которого, первый период Фронды напоминает современные «конституционные революции»[9], на Мартена[10], Базена[11], Гайардена[12] и др.

Второй лагерь может быть назван народническо-демократическим. Его представляет прежде всего исследование Капфига, базирующееся на еще более широком круге впервые привлеченных источников, чем труд Сент-Олера. Капфиг строит концепцию Фронды не на противопоставлении духа буржуазной оппозиции духу феодальной смуты или правительственной тирании, а на противопоставлении духа народного восста-

---

[1] Lacour-Gayet G. «L'éducation politique de Louis XIV», p. 227—239. 1898.

[2] «Registres de l'Hôtel de ville de Paris pendant la Fronde», publiés par le Roux de Liney et Douët-d'Arcq. T. I, p. III—IV. 1846.

[3] Voltaire «Siècle de Louis XIV», p. 49—50. 1906.

[4] Montesquieu «Considérations sur les causes de la grandeur des romains et de leur décadence». «Classiques de l'histoire», p. 522. 1826.

[5] Mailly «Esprit de la Fronde». T. I—II. 1774—1775.

[6] Особенно укрепилось это мнение в русской исторической литературе; см., например, Петерсон К. «Взгляд на Фронду». «Современник» за 1842 год. Т. 27, стр. 57—68; Кареев Н. «История Западной Европы в новое время». Т. II, стр. 404—406. 1904.

[7] Laboissière J. «Les commentaires du soldat du Vivarais». Préface. Paris. 1811.

[8] Saint-Ailaire «Histoire de la Fronde». T I, p. 267—268. 1827.

[9] Thierry A. «Essai sur l'histoire de la formation et des progrès du tiers état». Bruxelles. 1853.

[10] Martin H. «Histoire de France». T. XII. 1857.

[11] Bazin A. «Histoire de France sous le ministère du cardinal Mazarin». T. I—II. Paris. 1842.

[12] Gaillardin C. «Histoire du règne de Louis XIV». T. I. 1877.

ния всему существующему режиму. На огромном материале он показывает движущую роль народных масс, разоблачая вздорность «установившихся теорнек» о Фронде, доказывая, что «Фронда угрожала монархической идее во Франции и в Европе, что это не был простой мятеж, но подлинная политическая революция», в основе которой лежала «всегдашняя борьба, битва между классами, вечное соперничество между богатыми и бедными». «Дворянская фракция» сыграла в событиях весьма незначительную роль. Буржуазия сначала шла с революцией, но в то же время боялась грабежей и народного бунта и поэтому искала компромисса. Подобно тому как Сент-Олер открыл первый период Фронды, так Капфиг открыл заключительный этап (1652), когда ненависть народа была направлена прежде всего против предавшей его привилегированной буржуазии (резня в Ратуше и пр.). Облегченную благодаря этому победу абсолютизма Капфиг расценивает как «Реставрацию»[1]. Исследование Капфига дополняется более или менее сходной трактовкой Фронды у Сисмонди[2], Бонмера[3], а в особенности Мишле, который отрицал прогрессивный характер парламентской Фронды, противопоставляя ей стихийную борьбу масс. Фронда, по Мишле,—это «слепая революция», «восстание нищеты», «революция желудка». Если бы «вожди» из господствующих классов не раскололи и не умертвили движения,—«это не была бы уже Фронда, это была бы английская революция, это был бы Долгий парламент»[4]. К эпигонам того же народническо-демократического лагеря следует отнести Фейе, труд которого, основанный на широком изучении провинциальных архивов, показал положение народных масс города и деревни, в особенности разгром и бедствия крестьян в результате неудачи Фронды[5]. Однако никто из историков этого лагеря не обратился для понимания Фронды к истории народных восстаний до и после нее.

Торжество новых взглядов на Фронду было очень недолговечно. Они не увязывались с идеями школы Тьерри о мирных успехах «третьего сословия» в сотрудничестве с «национальной» монархией XVII века. К тому же в период Второй империи любование революциями прошлого выходило у буржуазных ученых из моды, а франко-прусские противоречия подстегивали, напротив, любование абсолютизмом XVII века. Биографическое направление в изучении Фронды (Виктор Кузен и др.) возрождает тенденцию выпячивания на первый план фигур вельмож и знатных дам. После Парижской коммуны окончательно укрепляется отрицательное отношение к Фронде. Наиболее значительная работа 70—80-х годов—Шерюэля (но основанная на гораздо меньшем знании источников, чем у Сент-Олера и Капфига, главным образом опирающаяся на мемуары) — трактует Фронду как реакционную помеху на пути внешнеполитических успехов Франции, возрождая в основном взгляд XVIII в. на Фронду[6].

С тех пор научное изучение Фронды остановилось, если не говорить о постепенном накоплении фактических данных историками-краеведами и публикаторами. Противоречие между фактами и установившимся взглядом приводит иногда к попыткам сказать что-либо о Фронде в духе авторов 30—40-х годов, однако эти попытки наталкиваются на стену академического непризнания. Если в начале XX в. историк Норман пытается снова представить Фронду как попытку буржуазной революции, не удавшуюся только из-за непоследовательности самой буржуазии XVII в.[7], то одновременно академик Лависс изображает ее (аргументируя не от источников, а от общей концепции хода французской истории) как «последнее жалкое усилие против королевской власти»[8]. Если в 1930 г. появляется работа Курто, резюмирующая накопленные сведения о двух массовых восстаниях в Париже — в начале и в конце Фронды[9],— то в 1931 г. выходит ответная книга академика Мадлена — десять лекций, не являющихся плодом изучения источников, но претендующих по-новому обосновать старую точку зрения на Фронду. Фронда, по Мадлену, была изолированным эпизодом в ходе французской истории, противоречащим ее общему направлению, ибо Франции в то время объективно было необходимо только усиление абсолютизма, и «инстинктивно» вся Франция понимала это. Мадлен не спорит грубо с фактами: да, Фронда не была феодально-аристократической смутой, она очень похожа на настоящую революцию. «Эта революция ничего не ниспровергла, поэтому я называю ее «несостоявшейся революцией» (révolution manquée); но тем не менее она представляет все те элементы, которые в другое время производят революции». Мадлен даже злоупотребляет детальными аналогиями между событиями 1648 и 1789 годов. Но все-таки эта попытка революции не могла удаться, ибо противоречила «высшим интересам Франции,— сама революция была бы реакцией, поэтому и заслуживает только осмеяния. Обреченность Фронды выразилась в том, что в ней были все элементы

[1] Capefigue «Richelieu, Mazarin, la Fronde et le règne de Louis XIV». T. I—VII. 1835—1836.

[2] Sismondi S. «Histoire des français». T. 24. 1840.

[3] Bonnemère E. «Histoire de France sous Louis XIV». T. I.

[4] Michelet J. «Histoire de France». T. XI, p. 495.

[5] Feillet A. «La misère au temps de la Fronde et Saint Vincente de Paul». 1856.

[6] Chéruel A. «Histoire de la France pendant la minorité de Louis XIV». T. I—IV. 1878—1880; «Histoire de France pendant le ministère de Mazarin». T. I. 1882.

[7] Normand Ch. «La bourgeoisie française au XVII-e siècle». 1908.

[8] Lavisse E. «Louis XIV». «Histoire de France». T. VII, 1, p. 65.

[9] Courteault, H. «La Fronde à Paris. Premières et dernières journées». 1930.

революции, кроме одного — идеи; это была «безыдейная революция»[1].

Это последнее слово французской буржуазной историографии в спорах о Фронде и внутренне противоречиво и противоречит фактам. Изучение народных восстаний XVII в. доказывает, что Фронда не была изолированным эпизодом. Что же касается ее «безыдейности», — говорить ли об идее в смысле цели и программы или в смысле революционной общественной идеологии,— в обоих случаях Мадлен неправ. Политическая программа парижского парламента в 1648 г., так называемые «постановления палаты св. Людовика», вполне выдерживает сравнение с одновременными требованиями пресвитерианского Долгого парламента в Англии: она ограничивает королевскую власть, отнимая у короля право вводить налоги (в связи с чем отменяется должность интендантов как чисто фискальный по происхождению правительственный институт, а вовсе не как помеха всевластию губернаторов), право учреждать государственные должности без санкции парламента, право производить аресты без предания тотчас суду (из тюрем должно быть немедленно освобождено 20 тыс. недоимщиков) и т. д.; она отменяет систему откупов, так же как и все торговые и промышленные монополии, и требует запрещения ввоза во Францию заграничных материй.

Общественно-политические идеи, лежащие левее этой умеренной программы буржуазных реформ, следует искать в прессе времен Фронды. Она почти не исследована. Из 7—8 тысяч брошюр и листовок (заменявших газеты) в научное обращение вошло лишь несколько десятков, перепечатанных в сборнике Моро[2], довольно случайных. Авторы, писавшие об идеях этой прессы: Лебер[3], Атен[4], Дени[5], Сэ[6], Лесестр[7] и др.,— подходили к теме с предвзятой точки зрения на Фронду и мало утруждали себя изучением источников[8]. Между тем это благодарная тема. Правда, эти так называемые «мазаринады» очень разнохарактерны, к тому же среди них нечего и искать прямого отражения взглядов и настроений народных масс. Но если выбрать из них наиболее радикальные высказывания, мы нащупаем ту пограничную линию, за которой непосредственно лежат не допускавшиеся в подцензурную печать идеи толпы. Эти наиболее радикальные высказывания говорят об известной зрелости буржуазной революционной идеологии. Религия, королевская власть, феодальные привилегии—все берется под обстрел.

Лейтмотивом является негодование против налоговой системы и хозяйничанья откупщиков и финансистов. На фоне этого негодования появляются далеко идущие финансово-экономические проекты: уничтожение внутренних таможен, поголовное и равное обложение всех французов (например по 1 су в день с человека), уничтожение всяческих торгово-промышленных привилегий. Самое господство сословия феодалов подлежит уничтожению. «Les grands только потому являются таковыми, — пишет один памфлетист,— что мы держим их на своих плечах; стоит нам только стряхнуть их, и они усеют землю»[9]. Другим лейтмотивом служит негодование против «иностранца» (Мазарини), правящего французами; по этому поводу формулируются идеи революционно-патриотические, националистические. Но прежде всего Мазарини—символ «тирании», установленной еще при Ришелье. Это понятие — краеугольный камень политических теорий Фронды, заимствованный у авторов XVI в. вместе с идеей народного суверенитета. Впротивовес официальной абсолютистской доктрине памфлетисты утверждают, что короли имеют не только права, но и обязанности перед народом, от которого они получили власть на определенных условиях. По словам памфлетиста Давенна, «короли не создавали народов, но народы создавали королей; короли являются только тем, чем люди хотят, чтобы они были». По словам другого автора, «с того момента, когда король начинает злоупотреблять своей властью, он перестает быть королем, и подданные освобождаются от присяги, если король нарушает свою». С таким «тираном» разрешено бороться. А чтобы законная власть короля не превращалась в тиранию, она должна быть ограничена народным представительством. Все это не было простым воспроизведением теорий монархоманов XVI века. Политические идеи радикальной прессы при Фронде — это как раз недостающее промежуточное звено в истории французской общественной мысли между идеями XVI в. и идеями буржуазной революции конца XVIII в. (недаром в 1793 г. был издан сборник памфлетов времен Фронды). Дело не ограничивается требованием обуздать злоупотребления короля, но провозглашается и право восставать против него. По словам памфлетиста Дюбо-Монтандре, «когда целый народ согласно общественному интересу поднимается против своего угнетения, это уже не мятеж и не неповиновение, это процесс, в котором спор сторон принимает форму войны, а

---

[1] Madelin L. «Une révolution manquée. La Fronde». 1931.

[2] Moreau C. «Choix de mazarinades». T. I—II. 1853.

[3] Leber C. «De l'état réel de la presse et des pamphlets, depuis François I jusqu'à Louis XIV». 1834.

[4] Hatin E. «Histoire politique et littéraire de la presse en France». T. I. 1859.

[5] Denis J. «Littérature politique de la Fronde». 1892.

[6] Sée H. «Les idées politiques en France au XVII-e siècle». Chapitre V. 1923 (Les idées politiques à l'époque de la Fronde).

[7] Lecestre L. «Les mazarinades». 1913.

[8] В известной мере исключением является статья Batiffol L. «Les idées de la révolution sous Louis XIV».— «La Revue de Paris». T. II. 1928.

[9] Эти слова, должно быть, послужили образцом для известных слов Прюдома в 1789 г.: «Les grands только потому кажутся таковыми, что мы стоим на коленях. Поднимемся же!»

приговор выносится успехом оружия». Другой памфлетист также утверждает, что нельзя притеснять и убить целый народ, «который знает себе цену» (как это возможно сделать с отдельным человеком); «не будет ли более достойно умереть с оружием в руках, сопротивляясь и стараясь истребить тиранию, чем быть сожженными на наших кроватях, с нашими женами и детьми?» По словам третьего памфлетиста, восстание неизбежно, когда «в самые урожайные годы крестьяне питаются травой..., когда собакам отдают хлеб, на покупку которого у крестьян нет ни гроша»; «в чем же виноваты несчастные поселяне, которых раздели до рубашки и довели до нищенской сумы, не оставив им даже соломы для сна, ни дверей в их домах для защиты от зимнего холода?» По словам четвертого, подобно тому, как овцы могут уклониться от дороги, если пастух ведет их в волчью пасть, так народ вправе отказаться от «несправедливого повиновения, которое у него требуют жестокостью». Пятый говорит, что «сохранение жизни и свободы против угнетения не только дозволено законом, но справедливо и свято». Шестой призывает ко всеобщему восстанию, «ибо все другие средства оказались недостаточными», и т. д. Наконец, нападки на короля и его правление, естественно, перерастают в нападки на монархию вообще, — в частности под впечатлением установления английской республики. «Что такое государь? Преступник, которого не осмеливаются покарать». Король — «мастер, который не знает своего ремесла». «Вы говорите, что Англия виновна. Почему? Потому, что она публично умертвила своего государя?»—но ведь это хороший урок для других королей. «Короли больше не в моде». Пора «переделать французскую монархию». «Монархия слишком стара, и пришло время с ней покончить». Таковы характерные высказывания парижской радикальной прессы. Достаточно и этих нескольких примеров для доказательства того, что Фронда не была безыдейной революцией.

Но и самые радикальные идеи были лишь отражением действительных политических стремлений. Вопрос о республике в самом деле стоял в порядке дня. По свидетельству мемуариста Монгла, в 1649 г. «в Париже только и говорили, что о республике и свободе»; «было опасно назвать себя роялистом»[1]. Статс-секретарь Ле Телье сообщал в 1650 г. в письме Мазарини, что, по словам кардинала Ретца, во время осады Парижа «было бы легко провозгласить республику, люди кричали: «республику!»... Достаточно было отделаться от нескольких человек, имевших еще искренние монархические чувства, и остальные пошли бы на революцию»[2]. Омер Талон в мемуарах говорит о тех, «которые намеревались окопаться в Париже, уничтожить там королевскую власть и установить республику»[3]. Священник Берто сообщает о расклеенных в Париже плакатах, в которых предлагалось установить республику[4]. Кавалер де Севинье писал во время Фронды герцогине Савойской: «Если бог не сжалится над нами, мы обречены увидеть всеобщее ниспровержение всех монархий»[5]. Сам Мазарини писал о распространении «духа республики», об «отвращении к монархии и безумных надеждах опрокинуть ее или превратить в республику», о том, что Гонди «восхвалял постоянно поступки Кромвеля... внушал народу идею республики или развивал ее у тех, кто уже ее имел», и что он «еще превзойдет все замыслы Кромвеля»[6]. В самом деле, Кромвель в 1650 г. писал Гонди, предлагая свою дружбу, ссылаясь на чувства, выказанные последним «в пользу народной свободы»[7]. Если в Париже эти устремления не дали окончательных плодов, то во втором центре Фронды — в Бордо — дело дошло до установления подобия республиканского демократического правительства, своего рода Коммуны; над Бордо развевалось красное знамя; события в Бордо показывают ту тенденцию, которая таилась вообще в ходе Фронды: тенденцию к буржуазной республике[8].

Невозможно понять, откуда и на какой почве возникла Фронда, если не изучить предшествовавших ей народных восстаний XVII века[9]. Напротив, стоит поставить Фронду с ними в связь, как она перестает быть загадкой. По словам историка Ла Ферьера, «бедствия народа, вызывавшие все эти беспрерывно возрождавшиеся волнения, были если и не сказать оправданием, то, во всяком случае, подлинной предпосылкой Фронды»[10].

Изучение народных восстаний XVII в. показывает, что они были стихийны и что их судьба зависела от того или иного решения проблемы руководства. Если бы буржуазия возглавила эти гигантские клокотавшие силы в общефранцузском масштабе,— это была бы буржуазная революция. Именно так и началась Фронда. Во французской буржуазии XVII в. боролись две ду-

---

[1] Monglat «Mémoires». Coll. Michaud et Poujoulat. T. XXIX, p. 211.

[2] Battifol L. «Biographie de cardinal le Retz», p. 78. 1929.

[3] Omer Talon «Mémoires». Coll. Michaud et Poujoulat. T. XXX, p. 459.

[4] Le père Berthod «Mémoires». Coll. Michaud et Poujoulat. T. XXIV, p. 591.

[5] «Correspondance de Sévigné et de Christine de France, duchesse de Savoie, publiée par L. Lemoine et F. Saulnier». 1911.

[6] «Lettres etc. de Mazarin». T. III, p. 971—972; T. IV, p. 62.

[7] Retz «Oeuvres» (Les grands écrivains de la France). T. IV, p. 267.

[8] Communay A. «L'Ormée à Bordeaux». 1887; Dom Devienne «Histoire de la ville de Bordeaux». 1771; Jullien C. «Histoire de Bordeaux». 1895.

[9] См. нашу статью «Народные восстания во Франции в 20—40-х гг. XVII в.», опубликованную в «Ученых записках исторического факультета Московского областного педагогического института». Т. II. 1940.

[10] De La Ferrière H. «Deux années de la mission à Saint-Petersbourg», p. 137. 1867.

ши: одна связывала ее с феодальным прошлым, другая — с капиталистическим будущим. Первая долгое время осиливала все порывы второй ввязаться в народный натиск против феодально-абсолютистского порядка. Но неосторожная налоговая политика Мазарини и сюринтенданта финансов Эмери усилила буржуазную оппозицию, а в 1648 г. правительством была сделана косвенная попытка отнять у чиновной буржуазии право на наследственность должностей. Это значило вытолкнуть буржуазию из-под сени абсолютизма. Верхушка буржуазии, вросшая в аппарат абсолютизма, тотчас колебнулась, должностные лица парижского парламента возглавили буржуазную оппозицию,—и тем самым развязали ее. Раз только старшие собратья по классу перестали служить сдерживающим началом, должна была осилить та душа буржуазии, которая звала в бой. По словам г-жи де Моттвиль, в эти дни «даже купцы были заражены любовью к общественному благу, которое они ставили выше чем свою частную выгоду»[1]. В уличных баррикадных битвах в Париже 26—27 августа 1648 г. буржуа боролись бок о бок с плебейскими массами.

Несомненно, что начало Фронды было попыткой буржуазной революции (дворянство не принимало в нем никакого участия). Ее основой оставались народные восстания, попрежнему вспыхивавшие то там, то тут по всей Франции и как бы непосредственно влившиеся в Фронду из предшествовавших десятилетий. В 1649 г. один интендант доносил канцлеру Сегье: «Восстание у народа все время стоит в порядке дня» (la sédition est toujours dans le peuple à l'ordre du jour)[2]. Но теперь восстания получили как бы политическую санкцию. Парижский парламент издал указ, запрещающий платить не зарегистрированные им налоги,—можно себе представить, какой резонанс имел этот указ. Парламент объявил о предстоящем снижении тальи на четверть и уменьшении других налогов — и народ в ожидании стал повсюду вообще отказываться от платежей налогов и громить «габелеров». По словам Мартена, в 1649 г. «на двадцать лье вокруг Парижа больше не уплачивались ни талья, ни эд, ни габель; чиновники, недавно внушавшие ужас в деревнях, не решались в них показываться. На всем протяжении Луары соль продавалась открыто, под защитой оружия; из налогов не поступало почти ничего»[3]. Так было не только вокруг Парижа.

К сожалению, имеющиеся два—три десятка сочинений о Фронде в отдельных провинциях и городах (которые мы не станем и перечислять) по большей части дают поверхностное описание событий и обычно лишь мимоходом упоминают о народных «бунтах». Но есть полное основание ждать будущего исследования о Фронде, которое покажет, что в 1649 г. вся Франция была в состоянии, похожем на состояние Нормандии в 1639 г. (когда победоносное восстание «босоногих» на время полностью парализовало административно-финансовую государственную систему). Был момент, когда, несомненно, основная масса крестьянства и плебейства страны поддерживала парламент в его борьбе против двора. Когда двор бежал в Сен-Жермен и королевские войска осадили Париж, окрестные деревни с оружием выступали против «мазаринистов», в то время как внутри городских стен плебейские массы штурмом брали Бастилию (и в этом эпизоде Фронда предвосхищает 1789 г.) и создавали вместе с буржуазией поголовное ополчение.

Положение вещей хорошо резюмировано в рассуждении кардинала Ретца, обращенном в эти дни к принцу Конде: «Разве парламент — не идол всего народа? Я знаю, что вы почитаете народ за ничто, ибо двор вооружен; но разрешите сказать вам, что его следует почитать за многое, в тех случаях, когда он сам считает себя всем. Сейчас он именно таков. Он сам начинает считать ничем ваши войска, а, к несчастью, сила народа состоит в его воображении: поистине можно сказать, что в отличие от других сил он, дойдя до известной точки, способен на все, на что считает себя способным. Вы говорили мне, что это настроение народа — только дым; однако этот дым, такой черный и густой, идет от огня, ярко пылающего и сильно жгущего. Парламент раздувает его и может, при самых лучших и невинных намерениях, разжечь до такой степени, что огонь охватит и пожрет его самого, а в то же время не раз будет грозить и существованию государства»[4].

В этих словах предвосхищен и неизбежный раскол в революционном лагере. Этот раскол действительно все яснее чувствовался во время осады Парижа. Собственно говоря, парламент считал борьбу в основном законченной еще 24 октября 1648 г., когда была опубликована королевская декларация (одновременно с Вестфальским миром), принимавшая большую часть требований «палаты св. Людовика». Сам двор стал вскоре инициатором гражданской войны, сбежав из Парижа и отказавшись от своих обещаний.

Парламент хотел теперь путем мирных переговоров вернуть потерянное, народ же (вместе с радикальной частью буржуазии) стремился к значительно большему. «Мы оказались между народом, требующим войны, и парламентом, желающим мира»,—говорит кардинал Ретц[5]. Если, с одной стороны, парламентскую буржуазию вынуждало к гражданской войне поведение двора, то, с другой стороны, ею все время руководила и боязнь вызвать своими уступками восстание против себя народных масс. Приходилось воевать против короля, хотя «никто более должностных лиц не заинтересован в незыблемости королевской вла-

[1] M-me de Motteville «Mémoires». Coll. Michaud et Poujoulat. T. XXIV.
[2] La Ferrière. Op. cit., p. 145.
[3] Martin. Op. cit. T. XII, p. 337.

[4] Retz. Op. cit. T. II, p. 103—105.
[5] Ibidem, p. 293.

сти»[1], и в то же время тайно искать компромисса.

Логика народного восстания делала свое дело. В осажденном Париже происходили погромы «габелеров», голодные бунты против хлебных спекулянтов; богатая буржуазия жила под страхом «грабежей». На нее произвело удручающее впечатление известие о казни Карла I в Лондоне. Парижские массы громко требовали республики. Буржуазная верхушка все более раскаивалась в своем порыве. Памфлетисты имели достаточно поводов издеваться над «добрыми буржуа», которые «похожи на кухонные щипцы — конец горячий, остальное холодное». Еще в начале осады парламент издает постановление против анонимных памфлетов, жестоко преследует типографов и авторов, ибо пресса начала обрушиваться на него самого.

В этих-то условиях начавшегося распада революционного фронта и появились впервые в лагере Фронды представители знати. Им было предоставлено командование парижской армией. Впрочем, ведь и армией Долгого парламента в первые годы гражданской войны в Англии командовали граф Эссекс и другие представители аристократии, мало чем отличавшиеся от «фрондеров»: принца Конти, герцога д'Эльбефа и др. Разница заключалась лишь в том, что в Англии, в конце концов, это вельможное руководство было сброшено Кромвелем; появись в истории Фронды свой Кромвель, говорит Капфиг, «и, может быть, уже никогда юный Людовик XIV не вступил бы в Париж»[2]. Но появление в Англии Кромвеля было результатом того, что основная масса английской буржуазии хотела продолжения революции, чего нельзя сказать о французской[3]. Предательство парламентских «отцов народа», испугавшихся народной революции, т. е. крушения всей феодально-абсолютистской системы, увлекло за собой и остальную массу буржуазии. Дело закончилось компромиссным миром с двором к началу апреля 1649 года. После этого парламент и буржуазия стали (если не говорить о некоторых колебаниях в 1650 г.) верными союзниками абсолютизма против «новой Фронды», «Фронды принцев».

Попытка буржуазной революции, таким образом, окончилась не поражением и не победой, а добровольным отступлением французской буржуазии.

Народным массам не впервой было испытывать предательство буржуазии. Их борьба продолжалась, огромный подъем революционной активности не исчез. Теперь эту брошенную буржуазией стихийную силу, потерявшую политическую ориентировку, мог попытаться использовать кто-либо другой.

Раз борьба буржуазии против феодализма, так сказать, рассосалась, на первый план могли выступить второстепенные противоречия внутри самого господствующего феодального класса, в частности возникавшие из конкуренции разных видов феодальной ренты: централизованной (налоговой), сеньериальной, церковной (действительно, за «Фрондой принцев» последовала «церковная Фронда»). Подавляющее большинство господствующего класса верно поддерживало королевскую власть. Мотивы же недовольства ею у меньшинства были очень не однородны: недовольство ростом налогов в пользу короля, ущемлявшим сеньериальную ренту, находилось в противоречии к требованиям новых подачек, пенсий, доходных придворных должностей, т. е. требованиям увеличить королевский фонд централизованной ренты; остатки феодального сепаратизма и партикуляризма находились в противоречии к борьбе против «узурпации» королевской власти первым министром (Мазарини), т. е. требованию усиления абсолютизма. В сущности, лишь меньшая часть этого меньшинства, ввязавшегося в Фронду, хотела ослабления королевской власти. Остальные же нападали на королевскую власть объективно—каковы бы ни были субъективные стимулы—именно за то, что она оказалась недостаточно сильной, не сумев ни предотвратить, ни подавить попытку буржуазной революции.

Основным требованием «Фронды принцев» было удаление Мазарини (в этом ее внешнее сходство с парламентской Фрондой) и уничтожение гибельного разрыва между номинальной и фактической властью, т. е. «узурпации» королевской власти первыми министрами, вошедшей в традицию со времен Кончини и Ришелье. Людовик XIV выполнил это требование дворянства, но только в 1661 г., когда он заявил, что отныне «сам будет своим первым министром». Правда, один из вождей феодальной Фронды, Ретц, сам мечтал получить с помощью смуты не только кардинальский сан, но и пост первого министра; однако в особом памфлете, выпущенном анонимно, он доказывал, что был бы министром особого рода — не «тираном», а верным королю и общему благу[4]. Когда же ему стало казаться, что другой вождь, принц Конде, хочет стать вместо Мазарини фактическим правителем Франции, он разразился в другом памфлете такой тирадой, обращенной к принцу: «Мы боролись отнюдь не за выбор тирана; и когда наиболее здравомыслящая часть Франции воспротивилась замыслам кардинала Мазарини..., то это не для того, чтобы увеличить вашу власть, а, наоборот, чтобы подчинить нашему юному монарху то могущество, которое вы себе присвоили благодаря слабости его правления»[5]. Однако и сам Конде ограничивал свое участие в Фронде недвусмысленным пределом: «Я зовусь Людовиком Бурбоном и не хочу колебать престол»[6].

Вторым требованием, наряду с удалением Мазарини, было требование сокраще-

---

[1] Retz. Op. cit. T. II, p. 102.

[2] Capefigue. Op. cit. T. VIII, p. XI.

[3] Это объясняется не столько уровнем развития капитализма, сколько его качественной особенностью: английская буржуазия имела союзника и одновременно противовес народным революционным силам в лице обуржуазившегося дворянства, которого не было во Франции.

[4] Moreau C. Op. cit. T. II, p. 265—266.

[5] Ibidem, p. 257.

[6] Retz. Op. cit. T. II, p. 84.

ния доходов откупщиков и финансистов (и в этом внешнее сходство «Фронды принцев» с парламентской Фрондой). Это мероприятие увеличило бы фонд централизованной ренты, попадающей в карманы придворного и военного дворянства. Вместе с тем должны были быть урезаны доходы и привилегии «людей мантии». Людовик XIV пытался выполнить позже это требование дворянства руками Кольбера, а затем еще энергичнее регент Филипп Орлеанский — руками Лоу.

Как «Фронда принцев», так и народ были недовольны, во-первых, королевской властью, во-вторых, богатой и привилегированной буржуазией, хотя мотивы недовольства были совсем различны. Но это создавало у народа иллюзию общей цели. Однако на что же был нужен народ фрондирующим феодалам? Дело в том, что по мере укрепления королевской власти сопротивление ей со стороны отдельных феодалов или их групп становилось делом все более безнадежным. Правление Ришелье убедило знать и дворянство в бесплодности заговоров, и наиболее дальновидные из их рядов прямо говорили, как например Гонди в «Заговоре Фиеско» (1632), что заговорщик может рассчитывать на успех только в том случае, если он «завоюет любовь народа», который под гнетом «тирании» хотя и «повинуется с бешенством», но ждет лишь случая и вождя для восстания; он слеп, и умный заговорщик использует по своему усмотрению его слепую ненависть к угнетателям[1]. Это не было пустой теорией. Заигрывание с народным недовольством характерно для наиболее смелых представителей феодальной оппозиции в 30—40-х годах. Герцог де Монморанси, поднявший в том же, 1632 г., когда писал Гонди, реакционный дворянский мятеж в Лангедоке, пытался втянуть в него и народные массы; было объявлено об отмене некоторых налогов и т. д., но безуспешно[2]. Сам Гонди, отказывавшийся от участия во всех заговорах против Ришелье, так как видел их «неосновательность», однажды решился примкнуть к заговору графа Суассона (1640—1641), ибо на этот раз предполагалось в дополнение к дворцовому перевороту поднять народное восстание («la révolution populaire») в Париже и во всей стране[3]. Заговор был организован под свежим впечатлением восстания «босоногих» и, казалось, имел шансы на успех. Один из агентов Ришелье, Карре, писал ему: «Если бы граф (Суассон.— *Б. П.*) не был убит, он был бы хорошо принят половиной Парижа; таково всеобщее мнение, как и то, что вся Франция присоединилась бы к нему по причине «су с ливра» и других притеснений, чинимых откупщиками народу, который весьма недоволен»[4]. И на этот раз дело не удалось, но такого рода отчаянные затеи знати важно отметить как предисторию «Фронды принцев». Если Ришелье говорил о народе: «Не будите это грубое животное»,— то Гастон Орлеанский (брат Людовика XIII, душа всех придворных заговоров против Ришелье) незадолго до Фронды цинично заявил: «Неплохо, если народ пробуждается время от времени»[5]. Разумеется, ему дела не было до нужд и страданий этого народа. Но придворные вельможи знали, что припугнуть правительство можно только народным восстанием, которое в то же время легко оседлать и использовать, если оно слепо. Слепым же и дезориентированным восстание становилось в особенности после предательства буржуазии. Следовательно, отказ буржуазии от революции сделал возможной «Фронду принцев», этот, по выражению Тьерри, «пель-мель из аристократических заговоров и народных бунтов»[6].

Гонди (Ретц) применил свои теории на практике, выступив в роли «народного трибуна». Он укреплял свою популярность широкой благотворительностью, демократическими манерами, использовал и священников, и прессу, и тайных подкупленных агентов, со всей смелостью поддерживая радикальные требования масс, в том числе требование республики. Его «Мемуары» ценны тем, что показывают в одно и то же время и презрение к этой бессмысленной черни, которую он и подобные ему фрондеры водили за нос, и отчетливое сознание бессилия всякого политического движения, не поддержанного ею. Подобным образом герцог де Бофор был «королем рынка», принц Конде субсидировал революционную прессу и т. д. Это противоестественное сплетение иллюстрируется и множеством памфлетов, написанных языком парижских низов, языком улиц и рынков, но наполненных в значительной мере интимными делами аристократических дворцов и придворных сфер, вынесенными на обсуждение толпы. Впрочем, сам Гонди сознавал, что «провозгласить себя народным трибуном»— значит «избрать удел самый непрочный»: приходится «отвечать даже и за то, что народ делает против вашей воли»; «ничто не требует стольких предосторожностей, как все, что касается до народа, ибо ничего нет его беспорядочней; но ничто не требует такой тайны, как эти предосторожности, ибо ничего нет недоверчивей народа»[7]. Ясно, что этот «союз» мог существовать лишь очень кратковременно и лишь в специфических условиях разброда после неудавшейся, но и неподавленной попытки революции. В сущности, это просто было ее агонией.

В этой агонии, в «Фронде принцев», отголоски революции сплетались с контрреволюцией. В самом деле, каковы бы ни были споры у отдельных вельмож и дворян

[1] Retz. Op. cit. T. V, p. 500—651.

[2] Richelieu «Lettres, instructions diplomatiques et papiers d'Etat». T. IV, p. 361; Dom Vaissete «Histoire générale de Languedocq». T. XI—XII; Du Cros «Mémoires de duc de Montmorency». 1666.

[3] Retz. Op. cit. T. I, p. 151—167.

[4] Mariégol J. «Henri IV et Louis XIII», p. 432.

[5] Madelin L. Op. cit., p. 152.

[6] Thierry A. Op. cit., p. 196.

[7] Retz, Op. cit. T. II, p. 140, 298, 166.

с королевской властью, они не могли хотеть революции, будучи членами господствующего класса. Ведь многие из них потому и были недовольны королевской властью, что она чуть не допустила революции. Следовательно, даже разжигая одной рукой пожар и играя с огнем, они должны были другой рукой тушить его совместно с правительством (отсюда «фронда»—неглубокая оппозиция). Так оно и было: «Фронда принцев» разжигала плебейские восстания в городах, но душила крестьянские восстания и осуществляла широчайшие превентивные репрессии в деревнях по всей Франции. Прошлые десятилетия показали, что сила народных восстаний заключалась в объединении крестьянского и плебейского движения,— вельможи должны были рассечь их, чтобы быть спокойными.

Действительно, вся вторая Фронда сосредоточена в городах. Изолированная плебейская оппозиция была достаточно грозной силой, чтобы ею можно было пугать правительство, но в то же время она обладала всеми своими прирожденными недостатками[1], так что ее легко было оседлать любому претенденту на роль «народного трибуна». Знатные «фрондеры» в особенности использовали и разжигали раздражение плебейства против богатой и привилегированной буржуазии. Крестьянское же движение, напротив, труднее было двинуть против буржуазии, феодалам было труднее и оседлать его, так как оно было антифеодальным по природе.

Чтобы предупредить возможность возрождения революции и в то же время покарать за прошлое, на деревню обрушился кровавый террор. По внешности на территории всей Франции происходила просто междоусобная война между наемными войсками короля и принцев, а также между отрядами иностранцев, призывавшихся теми и другими. Но, по признанию самих «фрондеров», это была лишь «войнишка» (guerrette), «война на смех» (guerre pour rire). У нее была более важная оборотная сторона. В истории многострадального французского крестьянства не было страницы более страшной, более леденящей кровь, чем эта разъяренная карательная экспедиция, облекшаяся в форму феодальной междоусобицы.

Ее лозунгом было: «Бей сильно, забирай все и не отдавай ничего». Но мало того, что войска обеих партий, так же как особые реквизиционные отряды и агенты, рыскавшие по Франции, действительно отняли у крестьян все до последней рухляди, не говоря о хлебе, которым спекулировали все, начиная с солдат и кончая Мазарини и принцем Конде. В действиях этих феодальных армий было и нечто большее, чем грабеж и раздел крестьянского имущества: это был именно террор, разнузданная классовая расправа, смысла которой не понять, если не знать предшествовавшей истории классовой борьбы во Франции.

Приведем лишь несколько наудачу взятых примеров из бесчисленных свидетельств современников об ужасах этой «войны на смех». Бенедиктинец Дом Карлье пишет о «следах ужасающего варварства», оставленных в провинции Валуа прохождением армии принца Конде: «Солдаты не ограничивались грабежом: они со своего рода утонченностью осуществляли жестокости, какие редко допускаются в военных экспедициях... После прохождения этих войск местность была покрыта ужасными предметами: нельзя было пройти по дороге, не натолкнувшись на обезображенные тела, разбросанные члены, женщин, разрезанных на четверти после изнасилования, мужчин, испустивших дух под развалинами, других, сохраняющих еще остаток жизни в растерзанных и окровавленных телах, иных, наконец, проткнутых вертелами или острыми кольями». И в Анжу, по словам местной церковной хроники, в 1652 г. «деревни были разрушены, солдаты совершали всякого рода жестокости и мерзости». То же в других провинциях.

Иностранным войскам трудно было перещеголять французов, но Карл Лотарингский, своего рода «кондотьер», пользовавшийся благосклонностью и двора и «фрондеров», не без хвастовства рассказывал, что его солдаты, проходя через ряд опустошенных провинций, даже питались людьми, «которых они съели уже более десяти тысяч». Королевские войска вели себя точно так же, как и войска «фрондеров»: путь самого двора, переезжавшего с места на место, был усеян трупами крестьян. Придворный Лапорт рассказывает, что, спасаясь от королевских солдат, крестьяне сбегались туда, где проезжал двор, но не получали помощи и массами гибли; «когда умирали матери, дети умирали вслед за ними, я видел на одном мосту... трех детей, лежащих на своей мертвой матери, один из них еще продолжал ее сосать». Кровавые оргии происходили по всей Франции. Здесь—крестьян привязывали к хвостам лошадей и волокли, пока от их тел не оставались клочья; там—заставляли держать в руках свои выпущенные внутренности и отрубленные члены. «Бесчеловечность войск была столь велика, что, как мы узнали, в деревне Нюлли живой ребенок был брошен в пылающую печь, а неких мужа с женой кололи иглами до тех пор, пока они не умерли»,— сообщает один миссионер. Подобные свидетельства можно цитировать без конца.

По словам аббатисы Анжелики Арно, «варварство солдат было таково, что и турки не могли бы поступать хуже... Вся Франция опустошена, нет ни одной провинции, которая предельно не страдала бы. Все деревни совершенно пусты, остатки жителей убежали в леса, прочие же или умерли с голода или перебиты солдатами... Все солдаты словно одержимы дьяволом... Они портят больше имущества, чем грабят... Все армии распущены в равной мере, и дело идет о том, кто причинит больше зла». Вот эта-то общая задача правительственных и «фрондерских» вооруженных сил и

[1] См. характеристику плебейской оппозиции в «Крестьянской войне в Германии» Энгельса.

объясняет, почему «войнишка» 1650—1652 гг. так легко закончилась примирением двора с недовольными вельможами путем небольших взаимных уступок. Вельможи получили даже награды: денежные подачки, титулы, должности.

Что касается крестьян, то они пытались обороняться против войск обеих партий, подчас путем рассеянной партизанской резни, подчас собираясь в значительные отряды и давая целые сражения. Но, в конце концов, силы были слишком неравны. Множество французских крестьян в эти годы было физически истреблено, остальные бежали в леса, в горы (скрываясь в пещерах), в города, были обречены на голод и тяжелые лишения. Миссионеры доносят из разных концов Франции организатору благотворительности, «святому» Винценту де Поль: «В этих краях только и слышно, что об убийствах, погромах, грабежах, насилиях, кощунствах... Деревни пусты, хлеб по большей части покошен (солдатами), крестьяне убежали в леса, где они страдают от голода и от страха быть убитыми своими преследователями». «Большая часть населения перемерла в лесах, пока войска занимали их дома, остальные вернулись, но только чтобы окончить свои дни, ибо мы видим повсюду одних больных: они лежат на земле, в разрушенных и лишенных кровли домах, без всякой помощи, мы застали живых вместе с мертвыми, младенцев возле своих мертвых матерей». Многие пытались искать спасения в городах, иногда гоня перед собой скот и волоча пожитки, иногда же уже лишившись всего. Но часто у городских ворот их встречали особые чиновники с достаточно красноречивыми названиями: «Chasse pauvres!» («Гони нищих!») или «Chasse coquins!» («Гони негодяев!»). Из города Сен-Кантена миссионеры пишут Винценту де Поль: «Страдания бедняков невыразимы. Если жестокость солдат заставила их искать спасения в лесах, то голод выгнал их из лесов,— они бежали сюда... Но город не мог им помочь и приказал выгнать половину, каковые и умерли вскоре, распростершись на больших дорогах, а те, кто у нас остались, пребывают в такой наготе, что не осмеливаются подняться со своей гнилой соломы, чтобы пойти позвать нас. Голод (в окрестных деревнях) таков, что мы видели, как люди едят землю, щиплют траву, отрывают кору с деревьев, разрывают свои ветхие отрепья и поглощают их. Но, чего мы не решились бы сказать, если бы сами не видели, и что внушает ужас,— они пожирают собственные руки и умирают в этих муках отчаяния». «Крестьяне уже много недель не ели хлеба,— писали в том же, 1650 г. из другой провинции, — и питались только ящерицами, лягушками и травой на лугах». Из третьей сообщали: «Опустошение дошло до такой крайней степени, что большинство оставшегося населения не только было доведено до необходимости питаться полусгнившей падалью, но затем и само стало пищей хищных зверей—повсюду видели, как голодные волки разрывали и пожирали женщин и детей даже посреди дня и на глазах у всех». И таких свидетельств бесконечно много. Вот еще только одно, хорошо подводящее итоги Фронды: «Мы видели своими глазами ходившие по полям стада, но не животных, а мужчин и женщин, ворошивших землю подобно свиньям в поисках каких-либо кореньев, а так как они вырывали только плохие и недостаточно, чтобы наесться, то так слабели, что уже не имели больше сил и разыскивать себе пропитание» [1].

Такова повсеместная картина французской деревни в последние годы Фронды и в ближайшие годы после нее. Прибавим, что в 50—70-х годах XVII в. аграрная история Франции характеризуется волной сеньериальной реакции. Это была расплата крестьян за «несостоявшуюся революцию».

Невольно напрашивается аналогия с историей другой неудавшейся попытки буржуазной революции: с немецкой реформацией XVI века. В обоих случаях буржуазия испугалась подъема народной революции и предала свое собственное дело. В обоих случаях кое-что из ее лозунгов и требований подхватили и приспособили к своим интересам некоторые представители феодальной знати. В обоих случаях за предательство буржуазии, в конце концов, жестоко расплатилось крестьянство. Разумеется, было бы опасно слишком расширять эту аналогию: за некоторыми сходными общими чертами нельзя забывать и глубокого различия исторической обстановки в Германии XVI в. и во Франции XVII века.

---

[1] Feillet A. «La misère au temps de la Fronde et saint Vincent de Paul, passim»; Bonnemère E. «Histoire des paysans». 4-me éd., p. 38—52. 1886; Bonnemère E. «Histoire de France sous Louis XIV». T. I, p. 149—160.

ИСТОРИЧЕСКИЕ ЗАМЕТКИ

Д. И. ПИСАРЕВ В ПЕТРОПАВЛОВСКОЙ КРЕПОСТИ

В. Горбачевский

Во всей мировой литературе едва ли найдется другой писатель, судьба которого была бы столь необычна и трагична, как судьба Д. И. Писарева. Почти три четверти всего, что создал Писарев, было написано им в каземате Петропавловской крепости. И как это ни поразительно, именно здесь, под мрачными сводами каземата, в могильной тишине одиночного заключения, его огромное дарование достигает наибольшего расцвета. Слепой случай обрывает его жизнь: будучи прекрасным пловцом, он погибает, купаясь на взморье в Дуббельне на 28-м году жизни.

В момент ареста, 2 июня 1862 г., Писареву не было даже полных 22 лет. Несмотря на это он уже был писателем с большим именем, завоевавшим симпатии широких кругов читателей и главным образом молодого поколения. За один год работы в «Русском слове» Писарев достиг такой популярности и такого влияния, какого другие писатели достигают только через много лет литературной деятельности. И вдруг все это неожиданно, молниеносно обрывается: Писарев попадает в Петропавловскую крепость на долгие годы.

★

Арестованный в 1862 г. за нелегальную статью против пасквиля Шедо-Ферроти (барона Фиркса), написанного по заказу русского правительства против Герцена, Писарев первые девять месяцев совершенно лишен был возможности заниматься литературной работой.

Но вот в 1863 г. Чернышевскому, арестованному почти одновременно с Писаревым и сидевшему в Алексеевском равелине Петропавловской крепости, разрешено было заниматься литературной работой. Последствием этого, как известно, было появление в «Современнике» романа «Что делать?» Это был факт, совершенно беспрецедентный в России.

Основываясь на этом факте, мать Писарева обратилась весной 1863 г. к петербургскому генерал-губернатору Суворову с прошением о разрешении продолжать литературную работу и ее сыну для обеспечения ее материального положения.

Внук прославленного полководца А. В. Суворова и сын генерала А. А. Суворова, погибшего при спасении тонувшего солдата, А. А. Суворов унаследовал гуманность как семейную традицию. В молодости он примкнул к декабристам и лишь благодаря заслугам деда своего заплатил за это только отправкой на службу на Кавказ. Занимая пост генерал-губернатора в Прибалтийском крае, он заслужил там репутацию доступного, внимательного к нуждам населения, даже «либерального» администратора.

По отзыву современников, он был прогрессивным администратором, насколько это возможно было при его положении в аппарате высшей государственной власти самодержавной России. Реакционеры, как Катков и другие, ненавидели его.

По свидетельству сидевших в Петропавловской крепости в первой половине 60-х годов—М. Л. Михайлова, Пантелеева, Шелгунова, Стахеева—Суворов относился к политическим заключенным в Петропавловской крепости гуманно, и заключенные за революционную деятельность в Петропавловскую крепость писатели относились к нему лучше, чем к другим представителям высшей власти, и в случаях необходимости предпочитали обращаться лично к нему. Достаточно упомянуть, что Чернышевский писал Суворову из Алексеевского равелина 7 ноября 1862 г., что только в нем он видел «два качества, очень редкие между нашими правительственными мужами: здравый смысл и знание правительственных интересов», и просил разрешить писать только лично ему, Суворову [1].

Суворов по ходатайству матери Писарева своей властью разрешил ее сыну литературную работу.

Комендант крепости ген. Сорокин, несомненно, был весьма обижен тем, что Суворов, давая это разрешение, игнорировал его, коменданта, как непосредственного начальника крепости. Обиженный и недовольный действиями Суворова, Сорокин донес об этом III отделению [2]. Получив этот до-

[1] Дело III отделения собственной его вел. канцелярии 1862 г. № 230 «О революционном духе народа и распространении по сему случаю возмутительных воззваний».

[2] Фактический материал, характеризующий отношение А. Суворова и коменданта Петропавловской крепости ген. Сорокина к Писареву, извлечен из дела Управления коменданта С.-Петербургской крепости 1863 г. за № 2.

нос, управляющий III отделением Потапов предложил шефу жандармов Долгорукову перевести Писарева в Алексеевский равелин. Там Писарев был бы всецело во власти III отделения, которое могло бы запретить ему литературную работу. Но отмена разрешения, данного Суворовым, нанесла бы ущерб его престижу, как одного из высших сановников и как генерал-губернатора с «чрезвычайными полномочиями». С этим Долгоруков не мог не считаться. К тому же ему, вероятно, не хотелось идти наперекор Суворову, пользовавшемуся в то время личным расположением Александра II. В результате переговоров с Суворовым Долгоруков согласился испросить высочайшее разрешение на литературную работу Писарева в каземате.

Чтобы воспрепятствовать литературной работе Писарева, Сорокин прибег даже к ложному сообщению Суворову, будто бы имеется особое высочайшее повеление, запрещающее литературные занятия в казематах. Когда Суворов потребовал от коменданта крепости представить ему копию этого повеления, Сорокин вынужден был всячески изворачиваться. В своем ответе Суворову он писал, что «уставом о содержащихся под стражей в казематах арестованных воспрещается иметь чернила, бумагу, карандаши и т. п. Высочайшего же повеления о воспрещении арестованным в казематах заниматься литературной работой в делах комендантского управления не отыскалось».

В дальнейшем благодаря Суворову Писарев пользовался и другими, совершенно исключительными льготами. Ему не только разрешены были свидания с родными, но и с редактором «Русского слова» Благосветловым, а также разрешено иметь у себя самые разнообразные книги на русском и иностранных языках и периодические издания. В тюремных конфликтах с администрацией крепости, возникавших из-за враждебного отношения Сорокина к Писареву, Писарев всегда обращался к Суворову и находил у него защиту. Суворов же избавил Писарева от отправки в Шлиссельбург для отбытия наказания после приговора. Более того, Суворов лично от себя через шефа жандармов Долгорукова возбудил ходатайство о досрочном освобождении Писарева после приговора суда, но встретил решительный отказ Александра II [1].

[1] Интересно было бы выяснить все обстоятельства, связанные с отношением Суворова к Писареву. Но после отставки Суворова и упразднения петербургского генерал-губернаторства, последовавшего за покушением Каракозова, архив этого генерал-губернаторства был распределен между разными ведомствами, а часть его, повидимому, совершенно исчезла. В ленинградском отделении Центроархива имеется лишь несколько случайно попавших туда дел из архива генерал-губернаторства. Остальное до сих пор не удалось разыскать ни в одном из ленинградских архивов.

Отношение коменданта крепости Сорокина к Писареву, как это рисуется приведенными выше архивными материалами, было весьма недоброжелательное, даже прямо враждебное. К Писареву он относился хуже и строже, чем к другим писателям и прочим политическим заключенным, сидевшим в Петропавловской крепости в первой половине 60-х годов. Именно он добивался отправки Писарева в Шлиссельбургскую крепость для отбытия наказания после приговора. Он же всячески ущемлял Писарева, стараясь ухудшить казематный режим.

Чем же объяснить столь недружелюбное отношение его именно к Писареву? Это кажется еще более непонятным, если принять во внимание, что из заключенных в крепости писателей Писарев был наиболее спокойным. Он не протестовал голодовкой и не был так резок в отношении к высшим властям, как Чернышевский. Он не писал объяснительных записок и разных заявлений, как Серно-Соловьевич. За самыми редкими исключениями, он сам не обращался также с просьбами о смягчении казематного режима и о каких-нибудь льготах. Долголетнее заключение свое он переносил спокойно, всецело поглощенный литературной работой, заменившей ему все, что имеют люди, находящиеся на свободе. Излишних хлопот и беспокойства начальству в крепости он тоже не доставлял. В своих письменных обращениях к ген. Сорокину Писарев был всегда весьма вежлив. Чем же объяснить такое враждебное отношение Сорокина к Писареву?

Кроме раздражения из-за необычных льгот, предоставленных Суворовым Писареву, в которых Сорокин, возможно, усматривал вторжение в его, коменданта крепости, прерогативы, здесь могли играть роль и другие причины. Сидевшие в крепости писатели — Михайлов, Шелгунов и даже по сравнению с ними более молодой Серно-Соловьевич — были люди, так сказать, уже солидного возраста, воззрения которых изменить было уже трудно и даже невозможно. На юного же Писарева, громкая слава которого как ярого разрушителя всех старых устоев была, конечно, известна и Сорокину, он мог смотреть, как на мальчишку, дерзающего ниспровергать основы самодержавного строя, пагубно влияющего на молодежь, и которого надо исправлять строгим режимом заключения.

Можно предположить, что в известной степени виновником такого отношения Сорокина к Писареву был протоиерей Полисадов. Этот велеречивый поп некоторое время был профессором богословия в Петербургском университете. Вскоре, однако, он променял «ученую карьеру» на более прибыльную должность протоиерея Петропавловского собора, причем главная роль его здесь заключалась в «обслуживании духовных нужд» политических заключенных. Прикидываясь «доброжелателем» политических узников, томящихся в заточении, якобы совершенно чуждый политике и заботившийся будто бы только из чувства «христианского долга» об облегчении их

одиночного заключения, он на самом деле, как теперь установлено, был шпионом правительства. Втершись в доверие к заключенным, особенно к тем, которых правительство считало весьма опасными, и пользуясь их тяжелым душевным состоянием, он старался своими «беседами» доводить их до раскаяния, сознания и предательства.

Особенно гнусную и подлую роль он сыграл с Каракозовым. Измученного, истерзанного бесконечными допросами и всем пережитым после покушения, ареста и суда Каракозова, ожидавшего уже казни, Полисадов довел своими «беседами» до психического транса, обманывал его обещанием дарования жизни, если он напишет царю о помиловании, и добился этого. Только на эшафоте, когда на него надели петлю, Каракозов мог понять, что был обманут Полисадовым [1]. Такую же роль он пытался сыграть и с Серно-Соловьевичем, но получил отпор, и дальнейшая охота продолжать с ним «христианские собеседования» у него отпала. С Чернышевским он, кажется, и не пытался этого делать, считая его, очевидно, безнадежно неисправимым безбожником. Посещал он также для духовного увещания Шелгунова и Писарева, причем тогда уже солидный по возрасту и житейски более опытный Шелгунов по свойственному ему добродушию верил в бескорыстное отношение Полисадова к заключенным. До конца жизни Шелгунов был убежден, что Полисадов действовал только для облегчения одиночества заключенных, и не допускал мысли о возможности шпионской роли его. В своих воспоминаниях Шелгунов пишет, что Полисадов был в этом отношении «выше всяких подозрений» [2]. Писарев же, по воспоминаниям того же Шелгунова, был уверен в шпионской роли Полисадова и уклонялся от всех разговоров с ним. Дело дошло до того, что тихий и спокойный Писарев выгнал Полисадова из своего каземата, бросив за ним по коридору книгой. «Неопытный юноша» Писарев лучше разгадал подлинную роль Полисадова, чем солидный по возрасту Шелгунов. Теперь мы точно знаем уже и сумму наградных, которые получал Полисадов за свои успехи в «духовных беседах» с заключенными.

Современник Писарева, его товарищ по университету, в своих воспоминаниях [3] излагает отношения Полисадова и Писарева в несколько ином виде. По его словам, они вели беседы по поводу взглядов, высказанных Писаревым в его статьях. Полагаясь на элементарную порядочность своего собеседника, Писарев считал возможным высказывать ему свои взгляды более откровенно, чем он мог их излагать по цензурным условиям в своих статьях. Полисадов же, воспользовавшись этой откровенностью Писарева, начал громить его и журнал, где печатались статьи Писарева, в церковной проповеди. Хотя автор этих воспоминаний утверждает, что Писарев благодушно отнесся к этому вероломству Полисадова, однако, сопоставляя их с воспоминаниями Шелгунова, можно предположить как раз обратное. Быть может, именно после этой гнусности Полисадова Писарев выгнал его из каземата и даже запустил в него книгой.

Весьма возможно, что озлобленный неподатливостью Писарева и презрением, которое Писарев проявлял по отношению к нему, Полисадов настроил и ген. Сорокина против Писарева. Полисадов мог информировать должным образом Сорокина, насколько неисправимо вредным является этот по внешнему виду безобидный и смирный юноша.

★

С момента ареста над Писаревым висела угроза каторги и вечной ссылки в Сибирь. Первый год он просидел в полной бездеятельности, что на него, подвергавшегося уже ранее душевному заболеванию, казалось, должно было особенно тяжело подействовать. Тем не менее Писарев не терял бодрости.

Утешая свою мать, он уверял в своих письмах этого периода [4], что в уединении одиночного заключения есть и «хорошая сторона», и даже, что «уединение лечит некоторые виды сумасшествия». Обычный припев его в этих письмах: «Что мне делается! — по обыкновению здоров и счастлив». Он сравнивает свое положение в крепости с пребыванием раньше в психиатрической лечебнице и не находит различия, хотя там окружен был заботой и вниманием. Свое творчество он характеризует такими словами: «Во-первых, я могу, как тебе известно, писать чрезвычайно быстро; во-вторых, я пишу весело и занимательно; в-третьих, я усваиваю себе очень легко чужие мысли, так что могу передавать их совершенно понятным образом, и, наконец, в-четвертых, я одержим стремлением и охотой читать. Все эти свойства до сих пор еще растут и развиваются во мне, так что каждая новая статья моя выходит живее, чем предыдущая. При таких условиях я, нимало не утомляя себя, могу писать до 50 листов в год, т. е. 800 страниц».

В другом письме из каземата он пишет, что для него журналист — «высший идеал человека». «Журналистика мое призвание, это я твердо знаю. Написать в месяц от 4 до 5 печатных листов я могу незаметно и нисколько не утруждая себя. Форма выражения дается мне теперь еще легче, чем прежде, но только я становлюсь строже и требовательнее к себе в отношении мысли,

---

[1] См. Щеголев П. «Алексеевский равелин». М. 1929.

[2] Шелгунов Н. «Воспоминания». Петроград. 1923.

[3] Сорокин В. «Воспоминания старого студента». «Русская старина» за 1888 год, кн. 12-я.

[4] Здесь и в дальнейшем письма Писарева из крепости цитируются по книге Соловьева Е. «Д. И. Писарев». Берлин. 1922.

больше обдумываю, стараюсь теснее отдавать себе отчет в том, что пишу».

До приговора его, конечно, не могла не волновать дальнейшая судьба его. «Я очень хорошо знаю,— писал он в другом письме матери,— что я не стою на ровной дороге и, может быть, мне долго или совсем не удастся попасть на нее обратно... Пред тобой и предо мной стоит чаша с довольно горьким напитком; мы вот уже полтора года собираемся выпить это питье и все морщимся в ожидании неприятного ощущения, а чаша все-таки полна, и от того, что мы долго разбираемся в ней, не убавляется ни одной капли жидкости, и самая жидкость вовсе не становится светлее. Стало быть, чем скорее мы возьмем чашу в руки и начнем пить, тем лучше будет и для меня». В этом настроении, при этих переживаниях литературная работа ему «заменяет все, в ней и любовь моя,—пишет он матери,— и удовлетворение, и цель жизни, и все как есть».

Статьи Писарева из крепости сверкают той же яркостью, тем же блеском остроумия, тем же смелым дерзновением, как и статьи его, написанные до крепости. Темы этих статей столь же разнообразны, как и раньше: критика, публицистика, история, популяризация естественных наук — таково содержание его статей из каземата. Поражает и плодотворность его работы. За 15 месяцев с момента разрешения ему писать до приговора он дал «Русскому слову» около 45 печатных листов.

Просидев почти два с половиной года в предварительном заключении, Писарев по приговору Сената получил еще два года восемь месяцев крепости. Как ни печальна была перспектива сидеть еще более продолжительный срок, чем он просидел в каземате, но все это было лучше грозившей ему каторги, а также лучше той неизвестности, в которой он до сих пор находился в ожидании приговора.

Этот период является самым блестящим в творчестве Писарева, здесь его огромный талант развернулся во всю ширь и с наибольшей мощностью. Многообразные, написанные с большим подъемом критические, публицистические и полемические статьи его в этот период достигают наибольшего блеска, остроты и яркости. Именно в этот период написаны им были «Реалисты», «Кукольная комедия с букетом гражданской скорби», «Мыслящий пролетариат», «Посмотрим!»—наиболее блестящие статьи его. Из-за стен своей тюрьмы он продолжал беспощадную борьбу за свои идеалы с исключительной силой дарования. Его полемические статьи этого периода могут служить лучшим образцом нашей полемической литературы.

Читатели Писарева во всех углах России восторженно встречали каждую новую статью его. Они знали, что призывы эти раздаются из крепостного каземата, что автор долгие годы томится в одиночном заключении, не теряя бодрости и веры в свое дело. А так как Добролюбов покоился уже в могиле, а Чернышевский был заживо похоронен в каторжной тюрьме, лишенный возможности писать, то значение Писарева для мыслящей России, протестующей против существующего политического строя, было особенно велико.

Именно в каземате Писарев в наибольшей степени познал славу. Выражением этого было полученное им в феврале 1866 г. предложение Ф. Ф. Павленкова издать полное собрание его сочинений. «Я бы желал,— писал Павленков,— приобрести право на издание полного собрания Ваших сочинений. Что касается до расплаты с Вами, я могу в начале января вручить Вам 600 рублей. Остальные надеюсь вносить через небольшие промежутки времени, таким образом, чтобы вся сумма была погашена не позже конца апреля или самый поздний срок середина мая... В пробном выпуске я бы желал поместить «Базарова», «Нерешенный вопрос», «Новый тип», «Разрушение эстетики». Впрочем, я всегда буду согласен на Ваш выбор». Издание предполагалось в 8 выпусках по цене 1 рубль за выпуск. За собрание сочинений Павленков предлагал в общем 2500 рублей [1].

Предложение Павленкова было счастливейшим событием в долгой казематной жизни Писарева. Делясь этой радостью с матерью, он писал в обычно шутливой форме: «Где это видано, чтобы издавалось полное (заметь также, полное, а не избранное и пр.) собрание сочинений живого, а не мертвого критика и публициста, которому всего 26 лет и которого Антонович считает неумным, Катков — вредным, Ник. Соловьев—антихристом. Признаюсь, мне это приятно, что меня издают да еще и деньги за это платят, которые нам теперь совсем не лишние... Слава — это признание в тебе силы и дарования, полезности, и потому я рад вдвойне».

Однако эта радость была впоследствии омрачена. Второй том сочинений Писарева, вышедший в 1866 г., когда Писарев сидел еще в крепости, вызвал судебное преследование за статьи «Русский Дон-Кихот» и «Бедная русская мысль». Вместе с издателем сочинений Писарева Павленковым первоначально был привлечен к ответственности и автор этих статей. Писареву это грозило весьма серьезными последствиями. Это случилось как раз в тот период, когда в России свирепствовал террор, наступивший после каракозовского выстрела и обрушившийся с особенной силой на литературу и писателей.

От привлечения к ответственности избавил его Павленков. В заявлении от 18 июня 1866 г. Главному управлению по делам печати Павленков писал: «Некоторые из входящих в нее (книгу второго полного собрания сочинений Писарева.—*В. Г.*) статей напечатаны были без соглашения с Д. И. Писаревым. Таким образом, вся ответственность за содержание этой книги падает на меня, как на издателя». Тем не менее петербургский цензурный комитет все же решил привлечь к ответственности также и Писарева. 17 июля 1866 г. он запросил от

[1] Письмо это хранится в Институте русской литературы в Ленинграде.

типографии Головачева, где печатались сочинения Писарева, сведения о «звании. имени, отчестве и месте жительства гг. Писарева и Павленкова». На это типография ответила, что «звание и местожительство Писарева ей неизвестно». Но ввиду заявлений Павленкова о напечатании им статей Писарева без согласия автора прокуратура все же не нашла возможным привлечь Писарева к ответственности[1].

За полтора года со времени освобождения из крепости и до своей безвременной трагической гибели Писарев не написал ничего, равного блестящим статьям его, написанным в крепости. Объясняется ли это новыми неблагоприятными условиями, отразившимися на его творчестве: закрытием «Русского слова», которое он, по его собственному признанию, «любил как женщину», разрывом с Благосветловым, с которым связана была почти вся литературная деятельность его, «бездомностью», в которой оказался Писарев, лишившись своего журнала, или потускнением таланта после выхода из крепости, как утверждал Благосветлов,— сказать трудно. Но расцвет литературного творчества Писарева в каземате является единственным фактом не только в русской, но и в мировой литературе.

[1] Ленинградское отделение Центроархива. Дело С.-Петербургского цензурного комитета. 1866, № 81. О книгах сочинения Писарева, изд. Павленкова, напечатанных в типографии Головачева.

О МАТЕРИАЛАХ ПО ИСТОРИИ ПОЛЬШИ КОНЦА XVIII ВЕКА

Е. Кацпржак

В фондах Государственной библиотеки СССР имени В. И. Ленина недавно обнаружены редкие и интересные печатные материалы, относящиеся к истории Польши конца XVIII века. Материалы эти — собрание однолисток и летучих изданий (всего около 180), большая часть которых представляет собой отпечатанные речи депутатов последних польских сеймов.

Материалы содержат речи депутатов четырехлетнего сейма, так называемого «великого», продолжавшегося с 1788 до 1792 года.

Среди обнаруженного собрания — речи крупнейших политических деятелей: общепризнанного блестящего оратора канцлера Суходольского, Игнатия Потоцкого, предложившего основные положения для будущей конституции 3 мая, Матеуша Бутримовича, публициста Михаила Чацкого, Томаса Длуцкого, Иосифа Анквича, Августина Гоженского, магната Ксаверия Браницкого и многих других.

Чрезвычайно сложная международная обстановка, разногласия по вопросу об ориентации польского правительства отражены в речах с большой полнотой.

Среди обнаруженных однолисток есть интереснейший документ — протест против наследования королевского трона в Польше, написанный Северином Ржевусским и появившийся в печати больше чем за полгода до принятия конституции 1791 года.

Не меньший интерес представляют некоторые отдельные однолистки, как например: 1. Манифест Тадеуша Рейтана против незаконных деяний сейма 1773 года. 2. Инструкция делегатам на сейм 1786 года. 3. Десять предложений короля, поданных на решение сейма 1786 года. 4. Проект о повышении налогов на военные нужды от короля к сейму 1789 г., и др.

Для характеристики дипломатии Европы в конце XVIII в. исключительно интересен ряд однолисток — перепечаток различных государственных документов: нот, деклараций, писем, ответов на них и т. п. Из материалов такого рода наибольший интерес представляют несколько нот с подписью русского посла в Польше Штакельберга, однолистка-письмо французского короля Людовика XVI по поводу отозвания посла от 16 февраля 1791 г. и ответ на него сейма, декларация прусского короля против соглашения с Россией, переданная через посланника Бухгольца 12 октября 1788 г., и, наконец, ответ на декларацию, переданную через русского посла Булгакова, о введении русских войск в Польшу 18 мая 1792 года.

Все листовки переплетены в один объемистый том, в конце приложено рукописное оглавление, из которого видно, что из книги вырваны две речи: короля и премьер-министра.

Собрание однолисток сдано на хранение в отдел редких книг.

КОММЕНТАРИИ К ДВУМ СТАТЬЯМ ДОГОВОРА ИГОРЯ С ГРЕКАМИ 945 ГОДА

М. Шангин

Едва ли не каждая статья греко-русских договоров находит обоснование в византийском праве. В этой заметке мы приводим комментарии к двум пунктам договора русских и греков в 945 году.

1. Статья о херсонесских рыбаках

«Аще обрящеть в устье Днепрьском Русь корсуняны рыбы ловяща, да не творять им зла никакоже».

Внимание византийского правительства к рыболовному промыслу объясняется тем, что рыба была одним из главных продуктов питания. Лучшие сорта рыбы добывались, как известно, в Азовском море и у северных берегов Черного моря. Новое свидетельство об этом представляет следующее место из неопубликованного византийского географического текста (греческая рукопись Московского Исторического музея № 426, лист 141, оборот): «Так называемый Бараний лоб вдается в Эвксинское море, а Альдиск впадает в Мэотиду и оттуда, от этого озера, увеличиваясь, в Киммерийский Боспор, в котором, как говорят, ловятся большие и жирные рыбы, которых и называют murzulia». Но не только Азовское море, и Боспор — также и устья рек, впадающих в Черное море, в частности устье Днепра, были местами рыбного промысла. В X в. эти промыслы в устье Днепра принадлежали херсонесцам. Византийское законодательство времени императора Льва VI (886—911) проявило большое внимание к рыболовному промыслу. Сюда относятся целых пять новелл: №№ 56, 57, 102, 103, 104[1].

Рыбаки объединялись в общину. Новелла № 102 восхваляет основы общинной взаимопомощи и устанавливает взаимоотношения между общинниками. Прибрежная полоса разделялась между рыболовами общины на равноприбыльные паи (epochae). Закон тщательно определял расстояние между отдельными паями в 182½ сажени. Община была организована по особому уставу, границы раздела считались неприкосновенными, срыв промысла не допускался. Срок переделов между частными общинниками определялся в 10—20 лет, а между монастырскими рыболовами — в 40 лет.

Договором 945 г., следовательно, защищались интересы херсонесских рыболовных общин в устье Днепра, так как этот промысел удовлетворял насущные потребности и самих херсонесцев и империи.

[1] Jus graeco-romanum, III, p. 150, 151, 202, 203, 205.

2. Статья о потерпевших кораблекрушение в договоре 945 года

«Аще обрящеть Русь кубару (камару) гречьскую въвержену на коем любо месте, да не преобидять ея. Аще ли от нея возметь кто что, ли человека поработить, или убьеть, да будеть повинен закону руску и гречьску». Эта статья служит параллелью к следующим строкам более раннего договора, 911 г.: «Аще лучится кому от лодьи убеену быти от нас Руси, или что взято любо, да повинни будуть то створиши прежереченною епитимьею».

Оба текста комментируются новеллой № 64 императора Льва VI о преступлениях против потерпевших кораблекрушение[2]. Новелла обрушивается на грабителей их имущества и определяет им наказание в четырехкратном размере. Ссылка на «прежереченную епитимью» не объясняется договором 911 г., а в договоре 945 г. эта «епитимья» названа законом русским и греческим. Поэтому мы имеем все основания отождествить эту «епитимью» с наказанием, установленным новеллой № 64, и поставить знак равенства в данном вопросе между законом русским и греческим. Нельзя предполагать, что у русских существовал свой писанный или неписанный закон о чужеземцах, потерпевших кораблекрушение в первой половине X века. Если же на Руси такой закон был во времена Игоря, то это был заимствованный русскими греческий закон; нельзя принять и толкование Сергеевича, который выражение «по закону русскому и греческому» объяснял: «по закону той страны, где это произойдет»[3]. Византийский закон о потерпевших кораблекрушение был принят русскими, как это мы видели, на основании договора Олега еще в 911 году.

★

В «Лекциях и исследованиях» Сергеевич писал: «Значение договоров с греками, как источников нашего права, сводится к тому, что они дают нам новое право, проникнутое греческими понятиями»[4]. Комментирование договоров, в частности двух разобранных нами статей, греческими источниками позволяет утверждать, что эти договоры были прямыми проводниками для Руси некоторых византийских, преимущественно международных правовых норм, а значение договоров не ограничивалось одним внесением греческих понятий в русское право.

[2] Jus graeco-romanum, III, p. 159.

[3] Сергеевич «Лекции и исследования», стр. 651. СПБ. 1903. 3-е изд.

[4] Там же, стр. 653.

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ

КРИТИЧЕСКИЕ СТАТЬИ И ОБЗОРЫ

НОВЫЙ ТОМ СОЧИНЕНИЙ МАРКСА И ЭНГЕЛЬСА

К. МАРКС и Ф. ЭНГЕЛЬС. Соч. Т. XXVIII. Письма Ф. Энгельса 1888—1891 гг. Политиздат. 1940 г. (Институт Маркса—Энгельса—Ленина при ЦК ВКП(б).

Вышедший недавно из печати XXVIII том сочинений Маркса и Энгельса содержит относящиеся к 1888—1891 гг. письма Энгельса к виднейшим деятелям европейского и американского рабочего движения: А. Бебелю и В. Либкнехту, К. Каутскому, Э. Бернштейну, П. Лафаргу, Ф. А. Зорге, Вере Засулич и др. Большая часть писем (130 из 226) публикуется на русском языке впервые. Все письма даны в заново сверенном переводе.

Письма Энгельса рисуют нам образ великого пролетарского вождя, который несмотря на свой возраст со всей революционной страстью и энергией продолжал работу, руководя международным рабочим движением.

Вскоре после смерти Маркса Энгельс писал Бебелю: «Мы должны ведь, пока это в моих силах, сохранить те многочисленные нити из всех стран, которые до сих пор добровольно сходились в кабинете Маркса» [1].

Опубликованные в XXVIII томе письма ярко свидетельствуют о том, что Энгельсу удалось осуществить эту задачу. «После смерти Маркса Энгельс один продолжал быть советником и руководителем европейских социалистов. К нему одинаково обращались за советами и указаниями и немецкие социалисты, сила которых, несмотря на правительственные преследования, быстро и непрерывно увеличивалась, и представители отсталых стран, — напр., испанцы, румыны, русские, которым приходилось обдумывать и взвешивать свои первые шаги. Все они черпали из богатой сокровищницы знаний и опыта старого Энгельса» [2].

Материалы XXVIII тома показывают неутомимую борьбу Энгельса в эти годы за создание и укрепление революционных пролетарских партий. В письме к датскому социалисту Триру Энгельс подчеркивает, что без самостоятельной пролетарской партии невозможна победоносная социалистическая революция и установление диктатуры пролетариата.

К этому времени в ряде стран уже были основаны массовые рабочие партии и марксизм, который уже к началу 70-х годов одержал полную победу над всеми видами домарксовского социализма, теперь широко распространился в среде рабочего класса. Однако условия относительно «мирного» развития капитализма, парламентские успехи социалистических партий и быстрый рост движения «вширь» способствовали росту оппортунизма.

Особенно большое внимание Энгельс уделял германскому рабочему движению. Даже в годы исключительных законов против социалистов в германской социал-демократии, умело сочетавшей тогда легальную и нелегальную работу, неоднократно выступали на сцену оппортунистические элементы. С отменой же исключительных законов в 1890 г. оппортунисты подняли голову, они пытались утверждать, что теперь, в новых условиях, социал-демократическая партия может отказаться от революционной борьбы против капитализма Энгельс со всей непримиримостью со всей страстью революционного борца вступает в борьбу с этими представителями «миролюбивого оппортунизма», мечтающими о «бодро-скромно-весело-свободном «врастании» старого свинства в «социалистическое общество» (стр. 324).

В 1891 г. Энгельс счел необходимым опубликовать написанную Марксом в 1875 г. «Критику Готской программы». В этом замечательном произведении Маркс, разоблачая антиреволюционный характер лассальянства, развил на основе опыта Парижской коммуны свое учение о диктатуре пролетариата, дав классическую формулировку сущности переходного периода от капитализма к коммунизму и значения диктатуры пролетариата для этого периода, а также замечательную характеристику двух фаз коммунистического общества.

Энгельс считал эту работу Маркса особенно актуальной в связи с проводившейся в то время подготовкой новой программы германской социал-демократии, принятие которой ожидалось в 1891 г. на партийном съезде. Энгельс предвидел, что опубликование «Критики Готской программы» Маркса вызовет упорное сопротивление со стороны руководства германской социал-демократии. Каутский согласился опубликовать «Критику Готской программы» лишь после того, как Энгельс

---

[1] К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч. Т. XXVII, стр. 309.

[2] Ленин. Соч. Т. I, стр. 415. 1937.

категорически заявил ему, что если эта работа не будет напечатана в «Neue Zeit», то он опубликует ее в венской «Arbeiter Zeitung».

«Семнадцатый номер «Neue Zeit» произведет впечатление взорвавшейся бомбы, — писал Энгельс в письме к Зорге, — в нем появится критика Маркса проекта программы 1875 г. Тебе это доставит удовольствие, но в Германии это у многих вызовет гнев и возмущение» (стр. 278). Так оно и оказалось. «Критика Готской программы» «среди социалистических властителей вызвала... ужасный гнев» (стр. 283).

В рецензируемом томе опубликован ряд писем Энгельса, связанных с выработкой и принятием Эрфуртской программы германской социал-демократией. Энгельс считал, что проект Эрфуртской программы выгодно отличается от программы, принятой в 1875 г. в Готе, тем, что «сильные остатки отжившей традиции — как специфически-лассальянской, так и вульгарно-социалистической — в основном устранены» [1].

Однако наряду с этим Энгельс не мог не подвергнуть Эрфуртскую программу резкой критике за то, что в нее не было внесено не только требование диктатуры пролетариата, но даже требование демократической республики, которая, как Энгельс тогда считал, «является даже специфической формой для диктатуры пролетариата» [2].

Впоследствии на основе опыта революции 1905 г. и февральской революции 1917 г. Ленин, развив учение Маркса и Энгельса о государстве, показал, что истинной политической формой диктатуры пролетариата является Республика советов.

Характерно, что Каутский, автор проекта принятой Эрфуртским съездом партийной программы, снова протащил в него столь резко раскритикованное в свое время Марксом и Энгельсом положение об «одной реакционной массе». В письме к Каутскому от 14 октября 1891 г. Энгельс писал: «В тексте твоего проекта, напечатанного в «Vorwärts», я нахожу, к великому моему удивлению, неожиданно выплывшую «одну реакционную массу» (стр. 355). На ряде примеров из истории Германии, Франции и Англии Энгельс показал всю ошибочность и вредность этого лассалевского лозунга, превращавшего «правильную самое по себе историческую тенденцию в совершившийся факт». Этот лозунг должен быть отброшен, «иначе, — писал Энгельс, — вся нация делилась бы на реакционное большинство и бессильное меньшинство» (стр. 356).

Характерно, что лидеры германской социал-демократии предпочли скрыть от партии, от германского рабочего класса критику Энгельсом Эрфуртской программы и опубликовали ее только через 10 лет — в 1901 году.

В письмах Энгельса, помещенных в рецензируемом томе, отражена его борьба против оппортунизма, выступавшего в полуанархистском обличии, маскировавшегося громкой «левой» фразой, в частности борьба его с оппозицией так называемых «молодых», которые отрицали необходимость всякого использования легальных возможностей и затрудняли борьбу партии за завоевание пролетарских масс.

В письме к Зорге Энгельс так охарактеризовал выступавшую на Эрфуртском съезде «оппозицию нахальных берлинцев»: «среди них безусловно имеются полицейские элементы; другая часть — замаскированные анархисты, которые собирались втихомолку вербовать себе сторонников среди наших; наряду с ними — ослы, задирающие нос студенты и провалившиеся кандидаты, всякого рода выскочки, воображающие себя гениями» (стр. 359).

«...такой кучи незрелой ерунды и абсолютной глупости, какую показала эта оппозиция, мне еще никогда и нигде не приходилось встречать. И эти зеленые юнцы, не видящие ничего, кроме своего безграничного самомнения, хотят предписывать партийную тактику!» — писал с возмущением Энгельс (стр. 262).

Когда некоторые представители этой полуанархистской группки попытались сослаться на мнимую поддержку их Энгельсом, последний выступил с публичным заявлением, что это ни в какой мере не соответствует действительности, и квалифицировал эту ложь «молодых» как «колоссальное бесстыдство».

Со всей силой обрушивается Энгельс на оппортунизм, политиканство, карьеризм, пышным цветом распустившиеся среди руководителей английских тредюнионов; он ведет борьбу против фабианцев, этой «благонамеренной банды, состоящей из «образованных» буржуа, которые пытались опровергать Маркса на основании гнилой вульгарной экономии», главной целью которых является «обратить буржуа в последователей социализма и, таким образом, мирным и конституционным путем осуществить социализм» (стр. 186); против Гайндмана и других сектантов, которые, выдавая себя за ортодоксальных марксистов, на деле превратили марксизм в окостенелую догму, которую надо заучивать наизусть (стр. 320). Однако Энгельс видел, что вопреки политиканам, оппортунистам и сектантам английское рабочее движение ширится, растет, захватывает новые, все более широкие слои «и притом большей частью среди неподвижной доселе самой низшей массы» (стр. 208). С огромной радостью Энгельс пишет о росте массового рабочего движения в Англии в конце 80-х годов, об организации новых тредюнионов, которые вовлекали в движение широкие слои неквалифицированных рабочих. «Чего бы я не дал за то, чтобы Маркс дожил до этого пробуждения; он так зорко следил за малейшими его симптомами именно здесь, в Англии! — писал Энгельс А. Бебелю 9 мая 1890 г. в связи с успехом пролетарской демонстрации 4 мая в Англии, на которой он сам присутствовал, — ...когда впервые после 40 лет вновь раздался голос английского пролетариата. Я

[1] К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч. Т. XVI. Ч. 2-я, стр. 103.

[2] Там же, стр. 109.

сошел со старой платформы с высоко поднятой головой» (стр. 216).

Энгельс призывал покончить с сектантством, с оторванностью от массового рабочего движения. В письмах к своему старому другу Зорге Энгельс отмечает, что ликвидация особой немецкой социалистической партии в США является, несомненно, положительным фактом для развития рабочего движения в США. Он понимал, что немецкие лассальянцы, эмигрировавшие из Германии в США, «с их смехотворной теоретической путаницей и соответствующим этому самомнением...» являются препятствием на пути развертывания массового пролетарского движения.

Внимательно следя за развертыванием массового рабочего движения в США, Энгельс указывал, что именно на опыте своей борьбы против капитала американские рабочие найдут путь к более высоким формам борьбы.

В письмах Энгельса отражена также огромная работа, проведенная им в связи с борьбой за воссоздание международного объединения пролетариата. После того как I Интернационал прекратил свое существование, Энгельс, дав в своем письме к Зорге замечательный анализ исторического значения I Интернационала, указал, что следующий Интернационал, созданный на базе массовых пролетарских партий, должен быть «чисто коммунистическим», что он должен положить в основу своей деятельности принципы революционного марксизма.

В целях разоблачения перед рабочими всех стран оппортунистической сущности поссибилистов и вожаков социал-демократической федерации, пытавшихся взять в свои руки созыв международного конгресса 1889 г. в Англии, Энгельс поручил написать и собственноручно отредактировал ряд памфлетов (см. приложение к XXVIII тому, стр. 401—423). В письме к Либкнехту Энгельс с большим удовлетворением отмечает, что один из этих памфлетов, распространенный в большом количестве экземпляров в Лондоне и провинции, «подействовал, как взорвавшаяся бомба, и пробил колоссальную брешь в гайндмански-бруссовской сети интриг—и как раз в решающем месте» (стр. 97).

В ряде писем Энгельс со всей резкостью обрушивается на В. Либкнехта, Геда, Лафарга и др. за их примиренческое отношение к французским поссибилистам, за то, что все они «витают в мечтах об объединении о б о и х конгрессов, как только последние будут созваны, и при этом отказываются от единственного средства борьбы, которое позволило бы справиться с противником, а именно — показать когти Бруссу — Гайндману. Кто хоть немного знает этих людей, тому ведь совершенно ясно, что они боятся только силы и рассматривают каждую уступку как признак слабости. Вместо этого Либкнехт требует, чтобы их щадили, обращались с чрезмерной предупредительностью и чуть ли не носили на руках» (стр. 117).

Только благодаря непримиримой борьбе Энгельса против поссибилистов, а также против всякого благодушия и примиренчества к ним планы оппортунистов потерпели крах и был обеспечен созыв Международного социалистического конгресса 14 июля 1889 г., положившего начало организации II интернационала.

Значительный интерес представляют высказывания Энгельса по вопросу об историческом развитии России. Энгельс всемерно поддерживал русских марксистов в их борьбе против народничества и, в частности, против проповедуемых народниками «теорий» о некапиталистическом развитии России. Критикуя взгляды народников, Энгельс подчеркивал, что развитие капитализма в России продвинулось уже довольно далеко вперед.

В письме от 10 июля 1890 г. к Даниэльсону Энгельс указывает, что «под гладкой поверхностью политического спокойствия в ней (в России. — *Е. Р.)* совершается такая же великая и такая же важная экономическая перемена, как и во всякой другой европейской стране, и наблюдать за ходом этой перемены представляет величайший интерес» (стр. 223).

С большим вниманием следил Энгельс за развитием революционного движения в России и за деятельностью первой марксистской группы в России — группы «Освобождение труда». Еще в 1885 г. Энгельс писал Вере Засулич: «Я горжусь тем, что среди русской молодежи существует партия, которая искренне и без оговорок приняла великие экономические и исторические теории Маркса и решительно порвала с анархическими и несколько славянофильскими традициями своих предшественников. Сам Маркс был бы так же горд этим, если бы прожил немного дольше. Это прогресс, который будет иметь огромное значение для развития революционного движения в России» [1].

Энгельс не терял надежды, что ему еще удастся увидеть революцию в России. В том же письме к В. Засулич он выражает уверенность, что «русские приближаются к своему 1789 г.» и что «стоит в такой стране начаться 1789 г., как за ним не замедлит последовать 1793» [2].

Петру Лаврову Энгельс писал: «В конце концов, мы с Вами не так еще стары. У нас есть надежда жить и видеть. Мы видели подъем, величие и падение Бисмарка; почему же нам не увидеть, после величия, упадок (уже начавшийся) и окончательное падение нашего общего врага — русского царизма?» (стр. 267). Выражая надежду на победу революции в России, Энгельс в одной из своих статей этих лет подчеркивал, что «...русская революция даст также новый толчок рабочему движению Запада, создаст для него лучшие условия борьбы и тем ускорит победу современного промышленного пролетариата»[3].

---

[1] К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч. Т. XXVII, стр. 461—462.

[2] Там же, стр. 462—463.

[3] К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч. Т. XVI. Ч. 2-я, стр. 401.

★

Энгельс уделяет в своих письмах большое внимание вопросам внешней политики, дипломатической деятельности правительств и в особенности вопросу об угрозе войны. В письме к Зорге от 7 января 1888 г. он предсказывает, что война «отбросила бы нас на годы назад. Шовинизм затопил бы все, так как это была бы борьба за существование... на полях сражений было бы 10—15 миллионов людей. Хотел бы я видеть, как их прокормят; опустошение было бы такое же, как и в Тридцатилетнюю войну» (стр. 9).

В одной из статей этих лет Энгельс ярко рисует те колоссальные бедствия, которые повлечет за собой предстоящая война. «Если бы война все-таки разразилась, тогда несомненно одно: эта война, в которой будет воевать от пятнадцати до двадцати миллионов вооруженных людей и которая опустошит всю Европу, как никакая другая,— эта война должна либо привести к немедленной победе социализма, либо же настолько перевернуть вверх дном старый порядок вещей и оставить после себя такую груду развалин, что существование старого капиталистического общества стало бы еще более невозможным, чем когда-либо прежде, и социальная революция, хотя и отодвинутая лет на десять или на пятнадцать, должна была бы зато победить потом тем быстрее и решительнее»[1].

Но, показав неизбежность новых войн, Энгельс не вскрыл их империалистического характера и не показал основных причин, которые ведут к их возникновению. Недооценивая те крупные изменения, которые происходили в расстановке сил в Европе: все большее превращение царской России в резерв европейского капитализма, с одной стороны, и все растущее соперничество капиталистических держав и особенно Англии и Германии в борьбе за колонии — с другой,— Энгельс считал, что главной страной, откуда исходит угроза войны в Европе, попрежнему является царская Россия и что после свержения самодержавия в России опасность войны была бы ликвидирована.

Он писал, что если царская Россия начнет войну с Германией, «любое средство защиты будет оправдано» и социалисты должны будут поддержать правительство против внешнего врага (стр. 354). На эти ошибочные положения Энгельса впоследствии охотно ссылались оппортунисты германской социал-демократии для того, чтобы оправдать свою социал-шовинистическую позицию в империалистической войне 1914—1918 годов.

Ленин дал гениальный анализ эпохи империализма как высшей стадии капитализма; вскрыв подлинные причины империалистических войн, Ленин выдвинул перед рабочими всех стран лозунг превращения войны империалистической в войну гражданскую.

[1] К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч Т. XVI. Ч. 2-я, стр. 250.

Читатель найдет в XXVIII томе ряд интересных и ценнейших высказываний Энгельса по вопросам революционной теории, а также и по различным отраслям науки. В одном из писем, опубликованных в рецензируемом томе, Энгельс пишет: «...чтобы отстранить имущие классы от власти, нам прежде всего нужен переворот в сознании рабочих масс...», и с большим удовлетворением констатирует, что «...этот процесс прояснения сознания рабочих теперь с каждым днем идет все быстрее вперед...» (стр. 302).

Переписка Энгельса ярко показывает, как много внимания он уделял воспитанию молодых научных кадров, как он учил их правильно применять метод марксистского исследования в теоретической работе. Энгельс решительно выступал против тех, кто пытался превратить материалистическое понимание истории из «руководства к изучению» в «рычаг для конструирования на манер гегельянства» (стр. 233), против тех «сторонников» материалистического понимания истории, для которых «оно служит предлогом, чтобы не изучать истории» (стр. 232).

Энгельс подвергает резкой критике всякого рода вульгаризаторские извращения марксизма в духе экономического материализма, он издевается над теми горе-теоретиками, которые видят единственную движущую силу исторического развития в экономике, сводя на-нет значение политической борьбы, государства, развития идей и других надстроек. «Экономическое положение, это — базис, — писал Энгельс, — но на ход исторической борьбы оказывают влияние и во многих случаях определяют преимущественно ф о р м у ее различные моменты надстройки: политические формы классовой борьбы и ее результаты — конституции, установленные победившим классом после одержанной победы, и т. п., правовые формы и даже отражение всех этих действительных битв в мозгу участников, политические, юридические, философские теории, религиозные воззрения и их дальнейшее развитие в систему догм...» (стр. 245).

Энгельс с негодованием обрушивается против таких критиков марксизма, как например социолог-идеалист Барт, который не мог «найти» у Маркса никаких примеров зависимости философии и идей от экономики: «Если этот человек еще не понял, что признание материальных условий существования является первопричиной, что не исключает возможности обратного, вторичного воздействия идеологии на материальные условия, если это ему неясно, то он ни в коем случае не мог понять и того предмета, о котором пишет» (стр. 232).

В своем письме к К. Шмидту Энгельс снова возвращается к этому вопросу и напоминает о замечательном произведении Маркса «18 брюмера», где ярко выступает «о с о б а я роль, которую играют политические битвы и события, конечно, в рамках их в с е о б щ е й зависимости от экономических условий... К чему же мы тогда бьемся за политическую диктатуру проле-

тариата, если политическая власть экономически бессильна? Насилие (т. е. государственная власть) это есть тоже экономическая сила!» (стр. 261).

Энгельс еще и еще раз подчеркивает необходимость диалектического рассмотрения исторического процесса, необходимость творческого применения метода диалектического материализма к историческому исследованию. Он с иронией и горечью говорит о многих немцах из молодого поколения, превращающих исторический материализм в фразу, которая «служит только для того, чтобы возможно скорее систематически сконструировать свои собственные, относительно весьма скудные исторические знания (экономическая история ведь еще в пеленках!) и затем с гордостью смотреть на свой подвиг и казаться самим себе великими» (стр. 233).

Предостерегая против социологизирования, Энгельс дает ряд важнейших указаний по вопросу о том, как надо работать над вопросами истории; он напоминает о важности изучения на основе метода исторического материализма конкретной, богатой фактами и содержанием истории. «Всю историю надо начать изучать заново. Надо исследовать в деталях условия существования различных общественных формаций, прежде чем пытаться вывести из них соответствующие им политические, частно-правовые, эстетические, философские, религиозные и т. п. воззрения. В этом отношении сделано до сих пор очень мало, потому что очень немного людей серьезно этим занималось. В этом отношении нам нужна большая помощь, область бесконечно велика, и тот, кто хочет работать серьезно, может многое создать...» (стр. 233). Эти указания Энгельса и в наши дни являются важной руководящей нитью для работников исторического фронта.

★

Огромный интерес представляют письма Энгельса, связанные с подготовкой им к печати III тома «Капитала». Маркс умер, не успев довести до конца обработку всего «Капитала», и значительная часть этого великого творения была готова лишь вчерне. Энгельс считал своей важнейшей задачей закончить обработку и издание этой работы. В 1885 г. был издан II том, но предстояло еще провести грандиозную работу по расшифровке рукописей III и IV томов.

Энгельс был сильно озабочен вопросом о том, сможет ли он завершить работу по опубликованию «Капитала», так как он один умел разбирать почерк Маркса и расшифровывать его сокращения. Несмотря на ослабление зрения и запрещение врачей работать более 2—3 часов в день, Энгельс наряду с огромнейшей работой по руководству международным рабочим движением делал все для того, чтобы обеспечить завершение издания «Капитала». «Если только зрение мне позволит, а я на это надеюсь,— писал Энгельс Конраду Шмидту 8 октября 1888 г.,—...то III том «Капитала» будет готов к печати этой зимой и через год обрушится, как бомба, на эту компанию (речь идет о буржуазных профессорах политической экономии. — *Е. Р.*). Я прервал или отложил в сторону все другие работы, чтобы закончить, наконец, это дело, которое не терпит ни малейшего отлагательства» (стр. 51).

Говоря о колоссальной работе, выполненной Энгельсом над II и III томами «Капитала» (IV том Энгельс не успел обработать), Ленин писал, что изданием этих томов «Энгельс соорудил своему гениальному другу величественный памятник, на котором невольно неизгладимыми чертами вырезал свое собственное имя»[1].

★

Большое принципиальное значение имеют те места в письмах Энгельса, которые посвящены вопросам о пролетарской революции, о диктатуре пролетариата и о двух фазах коммунистического общества. Резко выступая против всяких оппортунистических панацей о мирном врастании в социализм, настойчиво подчеркивая необходимость насильственного ниспровержения капиталистического строя и установления диктатуры пролетариата, Энгельс напоминает о том, что «пролетариат не может завоевать своего политического господства — единственную дверь в новое общество, без насильственной революции» (стр. 170).

Когда В. Либкнехт выступал с «филиппиками против насилия в любой форме и при всяких обстоятельствах» (стр. 191), Энгельс дал ему резкий отпор: «По твоей теории, я и Маркс тоже оказались бы анархистами, так как мы никогда не собирались, подобно добрым квакерам, подставлять левую щеку, если бы кому-нибудь вздумалось ударить нас по правой» (стр. 191).

Энгельс в своих письмах делает важные замечания о двух фазах коммунизма, об особенностях организации распределения на низшей и высшей фазах коммунизма. В одном из писем, опубликованных в рецензируемом томе, Энгельс делает ряд важных замечаний в развитие известных положений Маркса в «Критике Готской программы» о двух фазах коммунистического общества.

В связи с происходившей в 1890 г. в газете «Volks-Tribüne» дискуссией о способах распределения продуктов в будущем коммунистическом обществе Энгельс писал: «В «Volks-Tribüne» тоже происходила дискуссия о том, будет ли распределение продуктов в будущем обществе соответствовать количеству труда или построено по иному принципу. К вопросу подошли сугубо «материалистически» в противоположность известным идеалистическим фразам о справедливости. Но, как ни странно, никому не пришло в голову, что способ распределения существенным образом зависит от к о л и ч е с т в а распределяемых продуктов и что это количество, конечно, меняется вместе с прогрессом производства и общественной организации; а следовательно, должен был бы меняться и способ распределения. Но у всех участников дискуссии «социалистическое общество» оказывается не чем-то постоянно меняющимся и

[1] Ленин. Соч. Т. I, стр. 414. 1937.

прогрессирующим, а раз навсегда установленным и определенным и должно, следовательно, иметь раз навсегда установленный определенный способ распределения. Здраво рассуждая, можно только: 1) попытаться открыть способ распределения, с которого следует начать, и 2) постараться отыскать общее направление, по которому идет дальнейшее развитие. Но об этом я во всей дискуссии не нахожу ни слова» (стр. 232—233).

Гениальный анализ двух фаз коммунизма, данный Марксом и Энгельсом, нашел дальнейшее свое развитие в работах великих продолжателей их дела — Ленина и Сталина — и был полностью подтвержден всем развитием нашей социалистической страны; в нашей стране построен социализм—первая фаза коммунизма, и уже осуществлен социалистический принцип распределения: «от каждого по способностям, каждому по труду».

Под руководством товарища Сталина СССР вступил в новую полосу развития— в полосу завершения строительства бесклассового социалистического общества и постепенного перехода от социализма к коммунизму.

★

Переписка Энгельса, опубликованная в XXVIII томе сочинений К. Маркса и Ф. Энгельса, представляет огромный интерес для нашего советского читателя, для советской исторической науки и, в частности, для создания научной биографии великого соратника Маркса — Фридриха Энгельса.

Остается пожелать, чтобы были как можно скорее опубликованы письма последних лет жизни Энгельса и тем самым было завершено издание переписки великих основоположников коммунизма.

Е. Рубинштейн

РЕЦЕНЗИИ

ИСТОРИЯ СССР

ТИХОМИРОВ М. «Источниковедение истории СССР». Т. I. С древнейших времен до конца XVIII века. 256 стр.

НИКИТИН С. «Источниковедение истории СССР». Т. II. *XIX век (до начала 90-х гг.). 227 стр.*

Курс источниковедения истории СССР. Соцэкгиз. 1940 (Главное архивное управление НКВД СССР. Историко-архивный институт).

Курс источниковедения истории СССР на исторических факультетах наших высших учебных заведений появился только после революции, и рассматриваемые 2 части учебника по этой научной дисциплине — первый опыт необходимого студентам пособия к читаемым курсам. Однако значение учебника, написанного тт. Тихомировым и Никитиным, несомненно, более широко. И преподаватели истории в средней школе, и аспиранты, и вообще все научные работники-историки не раз обратятся к работе тт. Тихомирова и Никитина и извлекут из нее для себя много необходимого и полезного. Работать в области истории СССР и не быть знакомым с ее источниками, особенно с письменными (а им как раз и посвящена рассматриваемая работа), разумеется, нельзя.

Перед составителями учебника по источниковедению истории СССР стояла большая и трудно разрешимая задача. Они должны были отобрать из колоссального количества письменных источников — напечатанных и ненапечатанных — самое основное. Отобранный материал надо было систематизировать и распределить по тем или иным отделам и подотделам. Наконец, следовало дать критику источников, показать их сильные и слабые стороны. Беря рассматриваемый учебник в целом, надо признать, что в основном авторы неплохо справились со стоявшей перед ними задачей: ими собран, систематизирован и проанализирован очень большой материал письменных источников по истории СССР с древнейших времен до конца XIX века. Но, совпадая в основном в понимании целей и задач учебника по курсу источниковедения, авторы двух рассматриваемых его частей частично разошлись при реализации этих целей и задач. Конечно, разница в видах письменных источников по истории СССР, например XV и XIX вв., разница в значении одних и тех же видов источников для истории различных эпох должны были дать известное своеобразие первому и второму тому учебника, но, думается, не в такой степени, как это получилось у тт. Тихомирова и Никитина. Группировка материала у тт. Тихомирова и Никитина тоже неодинакова: тов. Тихомиров выделяет источники по истории народов СССР в особые главы, тов. Никитин этого не делает. Поэтому лучше рассмотреть каждый из этих томов в отдельности, а потом их сопоставить.

М. Н. Тихомиров охватывает в своем томе письменные источники за много столетий, но место и внимание, которое он уделяет источникам отдельных эпох, распределены у него очень неравномерно. Будучи сам большим специалистом по части источников Киевской Руси, а также источников периода феодальной раздробленности и образования русского национального государства, М. Н. Тихомиров посвятил им бо́льшую часть своей книги, тогда как обзору всех источников по истории России XVIII в. он отвел только 41 страницу, т. е. только один раздел (VI) всей книги. Конечно, для всех очевидно громадное значение летописей «Русской Правды», актового материала и т. п. для XI—XVI вв., но, с другой стороны, нельзя законодательным актам времени Петра I отвести одну страницу, законодательным актам Екатерины II — две страницы, а «Наказ» Екатерины II даже и совсем не назвать. Нельзя о дипломатических документах XVIII в. рассказать на одной странице (стр. 232) и только упомянуть (стр. 227) о таком важнейшем для истории XVIII в. источнике, как письма. Вместе с тем и в тех главах своей работы, где тов. Тихомиров более щедр на характеристику и критику источников, подчас хотелось бы получить больше. Так, слишком мало сказано о договорах Руси с греками (стр. 74), а о договоре 971 г. и совсем ничего не сказано, он только назван. По своей социальной значимости большего внимания заслуживает также сатирическая литература XVII в. (стр. 160). Нельзя только назвать, и притом совсем по другому поводу, «Новоторговый устав» 1667 г. (стр. 168).

С другой стороны, лучше совсем не называть некоторые источники, если автор не находит нужным сказать о них что-нибудь по существу. Зачем было упоминать о византийских историках Агафии и Менандре (стр. 21), Скилице и Кедрине (стр. 23)? О некоторых источниках М. Н. Тихомиров мог бы сказать несколько меньше. Например «Слову (или «Молению») Даниила Заточника» можно было не отводить 5½ страниц (стр. 82—88). Лишние подробности есть и в характеристике Киево-Печерского Патерика (стр. 89—90).

Таким образом, с точки зрения объема материала I том учебника по источниковедению истории СССР требует для 2-го издания ряда дополнений. Особенно это необходимо сделать в VI разделе, посвященном источникам XVIII века. Здесь надо дать характеристику законодательства о крестьянах, громадного законодательного материала в области хозяйства, необходимо поставить на свое место трактаты с Польшей и дать им оценку; в главах VIII и IX среди авторов мемуаров должны занять подобающее им место Нартов, майор Да-

нилов, Номен, Массон, аббат Жоржель. С другой стороны, в ряде случаев можно сделать сокращения и таким образом сохранить данный объем тома.

Распределение материала в I томе не вызывает возражений (хотя нельзя не указать, что ни тов. Тихомиров, ни тов. Никитин не дали во введении обоснования классификации источников, а в распределении источников по «видам» их взгляды, позидимому, не во всем совпадают). М. Н. Тихомиров пишет, что он рассматривает источники в хронологическом порядке и в их основных видах. Этот план с небольшими отступлениями он выдерживает (не на место попал, например, «Стоглав», рассматриваемый после «Уложения» 1649 г), но вносит в него очень существенное и, на наш взгляд, правильное дополнение, а именно источники по истории народов вынесены им в особые главы (IX, XIV, § 4 в гл. XV, XXI). Это важно принципиально и удобно практически, хотя и нарушает хронологический порядок обзора источников и заставляет еще раз возвращаться к рассмотренным их видам.

Критика источников проведена тов. Тихомировым очень умело и серьезно несмотря на сжатость изложения. Но несколько пожеланий относительно этой стороны работы тов. Тихомирова надо сделать. Следовало бы указать на недостатки сообщаемых Геродотом сведений о скифах и других народах (стр. 14—15). Говоря о персидских и арабских источниках по истории Средней Азии и Кавказа XIII—XV вв. (стр. 94—96), тов. Тихомиров должен был бы указать, что они дают для внутренней истории этих стран. При характеристике духовных грамот князей (стр. 116—117) надо отметить возможность изучения по ним территориального роста княжеств. В характеристике крестоцеловальной записи В. Шуйского (стр. 152) нельзя согласиться с определением ее как документа, ограничивающего самодержавие. В обзоре содержания «Уложения» 1649 г. (стр. 165—167) почему-то выпала XIII глава «О искуплении пленных»; хотя она и невелика и тематически менее важна, чем многие другие, но все-таки пропуск ее едва ли можно обосновать. В характеристике всего «Уложения» надо больше подчеркнуть его крепостническую и централистическую тенденцию, а также то новое, что оно вносило в отношения между светской и церковной властью. Характеристика морозовских и строгановских актов (стр. 177—178) должна быть расширена и углублена. Слишком краткая характеристика «Табели о рангах» 1722 г. (стр. 204) должна быть дополнена указанием на ее социально-политическое значение, а столь же краткая характеристика частных архивов XVIII в. (стр. 213)—указанием на их исключительное значение для истории крепостного хозяйства. Говоря об «особенностях актов XVIII в.», тов. Тихомиров останавливается на их внешней, делопроизводственной стороне; гораздо существеннее в них их идеологическая направленность, мотивировка их издания, поучающий тон.

Каждая глава I тома (точно так же и II тома) заканчивается указанием литературы. Это очень важно и сделано достаточно полно для данного учебника, но неясен принцип отбора литературы, и потому тут с авторами можно было бы подчас поспорить. Но что должно быть несомненно устранено во 2-м издании обоих томов, это часто встречающаяся в указаниях литературы библиографическая небрежность: так называемые «выходные данные» иногда даны неполно, а то и совсем отсутствуют; см., например, в I томе, на стр. 76, ссылки на работы В. Сергеевича, К. А. Максимейко, С. В. Юшкова, М. Владимирского-Буданова, для двух изданий «Русской Правды» не указан год издания; на стр. 96 ссылка на Тизенгаузена дана без обозначения произведения, не указан автор «Истории Татарии» и т. д.; во II томе, на стр. 36, ссылка на «Крестьянское движение» дана без указания составителя; на стр. 82 ссылки на «Труды комиссии по исследованию кустарной промышленности в России» и «Материалы для изучения хлебной торговли на Волге» даны без указания года и места издания и т. д.

Том учебника, написанный С. А. Никитиным, в большей своей части, как и I том, посвящен напечатанным источникам, причем основное внимание автора сосредоточено на статистико-экономических материалах (главы II и III), журналистике и памятниках общественно-политической мысли. Значительное внимание, но недостаточное для XIX в., тов. Никитин уделяет мемуарам и дневникам (главы V и VIII). Совсем мало места отведено такому важному для XIX в. источнику, как частная переписка, и абсолютно недостаточно — документам государственных и частных архивов (гл. I, стр. 6—36). Признавая громадное значение источников статистико-экономических, периодической и непериодической печати для работы по истории СССР XIX в., никак нельзя согласиться с тем, чтобы материалам правительственных учреждений, законодательству было отведено такое скромное место, как это сделано тов. Никитиным. В главе I, в обзоре документов государственных и частных архивов, автор идет не по видам источников, а по ведомствам и местам хранения документов (центральные учреждения и их архивы, местные учреждения и их архивы), причем тов. Никитиным не названы, за исключением 2—3 случаев, даже основные архивохранилища и их фонды. Говоря о центральных государственных учреждениях, тов. Никитин многие из них почему-то пропускает. Так, говоря о Государственном совете и указав дату его образования, тов. Никитин не упоминает, что у Государственного совета XIX в. был предшественник—«Непременный совет», который имеет свой архивный фонд. Говоря об отделениях «собственной е. и. в. канцелярии», тов. Никитин называет только три ее отделения (стр. 12—13). Обзор министерств, их деятельности и их фондов сделан неполно: нет министерства коммерции и министерства полиции, созданных одно в 1802 г., другое в 1811 г. и просуществовавших несколько лет, нет министерства юстиции, просуществовавшего с 1802 по 1917 г., нет Государствен-

ного контроля, Государственного банка и др. В характеристике Сената (стр. 7—9) слабо подчеркнута его деятельность как кассационного учреждения, его деятельность по разъяснению и толкованию законов. В характеристике деятельности министерства внутренних дел (стр. 14—15) почему-то не указано, что в его руках было управление не только городами, но и земскими учреждениями. Характеристика вотчинных и личных архивов (стр. 31—32) слишком кратка и неконкретна — необходимо было бы хотя на 1—2 примерах обрисовать вотчинные архивы.

Литература к главе I содержит много указаний по истории учреждений и относительно мало—для характеристики их архивных фондов и публикаций содержащихся в них документов.

Главы II и III — наиболее удачная часть II тома; все наиболее существенное тут указано. Попутно нельзя не отметить, что, в то время как тов. Никитин довольно подробно характеризует демографическую статистику XIX в., в I томе учебника ничего не говорится о ревизиях XVIII века.

Глава IV—«Описание путешествий»—требует дополнений: следует охарактеризовать археологическую экспедицию в Крым акад. Келера, статистико-экономическую и этнографическую экспедицию акад. Кеппена, статистико-экономическую экспедицию на Урал акад. Безобразова (1867 г.) и др.

Главы V и VIII, посвященные мемуарам и дневникам, тоже требуют дополнений. Сюда надо ввести характеристики записок Щепкина, Кропоткина, Морозова, Новорусского, Тютчевой, ряда мемуаристов 1812 г. (почему-то тут не упоминается Клаузевиц, книга которого «1812 г.», по существу, является мемуарами). То же надо сказать о главе VI—«Частная переписка». Не упоминаются ни письма Белинского, ни переписка Стасюлевича и др., имеющие большое историко-общественное значение.

В главе VII, подробно характеризующей журналы и газеты, не нашли места сатирические издания XIX века.

Систематизация источников во II томе видна из приведенного перечисления глав. Нельзя не пожалеть, что тов. Никитин не последовал примеру тов. Тихомирова и не выделял источников по истории народов — их с трудом надо разыскивать по всей книге.

Критика и оценка источников, сделанные тов. Никитиным, возражений не вызывают. Заканчивается II том небольшим заключением на тему о значении трудов основоположников марксизма при изучении истории СССР XIX века.

Подводя итоги всему сказанному, надо отметить, что при 2-м издании I том учебника по источниковедению истории СССР требует меньших дополнений и изменений чем II том. Но в обоих томах авторы должны были бы уделить больше внимания вопросу классификации источников и анализу ненапечатанных архивных источников по истории СССР. Желательно видеть больше согласованности в содержании и расположении материала между I и II томами «Источниковедения». Но все сделанные замечания не умаляют большого значения очень ценной работы тт. Тихомирова и Никитина. Прокладывать первые пути всегда бывает нелегко, и недостатки тут вполне объяснимы. Основное ими сделано, а частности нетрудно исправить и дополнить.

К. Сивков

ТОКАРЕВ С. Очерк истории якутского народа. М. Соцэкгиз. 1940. 248 стр. + 2 карты. 5 руб.

Автор попытался дать в популярном изложении сводный обзор истории якутов с древнейших времен до наших дней. В качестве источников для своей работы он привлек богатый архивный материал XVII и XVIII вв., а также экономические и этнографические исследования конца XIX и начала XX века. К сожалению, при изложении событий революционной борьбы якутского народа в 1905—1907 гг., периода Великой Октябрьской революции, а также истории социалистического строительства в Якутии первоисточники автором не привлекались. Поэтому вторая часть книги читается с меньшим интересом и меньше дает читателю, желающему ознакомиться с историческими судьбами якутского народа.

Однако и в первой части работы не со всеми выводами автора можно согласиться. Так, по вопросу о рабстве у якутов приведенные автором данные не могут убедить читателя в том, что только с появлением русских в крае складываются феодальные отношения и что ранее основной формой эксплоатации у якутов якобы было рабство. Указывая на наличие у тойонов рабов всего по 2—3 человека у каждого и только в редких случаях по 15—20, С. А. Токарев, тем не менее, считает, что все хозяйство тойона, имевшего часто по нескольку сотен голов скота, зиждилось на труде рабов. Слабость своей позиции чувствует и автор, добавляя: «Вместе с рабами в хозяйстве тойона работали и другие зависимые от него люди: младшие сородичи, воспитанники и др.» (стр. 20). Но что это была за зависимость, автор не говорит. Неясно также, что он понимает под «полурабской зависимостью» (стр. 21).

Эта недоговоренность автора относительно существования другого рода зависимости, помимо рабской, обусловлена его предвзятой точкой зрения, что феодальные отношения у якутов появились только под русским влиянием, и что до появления русских род у якутов сменил рабовладельческий строй.

По мнению С. А. Токарева, феодализма у якутов до прихода русских не было потому, что тойоны не владели землей. Тем не менее на стр. 91 он сам указывает, что тойоны захватывали сенокосные угодья и что частная собственность на покосы складывалась у якутов еще до прихода русских. Автор

забывает также, что, помимо земли, в руках тойонов было еще одно средство производства—скот, благодаря которому тойон мог держать у себя в подчинении всех сородичей, используя для этого отношения хасааса. Под хасаасом понимается форма эксплоатации, выражающаяся в отдаче тойонами скота на выпас бесскотным якутам за молочные продукты — своего рода оброк — или за отработку — своего рода барщину. Примеров хасааса для XVII в. имеется достаточно — до 50 случаев известны самому автору (см. тезисы его докторской диссертации «Общественный строй якутов в XVII—XVIII вв.»), но о них в очерке ничего не говорится.

С. А. Токарев хочет показать, что разлагающийся род имел тенденцию развития к рабовладельческому строю и лишь влияние русских остановило его развитие в этом направлении. Он утверждает, что беднейшая часть «улусных мужиков» переходила на положение зависимых людей, а иногда прямо попадала в рабство. По словам С. А. Токарева, «кормиться своею работою» означало прямой путь к рабской зависимости, потому что такого бедняка, кормящегося «своею работою», его хозяин, хотя бы и сородич, очень легко превращал в своего раба» (стр. 26). На самом деле «живущие подле» или «кормящиеся своею работою» якуты, имевшие свою юрту и свою семью, брали у тойонов скот на выпас или обслуживали хозяйство тойонов и таким образом попадали в феодальную, а не рабскую зависимость.

С. А. Токарев видит две антагонистичные группы, выделившиеся из среды свободного улусного населения: рабов и тойонов-рабовладельцев: «И тойоны и рабы составляли лишь незначительное меньшинство якутского населения... Основную же массу этого населения составляли простые свободные люди, которых русские документы того времени называют «улусными мужиками» (стр. 24). С. А. Токарев забывает, что хасаас — феодальная форма эксплоатации — существовал у якутов до прихода русских, следовательно, и тогда был уже налицо феодальный уклад, хотя улусные люди еще и не превратились поголовно в крепостных. Они имели права свободных общинников, но вследствие роста экономического неравенства попадали в феодальную зависимость от тойонов. В то же время часть рабов находилась в состоянии перехода от рабской к феодальной зависимости, приближаясь к положению зависимых членов родовой общины. Создавалась своеобразная общественная категория, включающая в свой состав рабов, поднимающихся к состоянию феодальной зависимости, и свободных общинников, опускающихся к этому состоянию. В рамках старого, родового общества существовал уже феодальный уклад, но сложение феодального строя еще не было завершено.

Складывающиеся феодальные отношения дают возможность наметить следующие социальные группировки у якутов XVII в.: 1) тойоны — полуфеодальная аристократия; 2) улусные люди — члены родовой общины; 3) зависимая часть улусного населения (живущие «подле», «кормящиеся своею работой», «захребетники»); 4) рабы.

При описании восстаний якутов в XVII в. автор допускает также некоторые неточности. Так, нельзя согласиться с утверждением, что вождем восстания 1634 г. был намский князец Мымак. Он как раз оставался в стороне от восстания. С. А. Токарева ввело в заблуждение то, что намский улус был местом сбора восставших якутов.

Описывая довольно подробно ход событий восстания 1642 г., автор без комментариев приводит выдержку из документа о том, что воевода Головин «тех якутов лутчих людей и аманатов повесил 23 человека, а иных выбрав же лутчих людей, бил кнутьем без пощады» (стр. 59). Под лучшими людьми в документах того времени обычно понимались тойоны. Но в данном случае расправе подверглись не тойоны, а бедные якуты, о чем говорят данные о размерах платившегося ими ясака. Враги Головина, пославшие на него донос в центр, чтобы усилить его вину, приписали ему расправу над «лучшими людьми». На самом деле «лучшие люди» сумели договориться с воеводой.

В главе «Якуты под царской властью в XVII в.» автор, говоря о ясаке, отмечает, что «определенного размера ясачного оклада для якутов не существовало» (стр. 65). Это неверно. Размер ясака был установлен в соответствии с количеством имевшегося в хозяйстве скота, причем с бедняков и среднего достатка якутов обычно брался 1 соболь с 1 или 2 голов скота. Многоскотные якуты вносили 1 соболя с 5 или даже 10 голов скота.

В своей книге Токарев совсем не отмечает, что в XVII и в XVIII вв. русское население оказывало громадное влияние на развитие земледелия и зачатков промышленности у якутов. После завоевания края началась разработка ископаемых: железной и серебряной руды, свинцового блеска и других. Острожки же и зимовья, основанные русскими землепроходцами, стали постепенно вырастать в города. Токарев совершенно не упоминает о цивилизующей роли, которую играла Россия для якутов, и дает картину лишь отрицательных сторон колонизации: грабежа, насилий и угнетения со стороны агентов царского правительства.

При обзоре важнейших событий XVIII в. автор указывает, что «эпоха от 1700 до 1760-х гг. остается в значительной мере темным местом в якутской истории: документов по этой эпохе сохранилось чрезвычайно мало» (стр. 107). Это не совсем так.

Интересный материал по указанному периоду находится в Государственном архиве феодально-крепостнической эпохи (ГАФКЭ) в портфелях Миллера, в ясачных книгах Сибирского приказа и других фондах. В Морском историческом архиве (фонд капитана Беринга) имеются документы Камчатской экспедиции, при которой была учреждена комиссия следственных дел, разбиравшая все жалобы, подаваемые якутами.

Протоколы этой комиссии содержат много интересных данных о быте якутов 40—50-х годов XVIII века.

В главе «Якутия — страна царской ссылки» автор, рассказав о ряде политических ссыльных в Якутии, не упоминает о пребывании там первого рабочего революционера Петра Алексеева, который, живя среди якутов, помогал беднякам бороться за улучшение их тяжелого, бесправного положения, что вызвало ненависть к нему со стороны тойонов, и двое из них убили его, нанеся 22 раны.

Неправильна оценка автором земельной реформы, проводившейся якутским губернатором Скрипицыным в 1899 году. Земельные неурядицы в якутском обществе, все увеличивавшиеся к концу XIX в., не могли не беспокоить царскую администрацию. Скрипицын, видя уменьшение поступления налогов, решил провести систему уравнительного распределения земли. В основу реформы им были положены принципы русской крестьянской общины. Эту реформу целиком поддерживали ссыльные народники, так как это была та самая уравнительная община, которая являлась их идеалом. Токарев считает, что если бы реформа была проведена в жизнь, то это «означало бы большой шаг вперед в экономическом развитии якутского улуса» (стр. 195). Основную причину, вследствие которой реформа не была проведена в жизнь, Токарев видит в сопротивлении тойонов.

Совершенно правильно подошел к этому вопросу большевик Ольминский, давший еще в 1904 г. развернутую марксистскую оценку скрипицынской земельной реформы [1]. Тов. Ольминский указал, что реформа не была проведена в жизнь не только вследствие борьбы, которую вели против нее тойоны, но главным образом потому, что она противоречила потребностям сельского хозяйства, развивавшегося к капитализму. Скрипицын хотел ввести чисто общинное землевладение в стране, вступившей на путь денежного хозяйства. Это была утопия, и как утопия она была обречена на неудачу.

В главе о революционных событиях 1905—1907 гг. в Якутии автор, останавливаясь на буржуазно-националистической организации «Союз якутов», должен был бы отметить, что несмотря на свою забитость и темноту улусная масса уже осознавала, что ей не по пути с тойонами, что классовые различия сказывались сильнее общенациональных интересов. В этом отношении характерно выступление чернорабочего якута Ильи Попова на областном съезде крестьян и якутов в апреле 1917 г., рассказывавшего о «Союзе якутов»: «Раньше сделался союз из якутов, чтобы якуты сами выбирали себе царя. Это была приятная речь к нам, но она значит то, что хотели бы собрать всех да съесть. Он (руководитель «Союза якутов».— *О. И.)* сделался бы царем, а нам, якутам, бедным классам, возвратилась бы прежняя крепостная зависимость крестьян» [2].

Токарев в своей книге ни словом не обмолвился о годах черной реакции, наступивших после поражения первой революции. В Якутии столыпинскую политику национального гнета и подавления свободной мысли проводил якутский губернатор Крафт. Были закрыты все просветительные общества, сильным гонениям подвергались политические ссыльные. Созванный в 1908 г. съезд представителей якутских улусов был разогнан Крафтом, считавшим, что нечего «инородцам» решать вопросы самим, если их может решить администрация.

Не отмечается в очерке и подъем промышленности в Якутии после 1912 года. А между тем в это время начинается строительство электростанции в Якутске, телефонной и телеграфной сети, строится лесопильный завод в Олекминске, организуется ряд правительственных и частных экспедиций для изучения природных богатств и возможностей транспортного строительства. В 1915 г. в Якутске уже была устроена первая сельскохозяйственная выставка.

Недостаточно освещены события, связанные с установлением советской власти, а также события периода гражданской войны в Якутии. Причину этого надо искать в той весьма недоброкачественной литературе, которую автор использовал для последних разделов книги, и в полном игнорировании автором архивных материалов по этим вопросам. Не освещена работа якутского губернского революционного комитета и губернского бюро РКП(б) в 1920 г. по укреплению советской власти в Якутии.

Буквально две строчки посвящены образованию якутской автономии (стр. 228) и совершенно не упоминается о роли товарища Сталина, под руководством которого происходило ее создание. Известно, что в феврале 1921 г. по инициативе товарища Сталина при Народном комиссариате по делам национальностей был создан Якутский отдел, который занялся организацией школ на якутском языке, устройством типографии, изданием литературы, помощью кочевникам в переходе их на оседлость.

24 марта 1921 г., выполняя резолюцию X съезда партии, коллегия Наркомнаца подготовила проект якутской автономии.

27 апреля 1922 г. решением ВЦИК была образована Якутская Автономная Советская Социалистическая Республика.

В главе «Пепеляевщина» необходимо было бы отметить, что громадный вред частям Красной Армии был нанесен шпионами, пробравшимися на руководящие военные посты и всеми силами помогавшими контрреволюции.

Раздел, посвященный социалистическому строительству Якутской АССР, должен

---

[1] См. «Правду» (журнал) № 7 за 1904 год. «Из истории общины в Сибири».

[2] «Вестник якутского комитета общественной безопасности» № 46 за 22 апреля 1917 года.

был быть одним из самых содержательных. Но автор, построив его на материале только одной книжки, не сумел дать картины грандиозного строительства социалистической Якутии.

Цифровые данные приводятся автором лишь по 1935 год.

Крупнейшим недостатком последних глав книги является то, что при изложении событий конца XIX и начала XX в. не соблюдена периодизация, предложенная товарищем Сталиным. Вследствие этого получились такие главы, как глава «1905 год»; глава «Между двумя революциями (1906—1916)» охватывает несколько периодов.

Нет отдельной главы, посвященной Великой Октябрьской социалистической революции в Якутии, а глава «Социалистическое строительство в Якутии» уместилась на 8 страницах при общем размере книги в 248 страниц.

В заключение следует указать, что если первые разделы книги, касающиеся XVII и XVIII вв., составлены на основе первоисточников и представляют научную ценность, то последние главы носят компилятивный характер и не дают правильного представления о происходивших событиях. Перед историками Якутии стоит еще важная задача—дать марксистско-ленинское освещение борьбы якутского народа под руководством русского пролетариата за свое освобождение, показать, как народы Якутской АССР вместе с другими народами Советского Союза под знаменем Ленина — Сталина идут вперед, к коммунизму.

О. Ионова

«Мазепа». Збірник. Т. І. 161 стр. 1938. Т. II. 117 стр. 1939. Варшава.

Опубликованные Украинским научным институтом в Варшаве два тома статей о гетмане Мазепе посвящены восхвалению ума и патриотизма неудачливого гетмана. Участники сборника в то же время тщательно затушевывают отрицательное отношение народных масс к стремлениям Мазепы оторвать Украину от Русского государства; также они умалчивают о польской ориентации гетмана и утверждают, будто в его политические планы входило образование политически независимой Украины. Эта апологетическая по существу точка зрения прежде всего нашла защитника в лице Д. Дорошенко, автора руководящей статьи сборника «Мазепа в історичній літературе і в житті» (Т. І, стр. 3—34). Д. Дорошенко должен был констатировать, что украинская либерально-буржуазная и народническая историография отрицательно относилась к политическим планам Мазепы. Особенно недоволен Дорошенко монографией Н. И. Костомарова «Мазепа и мазепинцы», которая, по его мнению, много способствовала распространению заграницей отрицательного взгляда на Мазепу. Недоволен Дорошенко и оценкой политической деятельности Мазепы, высказанной В. Б. Антоновичем, по мнению которого, «все несчастье Мазепы заключалось в том, что он игнорировал народные интересы и мечтал только об установлении на Украине аристократической монархии. Мазепу постигла кара за то, что он не обращал внимания на народные интересы». Дорошенко высоко оценивает работу черниговского помещика Ф. Уманца «Гетман Мазепа» (СПБ. 1897), в которой националистическая деятельность Мазепы получила иное освещение. Для Уманца Мазепа — «выдающийся украинский патриот». Дело «реабилитации» Мазепы было продолжено М. С. Грушевским и другими членами львовского «Наукового товариства ім. Шевченка», которое опубликовало в 1909 г. специальный том «Записок», посвященный Мазепе и приуроченный к 200-летию Полтавской битвы.

Естественно, что для Грушевского и его последователей Мазепа является «великим украинским патриотом» и политические планы Мазепы встречают с их стороны полное одобрение. В «Записках Наукового товариства ім. Шевченка» было опубликовано большое количество исследований о Мазепе, в особенности в период 1917—1938 годов.

Дорошенко стремится доказать, что политическим идеалом Мазепы была «независимая Украина», и в этой плоскости им рассматриваются отношения Мазепы к Швеции. Дорошенко игнорирует данные Иос. Фельдмана, приведенные им в ценной работе «Polska w dobie wielkiej wojny północnej 1704—1709» (Warszawa. 1926), о договоре между Мазепой с одной стороны и Станиславом Лещинским и Карлом XII — с другой, согласно которому «Киевщина, Черниговщина, Северщина и Смоленщина должны были быть возвращены Речи Посполитой. Казачество остается при прежних вольностях, границы которых, впрочем, оставались неопределенными. Самому Мазепе в качестве награды было обещано княжество на правах ленной зависимости, выкроенное из воеводств Полоцкого и Витебского» [1].

М. Андрусяк также полагал, что на основе договора со Станиславом Лещинским «Україна мала злучатись з Польщею як велике князівство на таких самих основах як велике князівство литовське. В його склад мало ввійти Правобережжя та Лівобережжя з Сіверщиною» [2].

Но эти объективные данные, документально обоснованные, неубедительны для Д. Дорошенко, который упорно пытается доказать, что Мазепа был сторонником полной независимости Украины.

Шляхтич по происхождению, служивший позже при дворе Яна-Казимира, Мазепа в 1659 г. и 1660 г. был послан польским правительством для переговоров к Выговскому и Юрию Хмельницкому. В 1669 г. Мазепа уже был в лагере Дорошенко в качестве начальника его гвардии, затем он перешел

[1] И. Фельдман. Указ. в тексте соч., стр. 305.

[2] «Записки Наукового товариства ім. Шевченка». Т. 152. Вып. 1-й, стр. 51.

к Самойловичу и принимал участие в свержении его с гетманского стола. Став гетманом, Мазепа перешел на сторону панской Польши и закончил свою политическую карьеру как агент Польши. Так вся политическая программа Мазепы свелась к возвращению украинского народа под власть Польши.

В ряде статей Б. Крупницький касается вопроса об оценке шведской исторической наукой шведско-украинских отношений и самого гетмана Мазепы. В статье «Карл XII в старій і новій шведській літературі» автор показывает, как изменялась в шведской историографии оценка личности и политической деятельности Карла XII.

В XVIII и первой половине XIX в. в шведской историографии господствовал культ Карла XII, который изображался в очень идеализированном аспекте. В средине и во второй половине XIX в. наступает реакция, нашедшая яркое отражение среди историков народнического направления: Фрикселя, Мальмштрема, Ф. Карлсона и Э. Карлсона, которые считали, что вся политика Карла XII была гибельной для Швеции. Король, забыв об интересах Швеции, стремился только к ненужным завоеваниям. Для Фрикселя поход Карла XII на Украину — одно сплошное недоразумение. Настоящая военная стратегия требовала, чтобы после разгрома Польши все внимание было сосредоточено на борьбе с Петром I, что неизбежно привело бы к свержению его с престола.

Против такой односторонней оценки выступили историки новой формации: Йерне, Галлендорф и Стилле.

Интерес ко времени Карла XII был связан также с публикацией новых источников: мемуаров, дневников и других материалов. Новая историография критически отнеслась ко взглядам старой школы. В ее глазах Карл XII стал на защиту своей родины и всей Европы против московского варварства. После Карла XII Швеция потеряла свое значение, Московское же государство заняло видное место в кругу европейских держав. Естественно, что новая шведская историография иначе отнеслась к походу Карла XII на Украину. Движение на Смоленск — только демонстрация, чтобы обеспечить Левенгаупту соединение с главными силами армии. Предполагая, что соединение корпуса Левенгаупта с главной армией обеспечено, Карл XII направился на Украину с целью получить зимние квартиры и помощь казаков и открыть прямую дорогу в Польшу через Киев. Так оценивал планы Карла XII Галлендорф (Т. I, стр. 75—76).

По мнению А. Стилле, Карл XII — крупный стратег и политик. Основным направлением его политики был союз Польши и Швеции против Москвы. С этой целью Карл XII в 1707 г. завязывает через Польшу связи с Турцией. Основная его стратегическая задача — поход на Москву. Первоначальный стратегический план похода на Москву — через Смоленск — был заменен планом движения через Брянск — Калугу к Москве. Разгром корпуса Левенгаупта при деревне Лесной заставил Карла XII изменить свой стратегический план и отойти на Украину, чтобы потом через Харьков — Белгород идти на Москву. Однако последняя попытка прорваться в пределы Московского государства не увенчалась успехом. Стилле объясняет неудачу Карла XII большими дождями, тогда как в действительности наступление Карла XII задержали слободские казаки.

Главной причиной поражения шведской армии под Полтавой, по мнению Стилле, было то, что Карл XII, раненый в ногу еще 17 июня, не имел возможности непосредственно командовать шведской армией. Так «объективно» объяснила поражение шведов под Полтавой новая шведская историография. Совсем как разгром Наполеона объяснялся «морозом», а неудача Бородинской битвы — «насморком» Наполеона.

Народническое направление шведской историографии (Фриксель и оба Карлсона) отрицательно относилось к Мазепе, тогда как в трудах историков новой формации (Йерне, Галлендорф, Стилле) Мазепа выступает как положительная политическая фигура. Б. Крупницький также коснулся вопроса о Мазепе в статье «Мазепа в світлі шведської історіографії» (стр. 83—94), более подробно развивая мнения шведских историков о Мазепе, уже высказанные ими в первой статье. Специальная работа Энсена о Мазепе, по мнению автора, неудовлетворительна, так как автор ее не сумел критически разобраться в источниках и в основном писал ее по Костомарову.

В третьей статье тот же автор касается «планов Мазепы в связи с планами Карла XII перед украинским походом шведов» (Т. I, стр. 95—106). Б. Крупницький стремится опровергнуть мнение Карлсона и С. Томашивського, которые не придавали значения участию Мазепы в задуманных Карлом XII операциях. Вслед за шведскими историками он считает, что без опоры на Мазепу осуществление похода на Москву было бы невозможно. Это понимал Карл XII, ибо в противном случае он не взял бы на себя обязательства защищать Украину и присоединенные к ней земли (Т. I, стр. 104). По мнению автора, задуманные шведские и польские операции позволили Мазепе попытаться осуществить свои политические планы. Мазепа будто бы был недоволен отказом Карла XII от похода на Москву через Брянск и приходом его на Украину. Поход Карла XII на Украину, по мысли автора, был для Мазепы неожиданным и нежеланным. Этот вывод находится в резком противоречии с теми фактами, которые Крупницький подобрал в угоду своей политической тенденции.

В других статьях Б. Крупницький затрагивает две темы: «Мазепа и шведы в 1708 г. на основе воспоминаний и писем современников» (т. II, стр. 3—12) и «Шведы и население на Украине в 1708—1709 гг. (на основе шведских источников)» (Т. II, стр. 13—23).

Для первой статьи автором использова-

ны письма секретаря походной канцелярии Иос. Цедергельма к своему брату Гермунду (1707—1729 гг.) и реляции полковника графа Н. Илленштиерна о польской и русской войне (1702—1709 гг.). Автор признает, что Мазепа много содействовал завязыванию отношений Карла XII с Востоком, с татарами и турками, и не вина гетмана, что «из его деятельности ничего не вышло». Новые материалы как первоисточник очень интересны, но использованы автором односторонне. Важно сообщение Илленштиерна об отказе Карла XII пойти на выручку Батурина, осажденного А. Меншиковым (Т. II, стр. 11).

Характеризуя отношение украинского населения к шведам, Б. Крупницький должен был признать, что надежды шведов не оправдались и что население относилось к ним враждебно. К тому же московское правительство принимало все меры к тому, чтобы нанести шведам «як найбільшу шкоду» (возможно больший вред) (Т. II, стр. 12). Шведские источники упоминают об экспедиции шведов в местечко Смелое, население которого не пожелало пустить к себе шведов, но в то же время пустило в местечко 2000 (Т. II, стр. 16) русских.

Обо всех этих фактах насилия подробно сообщают шведские мемуары. Автор должен был признать, что отношения шведов с населением крайне обострились, однако положительных выводов из констатированных фактов им не было сделано. Критический анализ основных статей в сборнике дает полное основание придти к следующим выводам: а) политические планы Мазепы сводились к возвращению Левобережной Украины под власть Польши и к отрыву украинского народа от русского под видом борьбы с варварской Москвой; приписываемые Мазепе планы создания независимой Украины — плод поэтической фантазии украинских буржуазных историков, сговорившихся с бывшей панской Польшей; б) украинское население отнеслось враждебно к планам Мазепы и к шведам, оккупировавшим Украину; в) вся политика Мазепы — показатель его близорукости и полной неспособности разобраться во внутренних отношениях на Украине; г) неудачливый гетман из украинского «патриота»-самостийника превратился в польского агента; д) в статьях сборника затушевана социальная политика Мазепы и борьба украинского народа против своего закрепощения; е) авторы сборника предполагали поднять на щит Мазепу и увековечить его «славное» имя; в действительности это — надгробное слово, в котором авторы констатируют полный провал политических планов Мазепы.

Не имея возможности коснуться других статей, ограничимся только их перечислением: Біднов В. «Марія-Магдалина, мати гетьмана І. Мазепи»; Я. Токаржевський-Карашевич «Герб і похождення гетьмана І. Мазепи»; М. Возняк «Бендерська комісія по смерті Мазепи»; В. Січинський «Гравюри на честь Мазепи і гравіровані портрети гетьмана»; Р. Смаль-Стоцький «Санктуаріум Гетьмана І. Мазепи»; В. Біднов «Церковна анатема на гетьмана Івана Мазепу»; О. Лотоцький «Справа правосильності анатемування гетьмана Івана Мазепи»; М. Андрусяк «Гетьман Мазепа, як культурний діяч»; О. Прицак «Гетьман І. Мазепа і кн. Анна Дольська». Отметим, что последняя была любовницей Мазепы и с 1705 г. через нее Мазепа поддерживал связь с польским королем Станиславом Лещинским.

В. Пичета

ЛЕВАШЕВ В. Реформа 1861 г. в Самарской и Симбирской губерниях. Куйбышев. 1940. 72 стр.

Подлинный характер крестьянской реформы 1861 г., которую буржуазные историки второй половины XIX в. обычно называли «великой», впервые был выявлен Лениным. Его труды обрисовали эту «реформу» в ее истинном, далеко не приглядном свете. До сих пор еще, однако, реформа 1861 г. не служит предметом отдельных исследований по различным местностям бывшей империи. «Реформа» подготовлялась и проводилась применительно к тогдашним административным единицам — губерниям. Чтобы судить об этом предприятии царского правительства во всех подробностях, очень желательно иметь отдельные исследования по всем местностям империи, составленные на основе марксистско-ленинской методологии. В брошюре тов. Левашева хотелось бы видеть почин местного исследования в указанном направлении. Цель автора — «дать в популярном изложении краткий обзор реформы 1861 г. в быв. Самарской и Симбирской губерниях». В центре внимания автора были местные события, условия и особенности проведения реформы в этих двух приволжских губерниях, из которых образовалась нынешняя Куйбышевская область.

Для настоящего очерка использованы главным образом архивные фонды самарских губернских учреждений. Читатель, ознакомившись с брошюрой, получит представление о том, как реформа проходила именно в Среднем Поволжье и к каким последствиям она там привела. В этом положительная и полезная сторона труда В. Левашева. Однако хотелось бы несколько большего. Тов. Левашев писал для массового читателя и совсем не имел в виду читателя, специально интересующегося реформой 1861 г. в ее деталях на местах, несмотря на проделанную им кропотливую работу над подлинными архивными документами.

Надо надеяться, что автор не откажется от мысли дать читателю-историку расширенное издание своей работы, еще в большей степени насыщенное фактами и цифровым материалом.

Акад. Ю. Готье

КОРОЛЬЧУК Э. Петербургский «Союз борьбы за освобождение рабочего класса». Лениздат. 1940. 40 стр. (Ленинградский институт истории ВКП(б).

До середины 90-х годов социал-демократия существовала в России только как идейное течение. Организованная Г. В. Плехановым группа «Освобождение труда» и разрозненные марксистские кружки и группы не были еще связаны практически с рабочим движением. «Социал-демократия существовала без рабочего движения, переживая, как политическая партия, процесс утробного развития»[1].

Слияние марксизма и рабочего движения произошло в России во второй половине 90-х годов XIX века. Задачу соединения марксизма с рабочим движением осуществил под руководством В. И. Ленина петербургский «Союз борьбы за освобождение рабочего класса».

Рецензируемая работа и посвящена этому важному в истории ВКП(б) этапу.

Петербург в конце XIX в. являлся крупнейшим промышленным центром страны с вполне сложившимися кадрами потомственного пролетариата. Здесь, начиная с 70-х годов, неоднократно возникали забастовки и волнения рабочих и уже с 80-х годов существовали первые марксистские организации. В этих последних и получили подготовку кадры передовых рабочих, составивших потом основное ядро рабочих в руководящем центре петербургского «Союза борьбы». Вступив по приезде своем в Петербург (осенью 1893 г.) в одну из существовавших здесь марксистских групп (так называемую группу стариков) и возглавив последнюю, Ленин положил начало подлинно революционной социал-демократической организации не только в Петербурге, но и вообще в России. Автор показывает, как деятельность петербургского «Союза борьбы» стала образцом социал-демократической работы для всей страны.

Основанный и руководимый Лениным петербургский «Союз борьбы» явился зачатком революционной партии пролетариата. В 1894—1898 гг. социал-демократия переживала уже новый этап своего развития. Именно к этому периоду относятся слова Ленина: «Социал-демократия появляется на свет божий, как общественное движение, как подъем народных масс, как политическая партия»[2].

Деятельность Ленина и руководимого им петербургского «Союза борьбы» имела исключительно важный результат: «...в 90-х годах встретились два глубокие общественные движения в России: одно стихийное, народное движение в рабочем классе, другое — движение общественной мысли к теории Маркса и Энгельса, к учению соц.-демократии»[3].

Автор наглядно показывает, что до приезда Ленина социал-демократическая работа в Петербурге носила в значительной мере культурнический характер и приводила к известной изоляции марксистских кружков даже от тонкого слоя передовых рабочих, что именно Ленину принадлежал почин установления более живых и тесных связей с рабочей массой, изучения ее повседневных нужд и интересов и сплочения отдельных, разрозненных кружков в единую организацию. Одновременно охарактеризованы авторитет и влияние Ленина среди петербургских социал-демократов и исключительное значение его теоретических работ того времени («По поводу так называемого вопроса о рынках», «Что такое «друзья народа»...» и «Отражение марксизма в буржуазной литературе») в разгроме народничества и борьбе за гегемонию революционного марксизма.

Основное достоинство работы состоит в том, что в ней обобщен разрозненный ранее материал о первом этапе деятельности Ленина по созданию социал-демократической партии, по руководству массовым рабочим движением, по соединению экономической и политической борьбы рабочего класса.

В брошюре довольно широко использованы воспоминания ряда участников социал-демократической работы в Петербурге во второй половине 90-х годов, как опубликованные ранее, так и неопубликованные, хранящиеся в Ленинградском институте истории ВКП(б), а также сборник «Листовки петербургского «Союза борьбы». Слишком сжато изложена глава первая, в которой характеризуется развитие промышленного капитализма и рост рабочего движения в 90-х годах. Надо полагать, что автору известен основной материал о деятельности петербургского «Союза борьбы», сохранившийся в наших архивохранилищах, в первую очередь в Центральном государственном архиве революции, но, к сожалению, в работе этот материал не нашел отражения. Брошюра значительно выиграла бы, если бы к ней были приложены хроника событий, включающая основные моменты стачечной борьбы петербургского пролетариата и основные даты деятельности петербургского «Союза борьбы», а также данные о развитии рабочего и социал-демократического движения в стране во второй половине 90-х годов.

Несмотря на указанные недостатки работа тов. Корольчук с интересом будет прочитана широкими кругами изучающих историю ВКП(б) и преподавателями.

О. Ч.

[1] Ленин. Соч. Т. IV, стр. 499. 1937.
[2] Там же.

[3] Ленин. Соч. Т. II, стр. 537. 1935.

ИСТОРИЯ НОВОГО ВРЕМЕНИ

ОРДУБАДЫ М. Тавриз Туманный. Роман. Кн. 2-я. Баку. Азернешер. Отдел художественной литературы. 291 стр. 1940 *.

Вторая часть романа Ордубады содержит изложение событий из истории иранской революции, относящихся к периоду с апреля 1909 г., т. е. от занятия Тавриза царскими войсками, и до разгрома тавризских революционных организаций и подавления героического сопротивления азербайджанских революционеров царскими войсками в декабре 1911 года. Ордубады ограничивается почти исключительно описанием событий, имевших место в пределах Азербайджана. В этом сила, а вместе с тем и слабость романа.

Вторая часть романа Ордубады имеет в основном те же положительные стороны, что и первая. В романе с большой силой показаны зверства царской военщины в оккупированной стране. Заняв Тавриз, генерал Снарский издал приказ о поголовном разоружении населения и об учете жителей с целью обнаружения оставшихся в городе революционеров. Мечтая о присоединении всего Азербайджана к России, захватчики указывали свой почтовый адрес так: «Тавриз Эриванской губ.». В Тавризе начались аресты и преследования революционеров.

В романе чрезвычайно ярко и образно охарактеризовано также хозяйничанье ханов в своих имениях Автор дает красочную картину того, как араблярский хан творил суд над подвластными ему крестьянами.

Автор очень хорошо описывает подпольную работу тавризских революционеров, выпускавших листовки, разоблачавшие деятельность царских оккупантов и их агентуры.

Вместе с тем у тов. Ордубады есть и ряд недочетов. В частности в книге не подчеркнуто, что главной задачей на данном этапе было объединение всех революционных сил для борьбы против империалистических захватчиков и их агентуры в составе правительства. Между тем герой романа на приеме у Саттар-хана заявляет, что Саттар-хана и Багир-хана «должны заменить партийцы» (стр. 114). В другом месте автор указывает, что в рассматриваемый период иранские социал-демократы, называя себя революционными марксистами, на деле настроены были соглашательски, насквозь пропитаны национализмом и монархию свергнуть не собирались (стр. 109).

Устами героя романа т. Ордубады отмечает, что Саттар-хан и Багир-хан нуждаются в отдыхе, что центральное иранское правительство обязано должным образом обеспечить их жизнь (т. е. почетную отставку) и т. д. (стр. 103). Саттар-хан выступает у Ордубады в чрезвычайно неприглядном виде, как организатор самочинных действий на русской концессионной дороге Джульфа — Тавриз, где сторонниками Саттар-хана был по собственному произволу введен дорожный сбор (кстати, этот сбор был установлен еще до прибытия царских войск). Кроме того сторонниками Саттар-хана были разгромлены деревни, принадлежавшие бывшему шаху Мохаммеду Али. Такие действия сторонников Саттар-хана, по мнению автора, могли спровоцировать дальнейшее расширение русской интервенции и вместе с тем вызывали недовольство крестьянства. Кроме того Саттар-хан и Багир-хан, создав свои отдельные вооруженные отряды, по мнению тов. Ордубады, способствовали таким путем децентрализации власти в Тавризе. Саттар-хан стал, по словам автора, таким образом, подневольным орудием царского и турецкого консульств. Такое отношение к Саттар-хану нам кажется неправильным.

Какой же выход из создавшегося положения намечает автор устами своего героя? Во-первых, он предлагал обратить главное внимание на вовлечение в ряды партии новых членов. Затем он предлагал реорганизовать тавризскую полицию — назмие,— доведя ее состав до 2 тыс. человек путем вовлечения в ее ряды участников революционных боев 1907—1908 годов. Старые же служащие назмие должны быть удалены. Появление Саттар-хана и Багир-хана в Тавризе признавалось нежелательным, так как их преждевременный арест мог нанести удар влиянию революционеров и помешать осуществлению ими своих целей. Герой романа считал необходимым пересмотреть отношение к энджомену, «ибо энджомен не есть организация, и если энджомен допустил ошибку и изменил делу проведения в жизнь постановлений конституционного правительства, то партия обязана проявить решительность». Вообще энджомен надо подчинить партийному руководству, проведя в него испытанных членов партии (стр. 102). У Ордубады правильная задача партийного воздействия на энджомен переплетается с путаной идеей безоговорочного подчинения тегеранскому правительству, всем его приказам.

Действительно, из материалов архива внешней политики в Москве видно, что назмие в указанный период стала центром организации революционеров, но требование удаления Саттар-хана, а стало быть, и связанных с ним лиц и фидаев из Тавриза могло привести не к консолидации сил революционеров, а к их ослаблению. Из архивных материалов ясно, что царское правительство настойчиво добивалось через Тегеран отъезда вождя тавризских революционеров из Азербайджана и прибегало для этого к военным демонстрациям на иранской границе.

Автор романа ничего не говорит о дальнейшей судьбе Саттар-хана после того, как он с Багир-ханом в сопровождении отряда в несколько сот человек выехал в Тегеран. В 1910 г. отряды Саттар-хана после кровопролитного боя были разоружены и ликвидиро-

* Рецензию на первую часть романа см. «Историк-марксист» № 7 за 1940 г., стр. 144—146.

ваны бахтиарскими войсками и частями полиции под командованием дашнака Ефрема. Таким образом, были уничтожены наиболее боеспособные и активные революционные части. Помещичье-буржуазный меджлис санкционировал разоружение фидаев. Саттар-хан в этом бою был тяжело ранен. Меджлис после ранения Саттар-хана лицемерно назначил ему пожизненную пенсию.

В связи с вопросом о Саттар-хане необходимо отметить также неправильную, как нам кажется, позицию автора в отношении событий в Ардебиле. Это — крупный торговый центр Азербайджана, имеющий важное хозяйственное и стратегическое значение. Ардебиль не был еще занят царскими войсками. Царизм стремился создать повод для оккупации Ардебиля. С этой целью царские дипломаты подстрекали к выступлению контрреволюционных ханов шахсевенских племен во главе с известным бандитом Рахим-ханом. В этом же направлении действовал и царский агент, губернатор Ардебиля, Решид-оль-Мольк. Саттар-хан с отрядом фидаев выступил в Ардебиль, чтобы принять меры к подавлению мятежа. Автор в лице своего героя относится чрезвычайно неодобрительно к выступлению Саттар-хана, считая его ненужным, дающим лишь повод для интервенции. На самом же деле этот повод был создан уже выступлением шахсевен. Задача состояла в том, чтобы скорее ликвидировать этот мятеж и не дать возможности царской дипломатии использовать его в своих интересах; именно так поняли смысл происходившего иранские революционеры, выступившие из Тегерана и Решта в направлении Ардебиля. В составе и во главе рештского отряда находился товарищ Орджоникидзе, о чем он сам пишет в своей автобиографии. Между тем, по словам тов. Ордубады, тавризские революционеры чрезвычайно неодобрительно отнеслись к выступлению Саттар-хана, не приняли участия в его экспедиции и бросили ее на произвол судьбы. Тем самым они оставили Саттар-хана без руководства, а это усугубило ошибки, совершенные Саттар-ханом в Ардебиле.

Чрезвычайно путана позиция автора романа и в вопросе об отношении к центральному правительству в Тегеране после захвата Тегерана конституционалистами. Характер этого правительства автор романа определяет так: власть крупных и мелких феодалов, духовенства и купечества (стр. 100). Поскольку автор романа отвлекается от событий в Тегеране, он совершенно не упоминает о сложном переплете в соотношении сил в Тегеране, о постепенном переходе власти в руки крупных феодалов во главе с Сепехдаром, Самсам-ос-Солтане и Сардар-асадом, о противоречиях между помещичье-либеральным меджлисом и феодальным правительством. Автор пишет, что главный вопрос в революции — это вопрос о власти и беда руководителей революционного движения заключалась в том, что в их рядах не было единства мнений по этому важнейшему вопросу (стр. 109). О задаче объединения всех сил для борьбы против империализма автор даже не упоминает. От аграрного вопроса он просто отмахивается, заявляя, что этот вопрос мог быть разрешен лишь после свержения старого режима и создания подлинно демократического строя (стр. 110). Автору не следовало бы забывать, что для успеха борьбы за демократический строй необходимо завоевание на сторону революции крестьянства.

Автор неоднократно подчеркивает, что правительство, руководимое феодалами-реакционерами,—правительство конституционное, законное и что поэтому необходимо ему подчиняться и считать себя ответственным перед конституционными законами и действовать согласно инструкциям центрального правительства (стр. 102—103). Тов. Ордубады не ставит даже вопроса о каком-либо воздействии на это правительство, а, наоборот, проводит линию безоговорочного доверия и поддержки этого правительства.

Сюжетная линия романа несколько однообразна. Если в первой части романа фигурировала девушка-революционерка, которая помогала герою романа узнавать секреты царского консульства, то во второй части романа появляется новая девушка— американка, представительница буржуазной филантропической организации, которая помогает герою узнавать секреты американского консульства.

Транскрипция персидских имен, как и в первой части, носит произвольный характер. Порой трудно даже разобрать, что это за «Мухбириссалтане», «Мугеймуддовле», кто скрывается под этими псевдонимами.

Роман и во второй части дает много ценных сведений о событиях заключительных лет иранской революции. Автор хорошо знает историю и быт иранского Азербайджана. Несмотря на отмеченные недостатки книга представляет значительный интерес для наших читателей, знакомя их с революционной борьбой иранского народа за свое освобождение.

Г. Ильинский

ШЕЙНМАН М. Кто такие папы римские. М. ГАИЗ. 104 стр. 1941. 20 000 экз.

Брошюра тов. Шейнмана представляет собою популярно и интересно написанные, снабженные богатым фактическим и иллюстративным материалом очерки истории и современного состояния папства. Выпуск такой книги вполне своевременен и отвечает громадному, все более растущему интересу широких масс читателей к истории. Автор начинает с возникновения папства и последовательно подводит читателя к характеристике роли папства в на-

ше время; кратко освещая всю историю папства на протяжении пятнадцати веков, автор останавливается подробнее на отдельных моментах в деятельности римского престола, характеризующих папство как постоянного носителя и защитника всякой реакции, всякого мракобесия. Хорошо подобранный автором материал из источников делает изложение убедительным и доходчивым для массового читателя. Высказывания Маркса и Ленина ярко иллюстрированы конкретными фактами и характеристиками, что значительно помогает усвоению и запоминанию этих высказываний.

За первым очерком, описывающим возникновение папства, следует описание истории папства в средневековой Европе, характеристики отдельных, в том или ином отношении выдающихся пап, описание (краткое) крестовых походов, инквизиции, ордена иезуитов, борьбы папства с наукой («Гасители разума»). Специальный очерк отведен взаимоотношениям римского престола со старой Россией — его мечтам о насаждении здесь католицизма (поддержка папами меченосцев, польской интервенции начала XVII в., униатства и т. д.). Много места отведено описанию борьбы папства с народными движениями и особенно с социалистическим движением. Отчетливо показано превращение папства из феодального института в звено капиталистической системы эксплоатации трудящихся масс. Восемь последних очерков посвящены борьбе папства против Великой Октябрьской социалистической революции. Раскрыты (здесь автор широко использует материалы прессы) связи папства с империалистической буржуазией, его антисоветская деятельность в панской Польше и старой Прибалтике. Брошюра заканчивается характеристикой отношения папства ко второй империалистической войне.

К сожалению, книга все же не лишена пробелов, и иногда весьма досадных. Так, надо было бы значительно увеличить очерк «Гасители разума», завершающийся, по существу, историей Галилея (Дарвину посвящено лишь пять скупых, невыразительных строк); надо было бы показать непримиримую враждебность папства к науке и в 17, 18, 19-м и текущем веке; рассказать читателю об отношении папства к марксизму, к научным работам основоположников марксизма. Почему-то пропущена столь характерная для папства история его отношений к французской буржуазной революции 18-го в., к Наполеону I и, что особенно досадно, борьба папства с Парижской коммуной и русской революцией 1905 года. Следовало бы больше остановиться на миссионерско-колонизаторской деятельности «св. престола», его подрывной работе и борьбе с национально-революционными движениями в странах Востока.

Выпуск этой книги — хорошее начинание Государственного антирелигиозного издательства. Она будет полезна широким массам читателей.

В. Дитякин

«Problems of the Pacific» (Proceedings of the study Meeting of the Institute of Pacific Relations). New York. 1940.

«Проблемы Тихого океана» (Материалы конференции Института тихоокеанских сношений).

Конференция Института тихоокеанских сношений, состоявшаяся в конце 1939 г. в штате Виргиния (США), вероятно, займет особое место в изучении истории стран Тихоокеанского бассейна. Это была первая конференция, созванная после начала второй империалистической войны в Европе и на третьем году японо-китайского конфликта. Само собой разумеется, что эти события не могли не отразиться на составе самой конференции.

В результате войны и ряда других причин в работах конференции не смогли принять участия представители Советского Союза, Японии и Голландии. Английская и французская делегации были представлены далеко не в полном составе, но зато по количеству и политическому весу принимавших в ней участие американцев конференция в Виргинии оказалась самой многолюдной и авторитетной. Следует отметить тщательную научную и организационную подготовку конференции. К ее открытию секретариат Института тихоокеанских сношений издал десятки крупных научных работ, посвященных историческим, экономическим и актуально-политическим вопросам, касающимся почти всех стран Тихоокеанского бассейна.

В рецензируемый том включены только резюмированные материалы самой конференции, не вошедшие в специальные издания, выпущенные из печати накануне и после конференции.

В предисловии к книге (вышедшей из печати осенью 1940 г.) указывается, что за восемь месяцев, прошедших со дня окончания конференции, на Тихом океане произошли огромные перемены. Поражение Франции и Голландии в Европе радикально изменило всю политическую ситуацию на Дальнем Востоке и усилило экспансию Японии в страны Южных морей. Тем не менее первое полугодие 1940 г. не внесло сколько-нибудь существенных изменений в ход японо-китайской войны. Операции японской армии в Китае не увенчались крупными успехами. Ряд наступлений, предпринятых японским командованием в Суйюане, Гуандуне и Гуанси, не достиг основной цели — отрезать все пути сообщения Китая с внешним миром. Не увенчалось успехом и наступление японцев на центральном фронте, в направлении Чунцина. После захвата Ичана наступление японских войск, по существу, приостановилось. В области политической успехи Японии в оккупированных районах Китая также были более чем скромны. Организацией «правительства» Ван Цзин-вея японцам не удалось вызвать серьезного раскола в едином национальном фронте

Китая. «Все данные свидетельствуют о том, что до тех пор, пока Япония будет вести войну против Китая, нет особой опасности политического раскола в едином национальном фронте Китая» (стр. 2).

Затяжная война в Китае вплоть до последнего времени мешала Японии реализовать все выгоды ее стратегического положения в связи с войной в Европе. Это прежде всего относится к Голландской Индии. Тем не менее японское правительство сумело использовать затруднения Англии, Франции и Голландии в целях расширения своего влияния в Юговосточной Азии. Под нажимом Японии власти Французского Индо-Китая прекратили доставку в Китай товаров по железной дороге Хайфон—Юннань и допустили на свою территорию японских инспекторов. Франко-японское соглашение от 23 сентября 1940 г., разрешившее высадку в Индо-Китае японских войск, и последующее посредничество Японии в переговорах между Таи и Французским Индо-Китаем явились дальнейшим крупным шагом в деле укрепления позиций Японии в непосредственном соседстве с Сингапуром. Наряду с этим усилился нажим Японии и на британские интересы на Дальнем Востоке. 19 июня 1940 г. Англия и Франция подписали так называемый тяньцзинский протокол, согласно которому японцы получили в свое распоряжение китайское серебро, хранившееся в английских банках в Тяньцзине. Мало того: тяньцзинское соглашение предусматривало свободное обращение денег северокитайского марионеточного «правительства» на территории британской концессии в Тяньцзине, что нанесло серьезный ущерб финансам китайского национального правительства и предоставило японцам дополнительные ресурсы для финансирования марионеточных властей Северного Китая. Кроме того на основании тяньцзинского протокола японской полиции было предоставлено право производить на территории англо-французской концессии суд над сторонниками национального правительства.

После подписания тяньцзинского протокола японцы предъявили Англии новые требования: прекращение торговли с Китаем через гонконгский порт и бирманскую дорогу и эвакуацию английских войск из Шанхая. Все эти требования впоследствии были приняты Англией (16 июля 1940 г.). Тем не менее и эти уступки не могли удовлетворить Японию. Уже 29 июня 1940 г. стало ясно, что министерство Ионая, занимавшее выжидательную позицию, должно уйти в отставку, уступив место правительству Коноэ, которое выработало программу более активной внешней политики в странах Южных морей.

Переходя к вопросу о положении Китая на третьем году войны, большинство участников тихоокеанской конференции указывало, что потеря богатых приморских областей значительно уменьшила экономические ресурсы Китая. В руки японцев попали крупнейшие промышленные и торговые центры страны, порты и значительная часть железных дорог. Все это крайне неблагоприятно отразилось и на финансовом положении национального правительства Китая, которое лишилось значительной части таможенных доходов, налоговых поступлений от промышленных предприятий и сельского хозяйства в наиболее богатых и плотнонаселенных районах страны. Тем не менее китайское правительство сохранило контроль над огромными территориями, в том числе и в ряде районов, оккупированных японскими войсками. Национальное правительство располагает многочисленной и вполне боеспособной армией. Несмотря на известное обесценение деньги национального правительства имеют хождение во всем Китае и вся финансовая система покоится на более здоровых и прочных основаниях, чем деньги марионеточных властей. Эвакуация в глубинные районы небольшой части промышленных предприятий дает возможность китайцам производить в ограниченных размерах некоторые виды вооружений. Кроме того известную часть вооружений и боеприпасов китайцы закупали заграницей, главным образом в США и Англии. Но наиболее характерной особенностью нынешней войны является процесс консолидации Китая. «Никто не может сказать с уверенностью, в какого рода государство превратится Китай: в милитаристское, демократическое или империалистическое. Несомненно лишь одно, что при любом исходе войны Китай уже не будет огромным аморфным государством — частью средневековым, частью современным, частично феодальным и частично капиталистическим, частично суверенным государством и частично полуколонией» (стр. 11). В основе процесса консолидации Китая лежат не только военные, но и экономические, политические и культурные факторы, приведенные в действие еще задолго до войны, которая лишь ускоряет этот процесс.

Участники тихоокеанской конференции уделили много внимания и слабым сторонам Китая. К числу их относится острый недостаток опытных, хорошо подготовленных офицеров, администраторов и хозяйственников. Но самые серьезные пороки глубоко уходят корнями в экономическую и социальную структуру страны: «До тех пор пока они существуют, точнее говоря, до тех пор пока не будут предприняты самые решительные меры к их устранению, все экономическое переустройство страны и административные реформы будут базироваться на шаткой и гнилой основе... Недостатки Китая проистекают из безудержной эксплоатации крестьян и рабочих, из несправедливых, чудовищных налогов, из отвратительных форм ростовщичества, плохо поставленного народного образования, неспособности и продажности местных чиновников, семейственности, короче говоря, всей той системы, которая мешает усилению и росту единства государства... В отдельных случаях война не дает возможности китайскому правительству приступить к искоренению всех этих зол. Но с другой стороны война предоставляет такие возможности, которые не следует

упускать, так как в мирное время едва ли можно применить столь радикальные меры, как теперь, в особенности в тех случаях, когда они затрагивают интересы состоятельных классов... Война столь сильно революционизирует жизнь современного Китая, что поистине было бы несчастьем, если бы ее разрушительные силы не были в какой-то мере связаны с созидательным процессом... Все эти проблемы огромны и очень трудны, но отмахнуться от них, без серьезного риска восстаний и социального хаоса в стране в конце войны, невозможно» (стр. 14).

Характеризуя внутреннее положение Японии на третьем году войны, многие участники тихоокеанской конференции подчеркивали известные экономические и политические затруднения страны. По подсчетам военных экспертов, Япония вынуждена держать в Китае миллионную армию, значительную часть воздушных сил и небольшое количество легких военных кораблей. Переброска на континент войск, боеприпасов предъявила торговому флоту Японии столь большие требования, что это крайне неблагоприятно отразилось на торговом судоходстве страны. Предпринятая японским правительством реконструкция тяжелой промышленности и, в частности, военной индустрии ложится довольно солидным бременем на плечи японской экономики. При оценке влияния войны на экономическую и политическую жизнь Японии нельзя ограничиваться только подсчетами количества убитых и раненых солдат и суммой израсходованных денег. Результаты войны дадут себя знать впоследствии. «Непропорциональное и однобокое развитие нерентабельной в Японии стальной промышленности, постепенное отмирание выгодных отраслей легкой промышленности, работавшей на экспорт, переключение рабочей силы, в особенности квалифицированных кадров, из мирной в военные отрасли индустрии, отлив из деревни рабочей силы, в которой остро нуждается сравнительно отсталое сельское хозяйство Японии, искусственное культивирование торговых связей с Маньчжоу-Го и оккупированными районами Китая за счет связей с остальными странами, непроизводительные капиталовложения в Маньчжурии и Северном Китае, продиктованные кратковременными военными нуждами, а не трезвыми экономическими расчетами,— все это современем может привести к серьезным хозяйственным трудностям и, возможно, экономическому хаосу» (стр. 15).

Некоторые эксперты, выступавшие на конференции, подчеркивали, что правительственная регламентация в Японии не достигла еще таких пределов, как в Англии и Германии. В известной мере это объясняется тем, что японское правительство, в отличие от правительств других стран, имеет большой исторический опыт по организации частных предприятий, руководству и надзору за ними; поэтому новые мероприятия по усилению государственного контроля внедряются сравнительно безболезненно. Кроме того структура японских концернов такова, что крупнейшие фирмы вроде Мицуи, Мицубиси, Сумитомо, терпя убытки в легких отраслях промышленности, получают огромные прибыли от тех предприятий, которые работают на войну.

Некоторые участники конференции утверждали, что, несмотря на серьезные экономические затруднения, в Японии не наблюдается сколько-нибудь серьезных признаков внутриполитического кризиса. Многие выражали вполне обоснованные сомнения в том, действительно ли в Японии существуют глубокие противоречия между армией и флотом, между военными кругами с одной стороны и гражданской администрацией и старыми концернами — с другой. «Того, что противоречия между ними существуют, никто не отрицал, но в Японии споры между ними идут не столько о целях, сколько о средствах» (стр. 22).

В рецензируемой книге большой интерес представляет раздел, посвященный положению в оккупированных районах Китая.

Сравнительно мало нового содержат 3-я и 4-я главы, где в суммированном виде дается обзор выступлений по вопросам о позиции США, Англии, Франции и СССР в связи с японо-китайской войной. Значительная часть этих глав устарела и не представляет особого интереса для советского читателя.

Очень содержателен отдел документаций, занимающий большую часть книги. В числе наиболее интересных следует упомянуть: Документ № 1. Японо-китайский конфликт и американские права и интересы в Китае; Документ № 2. Судьба иностранных вложений в Китае; Документ № 3. Международное положение Голландской Ост-Индии.

В целом книга «Тихоокеанские проблемы» содержит большой и ценный фактический материал, обширную и оригинальную документацию и объемистый библиографический справочник новейшей литературы по актуальным вопросам истории, экономики, политики, права и культуры стран Тихоокеанского бассейна.

К. Ющак

«The journal of modern history». Chicago. 1939 №№ 1—4. 1940. № 1 *«Журнал новой истории».*

Круг вопросов, трактуемых журналом, издаваемым в Чикаго (США), весьма обширен. Печатаемые в нем статьи и материалы освещают историю международных отношений, историю политической мысли, экономическую историю, внутреннюю историю отдельных стран (главным образом Англии и Франции), историю рабочего движения. Имеются статьи, посвященные истории СССР (статья «Пятый социал-демократический съезд и дума» и рецензия на XVIII и XIX томы «Международных отношений в эпоху империализма», озаглавленная «Русская политика в 1911—12 гг.»).

Каждый номер журнала состоит из нескольких (обычно двух — трех) статей исторического документального материала и обширного библиографического отдела (развернутые и краткие рецензии и аннотации).

Бо́льшая часть материалов касается истории XIX—XX веков. Однако имеется ряд статей и по более раннему периоду. Так, Феликс Джильберт в статье «Гуманистское понятие государя и «Государь» Макиавелли»[1] исследует связь идей государственной власти итальянских гуманистов XV века с политическими теориями Макиавелли.

Статья Б. Вебера «Байонская конференция 1565 г.: эпизод в франко-испанской дипломатии»[2] посвящена вопросу об отношениях Франции эпохи религиозных войн второй половины XVI в. с Испанией. Автор подробно останавливается на подготовке Байонской конференции и описывает дипломатическую деятельность Филиппа II и Екатерины Медичи в этот период.

Статья Л. Брауна «Идеи представительства от Елизаветы до Карла II»[3] представляет собою доклад, прочитанный на заседании «Американского исторического общества». Автор на основе современных памфлетов и других источников рассматривает развитие идеи народного представительства в Англии с середины XVI до конца XVII в. (теории представительства при Елизавете и первых Стюартах, во время английской буржуазной революции и протектората Кромвеля и в период реставрации). Автор указывает, что развитие этих идей в Англии оказало большое влияние на создателей американской конституции.

Экономическому положению Франции накануне буржуазной революции конца XVIII в. и попыткам правящих классов выйти из кризиса (деятельность знаменитого генерального контролера финансов Франции в 1783—1787 гг. Шарля-Александра де Калонна) посвящена работа У. Пуг «Новый курс Калонна»[4].

Ряд статей посвящен вопросам, связанным с историей международных отношений и дипломатии XIX века.

О дипломатической подготовке нанкинского договора 1842 г. пишет Фейрбанк в статье «Китайская дипломатия и нанкинский договор 1842 г.»[5]. Эта работа особенно интересна тем, что в ней описывается не английская политика в Китае в период первой опиумной войны, а гораздо менее известная деятельность китайской дипломатии этого периода. Работа построена в основном на китайских и японских источниках, ценнейшие из которых опубликованы лишь в 1930 году. Автор уделяет большое внимание методам маньчжурской дипломатии того времени.

Англо-американское соперничество в середине XIX в. является темой статьи Ричарда ван Эльстина «Английская дипломатия и договор Клейтон—Бульвера в 1850—1860 гг.»[6]. Договор Клейтон—Бульвера, заключенный в 1850 г. между Англией и США, предусматривал прорытие канала через Центральную Америку и обязывал обе стороны отказаться от территориальных приобретений или политического контроля в районе канала. Правительство Пальмерстона видело в этом договоре средство защиты Британской Вест-Индии от окружения ее США и сохранения за Великобританией ее положения американской державы. Однако договор Клейтон — Бульвера не устранил англо-американских противоречий. Деятельность английской дипломатии в этой связи и послужила предметом настоящего исследования.

Работа Пеннера «Германия и Трансвааль до 1896 г.»[7] посвящена германским планам создания колониальной империи в Африке и отношениям Германии с Трансваалем перед англо-бурской войной. Автор уделяет большое внимание связям правительства Крюгера с вильгельмовской Германией и считает Трансвааль центром германской активности в Южной Африке.

Вопросам рабочего движения посвящена статья Гарри Маркса «Источники реформизма в социал-демократической партии Германии, 1890—1914 гг.»[8]. Указав на то, что социал-демократическая партия Германии являлась до начала первой мировой империалистической войны крупнейшей политической партией в стране и наиболее крупной социалистической партией в мире, автор отмечает, что «в результате принятия политики германского правительства 4 августа 1914 г. роль этой громадной организации, как независимого фактора в мировой истории, сошла на-нет и она стала не более, чем средством вовлечения рабочего движения в германскую военную машину». Это явилось результатом победы реформизма. Стремясь установить причины этой победы, автор, анализируя внутреннее положение Германии и положение рабочего класса, приходит к своеобразному выводу, что победа ре-

---

[1] Gilbert F. «The humanist concept of the prince and «The Prince» Machiavelli». 1939. № 4, p. 449—483.

[2] Weber B. «The conference of Bayonne, 1565: an episode in franco-spanish diplomacy». 1939. № 1, p. 1—22.

[3] Brown L. «Ideas of representation from Elizabeth to Charles II». 1939. № 1, p. 23—40.

[4] Pugh W. «Calonne's «New deal». 1939. № 3, p. 289—312.

[5] Fairbank J. «Chinese diplomacy and the treaty of Nanking 1842». 1940. № 1, p. 1—30.

[6] Richard van Alstune «British diplomacy and the Clayton — Bulwer treaty, 1850—1860». 1939. № 2, p. 149—183.

[7] Penner C. «Germany and the Transvaal before 1896». 1940. № 1, p. 31—58.

[8] Marks H. «The sources of reformism in the social democratic party of Germany, 1890—1914». 1939. № 3, p. 334—356.

формизма в германской социал-демократии объясняется сочетанием крайнего абсолютизма с наличием ряда демократических свобод в довоенной Германии.

В статье Альфреда Левина «Пятый социал-демократический съезд и дума»[1] дается анализ борьбы между большевиками и меньшевиками по вопросу об отношении ко II Государственной думе на V съезде партии. Работа построена на русских источниках (произведения В. И. Ленина, «ВКП(б) в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК», «Лондонский съезд РСДРП. Полный текст протоколов», стенографические отчеты о заседаниях Государственной думы и др.). Автор заканчивает свою статью следующим выводом: «Прения (речь идет о прениях на V съезде.— *М. А.* и *А. Б.*), которые предшествовали принятию резолюций, ясно обнаруживают... коренное различие между умеренными марксистами и меньшевиками, придерживающимися политики компромисса, аналогичной политике социал-демократов Западной Европы, и непреклонными большевиками, точно придерживающимися марксистского учения и под руководством Ленина применяющими это учение к русским условиям».

Из опубликованных в журнале документов наибольший интерес представляют следующие:

1. Переписка Гладстона и Гизо. Она состоит из 7 писем Гладстона к Гизо и ответа Гизо на одно из них. Переписка относится к третьей четверти XIX в. (1939, № 2, стр. 184—198).

2. Письмо Гладстона английскому министру иностранных дел лорду Гренвиллю от 13 января 1885 г. по вопросу о покупке Великобританией Голландской Новой Гвинеи (1939, № 3, стр. 357—361).

Среди рецензий обращает на себя внимание критический обзор Филиппа Мосли «Русская политика в 1911—1912 гг.»[2]. Автор рецензирует XVIII и XIX томы советской серии «Международные отношения в эпоху империализма». Не ограничиваясь замечаниями критического характера, он дает, базируясь на документальном материале рецензируемого издания, общий обзор внешней политики России в 1911—1912 гг., прежде всего на Балканах, в Иране, Монголии и Китае.

М. Альперович, А. Беленький

«Foreign Affairs». January 1941. «Внешняя политика».

Январский номер журнала «Foreign Affairs» за 1941 г., вышедший уже после переизбрания Рузвельта в третий раз президентом США, представляет незаурядный интерес. Если накануне и в разгар выборной кампании солидные американские журналы занимали осторожную позицию по вопросам внешней политики США, ограничиваясь туманными намеками о возможности вмешательства США в европейскую войну, то, после того как Рузвельт получил в третий раз президентское кресло, американская пресса все чаще и чаще стала выступать с открытым забралом. Примером этого может служить передовая статья рецензируемого журнала, напечатанная под многозначительным заголовком: «Достаточна ли одна оборона?» В этой статье автор призывает США к вступлению Америки в войну на стороне Англии и настаивает на немедленной отправке в Европу американской экспедиционной армии. В аналогичном аспекте написана и другая интересная и оригинальная по трактовке темы статья — «Европейские факторы в дальневосточной дипломатии», — принадлежащая перу известного американского историка У. Грисволда. Анализируя дальневосточную политику европейских держав и США за последние 45 лет (с 1895 г.), автор приходит к выводу, что дальневосточная дипломатия всегда была известным привеском, производным от европейской политики. По его мнению, ход событий в Европе почти во всех случаях определял политическую погоду на Тихом океане. Но при внимательном рассмотрении нетрудно установить, что исторические экскурсы понадобились автору лишь для того, чтобы обосновать необходимость вступления США в войну против Германии. Грисволда не смущает, что в этом случае Америке придется, возможно, вести войну одновременно на двух океанах: Атлантическом и Тихом. Он настаивает лишь на тщательной подготовке к войне, ссылаясь при этом на высказывание... Макиавелли. Статья известного американского полярного исследователя Вильялмура Стифансона, озаглавленная «Что следует понимать под Западным полушарием», написана в том же плане, что и статья Грисволда. Правда, Стифансон не призывает открыто к войне. Он лишь хочет обосновать притязания США на Гренландию и Исландию.

Значительный и притом актуальный интерес представляет статья Альберта Витона «Англия и державы оси на Ближнем Востоке». В этой статье автор на основе анализа обширных и в отдельных случаях малоизвестных новых материалов рисует реальное соотношение сил, сложившееся на Ближнем Востоке к началу 1941 года.

Заслуживает внимания большая статья известного американского историка Чарльза Сеймура, посвященная вышедшему в прошлом году двухтомнику документов Лансинга (Papers relating to the Foreign Relations of the United States. The Lansing Papers). Значение этой публикации трудно

[1] Levin A. «The fifth social-democratic congress and the Duma». 1939. № 4, p. 484—508.

[2] Mosely Ph. «Russian policy in 1911—1912». 1940. № 1, p. 69—86.

переоценить, так как в ней содержится много очень важных документов из архивов Государственного департамента США, публикуемых впервые. Опубликование документов из архива Лансинга имеет большое актуально-политическое значение, так как они характеризуют внешнюю политику США накануне и в период вступления Америки в войну против Германии в апреле 1917 года.

Из других материалов, опубликованных в рецензируемом номере «Foreign Affairs», особого внимания заслуживает статья известного французского журналиста Андрэ Жеро («Пертинакса»)[1], эмигрировавшего в Америку летом 1940 года.

Кроме того в январском номере «Foreign Affairs» напечатаны довольно содержательные обзоры о торговой политике США в условиях войны, о второй фазе воздушной войны в Европе и т. п.

К. Ющак

---

[1] Выдержки из статьи французского журналиста Пертинакса даны в газете «Труд» за 2 марта 1941 года.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПРАВОЧНИК

КИТАЙ В ПЕРИОД 1918—1940 ГОДОВ

(Основная литература)

I. В. И. Ленин и И. В. Сталин о Китае

В. И. Ленин. Китайская война. Соч. Т. IV. стр. 60—64.

В. И. Ленин. Падение Порт-Артура. Соч. Т. VII, стр. 44—50. О Китае, стр. 45—46.

В. И. Ленин. Горючий материал в мировой политике. Соч. Т. XII, стр. 304—309. О Китае, стр. 306.

В. И. Ленин. О китайской революции (Резолюция Пражской конференции РСДРП). Соч. Т. XV, стр. 394.

В. И. Ленин. Демократия и народничество в Китае. Соч. Т. XVI, стр. 26—31.

В. И. Ленин. Обновленный Китай. Соч. Т. XVI, стр. 188—189.

В. И. Ленин. Крупный успех китайской республики. Соч. Т. XVI, стр. 354—355.

В. И. Ленин. Пробуждение Азии. Соч. Т. XVI, стр. 383—384.

В. И. Ленин. Отсталая Европа и передовая Азия. Соч. Т. XVI, стр. 395—396.

В. И. Ленин. Социализм и война. Соч. Т. XVIII, стр. 185—223. О Китае, стр. 197.

В. И. Ленин. О лозунге Соединенных Штатов Европы. Соч. Т. XVIII, стр. 230—233. О Китае, стр. 231.

В. И. Ленин. Империализм, как высшая стадия капитализма. Соч. Т. XIX, стр. 67—175. О Китае, стр. 135, 148, 154—155, 167, 168, 169.

В. И. Ленин. О брошюре Юниуса. Соч. Т. XIX, стр. 176—190. О Китае, стр. 182, 183, 184.

В. И. Ленин. Доклад о революции 1905 года. Соч. Т. XIX, стр. 343—357. О Китае, стр. 356.

В. И. Ленин. Речь на беспартийной конференции рабочих и красноармейцев Пресненского района 26 января 1920 года. Соч. Т. XXV, стр. 13—16. 1937. О Китае, стр. 14.

В. И. Ленин. Речь на I Всероссийском съезде трудовых казаков 1 марта 1920 года. Соч. Т. XXV, стр 47—62. 1937. О Китае, стр. 57.

В. И. Ленин. Доклад и речи на II Конгрессе Коммунистического Интернационала. Соч. Т. XXV, стр. 327—369. 1937. О Китае, стр. 332, 333, 340, 351—355.

В. И. Ленин. Речь на собрании секретарей ячеек Московской организации РКП(б) 26 ноября 1920 года. Соч. Т. XXV, стр. 498—513. 1937. О Китае, стр. 502, 505, 509.

В. И. Ленин. Тезисы доклада о тактике РКП на III Конгрессе Коммунистического Интернационала. Соч. Т. XXVI, стр. 423—465. О Китае, стр. 428.

В. И. Ленин. О значении воинствующего материализма. Соч. Т. XXVII, стр. 180—190. О Китае, стр. 187.

В. И. Ленин. К десятилетнему юбилею «Правды». Соч. Т. XXVII, стр. 292—295. О Китае, стр. 293.

В. И. Ленин. Лучше меньше, да лучше. Соч. Т. XXVII, стр. 406—418. О Китае, стр. 415—417.

И. В. Сталин. Политический отчет ЦК XIV съезду ВКП(б). «Вопросы ленинизма» 4-е изд., стр. 331—429. О Китае, стр. 339, 356—357.

И. В. Сталин. Политический отчет Центрального Комитета XV съезду ВКП(б). Доклад и заключительное слово 3—7 декабря 1927 года. «Вопросы ленинизма». М. — Л. 1929, стр. 394 — 462. О Китае, стр. 398—399.

И. В. Сталин. Политический отчет Центрального Комитета XVI съезду ВКП(б). Доклад и заключительное слово 27 июня — 2 июля 1930 года. «Вопросы ленинизма», 10-е изд., стр. 345—438. О Китае, стр. 353—355.

И. В. Сталин. Отчетный доклад XVII съезду партии о работе ЦК ВКП(б) 26 января 1934 года. «Вопросы ленинизма». 11-е изд., стр. 423—486. О Китае, стр. 423, 429—432, 435, 437.

И. В. Сталин. Отчетный доклад на XVIII съезде партии о работе ЦК ВКП(б) 10 марта 1939 года. «Вопросы ленинизма». 11-е изд., стр. 564—611. О Китае, стр. 564, 565, 567—569, 571, 573.

И. В. Сталин. О политических задачах Университета народов Востока. Речь на собрании студентов КУТВ 18 мая 1925 года. «Марксизм и национально-колониальный вопрос», стр. 199—212. 1939. О Китае, стр. 208—209.

И. В. Сталин. О Китае. Из речи на заседании объединенного пленума ЦК и ЦКК 1 августа 1927 г.: «Международное положение и оборона СССР». «Марксизм и национально-колониальный вопрос», стр. 224—242. 1939.

И. В. Сталин. О перспективах революции в Китае. Речь в Китайской комиссии ИККИ 30 ноября 1926 года. Сборник «Об оппозиции», стр. 421—435. О Китае, стр. 423—435.

И. В. Сталин. Вопросы китайской революции. Тезисы для пропагандистов, одобренные ЦК ВКП(б). Сборник «Об оппозиции», стр. 549—557. О Китае, стр. 551—557.

И. В. Сталин. Беседа со студентами университета имени Сун Ят-сена 13 мая 1927 года. Сборник «Об оппозиции», стр. 559—581. О Китае, стр. 561—581.

И. В. Сталин. Революция в Китае и задачи Коминтерна. Речь на X заседании

ИККИ 29 мая 1927 года. Сборник «Об оппозиции», стр. 583—605. О Китае, стр. 585—591, 593—605.

И. В. Сталин. О Китае [Второй раздел статьи «Заметки на современные темы»]. Сборник «Об оппозиции», стр. 615—636. О Китае, стр. 615—626, 628—631, 633—636.

История Всесоюзной Коммунистической партии (большевиков). Краткий курс. М. 1938. О Китае, стр. 318.

II. Китай в документах Коминтерна

II конгресс Коммунистического Интернационала. Стенографический отчет. Пг. 1921. 682 стр.

Стенографический отчет [III конгресса Исполнительного комитета Коммунистического Интернационала]. Пг. 1922. 500 стр.

Бюллетень IV конгресса Коммунистического Интернационала. № 1—32. М. 1922.

Резолюция об о. Сахалине японской и китайской делегаций (В кн.: Постановления IV Всемирного конгресса Коммунистического Интернационала. Пг. 1923, стр. 133).

Два года борьбы и работы. Обзор деятельности Исполкома и секций Коммунистического Интернационала за период с IV по V конгресс. М. 1924. 135 стр. (Обзор деятельности секции Китая, стр. 75—77).

Коммунистический Интернационал перед VI Всемирным конгрессом. Обзор деятельности ИККИ и секций Коминтерна между V и VI конгрессами. М.— Л. 1928. 442 стр. О Китае, стр. 360—376.

Стенографический отчет VI конгресса Коминтерна. Вып. 1—6. М.— Л. 1929.

Тезисы и резолюции VI конгресса Коминтерна. Вып. 1—2. М.— Л. 1928. (Вып. 1-й, стр. 43—48, 72—73; вып. 2-й, стр. 37—64, 76—79).

Программа Коммунистического Интернационала (В кн.: Стенографический отчет VI Конгресса Коминтерна. Вып. 6. М. 1929, стр. 7—55).

Коммунистический Интернационал перед VII Всемирным конгрессом (Материалы). [М.] 1937. 606 стр. О Китае, стр. 73—75, 450—468.

Резолюции VII Всемирного конгресса Коммунистического Интернационала. М. 1935. 54 стр. (VII Всемирный конгресс Коммунистического Интернационала). О Китае, стр. 10.

Расширенный пленум Исполкома Коммунистического Интернационала (21 марта — 6 апреля 1925 г.). Стенографический отчет. М.— Л. 1925. 606 стр.

Резолюция по китайскому вопросу (В кн.: VI расширенный пленум Исполкома Коминтерна. Тезисы и резолюция... М.— Л. 1926, стр. 131—136).

Пути мировой революции. Седьмой расширенный пленум Исполнительного комитета Коммунистического Интернационала 22 ноября — 16 декабря 1926 года. Стенографический отчет. Т. I—II. М.— Л. 1927.

Резолюция по вопросу о положении в Китае (В кн.: Тезисы и резолюции седьмого расширенного пленума Исполкома Коминтерна (22 ноября — 16 декабря 1926 г.). М.— Л. 1927, стр. 48—59.

К борющимся китайским массам. [Воззвание VII расширенного пленума ИККИ к китайским массам. 22 ноября 1926 г.] (В кн.: Пути мировой революции. Седьмой расширенный пленум Исполнительного комитета Коммунистического Интернационала. Т. I. М.— Л. 1927, стр. 9—10).

Вопросы китайской революции (Резолюции) (В кн.: VIII пленум Исполнительного комитета Коммунистического Интернационала. 18—30 мая 1927 года. Тезисы и резолюции. М. — Л. 1927, стр. 102—148).

Постановление ИККИ о текущем моменте китайской революции. М. 1927. 15 стр.

Резолюция по китайскому вопросу (В кн.: Резолюции и постановления IX пленума Исполкома Коминтерна. (9—25 февраля 1928 г.). М.— Л. 1928, стр. 62—72).

Стенографический отчет X пленума Исполнительного комитета Коммунистического Интернационала. Вып. 1—3. М.— Л. 1929.

Тезисы. Резолюции. Постановления (июль 1929 г.). 3-е изд. М.— Л. 1929, 80 стр. (X пленум Исполкома Коминтерна). О Китае, стр. 13—14.

Стенографический отчет XI пленума ИККИ. Вып. 1—2. М.— Л. 1931—1932.

Тезисы, резолюции и постановления XI пленума ИККИ. Л. 1931. 45 стр. Тезис о Китае, стр. 18—19.

Стенографический отчет [XII пленума Исполнительного комитета Коммунистического Интернационала]. Вып. 1—3. М. 1933.

Материалы XII пленума ИККИ (сентябрь 1932 г.). Тезисы и резолюции. М. 1933. 30 стр. О Китае, стр. 24—25.

Стенографический отчет [XIII пленума ИККИ]. М. 1934. 597 стр.

ИККИ и ВКП(б) по китайскому вопросу (Основные решения). М.— Л. 1927. 259 стр.

Коммунистический Интернационал в документах. Решения, тезисы, воззвания конгрессов Коминтерна и пленумов ИККИ 1919—1932. М. 1933, X, 1007 стр. (Институт Маркса — Энгельса — Ленина при ЦК ВКП(б).). О Китае, стр. 619—623, 668—680, 763—776.

Стратегия и тактика Коминтерна в национально-колониальной революции на примере Китая. Сборник документов. М. 1934. 395 стр. (Научно-исследовательский институт по Китаю и колониальный сектор Института мирового хозяйства и мировой политики при Коммунистической Академии).

III. Библиографические пособия. Справочные издания

Библиографический сборник. Т. I—II. Под ред. Н. В. Устрялова. Харбин. 1932 (Библиотека Китайской Восточной ж. д.).

Библиография Востока. Вып. 1. История (1917—1925). Под общ. ред. Д. Н. Егорова. М. 1928. 299 стр. (Научная ассоциация востоковедения при ЦИК СССР). О Китае, стр. 147—165.

Библиография Китая. Систематический указатель книг и журнальных статей о

Китае на русском языке. 1730—1930. М.—Л. 1932, XXIII, 842 [1] стр. (Коммунистическая академия. Научно-исследовательский институт по Китаю).

Бунаков Ю. В. Библиография основных работ по Китаю на европейских языках (В кн.: Китай. Сборник. М.—Л. 1940, стр. 474—505).

Bibliographie von Japan. Hrsg. von O. Nachod a. o. Bd. I—VI. 1906—1937. L.—Lpz. 1928—1939.

International bibliography of historical sciences... Ed. by the International committee of historical sciences. P.— B. 1930 — (fit. y. 1926—).

Kerner R. Northeastern Asia. A selected bibliography. Vol. I. Berkeley, California. 1939, 675 p. (China, p. 102—656).

Literature on the Chinese Soviet movement. Prep. by the Staff of the American Council.— Pacific affairs, 1936, 3/IX, p. 421—435.

Quarterly bulletin of Chinese bibliography. Eng. ed. Peking — Shanghai — Kunwing. 1934 —(В 1938—1939 гг. не выходил).

Chronology of events in China 1911—1927. With a foreword by Sir F. Whyte. Iss. by the Assoc. for Intern. Undestanding. L. 1928, 46 p.

The Sino-Japanese conflict. A chronicle of important events from 18/IX 1931 to 18/IX 1937. Shanghai. 1937 —

Hermann A. Historical and commercial atlas of China. Cambridge. 1935, 112 p. ill.

Современный Восток в цифрах и картах. Экономический справочник. 2-е изд., перераб. и доп. М. 1937. 200 [2] стр. (Всесоюзная торговая палата). Китай, стр. 131—169.

Arnold J. China. A commercial and industrial handbook. Washington. 1926. 818 p.

Asia directory. A complete and up-to-date guide to the principal manufactures, exporters, importers, merchants, agents etc. in Japanese Empire, British India, Burma, Ceylon, China etc. 1937—38 ed. Tokyo. 1938.

China's labor laws. 1929—1935. Promulgated by the National Government of the Republic of China. Shanghai. 1935. XIII, 145, 144 p. (На китайском языке с английским переводом).

The China year-book. London—Tientsin—Shanghai. 1912—1939.

The Chinese year-book... Ed. by Kwei Chung-shu... Publ. under the auspice of the Chinese year-book publ. company. Shanghai. 1935.

Crow C. Handbook for China (including Hongkong). 5-th ed. revised throughout. Shanghai. 1933. V, 390 p.

The Directory and chronicle of China, Japan, Korea, Indo-China, Straits settlements, Malaya, Siam, Netherlands-India, Borneo, the Philippines etc. 7 ed. Hongkong. 1937.

News papers directory of China (including Hongkong). Shanghai. 1935. 201 p.

The Shanghai directory, 1938. City Supplementary edition to the China Hong List. Revised and corrected to July 1938. Shanghai (1938). 559 p.

Statistics of China's foreign trade, 1912—Shanghai. 1931 — (Comp. and ed. by the Research department, Bank of China).

Survey of international affairs. Ed. by A. Toynbee and V. Boulter. Vol. I—XV. Oxford. 1920—1937. (Royal instit. of international affairs). Consolidated index to the Survey of international affairs, 1920—1930 and supplementary vol. Oxford. 1932, 214 p.

Tsai Chien and Chang Yu-Kuei. Statistics of foreign trade of different Chinese ports with various countries, 1919, 1927, 1931. Shanghai. 1936. 627 p. [На китайском и английском яз.]

Who's who in China. Biographies of Chinese leaders. 5-th ed. Shanghai (1936). 316 p. Supplement to fifth edition. Shanghai. 1940. 83 p.

IV. Периодические издания

Вестник Азии. Журнал Общества русских ориенталистов. Харбин. 1909—1929 (Систематический указатель статей и авторов, помещенных в журн. «Вестник Азии» за 1909—1927 гг., см. Библиографический бюллетень, изд. Библиогр. бюро Центр. библиотеки КВЖД. 1927, №№ 3, 4, 6).

Вестник Маньчжурии. Изд. Управления Китайск.-Вост. жел. дор. Под ред. Экономич. бюро. Харбин. 1925—1934 (Выходил ежемесячно. Систематический указатель статей, напечатанных в журн. «Вестник Маньчжурии» и «Экономический бюллетень», изд. КВЖД, см. «Вестник Маньчжурии». 1927, № 12. 1928, № 11—12).

Восток. Журнал литературы, науки и искусства. М. 1922—1925. (Вышло 5 номеров).

Мировое хозяйство и мировая политика. Институт мирового хозяйства и мировой политики Академии наук СССР. Ежемесячный журнал. М. 1926.— (Название несколько раз незначительно менялось).

Национально-колониальные проблемы. Сборник материалов [Научно-исследовательского института по изучению национальных проблем]. М. 1932—1937 (Вышло 2 номера). (С 1932 по 1936 г. выходил под названием «Материалы по национально-колониальным проблемам». Сборник научно-исследовательской ассоциации по изучению национальных и колониальных проблем. Вышло 36 номеров).

Новый Восток. Журнал научной ассоциации востоковедов при НКНаце. 1922—1930 (Вышло 29 номеров. Алфавитный перечень авторов, помещенных в «Новом Востоке», см. №№ 16, 17, 29. Предметный указатель статей, помещенных в «Новом Востоке», см. №№ 16, 17. Систематический перечень статей, помещенных в «Новом Востоке», см. № 29).

Проблемы Китая. Орган научно-исследовательского института по Китаю. М. 1929—1935. (Вышло 14 номеров. Система-

тический указатель статей, помещенных в «Проблемах Китая», см. № 11).

Революционный Восток. Журнал научно-исследовательской ассоциации при Коммунистическом университете трудящихся Востока имени И. В. Сталина. М. 1927. (Периодичность от 2 до 6 номеров в год).

Советское востоковедение. Институт востоковедения АН СССР. М.— Л. 1925. (Ежегодник. В 1925—1930 гг. выходил под названием «Записки коллегии востоковедов при Азиатском музее АН СССР». Вышло: т. I, II, вып. 1—2; т. III, вып. 1—2; т. IV—V. В 1932—1939 гг. выходил под названием «Записки Института востоковедения АН СССР». Вышло: т. I, II, вып. 1—4-й; т. III—VII).

Тихий океан. Политико-социально-экономический журнал. Изд. Института мирового хозяйства и мировой политики Коммунистической академии. М. 1934—1938. (Выходил раз в 3 месяца. Вышло 17 номеров).

Amerasia. N. Y. 1937 — (Ежемесячник).

Asia, N. Y. 1911—(Ежемесячник).

China. Inspectorate General of customs. Decennial reports on the trade, navigation, industries etc., First issue 1881—92, Shanghai. 1892 —

China to-day. Shanghai. 1934 — (Журнал выходит нерегулярно).

The China Journal. Science, art, literature, travels, shooting, fishing. Shanghai. 1926—(Выходит 2 тома в год. За 1924 и 1925 гг. вышло 5 томов под названием «The China Journal of science and arts»).

The China weekly review. Shanghai. 1923 — (№№ I—XVI вышли под названием «Millard's review», 1917—1921; №№ XVII—XXV — под названием «Weekly review of the Far East», 1921—1923).

Chinese affairs: a weekly survey of important events relating to China. Nanking, 1928 —

Chinese economic bulletin. Bureau of foreign trade. Shanghai. 1921—1935. (В 1921—1927 гг. вышли №№ 1—358; в дальнейшем выходил нерегулярно).

Chinese economic journal. Bureau of foreign trade. Shanghai. 1927—1937 (Ежемесячник).

Chinese economic monthly. Shanghai. 1925—1926.

Chinese social and political science review. Publ. by the Chinese social and political science association. Peking. 1916— (Выходит 4 раза в год).

Chung-shan-wên-hua-chiao yü-kuan Chi-k'an. (Трехмесячное обозрение Института культурного строительства имени Сунь Ят-сена). Шанхай. 1934 — (На китайском языке).

Dai Ajia (Великая Азия). Токио. 1939 — (На японском языке).

Far Eastern review, engineering commerce, finance. Shanghai. 1904 —

Foreign affairs; an American quarterly review council on foreign relation. N. Y. 1922 —

Hsin-chung-hua (Новый Китай). Шанхай. 1933 — (На китайском языке, один раз в два месяца).

Hsin-Ya-hsi-ya yüeh-k'an (Ежемесячник Новой Азии). Шанхай, 1930 — (На китайском языке).

Information bulletin. The council of international affairs. Nanking. 1936 — (Выходит 2 раза в год).

The Journal of the North China Branch of the Royal Asiatic society. Shanghai. 1864 —

The new China review. Vol. I—IV. Shanghai. 1919—1922.

Oriental affairs. Shanghai, 1934 — [Ежемесячник].

Pacific affairs. Journal of the Institute of Pacific relations. N. Y. 1928 —

Political and economic studies. Shanghai, a. o. 1938 —

Sinica. Zeitschrift für Chinakunde und Chinaforschung. Frankfurt a. M.— Stuttgart. 1926 — (Выходит 2 раза в год).

V. Работы общего характера

Высогорец В. Китайская армия. Очерки по основным вопросам вооруженных сил современного Китая. М.— Л. 1930. 128 стр. (Военная академия РККА им. М. В. Фрунзе).

Китай. История, экономика, культура. Героическая борьба за национальную независимость. Сборник статей под ред. В. М. Алексеева [и др.]. М.— Л. 1940, 534 стр. (Институт востоковедения АН СССР). Библиография, стр. 474—505.

Китайский народ победит! Сборник статей и документов. [М.] 1938. 112 стр.

Кюнер Н. В. Очерки новейшей политической истории Китая. Хабаровск — Владивосток. 1927, XXII, 401 стр. Библиография и литература в конце глав.

О Китае. Политико-экономический сборник. Под ред. и с предисловием А. Лозовского. М.— Л. 1928. 219 стр.

Раппопорт В. Маньчжурия. М. 1940, 112 стр. (Академия наук СССР. Институт мирового хозяйства и мировой политики).

Сен-Катаяма. Китай. Перевод с английского под ред. А. Д. Попова. М.— Л. 1926, 58 стр.

Фризендорф М. Северная Маньчжурия. Очерки экономической географии. Хабаровск. 1930. 188 стр.

Abend H. Tortured China. N. Y. 1930. XIV, 305 p.

Dubarbier G. La Chine contemporaine politique et économique. P. 1926. VIII, 373, 2 p.

Hu Shih and Pan Kuang-tan. Chung-kuo-wên-t'i (Проблемы Китая). Шанхай. 1932. (На китайском языке).

Lattimore Owen. Inner Asian frontiers of China. N. Y. 1940. XXIII. 585 p.

Lin Yutang. My country and my people. Intr. by P. S. Buck. N. Y. 1935; New ed. L. 1938, XVIII, 363 p.

MacNair H. F. Modern Chinese history selected readings. A collection of extracts from various sources chosen to illustrate some of the chief phases of China's international relations during the past hundred years. Shanghai. 1923. 910 p.

Seng Sin Fu. China. A survey of

the historical and economic forces behind the nationalist revolution. L. 1927. 107 p.

Shih-nien-lai chih. Chung-kuo (Китай за последние десять лет). Шанхай. 1937, 772 стр. (На китайском языке. Издание Общества культурного строительства в Китае).

T'ang Leang-li. The new social order in China. Shanghai. 1936, 282 p.

Teichman E. Affairs of China: a survey of the recent history and present circumstances of the Republic of China. L. 1938. 312 p.

Wei Yeh-ch'ou. Chung-kuo chin-shih-shih (Современная история Китая). Токио. 1922. (На китайском языке).

Wu Chin-Fang. Chinese government and politics. Shanghai. 1934. 474 p.

VI. Экономика

Agrarian China. Selected source materials from Chinese authors. Comp. and transl. by the Research Staff of the secretariate Institute of Pacific relations. With an introd. by R. H. Tawney. L. 1939; and Chicago. 1940. XVIII, 258 p.

The commercial, industrial and economic situation in China to 1/IX 1928. Report by H. H. Fox, with a report on the trade of S. Manchuria by M. E. Dening. L. 1928. 80 p.

Economic conditions in China to 1/IX 1929. (Report) by H. H. Fox. L. 1930.

Economic conditions in China to 30/VIII 1930. Report by E. G. Jamieson. L. 1930. 96 p. (Great Britain. Department of Overseas trade).

Report on economic and commercial conditions in China. By L. Beale. IV/1935—III/1937, L. 1937. VII, 73, III p. (Great Britain. Department of Overseas trade).

Trade and economic conditions in China. 1931—1933. Report by L. Beale and G. Pelham. L. 1933. 174 p. (Great Britain. Department of Overseas trade).

Trade and economic conditions in China. 1933—1935. Report by A. H. George. L. 1935. XII, 112, IV p. (Great Britain. Department of Overseas trade).

Варга Е. Мировое хозяйство в 1937 г. Сборник статей [М.]. 1938. 102 стр. (Академия наук СССР. Институт мирового хозяйства и мировой политики). О Китае, стр. 49—69.

Маньчжурия. Экономическо-географическое описание. Ч. 1. Харбин. 1934. (Китайск.-Восточн. ж. д. Экономическое бюро).

Маракуев. А. В. Меры и весы в Китае. Владивосток. 1930. 150 стр.

Мировой экономический кризис. Коллективная работа Института мирового хозяйства и мировой политики. М. 1930. 337 стр. (Институт мирового хозяйства и мировой политики Коммунистической академии). [Статья Г. Войтинского: Китай, стр. 206—216].

Налоги, пошлины и местные сборы в особом районе восточных провинций Китайской республики. (Справочные сведения о налогах района). Харбин. 1927. 166 стр. (Китайск.-Восточн. ж. д.).

Обзор хозяйства Японии и Китая. Хабаровск. 1926. 171, [2] стр. (Дальневосточный край. Плановая комиссия. Бюро Тихоокеанской конъюнктуры). О Китае, стр. 101—171.

Рогов В. Водные пути сообщения Китая. Харбин. 1932, 85 стр.

Рогов В. Современное положение железных дорог Китая. Харбин. 1934, 69 стр.

Сурин В. И. Железные дороги в Маньчжурии и Китае. Материалы к транспортной проблеме в Китае и Маньчжурии. С предисл. М. Я. Михайлова. Харбин. 1932. LVIII, 393 стр. (Экономическое бюро КВЖД).

Торгашев Б. П. Угольные богатства Северной Маньчжурии (Экономическая оценка). Харбин. 1928. 124 стр. (Экономическое бюро КВЖД).

Яшнов Е. Е. Китайское крестьянское хозяйство в Северной Маньчжурии. Экономический очерк. С предисл. Г. Н. Дикого. Харбин. 1926. VIII, 525 стр. (Экономич. бюро КВЖД).

Яшнов Е. Е. Очерки китайского крестьянского хозяйства. Харбин. [193—] XV, 231 стр.

Bain H. Foster. Ores and industry in the Far East. N. Y. 1933. XVI, 288 p.

Buck J. L. Chinese farm economy. A study of 2866 farms in seventeen localities and seven provinces on China. Shanghai. 1930. XII, 476 p.

Buck J. L. Land utilization in China. A study of 16 786 farms in 168 localities and 38 256 farm families in 22 provinces in China, 1929—1933, Vol. I—III. L. 1937.

Buck J. L. Land utilization in China. Vol. 1—3. N. Y. 1938. Vol. 1 Text; Vol. 2 Atlas; Vol. 3 Statistics.

Chang C. M. A new government for rural China: the political aspect of rural reconstruction. Preliminary paper prepared for the sixth conference of the Institute of Pacific relations. 1936. L. 1937. 51 p. (China Institute of Pacific relations).

Chao Jung-seen. Les chemins de fer chinois. P. 1939. 272 p.

Chen Han-seng. Landlords and peasants in China. A study of the agrarian crises in South China. Intr. by Fr. V. Field. N. Y. 1936. 161 p.

Cheng Ming -ju. The influence of communications internal and external upon the economic future of China. L. 1930.

Ch'ien Chia-chu'u (изд.). 'Chung-Kuo nung-ts' un ching-chi lun-wên chi. (Очерк экономики Китая). Шанхай. 1930. 656 стр. (На китайском языке).

Chou Ying Lee. The system of Chinese public finance. L. 1936. XIII, 256 p.

Chung-Kuo ching-chi chien-chê chuan-hao (Экономическая реконструкция Китая. Специальный выпуск журнала «Китайская экономика»). Шанхай. 1935. 319 стр. (На китайском языке).

Clark G. Economic rivalries in China. New Haven. 1932. 132 p.

Condliffe J. B. China today: economic. Boston. 1932. 214 p.

Fang Ts'ni-nung. Nung-ts'un chien-schê Shih chi. (Реконструкция китай-

ской деревни). Шанхай. 1935. 361 стр. (На китайском языке).

Fellner Fr. Communication in the Far East. L. 1934. VI, 362 p.

Jamisson E. and Cunningham W. Economic conditions in China, to 30/VIII 1930; report together with an annex on the trade of South Manchuria. L. 1930. 96 p.

Lieu D. R. China's industries and finance. Being a series of studies in Chinese industrial and financial questions. Peking. 1927. XIV, 238 p.

Lieu D. R. The growth and industrialization of Shanghai. Shanghai. 1936. IX, 473 p.

Lin Cheng. The Chinese railways. Shanghai. 1935. IX, 214 p.

Lin W. J. The new monetary system of China. Shanghai. 1936. 175 p.

Mallory W. H. China land of famine. N. Y. 1926.

Nishikawa Kiichi. Shina Kei-zai soran. (Общая характеристика китайских финансов). Т. 1—5. Шанхай. 1922—1925.

Otte F. China Wirtschaftspolitische Landeskunde. Gotha. 1927. 111 S.

Tang Chi Yu. An economic stude of Chinese agriculture. N. Y. 1924. 514 p.

Taylor J. B. Farm and factory in China: aspects of the industrial revolution. L. 1928. 106 p.

Van Dorn H. A. Twenty years of the Chinese republic. L. (1933). 309, VII p.

Vinacke H. Problems of industrial development in China. A preliminary study. L. 1926. 205 p.

Wagner W. Die chinesische Landwirtschaft. B. 1926. XV, 668 S.

Wang Vincent Yu-san. L'économique agricole de la Chine. Louvain. 1925. 188 p.

Wittfogel K. A. Wirtschaft und Gesellschaft Chinas. Versuch der wissenschaftlichen Analyse. Bd. I—II. L. 1931.

VII. Труд. Положение трудящихся

IV конгресс Профинтерна. 17 марта — 3 апреля 1928 г. Стенографический отчет. Резолюции и постановления. М. 1928. 699 стр.

Papers respecting labour conditions in China. Presented by the Secretary of state for foreign affairs to Parliament. L. 1925. 1930 p. (Great Britain. Secretary of state for foreign affairs).

О положении рабочего класса и состоянии рабочего движения в Китае и Японии. Предварительный отчет делегации ВЦСПС. М. 1926. 23 стр.

Рабочий Китай в 1927 году. Сборник статей под ред. А. Лозовского. М. 1928. 324 стр.

Смургис Ю. Китай и его рабочее движение. М. 1922. 56 стр.

Chen Ta. Chinese migrations, with special reference to labor conditions. Washington. 1923. VI, 237 p. (68-th congress, I-st Session, House documents № 19. U. S. Dpt. of labor. Bureau of labor statistics).

Edwards D. W. The north China famine 1920—1921. Peking. 1922.

Fang Fu-An (Venching). Chinese labour. An economic and statistical survey of the labour conditions and labour movements in China. With the recent labour laws promulgated by the National government. Shanghai. 1931. 185 p.

Fei Hsiao-Tung. Peasant life in China. A field study of country life in the Yangtze Valley. L. [1939]. XXVI, 300 p.

Lin Tung-Hai. The labour movement and labour legislation in China. Shanghai. 1933. XII, 252 p.

Liu Nanming J. Contribution à l'étude de la population chinoise. Genève. 1935. 252 p.

Mosolff H. Die chinesische Auswanderung (Ursachen, Wesen und Wirkungen) unter besonderer Berücksichtigung der Hauptauswanderungsgebiete und mit einem ausführlichen Bericht über die chinesische Arbeiterbeschaffung für Samoa unter der deutschen Verwandlung. Rostock. 1932, VII, 518 S. (Hamburger wirtschafts- und sozialwissenschaftliche Schriften. H. 22—23).

Shelden S. K. The labor movement in China. Shanghai. 1928. IV. 230 p.

Tao L. K. Lioelihood in Peking. An analysis of the budgets of sixty families. Peking. 1928. 158 p.

Tawney R. H. Land and labour in China. L. (1932). 207 p.

Wang Simine. Le travail industriel des femmes et des enfants en China. Paris. 1933. VI, 298 p.

VIII. Национально-освободительное движение[1]

I. Сунь Ят-сен

Сунь Ят-сен. Записки китайского революционера. (Программа национального строительства Китая). Перевод с китайского. М. — Л. 1926. 143 стр.

Сунь Ят-сен. Капиталистическое развитие Китая. М. — Л. 1925. 268 стр.

Sun Yat-sen. The international development of China. N. Y. 1929. X, 265 p., maps.

Sun Yat-sen. Memoirs of a Chinese revolutionary. A programme of national reconstruction for China. L. s. d. 254 p.

Sun Yat-sen. San Miu Chu I. The three principles of the people. Transl. into English by F. W. Price. Ed. by L. T. Chen. Shanghai. 1927. XVII, 514 p. (Internat. underst. series).

Антонов К. Суньятсенизм и китайская революция. М. 1931. 136 стр.

Гань Най-гуан. Теория и практика суньятсенизма. М. 1928. 64 стр. (Научно-исследовательский институт по Китаю при Коммунистическом университете трудящихся Китая имени Сунь Ят-сена).

---

[1] См. также раздел X, 5: «Китай и Япония».

Amann G. Sun Yatsens Vermächtnis. Geschichte der chinesischen Revolution. Berlin — Grünewald. 1928. 271 S.

Hsü L. S. Sun Yat-sen. His political and social ideals. Los Angeles. 1932. 532 p.

Sharman L. Sun Yat-sen. His life and its meaning. A critical biography. N. Y. 1934. 418 p.

Wittfogel K. Sun Yat-sen. Aufzeichnungen eines chinesischen Revolutionärs. Hrsg. und eing. durch eine Darstellung der Entwicklung Sun Yat-sens und des Sun Yat-senismus B, o. J. 344 S.

Wou Saofong. Sun Yat-sen. Sa vie et sa doctrine. P. 1929.

2. Работы общего характера

All-China Union. Fighting for national liberty and world peace. P. 1937.

Ван-Мин. Китай — арена революции, войны и интервенции. (В кн.: XIII пленум ИККИ. Стенографический отчет. М. 1934, стр. 116—142).

Abe Geuki. Kokuminto to Shina kakumei kyosanto to no Kankei. (Гоминдан и китайские революционные коммунисты). Токио. 1931. 322 стр. (На японском языке).

Bau M. J. Modern democracy in China. Shanghai, 1925, X, 467 p.

Ch'ên Kung-pu. Chung-kuo ko-ming shih. (История китайской революции). Шанхай. 1937. (На китайском языке).

Gannes H. When China unites: an interpretative history of the Chinese revolution. N. Y. 1937. 293 p.

Pratt H. G. China and her unfinished revolution. N. Y. 1937, 173 p.

T'ang Leang Li. China in Aufruhr. Mit Vorworten von H. Driesch und Tsai Yuan-Pei. Lpz. 1927. 349 S.

Tsou Lu. Chung-Kuo. Kuo-min-tang shih-kao. (Опыт истории Гоминдана). Т. I—II. Шанхай. 1929. (На китайском языке).

Tyau Min-Ch'ien. Two years of nationalist China. Shanghai. 1930, 523 p.

Wu Fr. C. La nouvelle Chine et le gouvernement national. Ed. sur la loi organique du 10/X 1928 et ses organisations des pouvoirs publ. dans le Gouvernement national. P. 1929, VI, 216 p.

3. Революция 1925—1927 годов

Рабочий Китай в борьбе против империализма. Отчет первой профсоюзной делегации СССР в Китае. М. 1927. 175 стр. (ВЦСПС).

Аллен Генри А. Записки волонтера. (Гражданская война в Китае). Перевод с английского О. Ордынец. Л. 1927. 224 стр.

Виттфогель К. А. Пробуждающийся Китай. Перевод с немецкого Д. Страшунского. Л. [1926]. 182 стр.

Лозовский А. Революция и контрреволюция в Китае. М. 1927. 172 стр.

Стронг А. Китай в огне. М. 1929. 263 стр.

Стронг А. Л. Непобедимый Китай. Авторизованный перевод с английского М. Волосова, под ред. М. Богословской. М. 1939. 274 стр.

Dolsen J. H. The awakening of China.., Chicago. 1924. 266, 2 p.

Lo R. Y. China's revolution from the inside... N. Y. (1930). 307 p.

Snow E. Red star over China. N. Y. 1937. 464 p.

Strong A. L. China's millions. The revolutionary struggles from 1927 to 1935. L. 1936. 416 p.

Woo T. C. The Kuomintang and the future of the Chinese revolution. L. 1928. 278 p.

4. Советский Китай

Борьба за единый антияпонский национальный фронт в Китае. Сборник, [М]. 1937. 132 стр.

Второй съезд китайских советов (Сборник материалов). Вступительная статья Ван-Мина. [М]. 1935. 191 стр.

Советы в Китае. Сборник материалов и документов. Перевод с немецкого. М. 1934, XIII, 524 стр. (Научно-исследовательский институт по Китаю. Колониальный сектор Института мирового хозяйства и мировой политики при Коммунистической академии).

Программные документы китайских советов. Сборник. [М]. 1935. 101 стр.

Constitution de la Chine soviétique. (Recueil des lois fondamentales du gouvernement soviétique chinois). P. 1935. 101 p.

Räte China. Dokumente der Chinesischen Revolution. M.—L. 1934. 730 S.

Восьмая народно-революционная армия Китая. Хабаровск. 1939. 148 стр.

Лян Чэн и Ян Дин-хуа. Западный поход китайской Красной Армии. [М.] 1938. 80 стр. (Перевод с китайского брошюр Лян Чэна и Ян Дин-хуа, посвященных двум этапам исторического перехода Красной Армии).

Мао Цзе-дун. Биографический очерк. Л. 1939. 102 стр.

Мао Цзе-дун. Только советы могут спасти Китай. Доклад на II съезде советов Китая. М. — Л. 1934. 114 стр. (На китайском языке).

Мао Цзе-дун. Экономическое строительство и итоги проверки раздела земли в Китайской республике. (Избранные речи и статьи). М. — Л. 1934. 55 стр.

Пэн Пай. Записки Пэн Пая. С китайского. Перевод А. Ивина. М. 1938. 176 стр. (Всемирная библиотека).

Сунь-цзе. Партизанская борьба в Маньчжурии. Героическая борьба 4-й объединенной антияпонской армии в Маньчжурии. Перевод с китайского. М. 1939. 88 стр.

Смедли А. Рассказы о китайской Красной Армии. Перевод с английского П. Охрименко. М. 1935. 378 стр.

Танг Шин-ше. От Кантонской коммуны к Советскому Китаю. М. 1933. 40 стр.

Эренбург Г. Советский Китай. М. 1934. 141 стр.

Эми Сяо. Мао Цзе-дун, Чжу Дэ. (Вожди китайского народа. М.) 1939. 112 стр.

Bertram J. M. Crisis in China. The story of the Sian mutiny. L. 1937. XXII, 318 p.

Bertram J. M. First act in China; the story of the Sian mutiny plot. N. Y. 1938. 284 p.

Bertram J. North China front. L. 1939. XVI, 514 p.

Bertram J. Unconquered. Journal of a year's adventures among the fighting peasants of North China. N. Y. 1939. XII, 340 p.

China's resistance 1937—1939. By Chou En-Lai o. a. Manila. 1940. 71 p. (Bullet. № 12, 1939 of N. China Intern. Committee).

Tschen-Lin. Chine héroique. La lutte du peuple chinois contre l'agresseur japonais. P. 1938. 88 p.

Wales N. Inside red China. N. Y. 1939. XXIV, 356 p.

Yan Tchong Chao. L'évolution de la vie constitutionnelle de la Chine sous l'influence de Sun Yat-sen et de sa doctrine (1885—1937). L. — P. 1937.

IX. Китай и СССР

Годовой отчет Народного комиссариата иностранных дел за 1924 г. к III съезду Советов СССР. М. 1925. 115 стр. (СССР. Народный комиссариат по иностранным делам). О Китае, стр. 17—18, 95—98.

Международная политика РСФСР в 1922 году. Отчет Народного комиссариата по иностранным делам. М. 1923, 82 стр. (Народный комиссариат иностранных дел). О Китае, стр. 71—72.

Международная политика в 1928 году. Договоры, декларации и дипломатическая переписка. М. 1929, 278 стр. (Народный комиссариат иностранных дел). См. раздел II—Вопросы внешней политики Союза ССР (№ IV); раздел VI — Дальний Восток (№№ I, II, III, IV, V).

Международная политика в 1929 году Договоры, декларации и дипломатическая переписка. М. 1931. 318 стр. (Народный комиссариат иностранных дел). См. раздел II — Вопросы внешней политики Союза ССР (документы №№ 79—86); раздел VI — Дальний Восток (№№ I, III, IV).

Международная политика в 1930 году. Договоры, декларации и дипломатическая переписка. М. 1932. 414 стр. (Народный комиссариат иностранных дел).

Сборник документов, относящихся к Китайской Восточной железной дороге. Харбин. 1922, XXXVI, 313 стр. Документы за период 1919—1922 гг., стр. 256—311.

Грэвс В. Американская авантюра в Сибири (1918—1920). Перевод с английского А. Ф. Сперанского и С. С. Соколова. С вступительной статьей И. И. Минца. М. 1932. 248 стр.

Китайская Восточная железная дорога. К событиям 1929 года. Хабаровск. 1929. 44 стр.

Майский И. Пять лет внешней политики РСФСР. 1917—1922. [М.] 1922. 195 стр.

Павлович М. Советская Россия и капиталистическая Англия. [М.] 1922. 85 стр. (Павлович М. РСФСР в капиталистическом окружении. Вып. 2). См. раздел III.

Павлович М. Советская Россия и капиталистическая Америка... М. — Пг. 1922. 101 стр. (Павлович М. РСФСР в империалистическом окружении. Вып. 3). См. Ч. 2-ю. От Вашингтона до Генуи и Гааги.

Советско-китайский конфликт 1929 года. Сборник документов. М. 1930. 89 стр. (Народный комиссариат иностранных дел).

Hornbeck S. K. American policy and the Chinese-Russian dispute. Wachington. 1929.

Shih-chieh chou-pao-shê (изд.). Chung-tung-lu shih-chien (Конфликт на Китайской железной дороге). Токио. 1931. (На китайском языке).

Schuman F. L. American policy toward Russia Siwe 1917. A study of diplomat. history, international law and public opinion. N. Y. 1928. IX, 10, 399 p.

X. Китай и империалистические державы

1. Работы общего характера

Ho Ping-Jin. The foreign trade of China. Shanghai. 1935. 826 p.

Jones F. C. Shanghai and Tientsin. With special reference to foreign interests. With an introd. by M. Vinacke. N. Y. 1940. XXXII, 182 p.

Reiner C. Foreign investments in China... N. Y. 1933. XXI, 708 p. (Inst. of Pacif. relations. Fifth biennial conference Aug. 14—28. 1933. Documents, vol. 4).

Wright F. China's struggle for tariff autonomy, 1843—1938. Shanghai. 1938.

2. Международные конференции. Китай и Лига наций. Неравные договоры

а) Документы

Вашингтонская конференция по ограничению вооружений и тихоокеанским и дальневосточным вопросам 1921—1922 гг. М. 1924. 139 стр. (Народный комиссариат иностранных дел).

Гримм Э. Д. Сборник договоров и других документов по истории международных отношений на Дальнем Востоке (1842—1925). М. 1927. 218, III стр. (Труды Моск. института востоковедения имени Н. Нариманова при ЦИК СССР. VI) (Договоры за период 1917—1925 гг., стр. 196—218).

Международная политика новейшего времени в договорах, нотах и декларациях. Ч. 3, вып. 1—2. М. 1928—1929 (Народный комиссариат иностранных дел). Ч. 3, вып. 1-й, см. документ № 186; вып. 2-й — №№ 44, 45, 67, 70, 78, 79—82, 116, 188, 189.

Сборник документов по международной политике и международному праву. Вып. 3—6, 8. М. 1932—1934. (Народный комиссариат иностранных дел). Вып. 3. Японо-китайский конфликт. 1932. Вып. 4... При-

знание Маньчжоу-Го... 1933. Вып. 5... Доклад Комиссии Литтона по маньчжурскому вопросу. 1933. Вып. 6. Пакт четырех. Разоружение. Маньчжурский конфликт. 1934. Вып. 8... Сборник решений иностранных судов по спорам, касающимся имущественных интересов СССР. 1934.

L'agression Japonaise et la Société des Nations. VII, 1939. Genève (1939). 94 p. (Société des Nations).

Annexes to the report to the League of Nations of its technical delegate on his mission in China from date of appointment until I, 1934. Shanghai. 1934. 294 p. (League of Nations).

Appeal by the Chinese Government. Report of Commission of enquiry. Geneva. 1932. 148 p. (League of Nations).

Appeal by the Chinese Government. Supplementary documents to the report of the Commission of enquiry. Geneva. 1932, 280 p. (League of nations).

Chung-kuo yü ko-kuo chih Shang-yüeh (торговые договоры между Китаем и другими нациями). Шанхай. 1929—1931. (На китайском языке).

Conference of the limitation of armement, Washington, 12/XI 1921 — 6/II 1922. Waschington. 1922

Conference of Brussels 3—24/X 1937. Convened in virtue article 7, of the nine-power treaty of Washington of 1922. Washington. 1938. IV, 82 p.

Exposé des revendications de la Chine tendant à faire abroger par la Conférence de la paix les traités et accords conclus avec le Japan le 25/V 1915. P. 1919. (Délégation chinoise à la Conférence de la paix).

Exposé des revendications de la Chine touchant la restitution directe du territoire cédé à bail de Kiaotcheou, du Chemin de fer de Tsingtao à Tsinau et des autres droits allemands relatifs à la province de Shantung. P. 1919 (Délégation chinoise à la Conférence de la paix).

Hanzawa Gyokujo. Shina kankei joyaku shu (собрание договоров, относящихся к Китаю). Токио. 1931. 859 стр. (На японском языке).

Japanese intervention in the Russian Far East. Washington, special delegation of the Far Eastern Republic to the Far Eastern Republic to the United States of America. 1922. 166 p.

Memorandum submitted to the Commission of inquiry of the League of Nations. Peiping. 1932.

Questions à résoudre soumises par la Chine à la Conférence de la paix. P. IV. 1919. P. 1919 (Délégation chinoise à la Conférence de la paix).

Report of the technical agent of the council on his mission in China from the date of his appointment 1/IV 1934. Council committee on technical co-operation between the League of Nations and China. Geneva. 30/IV, 1934. 72 p. (League of Nations).

Report submitted to the Secretary General by the Director of the Section for communications and transit, Secretary of the Council Committee, on his mission in China. (1/V 1935). Geneva. 1935. 50 p. (League of Nations council committee on technical co-operation between the League of Nations and China).

The Sino-Japanese conflict and the League of Nations. 1937. Speeches, documents, press comments. Ed. by C. Kuangson Young. Geneva. 1937. 250 p.

Treaties and agreements with and concerning China. Vol. 1—2. (1894—1919). Compiled and ed. by J. V. A. MacMurray. N. Y. 1921. Supplement to MacMurray's treaties and agreements, etc. (1919—1929). Washington. 1929.

The Shantung question and other claims as officially presented to the peace conference at Paris by the Chinese peace commission. (San Francisco). 1920, 95 p.

The verdict of the League. China and Japan in Manchuria. Official documents with notes and introduction by Manley O. Hudson. Boston. 1933. 102 p.

W a n g K i n g K y. La voix de la Chine. Adresses, discours, declarations, lettres, interviews. Ref. de J. Destrée. Bruxelles. 1929. 241 p. (16/X 1922—1929).

The Washington Conference... Supplement of the Chinese social and political science review. 1923. Vol. 7. № 2. IV, 130, 178 p. (На китайском и английском языках).

б) Исторические и публицистические работы

М а н у и л ь с к и й Д. З. Тихоокеанские противоречия и Китай. Доклад на расширенном пленуме Коминтерна (Харьков). 1927. 40 стр. Доклад на VII расширенном пленуме Коминтерна.

М о т ы л е в В. Е. Тихоокеанский узел второй империалистической войны. М. 1940. 200 стр.

Р о з е н б л ю м Б. Д. Очерки договорного права Китая. Равноправные и неравноправные договоры. Харьков. 1928. 100 стр.

С т и м с о н Г. Дальневосточный кризис. Воспоминания и наблюдения. Перевод с английского. М. 1938. 196 стр.

B a u M. J. China and world peace, studies in Chinese international relations. N. Y. 1928. 7, 194 p.

B a u M. J. The foreign relations of China. History and survey. L. 1922. XII, 541 p.

B a u M. J. The open door policy in relation to China. N. Y. 1923.

B u e l l R. M. The Washington conference. N. Y. — L. 1922, XII, 461 p.

C h a n g C h u n g T a o. Les traités inégaux de la Chine et l'attitude des puissances. P. 1929. 216 p.

C h i a S h i h - i. Hua-hui Chien-wên lu. (Заметки о Вашингтонской конференции). Шанхай. 1923. (На китайском языке).

C h i n g W a i W o n g. China and the nations. Being the draft of the report on International problems prepared for the international problems committee of the People's conference of delegates at Peking in IV/1925. L. 1927. XXIV, 141 p.

C h o u S h o u - i. Hua-shêng-tun hui-i hsiao-shih (история Вашингтонской кон-

ференции). Шанхай. 1922. (На китайском языке).

Fox Ch. J. China's fight for traiff autonomy at the Washington conference. Tientsin, S. a. 81 p.

Kane A. E. China, the powers and the Washington conference. Shanghai. 1937. VII, 233 p.

Lin Wei-ying. China under depreciated silver, 1926—1931. Shanghai. 1936. XIII, 230 p.

MacNaire H. F. The Chinese abroad, their position and protection; a study in international law and relations. Shanghai, 1925. XXII, 340 p.

Millard Th. F. America, Europe and the Manchuria question. Geneva, 1932.

Mogi S. a. Redman H. The problem of the Far East. L. 1935. 348 p. (1897—1934).

Norton H. K. China and the powers. N. Y. 1927. XI, 264 p., with 5 maps.

Pollard R. T. China's foreign relation, 1917—1931. N. Y. 1933. 416 p.

Stimson H. T. The Far Eastern crisis. N. Y.—L. Council on foreign relations. 1936. 293 p.

T'ao Hui-tsêng. Tui-Hua mên-hu k'aifang chu-i (Политика «открытых дверей» и Китай). Шанхай. 1928. 84 стр. (На китайском языке).

Tchai Tsoun-Tchun. Essai historique et analytique sur la situation internationale de la Chine. Conséquences des traités sino-étrangers. P. 1929. 235 p.

Thung L. China and some phases of international law. With an introd. by Q. Wright. Iss. under the auspices of the China Institute of Pacific relations. L.—N. Y. 1940. XIV, 210 p.

Whyte F. China and foreign powers. Oxford. 1927. VIII, 78 p.

Willoughby W. W. China at the conference. A report... Baltimore. 1922. XVI, 419 p.

Willoughby W. Foreign rights and interests in China... Vol. I—II. Baltimore. 1927. (Semicentenniel publ. of the J. Hopkins university 1876—1926).

Willoughby W. W. The Sino-Japanese controversy and the League of Nations. Baltimore. 1935. XXV, 733 p.

Woo K. J. La politique étrangère du Gouvernement national de China et la révision des traités inégaux... Préf. par E. Lumbert. P. 1931. 112 p. (Bibl. de l'Inst. de droit comparé de Lyon. Etudes et documents).

Wood Ge-Lay. The Shantung question. A study in diplomacy and world politics... N. Y. 1922. 372 p.

Wou S. La Chine et la conférence de Washington, Thèse... présentée et soutenue le 27 mai 1927. P. 1927. 284 p.

Wou S. Histoire diplomatique de la Chine depuis 1919. La révision des traités sino-étrangers. P. 1932. XX, 334 p.

3. Китай и Англия

Burns E. British imperialism in China. L. 1926.

Friedman J. S. British relations with China. 1931—1939. N. Y. 1941. 255 p. (Intern. secr. instit. of Pacific relations).

Smith C. A. The British in China and Far Eastern trade. 2-nd ed. L. (1927). IX, 295 p.

Soothill W. E. China and England. L. 1928. 288 p.

Wood G. L. China, the United States and Anglo-Japanese alliance. N. Y. 1921. VIII, 2, 176 p.

4. Китай и США

First-Sixth conferences of the Institute of Pacific relations. 30/VI 1925—29/VIII 1936.

First conference. Honolulu, June 30—July 14. 1925. History, organization, proceedings, discussions and addresses. Honolulu Hawai. 1925. 210 p.

Second conference, Honolulu, July 15—29, 1927. Problems of the Pacific; proceedings. Ed. by J. B. Condliffe. Chicago. 1928. XIII, 630 p.

Third conference, Nara and Kyoto, Japan, October 23 to November 9, 1929. Problems of the Pacific. Proceedings. Ed. by J. B. Condliffe. Chicago. 1930. XV, 697 p.

Third conference. Documents. Kyoto, Japan. 27 v. in 26. (Comprises monographs (volumes and pamphlets) mimeographes material etc., made up as a collection in 27 v. bound in 26).

Fourth conference, Hangchow and Shanghai, October 21 to November 2, 1931. Proceedings Ed. by B. Lasker, assisted by W. L. Holland Chicago, Illinois, 1932. XI, 548 p.

Fifth conference. Banff, Alberta, August 14—26, 1933. Economic conflict and control. Proceedings. Ed. by B. Lasker and W. L. Holland. Chicago. 1934. XVI, 490 p.

Sixth conference Yosemite, California, August 15, 29, 1936. Proceedings on «Aims and results of social and economic policies in Pacific countries». Ed. by W. L. Holland and K. Mitchell, assisted by H. Moore and R. Pyke, 1938. 470 p.

Problems of the Pacific, 1939. Proceedings of the Seventh Meeting of the Institute of Pacific relations at Virginia Beach, Virginia, 22/XI to 2/XII 1939. Ed. by K. Mitchell and W. L. Holland. N. Y. 1940. 299 p.

United States policy toward China; diplomatic and public documents, 1839—1939. Publications Ed. by P. H. Clyde. Durham. 1940. XV, 312 p.

Bisson T. A. American policy in the Far East 1931—1940. N. Y. 1941. 162 p.

Cooper Russell M. American consullation in world affairs. N. Y. 1939. 403 p.

Farley M. S. American Far Eastern policy and the Sino-Japanese war. N. Y. 1938. VIII, 71 p.

Field F. V. American participation in the China consortiums. N. Y. 1931. XI, 198 p.

Ma Wên-Huan. American policy toward China as revealed in the debates of Congress. Shanghai. 1934. X, 293 p.

T'ang Ching-tsêng. Chung-Mei wai-chiao Shih. (История китайско-американских дипломатических отношений). Шанхай. 1930—1931. (На китайском языке).

Wou S. La Chine et la conférence de Washington (Thése). P. 1927. 234 p. (История китайско-американских отношений. На китайском языке).

5. Китай и Япония

а) Работы общего характера

Cas importants d'infractions de la Chine aux traités et relation sommaire des négociations entre le Japon et le Chine touchant ces infractions. S. I. 1932. V, 124 p.

Documents concerning the Sino-Japanese conflict. Ed. by Mousheng H. L. N.Y. 1938. 89 p. (China reference ser, Vol. 2).

Tanaka. Japan and the next world war. Secret memorial, concerning Manchuria, Mongolia, China, U. S. A., and the world. Submitted by Tanaka to the Japanese emperor in 1927. Shanghai, 1931. II, 42 p.

Abstracts from Chinese and Japanese periodicals. Compiled and transl. by the staff of the international secretariat. Institute of Pacific relations. N. Y. 1938. 50 p.

Ahlers J. Japan closing the «Open Door» in China. Shanghai. 1940. 140 p.

Casseville H. Nankin contre Tokyo (Chine 1928—1933). P. 1934. XV, 220 p.

Chen Hoshien. Les relations diplomatiques entre la Chine et le Japon de 1871 à nos jours. P. 1921. 328 p.

Ch'en Chiao. Jih-pên-lüeh Tung-pei-shih. (История японской агрессии в Северовосточном Китае). Шанхай. 1934. 474 p. (На китайском языке).

Ch'êng Chih-yün. Tung-pei shih-pien yü Jih-pên (Северовосточный инцидент и Япония). Шанхай. 1931. (На китайском языке).

China and Japan Iss. under the auspices of the Royal institute of international affairs information department papers. 2-nd ed. N. Y.—L. 1939. 130 p.

The Chinese national revolution. Essays (by Wang Ching-Wei and others) and documents. Peiping. 1931. 188 p. (1911—1930).

Hsü Hsing-K'ai. Jih-pên ti-kuo-chu-i yü Tung-san-shêng (Японский империализм и три восточные провинции). Шанхай. 1930. 584 стр. (На китайском языке).

Hsü Shuhsi. The North China problem... Prep. under the auspices of the council of international affairs, Nanking. Shanghai. 1937. VI, 112 p. (Political and economic studies).

Kawakami K. K. Japan speaks; on the Sino-Japanese crisis. Intr. by H. E. Tsuyoshi Inukai. L. 1932. XVI, 184 p.

Latané J. H. A history of American foreign policy. Rev. and enlarged by D. W. Wainhouse. N. Y. 1934. XVI, 862 p. (See: «The Sino-Japanese conflict and post-war agencies of peace»).

Lowe Chuan-Hua. Japan's economic offensive in China. L. 1939. 179 p.

Remer Ch. Fr. Foreign investments in China. N. Y. 1933. XXI, 708 p.

Simpson B. L. The truth about China and Japan. N. Y. 1919. 248 p.

Tai K'o-hsieh. Jih-pên tui-Hua Shang-yeh (Японская торговля в Китае). Шанхай. 1929—1931. (На китайском языке).

Thai Tsoun-tchun. Essai historique et analytique sur la situation internationale de la Chine. Conséquences des traités sino-étrangers. P. 1929. 236 p.

Wang Yün-shêng. Lü-shih-nien-lai Chung-kuo yü Jih-pên (Китай и Япония за последние 60 лет). T. I—VII. Тянь-Цзинь. 1932—1935. (На китайском языке).

What war means: the Japanese terror in China; a documentary record. Ed. by H. J. Timperley. L. 1938. 288 p.

б) Маньчжурский вопрос

Aperçu général sur le «Manchoukouo». 1932. Département des affaires étrangères du Mandchoukouo.

Hanzawa Gyokujo. Shina ovobi. Manshu Kankei joyaku oyobi Kobun shu. (Собрание договоров и официальных документов, относящихся к Китаю и Маньчжурии). Токио. 1935. 1204 p.

Japanese agression and world opinion (7/VII—7/X 1937). Publ. by Press bureau of the Chinese delegation. Geneva. 1937. 127 p.

Information and opinion concerning the Japanese invasion of Manchuria and Shanghai from sources other than Chinese. Ed. by K. N. Lei. Shanghai. (1932). XI, 455 p.

Manchuria. Treaties and agreements. Washington. 1921. 220 p.

Memoranda du Gouvernement Chinois présentés á la Commission d'Etude de la Société des Nations. Nanking. 1932. (Gouvernement National de Chine) (29 документов, относящихся к японо-китайскому конфликту).

Koo V. K. Wellington. Memoranda. Pres. to the Lytton commission... Vol. 1—3. N. Y. 1932—1933.

Lettre adressée á la Commission d'inquète des Société des Nations sur la situation mandchourienne par la Chambre de commerce de Changhai. L'article: Une réfutation aux fausses représentations japonaises sur les causes amenant à la crise sino-japanaise. P. (1932). 26 p.[1]

Report on Manchuria presented by lord Lytton. Appeal by the Chinese Government. Report of the Commission of enquiry, which was signed by the members of the Commission 4/IX 1932. Peiping. 1932. 148 p.

Secret documents relating to the Japanese policy toward Manchuria and Mongolia. Peiping. 1932 (China Institute of international affairs).

Sino-Japanese dispute. Report adopted on 24/II 1933 by the assembly of the League of Nations. Washington. 1933. 22 p.

---

[1] Сохранена орфография титульного листа.

Аварин В. Империализм в Маньчжурии. Т. I—II. М. 1934 (Коммунистическая академия. Институт мирового хозяйства и мировой политики). Т. I. Этап империалистической борьбы за Маньчжурию. 2-е, пересм. и доп. изд. Т. II. Империализм и производительные силы Маньчжурии.

Бушманов Н. Боевые действия японской армии в Маньчжурии и Шанхае. 1931—1933. М. 1940. 144 стр.

Чжэн Лин. Два года героической борьбы китайского народа. М. 1939. 44 стр.

Bretscher W. Der mandschurische Konflikt vor dem Völkerbundsrat. Zürich. 1931. 259 S. (Aus der 12 Völkerbundsratversammlung, IX/1931).

Chi'ên Ching. Jih-pên shih-li hsia San-nien-lai chih Mau-Mêng. (Три последних года японского господства в Маньчжурии и Монголии). Шанхай. 1902. (На китайском языке).

Clyde P. International rivalries in Manschuria, 1689—1922. Columbus. 1928. XV, 323 p.

Manshu jijo (Положение в Маньчжурии). Т. I—XIII. Токио. 1911—1925. (Издание японского министерства иностранных дел. Бюро торговых отношений. На японском языке).

Mao Tze-Tung. China and the second imperialist world war. Chungking. 1939. 50 p. [Bull. № 9. 1939 of the New China Intern. Committee].

Michael F. Der Streit um die Mandschurei; die chinesisch-japanischen Rechtsbeziehungen in den «drei östlichen Provinzen» Chinas vor Ausbruch des Konfliktes im IX/1931. Lpz. 1933. VII, 101, 4 p. (L. Universität. Institut für Politik ausländisches Recht und Völkerrecht, Abhandlungen, H. 29).

Parlett H. A brief account of diplomatic events in Manchuria. Publ. under the auspices of the Royal Institute affairs. 1929. L. 1929. 93 p.

Royama Masamichi. Japan's position in Manchuria. Tokyo. 1929. 103 p.

Sherwood E. The world's danger zone... N. Y. 1932. VI, 119 p.

Taylor G. E. Japan in north China. Washington. 1941. 258 p.

Tsugami Zenhichi. Man-Mo mondai to Shina Kenkyu (Маньчжуро-монгольская проблема и изучение Китая). Токио. 1929. (На японском языке).

T'u Chê-yin. Jih-pên tsia Nan-man (Японцы в Южной Маньчжурии). Шанхай. 1932. (На японском языке).

Tullié A. R. La Mandchourie et le conflit sino-japonais devant la Société des Nations. P. 1936. 379 p.

Two years of the Japan-China undeclared war and the attitude of the powers. Ed. by Lee B. S. With forewords by Sun Fo a. o. Shanghai. 1933. XXV, 613 p.

Ukita Kazutami. Manshu mondai to Nichi-Bei Shinzen ron (Маньчжурская проблема и японо-американская дружба). Токио. 1935. 278 стр. (На японском языке).

Wong Chi-yuen and T'ang Le-ang-li (ed.). The japanese invasion and China's defense; a symposium Shanghai, Publicity department of the 19th Route army. 1932 72 p.

Wou P. La vérité sur la Mandchourie. Préf. de M. C. Rousseau. P. 1936. X, 291 p.

Wu Han-tao. A legal study. Japan's acts of treaty violation and encroachment upon the sovereign rights of China in the northeastern provinces (Manchuria). Peiping. 1932. 208 p.

Yong Ann-yuen. Aux origines du conflit Mandchou. Chine — Japon — Paix de Versailles. Honoré d'une préface de Wellington. P. 1934. VII, 304 p.

Young C. W. Japan's special position in Manchuria; its assertion, legal interpretation and present meaning. Baltimore. 1931. XXXIV, 412 p.

Young C. W. The International relations of Manchuria. A digest and analysis of treaties, agreements, and negotiations concerning the three eastern provinces of China. Prep. for the 1929 conference of the Inst. of Pacific relations in Kynto, Japan. Chicago. (1929). 308 p.

в) Осада Шанхая

Cessations of hostilities in Shanghai and neighbourhood and withdrawal of Japanese forces. Resolution adopted by the special assembly of the League of Nations. Geneva, 30.IV 1932, and agreement concluded between the Chinese and Japanese representatives of friendly powers. Shanghai. 5/V 1932. L. 1932. 6 p.

Арима. Уличные бои японских морских десантов в Шанхае. Сокр. пер. с япон. Р. Эннер. С предисл. А. Южного. М. 1935. 104 стр.

Ян Чжу-лай. Японский империализм в Шанхае. М. 1932. 80 стр. (Институт мирового хозяйства и мировой политики Комакадемии. Колониальный сектор).

Ching Liu-Hsia. The States of Shanghai. A historical review of the international settlement. Its future development and possibilities through Sino-foreign co-operation. Shanghai. 1929. 202 p.

Jones F. C. Shanghai and Tientsin. With special reference to foreign interests. Prepared as a report in the international research series of the Institute of Pacific relations... With an introduction by H. M. Vinacke. San-Francisco. 1940. XXXII, 182 p. (Studies of the Pacific, № 5).

Johnstone W. C. The Shanghai problem... Stanford university Calif. Stanford university press. L. 1937. XI, 326 p. Pt. I. The history of the three municipalities at Shanghai, p. 3—171. Pt. 2. International problems at Shanghai, p. 171—317.

Kasuga Seiken. Shanghai Sentoshi (История осады Шанхая). Токио. 1932. 666 стр. (На японском языке).

Kotenev A. M. Shanghai: its municipality and the Chinese. Shanghai 1927. 548 p.

г) Необъявленная война

L'agression japonaise et la conférence des neuf puissances à Bruxelles. Bruxelles. 1938. 78 p.

Chiang Kai-shek. Chinas Kampf. Reden aus Frieden und Krieg. Hrsg. v. K. Frantz. Luzern. 1940. 102 S. (Männer. und Völker. Ein Schriftenreihe. Bd. 4).

The conference of Brussels, 3—24 X 1937. Convened in virtue article 7, of the nine-power treaty of Washington of 1922. Washington. 1938. IV, 82 p.

Documents concerning the Sino-Japanese conflict. Comp. by Mousheng Hsitien Lin. N. Y. 1938. 89 p. (China reference serie. Vol. 2. 28/I 1938).

Бертрам Д. На фронтах Северного Китая. [Очерки.] Перевод с английского Н. Дарузес и О. Холмской. М. 1940. 320 стр.

Коган А. Национально-освободительная война героического китайского народа. М. 1939. 144 стр. (Академия наук СССР. Институт мирового хозяйства и мировой политики).

Пашкова М. В борьбе за раскрепощение китайского народа. Очерки рабочего движения в Китае 1925—1939 гг. М. 1939. 144 стр. (Академия наук СССР. Институт мирового хозяйства и мировой политики).

Чжен Лин. Китайский народ в борьбе против японского агрессора (Приложение: Речи Мао Цзе-дуна, статьи из газеты «Синьхуажибао» и другие материалы). М. 1938. 56 стр.

Albrecht D. Der chinesisch-japanische Konflikt und das Völkerrecht. Lpz. 1933. 164 S.

American Far Eastern policy and Sino-Japanese war. Edit. by Miriam S. Farley. N. Y. 1938. VIII, 71 p. (Studies of the Pacific, № 1).

America's share in Japan's war guilt. (Take American war profits out of Japanis aggression in China). N. Y. 1939. 78 p.

Bisson T. A. American policy in the Far East 1930—1940... N. Y. 1940. XII, 162 p. (Inst. of Pacific relations. Inquiry ser.).

Bisson T. A. Japan in China... N. Y. 1938. 417 p. 51 ill.

Generalissimo Chiang's statements following the publication of Wang Ching-weis secret agreement with Japan. Chungking. 1940. 32 p.

The history of the Kuramoto incident; being a full account of the mysterious disappearance of a Japanese Vice Consul at Nanking in the summer of 1934. Shanghai. 1934. 72 p.

Hsü Shuhsi. Three weeks of Canton bombings... Prep. under the auspices of the council of International affairs Chung-King. Shanghai. 1939. 148 p. (Political and economic studies).

Lee E. B. One year of the Japan-China undeclared war and the attitude of the powers. With forewords by H. E. Sun Fo a. o. Shanghai. 1933. XXI, 587 p.

Lee E. B. Two years of the Japan-China undeclared war with the attitude of the powers. With forewords by H. E. Sun Fo a. o. Shanghai. 1933. XXV, 613 p.

La presse chinoise et le conflit sino-japonais 1937. Par le Bureau du Kouomintang en Europe. P. 1938. 156 p.

5. Китай и Германия

Block K. German interests and policies in the Far East. N. Y. 1941. 75 p.

Djang Feng-Djen. The diplomatic relations between China and Germany since 1898. Shanghai. 1936. 2-nd ed. 1937. 281 p.

Lineberger J. P. Deutschlands gegenwärtige Gelegenheiten in China. Washington. 1936. 155 S.

XI. Культура и быт

Forster L. The new culture in China. L. 1937. 240 p.

Granet M. La civilisation chinoise; la vie publique et la vie privée. P. 1929. XXI, 523 p.

Latourette K. S. The Chinese. Their history and culture. Vol. 1—2. 2-nd rev. ed. N. Y. 1937.

Chuang Chai-hsuang. Tendencies toward a democratic system of education in China. Shanghai. 1922. 176 p.

Lamson H. D. Social pathology in China; a sourcebook for the study of problems of livelihood; health and the family. N. Y.—Shanghai. 1934. 607 p.

Peake C. H. Nationalism and education in modern China. N. Y. 1932. 254 p.

Su Sing-ging. The Chinese family system. N. Y. 1922. 109 p.

Twiss G. R. Science and education in China. Shanghai. 1925. 361 p.

Фундаментальная библиотека по общественным наукам Академии наук СССР. Сост. Е. Поплавская и А. Трескина, редактор — К. Симон.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ЗАМЕТКИ

История СССР

Степанов А. *Петропавловская оборона (1853—1856).* Дальневосточное государственное издательство. Хабаровск. 1940. 108 стр. 3 р. 25 к.

Книга содержит краткое описание освоения русскими дальневосточного побережья, организации оборонительных пунктов, поражения англо-французской эскадры и разгрома их десанта при попытке захвата Петропавловска.

Струминский М. *Петр Алексеев в якутской ссылке.* Государственное издательство ЯАССР. Якутск. 1940.

Книга представляет биографию выдающегося рабочего-революционера 70-х годов прошлого столетия Петра Алексеева. Главное место в ней отведено периоду его якутской ссылки. В особом разделе подробно изложены обстоятельства зверского убийства Алексеева кулаками Абрамовым и Сидоровым, которые были тесно связаны с уголовными элементами.

«Наступление югозападного фронта в мае—июне 1916 г.». Сборник документов мировой империалистической войны на русском фронте (1914—1917). Воениздат. М. 1940. 548 стр. 14 руб. (Центральный военно-исторический архив).

В сборнике собраны документы, касающиеся отношений между генеральными штабами союзников и штабом главковерха русской армии, и оперативные документы периода подготовки и проведения наступления на югозападном фронте в 1916 году. Для удобства пользования материалами сборник разделен на четыре отдела, каждый из которых в свою очередь делится на ряд глав. В каждой главе материал расположен в хронологическом порядке. Все документы, за исключением 16, печатаются впервые. Сборник открывается кратким введением, в котором дается описание обстановки на восточноевропейском (русском) фронте к концу марта 1916 г., плана операций русской ставки и развития этих операций. В числе приложений имеется именной указатель схемы боевых действий и др.

История нового времени

Томази А. *Морская война на Адриатическом море 1914—1918 гг.* Перевод с французского В. Я. Новицкого. Воениздат. 1940. 162 стр. 5 р. 10 к.

Данная работа А. Томази является частью его многотомного труда «Французский флот в мировой войне 1914—1918 гг.». В книге содержится подробное описание военных операций, происходивших на Адриатическом море во время первой империалистической войны. К книге приложены сведения о составе австрийского, французского и итальянского флотов в Средиземном море. Переводчиком к тексту книги даны подробные примечания.

Харпер. *Правда об Ютландском бое 31 мая 1916 года.* Перевод с английского капитана 2-го ранга А. Травиничева. Воениздат. 1940. 118 стр. 3 р. 45 к.

Автор книги, английский адмирал, несогласен с официальной версией английского адмиралтейства о Ютландском бое. В своей книге он освещает теневые стороны английского морского командования, показывает разлад в руководящих кругах британского империализма, критикует действия адмирала Бити. Книга содержит интересный, хорошо систематизированный исторический материал. В приложении даны сведения о боевом расписании британского и немецкого флотов перед боем.

Ильинский Я. *Финляндия.* Соцэкгиз. М. 1940. 211 стр. 3 р. 50 к.

Книга принадлежит к серии «Капиталистический мир в очерках». Автор дал в научно-популярной форме краткий исторический очерк Финляндии с характеристикой экономики страны, положения трудящихся масс, государственного устройства, состояния вооруженных сил, политических партий, состояния культуры, образования. Период независимости Финляндии и взаимоотношения ее с СССР выделены в особый раздел. К книге приложены текст мирного договора между СССР и Финляндией от 12 марта 1940 г., сведения о численном составе социал-демократической фракции в Финляндском сейме в дореволюционный период, о численном составе профсоюзов, о составе сейма в 1933, 1936 и 1939 гг., географическая карта Финляндии и др.

Древняя история

Pawlikowski-Cholewa A., von. *Die Heere des Morgenlandes. Militärische Beiträge zur Geschichte des nahen und fernen Orients.* Berlin. 1939. X + 298 S.

Павликовский-Холева А. *Армии Востока. Военные приложения к истории Ближнего и Дальнего Востока.*

Книга представляет собой военное описание Востока с древнейших времен до середины XIX века. Она делится на следующие разделы: I. Восточная Азия (Япония, Корея, Китай, гунны, маньчжуры), II. Индия

и Передняя Азия (Индия, Вавилония и Ассирия, миттани, хетты и гиксосы, евреи, персы, войска диадохов), III. Северная Африка (Египет, войско Птолемеев, Карфаген), IV. Скифские и центрально-азиатские кочевники (скифы, парфяне, персидское государство Сассанидов, кочевники Центральной Азии и их влияние на Европу, Чингис-хан и Тимур. Персия во втором тысячелетии н. э.), V. Армии ислама (военное государство Мухаммеда, Омайяды, Багдадский халифат Аббасидов, Египет после арабского завоевания, берберы и марокканцы, арабско-маврское государство в Испании, сельджуки, эпоха крестовых походов, османы, Мехмед-Али).

Vaillant G. C. *History and Stratigraphy in the valley of Mexico.* Washington. 1939.

Вальян. *История и археология долины Мексико.*

Работа посвящена истории Мексики до испанского завоевания, т. е. наименее изученному периоду истории этой страны. Автор пытается наметить основные контуры истории этого периода на основе сравнительного изучения археологического материала и письменных источников (ацтекские кодексы, история Мексики, написанная испанцами и индейцами в первые годы после завоевания). Книга прекрасно иллюстрирована фотоснимками и зарисовками с производившихся в долине Мексико раскопок и найденных там предметов. Большинство из них относится к более ранним, почти не изученным культурам.

История средних веков

Heupel W. E. *Der sizilische Grosshof unter Kaiser Friedrich II.* Leipzig. 1940. 154 S.

Гойпель В. *Сицилийский двор при императоре Фридрихе II.*

Автор указывает, что «в XIII веке, в период царствования Фридриха II, в сицилийском королевстве были выработаны формы чиновничьей администрации, ранее неизвестные на Западе». Описанию и анализу этой новой организации административного аппарата и посвящена книга. К книге приложены библиография и список источников.

Parry J. *The spanish theory of Empire in the sixteenth century.* Cambridge. 1940. 75 p.

Перри. *Испанские теории империи в XVI веке.*

Автор считает, что испанская колониальная политика в XVI в. «обнаруживала все признаки настоящего империализма». Завоеватели-испанцы, говорит он, стремились построить «вторую Испанию по ту сторону океана». «Другие нации, особенно португальцы и итальянцы, дали великих ученых, географов и мореплавателей, но величайшие завоеватели, администраторы и юристы были испанцами». Испания в XVI в. превосходила остальные страны Европы «не только в области законодательной и административной практики, но также и в области абстрактной юриспруденции». В связи с этим автор считает особенно важным изучение теории испанских юристов, использовавших старый, схоластический метод для критики или, наоборот, для обоснования «империалистической политики» Испании. Исследованию этих теорий и посвящена настоящая книга.

История нового времени

Wisler Clark. *Indians of the United States. Four centuries of their history and culture.* New York. 1940. XVI + 319 p.

Уислер К. *Индейцы Соединенных штатов. Четыре столетия их истории и культуры.*

Аннотируемая книга является первой из научной серии книг, выпускаемой Американским музеем естественной истории. Она посвящена прошлому и настоящему индейцев США. Часть первая носит название «Индейцы в доисторической Америке». Во второй части автор рассматривает историю наиболее крупных индейских племенных образований (ирокезы, алгонкины, сиу и др.) после открытия Америки. В зависимости от особенностей языка автор группирует многочисленные племена в более крупные семейства. В третьей части книги дается описание жизни индейцев: их занятий, быта, положения женщин, культуры, взаимоотношений с белыми и т. д. Книга прекрасно иллюстрирована.

Simonsen Roberto. *Brazil's industrial evolution.* Sao Paolo. 1939. 66 p.

Симонсен Р. *Индустриальное развитие Бразилии.*

Книга представляет собой меморандум, составленный автором по поручению Бразильского федерального совета внешней торговли в связи с посещением Рио-де-Жанейро делегацией студентов и преподавателей Пенсильванского университета в июле 1939 года. Она имеет целью ознакомить читателя с историей экономического развития Бразилии. Автор, профессор экономической истории, начинает свою работу с характеристики экономики современной Бразилии и выяснения причин отставания ее промышленности от промышленности США и передовых стран Европы. Затем, дав краткую историю бразильской промышленности от колониального периода до наших дней, автор вновь переходит к современной Бразилии, давая детальный обзор отдельных отраслей ее промышленности. Особое внимание уделяется экономическим связям Бразилии с США. Работа иллюстрируется многочисленными таблицами и диаграммами.

Carillo A. *The Mexican people and the Oil companies.* Mexico. 1938. 30 p.

Карильо А. *Мексиканский народ и нефтяные компании.*

Автор, видный деятель Конфедерации мексиканских рабочих, дает анализ сущности конфликта между мексиканским правительством и иностранными нефтяными компаниями, возникшего в связи с национализацией имущества этих компаний. Автор указывает, что история «нефтяного конфликта» делится на два основных периода. Первый период — конфликт между нефтяными компаниями и их рабочими, или, вернее, борьба нефтяных трестов против рабочего движения. Второй период характеризуется усилиями мексиканского народа и его правительства защитить свою суверенность и достоинство, которые подвергаются большой угрозе со стороны иностранных монополистических компаний — Стандарт-Ойль и Royal Dutch Shell. Автор подчеркивает, что, борясь против нефтяных компаний, мексиканский народ борется за свою независимость и суверенность.

Herisson Charles. *La politique économique internationale des Etats-Unis depuis la guerre.* Paris. 1939. 701 p.

Эриссон Ш. *Международная экономическая политика США после войны.*

Книга посвящена международной экономической политике США в послевоенный период, причем особое внимание обращено на период мирового экономического кризиса 1929—1933 гг. и последующие годы. Автор анализирует изменения, которые претерпела международная экономическая политика Соединенных штатов в результате кризиса, и освещает в этой связи экономические мероприятия Рузвельта. Книга делится на две части, которые в свою очередь подразделены на шесть основных разделов. Первая часть делится на следующие разделы: 1. Условия и факторы, определяющие американскую экономическую политику. 2. Американская тарифная система. 3. Экономическая экспансия США. 4. Международные финансовые отношения США. Вторая часть состоит из двух разделов: 1. Политика Гувера. 2. Международная экономическая политика Рузвельта. К книге приложены таблицы, характеризующие внешнюю торговлю США, и библиография.

Valc Marc van der. *An outline of modern chinese family law.* Peking. 1939. 219 p.

Валк М. *Очерк современного китайского семейного права.*

Книга состоит из двух частей. Часть первая носит характер введения и содержит общие замечания, характеристику китайского права, первого, второго и третьего пекинских и первого нанкинского проектов нового семейного законодательства и т. д. Часть вторая носит название «Законодательство в действии» и состоит из следующих разделов: 1. Общие статьи. 2. Брак. 3. Родители и дети. 4. Опека. 5. Материальная помощь. 6. Жилище. 7. Семейный совет. Книга снабжена многочисленными приложениями.

Deutsch-schwedisches Jahrbuch. 1939. Stettin. 1940. 192 S.

Немецко-шведский ежегодник за 1939 год.

Ежегодник составлен группой германских и шведских ученых. Издатель — проф. Иоганнес Пауль. Первый раздел, озаглавленный «Германия и Швеция в прошедших столетиях», содержит статьи: Викинги в восточной Балтике; О путях и условиях влияния средневекового нижненемецкого языка на старошведский; Балтийское море в стратегических соображениях Густава Адольфа; Швеция и скандинавизм XIX столетия, и др. Следующий, большой раздел — «Германия и Швеция в наши дни» — освещает ряд вопросов, связанных со шведской экономикой, литературой, искусством, наукой и германо-шведскими взаимоотношениями. Затем следует небольшой раздел — «Швеция 1938 года». Здесь дается краткий очерк внешней и внутренней политики, внешней торговли, судоходства, развития сельского хозяйства, состояния литературы Швеции в 1938 году. В конце книги приводятся статистические данные о Швеции (территория, население и т. п.) и сведения о германских учреждениях в Швеции и о шведских учреждениях в Германии.

Новые книги о второй мировой империалистической войне

Ниже мы печатаем отзывы американской печати на некоторые наиболее интересные книги о происходящей сейчас мировой империалистической войне, вышедшие в конце 1940 года.

Van Kleffens Eelco Nicolaas. *Juggernaut over Holland.*

Ван Клеффенс Е. *Джаггернаут над Голландией.*

Ван Клеффенс служил многие годы в министерстве иностранных дел в Гааге. Накануне своего отъезда в Берн, куда он должен был отправиться в качестве голландского посла в Швейцарии, он был назначен министром иностранных дел в новом кабинете. В это время (август 1939 г.) ситуация в Нидерландах и в Бельгии была уже крайне напряженной. Автор дает в своей книге описание событий, которые привели к занятию Голландии немцами.

Jules Romain. *Seven Mysteries of Europa.*

Жюль Ромэн. *Семь тайн Европы.*

Жюль Ромэн, известный французский писатель, автор «Людей доброй воли», был

другом и доверенным лицом многих руководящих лиц современной Франции в период от первой мировой войны до настоящего времени. На основе своего личного опыта он объясняет многое, казавшееся загадочным в падении Франции. Среди описываемых им государственных деятелей Даладье, Гамелен, король Леопольд и Риббентроп.

Snow Edgar. *The Battle for Asia.*

Эдгар Сноу. *Борьба за Азию.*

Это рассказ очевидца о событиях, происшедших в Китае за последние три года, о борьбе за Шанхай, захвате Нанкина, дороге Бирма — Китай, партизанской тактике китайцев. В книге дан анализ внутреннего положения Японии.

Mühlmann Carl. *Das deutsch-türkische Waffenbündnis im Weltkrieg.* Leipzig. 1940. 356 S.

Мюльман К. *Германо-турецкий военный союз в мировой войне.*

Автор, в прошлом офицер генерального штаба, был прикомандирован к турецкой армии и с небольшим перерывом проследил в качестве адъютанта генерала Лиман фон Сандерса весь ход военных действий на турецкой почве. Эта книга важна не только для военного исследователя и историка, но и для ориенталиста, так как в содержание вкраплены наблюдения над страной и людьми, культурными условиями и т. д. Несмотря на свой строго научный характер книга живая и интересная.

Справочники

Annual Report of the American Historical Association for the year 1938. Washington. 1939. 115 p.

Годовой отчет Американской исторической ассоциации за 1938 год.

Книга представляет отчет Американского исторического общества (ассоциации), представленный конгрессу США в апреле 1939 года. В первой части излагается история и структура общества, его устав, состав руководящих органов и комитетов общества. Более интересна вторая часть книги, посвященная научной деятельности общества в 1938 году.

Die deutschen Kommissionen und Vereine für Geschichte und Altertumskunde. Herausgegeben von W. Hoppe und G. Lüdtke. Berlin. 1940. 307 S.

Немецкие комиссии и общества истории и археологии.

Справочник по историческим и археологическим учреждениям Германии. Сперва дается перечень всех немецких исторических и археологических комиссий и обществ в алфавитном порядке. Каждое название сопровождается сведениями следующего характера: круг вопросов, которыми занимается данная организация, ее структура, задачи, краткая история. Затем в хронологическом порядке приводятся даты основания и важнейших событий в жизни перечисленных учреждений. В конце помещен указатель периодических изданий и отдельных публикаций исторических и археологических обществ.

Kerner Robert. *Northeastern Asia. A Selected bibliography.* Berkeley. California. 1939. Vol. 1—2, XXXIX + 675 p., XXXI + 621 p.

Кернер Р. *Северовосточная Азия. Избранная библиография.*

Составленная профессором новой истории Калифорнийского университета Кернером библиография охватывает около 14 тыс. работ на европейских и восточных языках по истории, географии, экономике, международным отношениям, культуре и т. д. северовосточной Азии. В 1-й части перечисляются общие работы по Дальнему Востоку и Тихому океану. Затем следует литература по отдельным странам: по Китаю, Маньчжурии, Монголии (часть 2-я), Японии и Корее (часть 3-я). Для работающего по истории СССР наибольший интерес представляет часть 4-я—«Российская империя и Советский Союз в Азии и на Тихом океане». Здесь, в разделе исторической литературы, указываются работы по истории Сибири, по истории революций 1905 и 1917 гг., интервенции и гражданской войне в Сибири. Отдельные главы посвящены литературе по следующим вопросам: «Россия на Дальнем Востоке», «Бурят-Монгольская АССР», «Якутская АССР», «Восточная Сибирь», «Россия в Центральной Азии» (Татарская АССР, Башкирская АССР, Казахстан, Туркменистан, Узбекистан, Таджикистан, Киргизия), «Англо-русское соперничество в Афганистане».

De Ford Miriam. *Who was when? A dictionary of contemporaries.* New York. 1940.

Де Форд М. *Кто когда жил? Словарь современников.*

Составленный де Фордом справочник дает в хронологическом порядке имена крупнейших деятелей в области политики, культуры, военной и т. д. от 500 г. до н. э. до 1938 года. Каждая страница делится на следующие вертикальные графы: «Управление и законодательство», «Военные и морские дела», «Экономика, промышленность, торговля, финансы, изобретения, труд», «Путешествия и открытия», «Философия и религия», «Наука и медицина», «Воспитание, образование, история», «Литература», «Живопись и скульптура», «Музыка», «Разное». Каждая горизонтальная графа соответствует одному году. В прилагаемом указателе дается перечень (в алфавитном порядке) всех упоминаемых в тексте лиц с указанием дат их жизни. Таким образом, пользуясь этим справочником, можно установить даты жизни любого выдающегося человека, а также и выяснить, кто были его современники в других областях человеческой деятельности.

ХРОНИКА

ИСТОРИЧЕСКАЯ НАУКА В СССР

Изучение истории марийского народа в Марийском научно-исследовательском институте социалистической культуры

Марийский научно-исследовательский институт социалистической культуры существует уже много лет. Однако долгое время в нем орудовали замаскировавшиеся враги народа — буржуазные националисты. Они поднимали большую шумиху вокруг научных вопросов и, прикрываясь этим, занимались вредительством, срывая действительное изучение культурного наследства марийского народа.

Буржуазные националисты были разоблачены и удалены из Института. В Институт пришли молодые научные силы. Советская молодежь по-боевому принялась за преодоление последствий вредительства. Прошло три года напряженной работы молодого коллектива Института, можно уже подвести первые итоги достигнутым успехам и вскрыть имеющиеся недостатки.

В 1940 г. Институт выпустил два сборника научных трудов. Сборники эти являются первым итогом трехлетней научной работы Института. Наряду со статьями по языку, литературе и фольклору в сборниках помещены и статьи по истории марийского народа.

Истории революционного движения в Марийском крае в «Трудах» Института посвящены три статьи: Г. М. Залкинда «Волнения среди уржумских крестьян-марийцев в 1888—1889 гг.», П. В. Озерова «Мари в крестьянском восстании 1842 г. в Поволжье», М. М. Каликаева и Н. А. Мартынова «Участие народа мари в крестьянской войне под руководством Степана Разина в 1670—1671 гг.».

Достоинство статьи Г. М. Залкинда заключается в том, что для характеристики положения уржумских марийцев он извлек много интересных фактов из «Материалов по статистике Вятской губернии», а кроме того использовал малоизвестные материалы, опубликованные в «Нижегородском архиве» за 1931 год. Недостатком статьи является то, что автор ограничился освещением хронологически крайне узкого периода, почему вывод о том, что у марийцев в это время «при общем стихийном характере намечались некоторые руководящие и организационные начала, занесенные из больших городов, в которых рабочий класс уже выступал организованно в десятках стачек» (стр. 105), кажется недостаточно убедительным.

Статья П. В. Озерова освещает участие марийских крестьян в крестьянском восстании в Поволжье в 1842 году. Автор указал на неправильность давно установившегося названия этих событий — «картофельные бунты». В статье кропотливо собраны и критически освоены все сведения об участии марийских крестьян в крестьянском восстании 1842 г., разбросанные в многочисленных центральных и местных изданиях. Кроме того автор привлек новые архивные материалы, извлеченные из архивохранилищ Москвы, Ленинграда и Казани. В частности им использованы материалы «III отделения собственной его императорского величества канцелярии», «V отделения» и «канцелярии Казанского военного губернатора». Автору удалось доказать, что действительной причиной участия марийских крестьян в крестьянском движении в Поволжье в 1842 г является усиление феодально-крепостнического гнета в предреформенное время. Основной недостаток статьи тот, что автор недостаточно полно осветил усиление национального гнета в Марийском крае в связи с разложением феодально-крепостнических отношений.

Две упомянутые статьи подготовлены для «Трудов» Института московскими научными работниками, статья же «Участие мари в крестьянской войне под руководством Степана Разина в 1670—1671 гг.» написана молодыми научными сотрудниками Института — М. М. Каликаевым и Н. А. Мартыновым. Авторы попытались собрать и изучить опубликованные статейные, монографические и источниковедческие материалы, но дальше этого они не пошли. В своей работе они ссылаются на научный фонд Института, но этого фонда они не характеризуют. Авторам необходимо было заняться изысканием для своей статьи новых сведений в архивах. Есть в этой статье и методологические недостатки. Авторы недостаточно использовали труды классиков марксизма по этому вопросу. Например в ней не нашло отражения указание товарища Сталина о том, что крестьянская война под предводительством Степана Разина в сравнении с другими крестьянскими войнами является «разбойной и неорганизованной» [1]. Часто авторы ограничиваются только декларативной ссылкой на источники, употребляя такие выражения: «как видно из источников» (стр. 6), «источники дают нам возмож-

---

[1] См. Ленин и Сталин. Сборник произведений к изучению истории ВКП(б). Т. III, стр. 527. 1936.

ность» (стр. 15) и т. п.,—но не показывают, что это за источники и где они находятся. Наконец, авторы местами недостаточно внимательно цитируют источники: не указывают года издания (стр. 8, 11, 14 и др.), страниц (стр. 9) и т. п. Так, приведя цитату из переписных книг Мироносицкого монастыря о переходе к монастырю земель марийских крестьян, авторы ссылок на источники не делают (стр. 7). В будущем авторам необходимо больше заниматься самостоятельным изучением источников, а не только собирать и обрабатывать уже известные данные.

Секция истории Института стала на верный путь, уделяя большое внимание изучению истории революционного движения марийского народа. Необходимо только отметить некоторую односторонность в этом отношении: секция преимущественно работает над темами, относящимися к XIX в., мало уделяя внимания XX в., в частности рабочему движению в Марийском крае и крестьянским волнениям, вызванным проведением столыпинской аграрной реформы, а также революционному движению в Марийском крае в период первой буржуазно-демократической революции в России. Недостаточное внимание уделяется изучению социалистической революции в Марийском крае, хотя это является центральной проблемой истории марийского народа.

Кроме истории революционного движения секция истории пытается разрабатывать и другие вопросы. Одной из таких попыток является статья Н. А. Мартынова «Пережитки религиозной секты «Кугу-Сорта» и ее реакционная роль в социалистическом строительстве»[1]. Автор поставил важную и ответственную задачу — показать реакционную роль пережитков марийской секты «Кугу-Сорта» в социалистическом строительстве нашей республики.

Но с поставленной задачей автор данной статьи не справился. Прежде всего надо сказать, что содержание статьи не отвечает ее названию: из 10 страниц в статье только на одной странице говорится о пережитках секты и их реакционной роли в социалистическом строительстве, хотя этот вопрос являлся основной задачей автора. Статья начинается историографическим замечанием. Затем делается попытка выяснить общие условия возникновения секты (стр. 82—84). Здесь говорится о завоевании Иваном IV Поволжья, о положении марийского народа в XVII—XVIII вв., о национально-освободительном движении в Марийском крае, но конкретно-историческая обстановка, в которой возникла секта, не показана. Далее на трех страницах описываются обряды и моления сектантов, причем материалы полностью заимствованы из опубликованных работ Кузнецова и Васильева. Затем автор опять возвращается к происхождению секты (стр. 88—90). В трактовку вопроса автор вносит много путаницы, связывая происхождение секты то с пассивным протестом народа против национального гнета и помещичье-буржуазной эксплоатации, то с появлением марийской националистической буржуазии (стр. 88—90). Конкретно-исторические условия происхождения секты так и остались невыясненными. Кроме того автор статьи почти не делает ссылок на источники или же делает их небрежно. Например донесение миссионера протоиерея А. Покровского московскому митрополиту Филарету о восстании в 1830 г. уржумских мари процитировано без ссылки на источник. Выдержки из работ Кузнецова и Васильева о секте «Кугу-Сорта» даются также без соответственных ссылок (стр. 84—85). Без указания на источник приведена молитва, произносимая сектантами при вынесении предметов для моления на двор (стр. 87). Встречаются в статье и неточности выражений. Например секта в нескольких местах названа религией «Кугу-Сорта» (стр. 85, 88).

Секция истории еще только развертывает работу, она имеет первые успехи, но имеет и недостатки. Одним из существенных недостатков является слабая связь с научной общественностью республики. Будем надеяться, что секция истории Марийского научно-исследовательского института социалистической культуры предпримет практические шаги по объединению местных научных сил при Институте и еще шире развернет свою работу.

Н. Калистратов

Якутский институт языка и культуры

В 1935 г. при Совнаркоме Якутской АССР был открыт Якутский институт языка и культуры. Институт имеет своей задачей изучение истории развития языка народов, населяющих Якутскую АССР, а также изучение литературы, фольклора, истории и культуры этих народов. В соответствии со своими задачами Институт имеет три сектора: сектор языка и письменности, сектор литературы и фольклора и сектор истории.

Сектор языка и письменности занимается изучением вопросов якутской письменности, орфографии, терминологии и грамматики якутского языка, а также языка других народов, населяющих территорию Якутской АССР (луораветланов, овенов, эвенков, одулов и пр.). Сектор литературы и фольклора ставит своей задачей изучение якутской литературы — дореволюционной и советской,— собирание, изучение и публикацию материалов по якутскому фольклору; сектор истории занимается разработкой истории народов Якутии.

В руководство Института при его основании пробрались враги народа—буржуазные националисты,—в результате чего за 3 года работы Институт даже и не попытался разрешить ни одной из поставленных задач. Самым актуальным вопросом в эти годы был вопрос о якутской письменности

[1] См. «Труды» Института. Вып. 1-й, стр. 82—92.

(алфавит). Но руководство Института осложнило этот вопрос беспредметным спором о путях развития якутской письменности, и вместо разрешения этот вопрос был еще более запутан. Только в 1938 г. решением директивных органов старое руководство было распущено и изменен самый устав Института. В руководство Института были выдвинуты молодые кадры, которые взялись за разрешение наиболее актуальных проблем.

Надо сказать, что те два года, которые прошли после разгона вражеского руководства, не пропали даром. Особенно плодотворны были они в отношении разработки вопросов языка. Была проведена реформа алфавита: с латинской транскрипции алфавит переведен на русскую графику; разработана единая орфография якутского литературного языка; начата разработка терминологии якутского языка (составлены четыре учебно-терминологических словаря); разработан свод правил пунктуации в якутском языке; собран богатейший материал по изучению диалектов и говоров якутского языка; работа в этом направлении продолжается, в частности составлена, издана и разослана корреспондентам программа по сбору материалов по диалектам и говорам под названием «Диалектологический вопросник якутского языка»; также составлены словари синонимов и омонимов якутского литературного языка, образных, парных и труднопереводимых слов; закончен первый том русско-якутского толкового словаря (всего предполагается издать два тома), приступлено к составлению словаря архаизмов якутского языка, готовится к печати специальный выпуск дополнений к словарю Пекарского.

Кроме этих работ написан ряд научных статей по отдельным вопросам якутского языка и письменности: «Краткая история якутской письменности», «О классификации звуков в якутском языке», «О наречиях якутского языка», «Марр и якутский язык» и др.

Наряду с научно-исследовательской работой Институт ведет массовую работу по популяризации и внедрению нового алфавита и новой орфографии. Надо сказать, что основная задача, стоявшая перед Институтом в области языка и письменности,— вопросы алфавита и орфографии — разрешена в основном удовлетворительно.

За последние годы Институтом собран богатейший материал по фольклору. Путем организации экспедиций, а также через корреспондентов записано более 50 вариантов якутского героического эпоса «Олонхо», собрано много народных песен, легенд, былин, сказок, пословиц, поговорок, материалов по верованиям, мифам, обрядам и народным повериям. За эти годы выявлено более 30 народных сказителей-олонхосутов. Собранные материалы публикуются в сборнике «Творчество якутского народа» объемом в 20 печатных листов, который уже сдан в печать. Составляется сборник «Якутские народные песни», первый том которого объемом в 20 печатных листов закончен и будет издан в течение 1941 года. Подготовляются к печати в русском переводе якутский народный эпос «Ала Булкун» знаменитого якутского сказителя Тимофея Захарова и сборник «Якутские сказки». Работа по сбору материалов по якутскому фольклору продолжается. С конца 1940 г. приступлено к составлению сводного текста одного из вариантов якутского эпоса «Ньюргун Боотур». Эта работа будет закончена к концу 1941 г. и издана в начале 1942 года. В дальнейшем в области изучения литературы и фольклора Институт ставит своей задачей создание марксистской истории якутской литературы. Для разрешения ее Институт уже приступил в текущем году к написанию очерка истории якутской литературы.

По сектору истории Институт занимался выявлением материалов по истории Якутии. Необходимо отметить, что сотрудниками других научно-исследовательских учреждений СССР за эти годы написан ряд работ по истории Якутии, в частности проф. Т о к а р е в ы м — «Происхождение якутского народа», «Происхождение сельской общины у якутов», «Общественный строй якутов в XVII—XVIII вв.» и «Очерк истории якутского народа», кандидатом исторических наук И о н о в о й написана «Борьба якутов против царизма в XVII—XVIII вв.». Все эти работы (кроме «Очерка истории якутского народа», изданного в центре) будут печататься в Якутске в течение 1941 г., и некоторые из них уже находятся в производстве.

Одним из крупнейших мероприятий Института надо считать начало археологического изучения территории Якутии. В 1940 г. работала археологическая экспедиция проф. А. Н. Окладникова, организованная Институтом истории материальной культуры АН СССР совместно с Якутским институтом языка и культуры. Эта экспедиция сделала крупные открытия по древней истории Якутии. До настоящего времени в исторической науке считалось недоказанным, что Якутия в своем развитии прошла каменный век. Экспедиция в самом начале своей работы произвела раскопки на территории самого города Якутска, и ею были получены данные, подтверждающие, что и Якутия прошла в своем развитии каменный и бронзовый века. На территории якутского стадиона на древней речной террасе найдены следы небольшой стоянки людей каменного века, обнаружены остатки очага, обломки пережженных костей диких животных, осколки кремневых орудий, каменный наконечник стрелы, черепки глиняной посуды и т. д. Этим находкам более 3 тысяч лет. На той же древней речной террасе сделана очень редкая находка: обнаружены остатки литейной мастерской и половинка глиняной формы, в которой отливались бронзовые топоры. Такие же находки потом были сделаны экспедицией у с. Покровска. Экспедиция открыла в долине реки Лены между Якутском и Олекминском 28 стоянок людей каменного века. Каменные орудия, осколки и фрагменты керамики, кости животных, найденные на этих стоянках, дают возможность представить жизнь древ-

нейшего населения Якутии на протяжении примерно 6 тыс. лет.

Экспедиция установила, что культура неолитического населения Якутии выросла на «байкальской основе», но вместе с тем имеет своеобразные черты, связывающие ее с культурой Амура, где жили племена южного происхождения.

Экспедицией раскопано древнее погребение, относящееся к моменту перехода от камня к металлу (около 4—3 тыс. лет тому назад). По костям найденного древнего человека антропологи смогут определить отношение этих древних людей к современным племенам и народам Якутии.

Этой же экспедицией положено начало изучению ленских наскальных изображений, которые, по словам проф. Окладникова, по своему выполнению, по стилистической манере и по сюжету прочно связывают Якутию с Дальним Востоком и с Енисеем. Все эти открытия имеют очень важное значение в решении вопроса о происхождении самого якутского народа.

Таким образом, экспедиция выявила много данных об отдаленном прошлом Якутии и поставила первые вехи в древней истории народов Якутской АССР. Чтобы рассеять глубокий мрак, окутывающий появление в истории якутов-сахаларов и эвенов, и выяснить исторические процессы, происходившие в глубине веков, Институтом будут продолжены столь удачно начатые раскопки.

Одним из крупных разделов работы по этой линии является изучение наскальных изображений по бассейнам рек Якутии. Начало этих работ положено в 1940 году. Сделаны первые снимки копий с изображений, выявлено их местонахождение. Расшифровка этих изображений прольет свет на вопрос о происхождении якутского народа. Такие наскальные изображения зарегистрированы по системам рек Лены, Алдана, Олекмы, Майи, Индигирки, Колымы и др. По своему исполнению они представляют рисунки, сделанные на скалах красной охрой, по содержанию представляют изображения людей (в большинстве шаманов с бубнами), природы (солнца, луны, звезд и растений), зверей (лося, медведя, лисицы и др.), домашних животных (быка лошади, коровы, оленя), построек и орудий, но наряду с ними встречаются некоторые графемы ввиде «палочек», «крестиков» и т. д. Эти графемы имеют некоторое сходство с буквами орхонского рунического алфавита. Эти изображения ждут своего изучения и прочтения, и надо полагать, что они дадут ценный материал по изучению древней истории Якутии.

Первоочередной задачей Института по линии изучения истории Якутии является продолжение археологического исследования территории Якутии, на что уже отпущены соответствующие средства.

Р. Местников

Отдел истории в Якутском республиканском музее имени Емельяна Ярославского

7 июня 1941 г. исполняется 50 лет со дня основания Якутского республиканского музея имени Емельяна Ярославского.

Музей располагает 62 тыс. различных экспонатов. После реорганизации в соответствии с принятой новой структурой краеведческих музеев в Якутском музее сейчас три отдела: природы, истории и социалистического строительства.

Экспозиция отдела истории обнимает время от появления первых людей на территории края и до февральской революции 1917 г. включительно. Отдел делится на 5 разделов: 1. Первобытно-общинный строй. 2. Якуты до русских. 3. Завоевание Якутии. 4. Феодальный строй у якутов. 5. Эпоха капитализма. Последний раздел в свою очередь делится на три подраздела: а) Отмена крепостного права и развитие капитализма в России; б) Русско-японская война и первая буржуазно-демократическая революция в России и в) Первая империалистическая война и вторая буржуазно-демократическая революция в России.

Первый раздел благодаря новизне материала представляет особенно большой интерес. До сих пор историю Якутии начинали с момента русского завоевания; в экспозиции Музея сделана первая попытка документального показа древнейшего периода истории Якутии. В экспозиции представлено около 50 всевозможных шлифованных каменных орудий (неолитических), найденных в различных местах Якутии и относимых проф. А. П. Окладниковым ко времени 5—3 тыс. лет тому назад. Из 16 неолитических стоянок, зарегистрированных и занесенных на карту, в экспозиции Музея представлена только одна, обнаруженная в 1940 г. в черте Якутска. Рядом со списком первобытных животных, живших на территории Якутии в эпоху палеолита, в Музее выставлен сборный скелет мамонта.

Бронзовый век (3—2 тыс. лет тому назад) представлен тремя хорошо сохранившимися бронзовыми наконечниками копий, бронзовой вазой, литейной формой бронзового топора и др.

Экспозиция этого раздела ясно показывает, что 6—5 тыс. лет тому назад бассейн среднего течения р. Лены был довольно густо населен охотниками-рыболовами и оленеводами, которые поддерживали оживленную связь с кочевниками-скотоводами степей Южной Сибири и с Даурией и Приамурьем.

Во втором разделе — Якуты до русских — развернута картина высшей ступени варварства, на которой стояли якуты к моменту прихода русских. Прекрасную иллюстрацию этого можно видеть в якутском героическом народном эпосе «Олонхо». Основным занятием якутов в ту эпоху было разведение скота в долинах среднего течения рек Лены и Вилюя.

Первые казаки застали у якутов родовую общину на последней стадии разложения и складывающиеся феодальные отношения. Из имеющихся экспонатов наиболее интересны материалы раскопок якутских могил XVII и XVIII веков.

Третий раздел рассказывает языком архивных документов и вещественных памятников о процессе завоевания Якутии, о сопротивлении народов Якутии колониальной политике Московского государства, об экономических и культурных последствиях завоевания. В разделе представлено подлинное оружие казаков-завоевателей, найденное в черте старинных крепостей (три пушки с ядрами, ружья, сабли, знамя и др.), и оружие якутов, которое они могли противопоставить пришельцам (луки, стрелы, пальмы-батыйа, пики-юнгю, ножи-сабли кылыс и другие виды холодного оружия).

Интересна модель старинной казацкой крепости в Якутске, сделанная из мамонтовой кости. В этом разделе нашла место также история исследования и географического ознакомления русских с краем. Здесь можно видеть вещи погибшей экспедиции путешественника Э. Толля: байдарку, весла, сани и др.

Четвертый раздел показывает Якутию, находившуюся под двойным гнетом российского самодержавия и местных тойонов — феодалов, ставших верной опорой и союзниками царского правительства в XVIII ст.— начале XX столетия. Рядом с фигурой бедняка, задавленного тяжестью всевозможных поборов и повинностей, в витринах красуются подарки царского правительства тойонам: великолепные кафтаны, почетное оружие, трости, золотые и серебряные медали и др.

Исключительно интересны выставленные в этом зале образцы якутского народного искусства: чеканка и гравировка по серебру, вышивки бисером и узорными нитками по материи, резьба по мамонтовой кости, по дереву и по бересте. Якутский народный орнамент поражает своей самобытностью, глубокой содержательностью, чистотой и совершенством рисунков.

По экспозиции отдела можно проследить эволюцию одежды, украшений и вместе с тем орнаментального искусства якутов по отдельным эпохам.

В пятом разделе показано возникновение капиталистических отношений в Якутии. Перед глазами посетителя проходят все поколения революционеров, побывавших в «ледяной тюрьме без решеток» — якутской ссылке,—начиная от декабристов и кончая большевиками. Среди них выделяются фигуры Чернышевского, Петра Алексеева, Вл. Короленко, Серго Орджоникидзе и Емельяна Ярославского.

В этом же разделе выставлены подлинные документы и вещи, относящиеся к кровавым событиям расправы царизма с политическими ссыльными «якутской трагедии— монастыревки» 1889 г. и «романовского протеста» 1904 года.

В документах и фотографиях в хронологическом порядке представлены события революции 1905 г. и февральской революции 1917 года. Особое место отведено показу революционной деятельности ссыльных большевиков.

В заключительной части раздела посетитель читает в раскрытой книге, носящей название «Память о якутской политической ссылке», прощальные слова пламенного Серго, написанные им в 1917 г. перед отъездом из Якутии: «Прощай, страна изгнания, страна-родина! Да здравствует Великая Российская Революция! Да здравствует Всемирная Революция! Да здравствует Социальная революция! Григорий Константинович Орджоникидзе (Серго)».

Вслед за этим в книге следуют слова Емельяна Ярославского: «За нами идет свежих работников строй, на подвиг великий готовый. М. И. Губельман. 21.V.17».

Здесь же выставлены каталог коллекций Якутского музея, заявление, собственноручно написанное тов. Ярославским о своем желании заведовать Музеем, и три картины, лично выполненные им в 1916 г., в бытность его консерватором Якутского областного музея.

Такова экспозиция раздела. Надо отметить, что за недостатком площади для экспозиции Музей не может показать всего того, что он имеет. Экспозиция Музея страдает существенными недостатками, так например очень мало или, вернее, почти совсем не показана история других народностей (кроме русских), населявших и населяющих огромную территорию Якутии.

Из научной работы отдела истории Музея можно отметить обработку материалов археологических раскопок старинных якутских могил, преимущественно XVIII века. Сведения о материальной культуре народов Якутии, в том числе якутов, за прошлые века очень скудны. Архивные источники в обследованной на сегодня их части не заключают в себе сколько-нибудь точного и подробного описания отдельных предметов из бытовой обстановки. В трудах экспедиций и исследователей, как например Георги, Маана, Миллера, Миддендорфа и др., не могло быть уделено достаточно места для детального описания отдельных бытовых предметов, и поэтому составить по ним полное представление о вещи часто весьма затруднительно. Такое положение заставило Якутский республиканский музей предпринять ряд археологических изысканий на ближайших от Якутска старинных родовых кладбищах. Объектом раскопок были избраны погребения преимущественно XVIII столетия.

В результате раскопок (около 50 погребений), произведенных за 1924—1940 гг. в районах Амгинском, Чураnчинском, Мегино-Кангаласском и Орджоникидзевском (б. Западно-Кангаласский), Музей получил достаточное количество материалов, на основании которых можно составить всестороннее представление если не о полном комплекте, то, во всяком случае, об основных видах одежды, украшений и вооружения якутов XVIII в. и второй половины XVII века. Часть добытого вещественного материала почти полностью сохранилась в своем первоначальном виде, незначительная же

часть хотя и подверглась порядочной порче, но реставрация ее оказалась вполне возможной.

Музей при помощи художника-этнографа М. М. Носова в течение 1939—1940 гг. занимался научной обработкой и описанием этих материалов, в результате оказалось возможным воспроизвести в цветных рисунках подробный вид добытой изысканиями Музея одежды XVII и XVIII ст. и одежды XIX ст. в специальной систематизации и разгруппировке. Рисунки эти собраны в двух художественных альбомах-монографиях; к каждому рисунку приложены чертежи выкроек и текстовое описание. Эту работу Музей предполагает издать к своему 50-летнему юбилею.

Добытая раскопками одежда представляет собою: головные уборы (шапки зимние, колпаки летние и всевозможные предохранители и защитные вещи для носа, лба, ушей и т. д.), шубы и дохи, камузы, телогреи, штаны и трусы, обувь, рубахи, рукавицы, кушаки, боа. Вся верхняя одежда изготовлена исключительно из выделанной оленьей кожи и кожи скота — ровдуги (род замши) — с нашитой на ней меховой подкладкой и опушкой. Нательная одежда в своем большинстве состоит из доброкачественного натурального шолка; незначительное количество ее сшито из старинного зипуна, торго и дабы. Украшения сделаны из серебра, олова, меди, монет (главным образом западноевропейских), бисера, одекуя и бус.

Одежда XVII и XVIII вв., если судить по добытым материалам, была совершенно отлична от одежды XIX столетия. Одежда XIX ст., представленная в своих основных образцах в экспозиции Якутского республиканского музея и отчасти в Ленинградском музее Академии наук, имела на всем протяжении столетия твердый единый стиль: шапки — джабака и ермолка, шубы — бýттáх и онóлóх сон, камзолы с буфами и безрукавки — кэссечки. А в XVIII и XVII ст. шапки имели пришитые к ним торчки— рожки, султаны из перьев,— бисерную отделку и спереди большие круглые серебряные пластины — тусахта. Шубы делались короткие и с прорезом сзади, с меховой опушкой и обшлагами; они нисколько не схожи с шубами бýттáх и онóлóх сон и сплошь отделаны бисером, металлическими подвесками и побрякушками. Узоры на отделке имеют элементы основных якутских орнаментальных стилей (кюсюрь, кымырдагас и куолай), преобладавших и в орнаменте XIX в., и отличаются от узоров этого столетия световой своей гаммой и построением рисунка. Описание отличительных свойств одежды и вещей XVII—XVIII вв. не встречалось до сих пор в научной литературе. Нужно также отметить, что отдел начал работу по составлению путеводителя по памятникам и историческим местам Якутска.

Г. Федоров

В Институте истории АН СССР

14 марта 1941 г. на заседании Ученого совета Института истории АН СССР обсуждался план научной работы Института истории Украины Украинской академии наук в целях координации работ обоих институтов. Все выступавшие на заседании одобрили мысль о необходимости научного общения между институтами. Было высказано пожелание, чтобы Институт истории АН не только принимал участие в обсуждении плана научной работы Института истории Украины, но чтобы вообще наиболее важные работы, а также особенно актуальные проблемы, возникающие перед работниками Института истории Украины, ставились на обсуждение научного коллектива Института истории АН СССР.

Центральное место в плане Института истории Украины на 1941 г. занимает работа над четырехтомным учебником для вузов по истории Украины под редакцией Петровского, Гуслистого, Оглоблина и Белоусова.

Из других крупных работ плана необходимо отметить следующие: Гуслистый «Борьба украинского народа против польских панов (1569—1638)»; «Происхождение и формирование украинской народности и затем народности в нацию» (коллективная работа); Ястребов «Шевченко и революционно-демократическое движение Украины 50—60-х гг. XIX в.»; Премыслер «УССР в годы перехода к мирному труду по восстановлению народного хозяйства (1921—1925)» и ряд других.

У Института истории Украины есть филиал во Львове, работающий на основах известной автономии, но в то же время между Львовским филиалом и Институтом истории Украины поддерживается постоянная связь.

Львовским филиалом Института истории Украины намечен следующий план научной работы на 1941 г.: Герасимчук «Борьба украинского народа против захватнической политики Польши, Крыма и Турции (1660—1700)» (монография); Белецкий «Территория и административное деление Галицко-Волынского княжества до половины XIV ст.»; Голинчук «Общественные и экономические отношения Галицкой земли в XV ст.»; Крипякевич «История западно-украинских земель в первой половине XVII ст.»; Терлецкий «Политическая история Галиции 1837—1851 гг.»; Лютман «Крестьянское восстание в Галиции 1846 г.», «История рабочего и социалистического движения во Львове 1870 — 1890 гг.» и «Библиография социальных движений в Галиции XIX—XX ст.» (по 1914 г.); Кравченко «Борьба против антинародной деятельности буржуазно-националистической партии в западных землях Украины»; Карпинец «Западно-украинские земли под гнетом панской Польши 1918—1939 гг.»; Голинчук «Иван Франко, как

историк гайдамачины»; Крипякевич «Библиография социальных движений на западно-украинских землях XVI—XVIII ст.».

◆ 11 апреля 1941 года на заседании Ученого совета Института истории защищали диссертации на степень кандидата исторических наук научный сотрудник Института истории А. Н. Насонов (диссертация «Монголы и Русь. История татарской политики». Изд-во АН СССР. 1940. 178 стр.) и аспирант Института истории Бободжан Гафуров (диссертация «История секты измаилитов с начала XIX в. до первой империалистической войны»).

Официальными оппонентами на защите диссертации тов. Насонова были чл.-корр. АН С. В. Бахрушин и акад. Ю. В. Готье. Помимо официальных оппонентов в диспуте принял участие тов. Булатов.

На защите диссертации Гафурова официальными оппонентами выступили проф. Рейснер и кандидат исторических наук Брагинский.

Кроме того в диспуте приняли участие тов. Климович, аспирант Института истории Искандеров, научный сотрудник Института истории Ильинский, поэт-драматург Таджикистана Гасим Лахути и научный сотрудник Института востоковедения АН Е. А. Беляев.

Ученый совет Института присудил тт. Насонову и Гафурову ученую степень кандидата исторических наук.

ИСТОРИЧЕСКАЯ НАУКА ЗА РУБЕЖОМ

◆ Раскопки в Телль-Ачане (Tell Atschana), древнем Алала, в нескольких километрах к востоку от Антиохии, произведенные под руководством Леонарда Вуллея (1939), дали ряд интересных результатов. Здесь обнаружены развалины четырех храмов XV—XII вв. до нашей эры. На обратной стороне плиты, служившей ступенью лестницы одного из храмов, оказался прекрасно сохранившийся рельеф мужчины и женщины, приносящих жертвы символическому изображению божества. Среди развалин другого храма найдена базальтовая плита, под которой оказалась статуя бога или короля, одежда которого покрыта клинописью. Обнаруженная в Телль-Ачане керамика кипрского типа свидетельствует, по мнению участников раскопок, о тесных торговых связях Передней Азии с Кипром в XVIII—XVII вв. до нашей эры. О связи с крито-минойской культурой свидетельствует ряд находок: стенная живопись XV века, воспроизводящая очертания здания, различные другие фрагменты стенной живописи (бычий рог, листья и др.) и т. д. Техника этой живописи, по мнению Вуллея, аналогична технике кносских художников. Найденная в одной из построек лампа привезена, по его мнению, с Крита или представляет собою местную продукцию в минойском стиле.

◆ В конце марта 1940 г. в Нью-Йорке состоялось очередное собрание Американского общества ориенталистов, продолжавшееся три дня. После общих заседаний, на которых были заслушаны сообщения о работе общества, участники собрания разбились на следующие секции: 1. Древний Ближний Восток. 2. Исламский и поздний Ближний Восток. 3. Средний Восток. 4. Дальний Восток. Секции заслушали и обсудили ряд докладов исторического и филологического характера.

◆ В конце сентября 1940 г. состоялось годичное собрание объединения швейцарских архивистов. Наряду с отчетными докладами собрание заслушало сообщение о современном состоянии и перспективах публикаций источников по истории Швейцарии. Многие из выступавших при обсуждении указали на ряд ценных источников, опубликованных в XIX в. и в еще более ранний период.

◆ 28 сентября 1940 г. в Берлине состоялось собрание членов «Германского Восточного общества». После отчетов собравшиеся заслушали доклад профессора Иордана на тему «Старые и новые культурные задачи Германии на Переднем Востоке».

◆ С 6 по 9 сентября 1940 г. в Чикаго состоялась торжественная сессия «Ассоциации по изучению жизни и истории негров» (Association for the study of Negro life and history), посвященная 35-летнему юбилею этого общества, основанного 9 сентября 1915 г. в Чикаго. Первый день сессии был посвящен истории чикагских негров. В этот день были заслушаны доклады на темы: «Участие негров в движении на запад в Соединенных Штатах» (автор—Шерман Северис) и «История негров в Чикаго» (автор—Дэнлей). На следующий день были заслушаны доклады: Брайн «Жизнь туземцев в Либерии», проф Киунта «Жизнь негров в Южной Африке» и др. Третий день сессии был посвящен двум темам: 1) «Положение негров в Вест-Индии» (доклад «Рабочий вопрос в Ямайке после освобождения негров в 1833 г.» Сайреса и др.) и 2) «Негры в жизни и истории Америки» (доклад проф. Уиша «Европейское влияние на рабовладельческий строй в Америке»). В последний день сессии был заслушан отчет руководителей общества о его деятельности за истекшие 35 лет и произведены перевыборы руководящих органов общества.

М. Альперович,
А. Беленький

SOMMAIRE:

ARTICLES: Jacunskij V. Objet et tâches de la géographie historique.— Polonskaja-Vasilenko N. Le peuplement de l'Ukraine méridionale au milieu du XVIII-e siècle.— Ogloblin A. Contribution à la question de la trahison de Mazepa.— Četyrkin A. La paysannerie de la Russie méridionale sous la domination de Dénikine (La politique agraire de Dénikine).— Katenina L. La lutte des tatars de Crimée contre Wrangel.— Gustinčič D. Le mouvement national Slovène à la vielle et au cours de la guerre de 1914—1918. COMMUNICATIONS: Aleksejev-Popov V. Une lettre inédite de Jenny Marx sur Gustave Flourens.— Poršnev B. Le problème de la Fronde. NOTES HISTORIQUES: Gorbačevskij V. D. I. Pisarev à la forteresse Pierre-et-Paul.— Kacpržak E. Documents sur l'histoire de la Pologne à la fin du XVIII-e siècle.— Šangin M. Commentaires à propos de deux articles du traité conclu par Igor avec les Grecs en 945. CRITIQUE et BIBLIOGRAPHIE. CHRONIQUE.

CONTENTS:

ARTICLES: Jacunskij V. The Subject and Aims of Historical Geography.— Polonskaja-Vasilenko N. Colonization of Southern Ukraine in the Middle of the Eighteenth Century.— Ogloblin A. Some Remarks on the Treachery of Hetman Mazepa.— Četyrkin A. The Peasants of South Russia under Denikin's. Rule (Denikin's Agrarian Policy). — Katenina L. The Struggle of the Crimean Tatars against Wrangel.— Gustinčič D. The Slovene National Movement before and during the War of 1914—1918. PAPERS: Aleksejev-Popov V. An Unknown Letter by Jenny Marx on Gustave Flourens.— Poršnev B. Some Problem of the Fronde. HISTORICAL NOTES: Gorbačevskij V. D. I. Pisarev in the Fortress of Peter and Paul.— Kacpržak E. Some Material on the History of Late Eighteenth Century Poland.— Šangin M. Commentaries on Two Articles in Prince Igor's Treaty of 945. with the Greeks. CRITICISM and BIBLIOGRAPHY. NOTES of the MONTH.

INHALT:

ARTIKEL: Jacunskij V. Gegenstand und Aufgaben der historischen Geographie.— Polonskaja-Vasilenko N. Die Besiedlung der Süd Ukraine um die Mitte des 18. Jahrhunderts.— Ogloblin A. Zur Frage über Masepas Verrat.— Četyrkin A. Die Bauernschaft Südrusslands unter der Herrschaft Denikins. (Denikins Agrarpolitik).— Katenina L. Der Kampf der Krimtataren gegen Wrangel.— Gustinčič D. Die nationale Bewegung der Slowenen vor und während des Krieges 1914—1918. MITTEILUNGEN: Aleksejev-Popov V. Ein unbekannter Brief von Jenny Marx über Gustave Flourens.— Poršnev B. Problem der Fronde. HISTORISCHE NOTIZEN: Gorbačevskij V. D. I. Pisarev in der Peter-Paulsfestung.— Kacpržak E. Ueber die Materialen zur Geschichte Polens am Ausgang des 18. Jahrhunderts.— Šangin M. Kommentar zu zwei Artikeln aus dem im Jahre 945 geschlossenen Vertrag Igors mit den Griechen KRITIK und BIBLIOGRAPHIE. CHRONIK.

Адрес редакции: Москва. Волхонка, 14, комн. 113, Тел. К 0-70-16

А 37841. Изд. № 555. Зак. № 1383. Тираж 35 000.
Подп. к печати 20/V 1941 г. 68 000 п. зн. в п. л.

Типография газеты „Правда" имени Сталина, Москва, ул. „Правды", 24.